Вадим Осипов

Мореходка

16+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть «Мореходка» рассказывает о годах учёбы автора в Ленинградском Мореходном Училище Министерства Морского Флота СССР, которое располагалось по адресу: Большой Смоленский проспект, дом 36. Увлекательный и правдивый рассказ о курсантских буднях, крепкой морской дружбе и романтике дальних странствий ждёт читателя на страницах этой книги.

- Мореходка
  -
  - Часть первая: «Приказано выжить!»
  - Часть вторая: «Горе от ума!»
  - Часть третья: «Их знали только в лицо!»
  - Часть четвёртая: «Кому на Руси жить хорошо?»
  - Приложение.

Мореходка

Посвящается всем выпускникам ЛМУ ММФ СССР

Мореходка – это слово вобрало в себя всё самое важное, что было в моей жизни до момента, когда я почувствовал себя взрослым. Во-первых, это Мечта, во-вторых, это Юность, в-третьих, это Профессия. Моря я не видел до третьего курса мореходного училища, но мечтать о нём начал с шестого класса школы. Море для меня, в первую очередь, было местом, где всё не так, как на берегу. Там простор, волны, белоснежные чайки в бескрайнем небе над головой, таинственные и манящие дальние страны, огромные корабли, уплывающие в синюю даль, и самые дружные и надёжные в мире люди – моряки!

Вадим Осипов (выпуск РТО ЛМУ ММФ СССР 1981 г.)

Часть первая: «Приказано выжить!»

I.

С книжной романтикой в башке, налитыми силой гребца-перворазрядника мускулами и весьма приличным аттестатом об окончании школы я предстал перед приёмной медицинской комиссией Ленинградского мореходного училища Министерства Морского Флота СССР. Комиссия в лице единственной училищной медсестры проверила моё кровяное давление, вздохнула: «Высоковатое оно что-то у тебя!» (Ещё бы: две бессонные ночи, проведённые в коммуналке у моей двоюродной тётки, где меня с воодушевлением грызли местные клопы, не прошли даром.) И, взглянув на мою фигуру Самсона, разрывающего пасть льву, с жалостью спросила: «Троек–то много?» «Нет у меня троек! – в отчаянии промямлил я. – Спал плохо». «А-а! – обрадовалась медсестра. – Ну, тогда ладно! Иди, поступай!» И, записав в медицинской карточке стандартные, устраивающие всех показатели, благословила меня на мою дальнейшую флотскую жизнь.

В коридоре перед аудиторией, где нам предстояло сдавать математику, переминались несколько десятков нервничавших, ожидающих своей очереди абитуриентов. Все примерно одного возраста. Часть из них до этого уже пыталась поступить в «Макаровку» (ЛВИМУ им. Адмирала Макарова), но там не повезло, и они испытывали судьбу во второй раз. Третьего раза могло уже и не быть: возраст призывной, а в мире неспокойно. Но тогда ещё мы не могли даже предположить, чем нам всем «аукнется» Афганистан! Когда нервное напряжение приблизилось к своей кульминации и повисла тяжёлая тишина, на этаже появился слегка покачивающийся разбитной парнишка, с красными, после вчерашнего «принятия на грудь», глазами и весёлой ухмылкой. «Не ссыте, братва! Всё будет хорошо! Мы вчера сдавали – всё путём! С Донбасса есть кто?»

Все выдохнули, и на душе сразу полегчало! В аудиторию я входил уже спокойный и даже весёлый. На сердце было легко, а голова работала, как отлаженный механизм, выдавая правильные и точные ответы на вопросы билета. Первый экзамен был сдан! Да ещё и на пятёрку! В эту ночь я спал как убитый! Клопы так и не смогли до меня достучаться!

II.

«Ура! Я – курсант!» Согласитесь, это совсем не то же самое, что «Ура! Я – студент!»

Как говорят в Одессе, «это таки две большие разницы!»

Во-первых:

сдача всех экзаменов – это не гарантия того, что ты уже поступил. Вот когда ты сдал все вступительные экзамены. Нашёл себя в списках, где проставлены оценки. Сложил все полученные тобой баллы со средним баллом по школьному аттестату и получил сумму выше 13,5 баллов, вот только тогда, среди остальных 7-8 соискателей на одно место, ты можешь ***иметь шанс*** быть зачисленным в курсанты ЛМУ ММФ СССР!

Во-вторых:

господа студенты, вы знаете, что такое «Мандатная комиссия?» Вы не знаете, что такое «Мандатная комиссия»! Это то, на что вы уже никак не сможете повлиять. Все ваши родственники: родители, дяди, тёти, братья, сёстры, внучатые племянники и «седьмая вода на киселе» будут проверены Особым отделом (чтобы в дальнейшем, в случае пребывания за границей, у тебя бы не было повода там остаться). И, если Особый отдел даст «Добро!», твои документы лягут на стол к Начальнику училища.

И вот ты войдёшь в огромный кабинет, где за столом молча будут сидеть незнакомые тебе, очень серьёзные люди в морской форме с золотыми нашивками до локтей. После твоего доклада о прибытии они пронзят тебя насквозь рентгеновским взглядом, заглянут в папочку, которая лежит перед самым солидным среди них человеком, Начальником училища, и зададут тебе пару вопросов, касающихся тебя лично …

Вот только тогда, после слов Начальника училища: «Поздравляю! Вы зачислены в наше училище на второй курс Радиотехнического отделения! Позовите следующего!», ты уже можешь заорать в коридоре во всю глотку: «Ура! Я – курсант!» Но этого делать не надо! В коридоре тебя уже ждёт военный моряк в погонах капитана 3-го ранга и списком, где есть твоя фамилия. Это твой отец-командир, который заменит тебе всех остальных родственников на 3 года и 4 месяца и научит «Родину любить!» А на завтра, в 09.00, ты должен будешь стоять с вещами, в общем строю и гордо нести по жизни звание курсанта 21 роты Радиотехнического отделения Ленинградского мореходного училища Министерства Морского Флота СССР! Хочу пояснить, почему нас принимали сразу на второй курс. В 1954 году в Училище стали принимать абитуриентов, окончивших школу на базе 10 классов, сразу на второй курс обучения. В дальнейшем

приём в Училище на базе 8 классов был прекращён и первого курса не стало.

III.

Чувства, которые тебе придётся испытать в последующие два первых месяца «карантина» на территории Училища, будут, в основном, сводиться всего к двум: тебе всё время будет хотеться есть и спать! Причём, к первому чувству ты привыкнешь примерно через полгода! А второе останется навсегда! За решётчатым забором Училища ты оставишь тот мир, который знал на протяжении всей своей жизни. Ему на смену придёт другой мир, где ты будешь подниматься по трапу, а не по лестнице, драить палубу, а не мыть пол, окуная ветошь в обрез, а не тряпку в ведро с надписью «21 рота Палуба». Ты будешь носить «гады», а не ботинки, прикреплять «плевок» на мицуху, а не кокарду с якорем на фуражку. Ты будешь знать, что флотские брюки отличаются от обычных отсутствием ширинки (!), и это позволяет Российскому моряку справлять малые естественные надобности (а так же любовные утехи) без «оскорбления взгляда начальства своим голым задом»! Ты узнаешь, что есть замечательное существо – «Шара»! Что оно мягкое, круглое и пушистое! И, когда оно катится рядом мимо тебя, нужно вцепиться в него со всей своей силы всем, чем можешь, и попытаться преодолеть текущие трудности «на шару» с помощью этого прекрасного, но капризного и непредсказуемого создания. Получаться может не всегда, но к этому надо стремиться! Если не получается, то тогда «Шара не катит!» Из личных вещей у тебя будут зубная щётка, паста, портфель для конспектов, носовой платок, домашние тапочки и часы на руке. Ты будешь жить на втором этаже экипажа № 2, в кубрике с пятью твоими одногруппниками. Хранить зубную щётку и пасту в тумбочке на двоих, иметь личный рундук (шкаф) для верхней одежды и обуви. Табурет, называемый банкой, для аккуратного складывания на него перед отбоем рабочего платья: робы (синей рубахи с такими же брюками), матросского воротника (в просторечие неправильно, но повсеместно именуемого «гюйсом»), тельняшки и ремня с якорем, на начищенной пастой ГОИ бляхе.

Относительной удачей будет для тебя назначение уборщиком кубрика, поскольку ты не будешь принимать участие в общей приборке помещения роты, утюжа шваброй квадратные километры палубы (включая умывальные комнаты и гальюны), а будешь поддерживать порядок во вверенном тебе жилом помещении. При этом сачкануть не удастся, поскольку за порядок ты отвечаешь персонально. Ты убедишься, какие прекрасные, широкие чёрные полосы остаются на плитках линолеума после каждого прохода по ним твоих товарищей. У тебя будет припрятано личное бритвенное лезвие, без которого ты фиг ототрёшь эти полосы с пола, а радио, которое висит в кубрике на стене и играет очень и очень тихо (поскольку кубриков много, а радиосеть одна), можно включить погромче, если закоротить согласующий трансформатор и подключить динамик напрямую. Ты сможешь, наконец, услышать, что происходит во внешнем мире, какой урожай собрали труженики полей и даже послушать классическую музыку! Но радио будет играть недолго, т.к. твои товарищи из других кубриков (которые тоже хотят послушать классическую музыку, но их радиоприёмники ты обесточил своими действиями, и они совсем уже ничего не слышат) возьмут электрическую вилку с двумя оголёнными на концах проводами, воткнут вилку в электрическую розетку (220 вольт), а оголённые концы вставят в радиорозетку (30 вольт). Почти сразу же после

этого все «закороченные» в общей сети радиоприёмники издадут звук «Бах!» и появится немного дыма. Причём все обычные радио не пострадают, т.к. для этого и существует согласующий трансформатор! За каждый радиоприёмник отвечает весь кубрик. Стоит радио 5 рублей. Стипендия курсанта – 9 рублей. Её вполне хватит на покупку нового радиоприёмника (возможно, что на всё остальное денег у курсанта может не хватить, но это уже совсем другая история.) Новое радио должно быть куплено и установлено на прежнее место. О чём и должно быть доложено отцу-командиру. Изучайте электротехнику, друзья, в жизни пригодится!

А для любителей классической музыки есть курсантский анекдот:

«Пошли курсанты в увольнение. Стоят два старшекурсника перед училищем и решают:
– «Ну, куда сегодня? По пиву или по бабам?»
Один предложил монетку кинуть:
– «Если "орёл"– то пойдём по пиву, "решка" – по бабам!»
Тут к ним подходит второкурсник:
– «Ребята, а когда же вы в театры, в музеи ходите?»
–«А-а, салага, это когда монетка на ребро встанет!»

IV.

Если вы думаете, что главным для радиста на флоте является приём и передача радиограмм, то вы ошибаетесь! Главным для радиста является обеспечение безопасности жизнедеятельности человека на море! Поэтому он должен уметь слушать! Слушать радиоэфир два раза в час с 15-той по 18-тую и с 45-ой по 48-ю минуты на частоте вызова и бедствия. Это периоды тишины. Именно в эти минуты прекращается радиообмен на этих частотах и можно без помех услышать сигнал SOS от терпящего бедствие морского судна или летательного аппарата.

Слушать звуки могут все, но ***слышать морзянку*** дано не каждому! Есть люди, слух которых не позволяет им различать тире и точки, передаваемые в эфире. Способность воспринимать морзянку на слух выявляется на первых занятиях курсантов по ЭРС (эксплуатации радиосвязи). Тем, кто оказался «профнепригодным», предлагали сменить специальность, выбрав между тремя оставшимися отделениями Училища: судоводительским (СВО), эксплуатационным (ЭКО) и загадочным АХО (отделением административно-хозяйственной службы на

судах.) К «судоводам» было не пробиться: всё занято «под завязку». К «мешкам» идти было «западло», т.к. они после окончания Училища работали диспетчерами в порту – «сухопутные моряки». Они в отместку называли нас «паяльниками». АХО же осуществляло свой первый набор, и никто практически не знал, кого оно будет готовить. Наш товарищ, отчисленный по профнепригодности с РТО (радиотехнического отделения), перевёлся на АХО. Беседуя с ним на переменах между лекциями, мы узнали, что АХО готовит пятых помощников капитанов на пассажирских судах и ледоколах. Там есть такие должности в штатном расписании. В подчинении у пятого помощника находятся все буфетчицы, камбузники и уборщицы. А также, артельщик, который заведует судовой лавкой (артелкой), где члены команды судна могут покупать некоторые товары для личного пользования. В общем, не жизнь, а сказка! Всегда сыт, пьян и нос в табаке! Да ещё и должность командная! А занятия на АХО проводятся по предметам: приготовление пищи на судах, ассортимент продуктов, закупка продовольственного снабжения и т.д. «Ну, ладно, мне пора на лекцию, – прощался с нами бывший однокашник. – Сейчас нам будут читать «котлету по-киевски», а на втором часе – коньяки и шампанское!» Мы тихо сползли по стенке и отправились изучать Азбуку Морзе.

V.

Человек привыкает ко всему. Два месяца мы привыкали подчиняться: начальнику училища, его заместителям, начальнику отделения, начальнику строевого отдела, дежурному по училищу, дежурному по учебному корпусу, дежурному по экипажу, командиру роты, старшине роты, его заместителю, старшине группы, его заместителю, дежурному по роте и всем старшекурсникам. Поскольку каждый мог тебя «припахать», совершенно не считаясь с твоим мнением. Ты и курсантом-то только назывался, а официально ты был – никто. Так как приказ о твоём зачисление в училище будет подписан начальником только после окончания карантина. Это было связано с тем, что на всех нас, как на радиоспециалистов был Государственный заказ. Через 3 года и 4 месяца Училище должно было подготовить определённое количество радистов, которые в соответствии с Планом очередной пятилетки будут трудиться на важных Государственных направлениях, как молодые специалисты. План – закон! Он будет выполнен любой ценой! Поэтому, с учётом будущих «естественных потерь», курсантов набирают больше, чем будут выпускать!

На 150 мест было принято примерно 178 человек. Эти 28 были человеческим резервом в предстоящей битве за выполнение Госплана. Эти ребята жили в городе, ходили «по-гражданке», но посещали занятия вместе с нами. И были для нас живым напоминанием, что «борьба за выживание» уже началась. Задачей «минимум» для нас было остаться в Училище, а для них – попасть в Училище. Поэтому руководство с нами особо не церемонилось. Любой «залёт» мог стать для тебя «вылетом»! Система работала чётко и отлаженно. Только тогда мы поняли, почему большинство курсантов называет Училище – Системой. Принцип «Живи по уставу – завоюешь Честь и Славу!» мы прочувствовали с первого дня. Старшин назначал командир роты из числа отслуживших срочную службу. Эти «дембеля» быстро показали нам, что говорить мы можем только с их разрешения, а приказы должны выполнять качественно и «бегом». В противном случае шёл доклад командиру роты, тот вносил тебя в «расстрельный» список, и в течение последующих суток ты уже за воротами. Прощай, море!

Но, и сами старшины были в таком же положении. Многие из «дембелей» (не поняв, что дембелями они были до поступления сюда, а здесь они не дембеля, а «салаги»), расслабились, позволяли себе то, что позволять было нельзя, и со скоростью пули вылетали за ворота. «Неприкасаемых» среди нас не было, и все это поняли. Поэтому чувство «жопливости» стремительно развивалось у всех новоиспеченных курсантов и превращалось в инстинкт. Ты знал, что если в коридоре ходит кто-либо из начальства, то в коридоре тебе делать нечего. Что если твои руки свободны, в них нет швабры, ведра или лопаты, то ты – праздно шатающийся оболтус и подлежишь мгновенному привлечению к выполнению какой-либо особо грязной, тупой и неотложной работы, которую необходимо срочно сделать и доложить начальству о выполнении. Что все передвижения по территории Училища нужно осуществлять только в строю. Индивидуально можешь перемещаться только с повязкой дежурного на рукаве или с запиской от командира роты, что ты выполняешь его поручение. Поэтому понятие «зашхериться» быстро вошло в наш лексикон и подразумевало, что ты должен был найти себе «шхеру»: использовать любые складки местности или окружающей обстановки, чтобы остаться незамеченным. А если тебе поручена работа, то не торопись её выполнять до конца, так как после доклада о выполнении ты будешь тут же «озадачен» начальством новым поручением. Согласно «Распорядка дня Училища», личного времени у курсанта было 45 минут в сутки, которое нужно было потратить на приведение в порядок

обмундирования и личную гигиену. По истечении двух месяцев все кандидаты в курсанты успешно заменили «убитых и раненых», и все «оставшиеся в живых» были внесены в приказ о зачислении в Училище и получили курсантские билеты.

VI.

Наступил ноябрь. Нам выдали форму №3: тёмно-синие форменные рубахи из шерстяного сукна (мы их называли «фланками») и чёрные форменные брюки. Из верхней одежды нам полагались бушлаты. Вот теперь мы выглядели как заправские моряки! На левый рукав фланки и бушлата пришивался погон с курсовыми знаками (шевронами), якорем и латунными буквами МФ ЛМУ. Круглая кокарда с якорем выгибалась в овальную форму и занимала место на фуражке. Старшинам разрешалось носить вместо неё вышитый «краб». Воротник (гюйс) отглаживался так, что на нём были три «стрелки». К бушлату полагался так называемый галстук (который все называли «сопливчик»). С внутренней стороны галстука обязательно должен был быть подшит белый подворотничок. И, поскольку выдаваемый белый материал очень быстро заканчивался, подворотнички вырезали из краёв простыней. В результате к концу года простыни получались изрядно укороченными и весьма разнообразной формы.

Те, кто хотели выглядеть в увольнении бывалыми мореманами (как-никак уже две «сопли», т.е. две галки на рукаве), вшивали в брюки клинья, и получались брюки «клёш». Но данное усовершенствование беспощадно пресекалось администрацией, и виновник должен был собственноручно вырезать клинья перед бдительным взором офицера училища. Поэтому брюки «клёш» шились на стороне и полулегально одевались в увольнение. Первое увольнение после двух месяцев «заточения» было праздником, но не для всех. Те, кто умудрился получить за время учёбы два балла по какому-либо предмету и не исправил их до субботы, попадали в список неуспевающих и лишались увольнения в город. Эта была трагедия жизни! Касалось это абсолютно всех, и даже старшины, которые до этого момента чувствовали свою «исключительность», в учёбе сравнялись со всеми «рядовыми». «Дурбат» (дурацкий батальон – неуспевающие курсанты) оставался в училище и вместо увольнения шёл в учебный корпус на самоподготовку. Причём дежурный офицер обходил все аудитории со списком, и отсутствие на самоподготовке приравнивалось к самовольной отлучке со всеми вытекающими последствиями. Поэтому все

взялись за учёбу всерьёз.

Вернусь к понятию «зашхериться»: «прикинуться ветошью и не отсвечивать» было нормой. Но вершина мимикрии была достигнута пареньком из нашей группы, который умудрялся засыпать где угодно и когда угодно.

Как-то вечером в субботу, когда все были в увольнении, я сидел подвахтенным в кубрике, а Толик Стеценко (мы звали его «Стэц»), закончив самоподготовку в составе «дурбата», вернулся в кубрик, залез в коечку под матрас, не расправляя кровати, так как до отбоя было ещё далеко, и заснул. Телосложения он был тонкого, много места не занимал. Кровать сверху выглядела пустой и абсолютно ровной. Спал он тихо, не шевелясь. Дежурный офицер, совершая обход училища, забрёл на наш этаж и вошёл к нам в кубрик. Я доложил, что нахожусь в наряде подвахтенным. Он окинул взглядом пустые кровати, кивнул, и собрался уходить. И тут Толик шевельнулся! То есть совершенно пустая застеленная кровать вдруг громко зловеще заскрипела и стала двигаться, как в фильме ужасов! Офицер аж подпрыгнул от неожиданности! Волосы у него под фуражкой встали дыбом, и он от ужаса заорал: «А-а-ай! Это что?!» В то время были модными разные слухи про Барабашек и полтергейст, и, видно, дежурный офицер тоже был в курсе. Вместо Барабашки из-под матраса высунулась заспанная физиономия Толика и заморгала глазами на побледневшего Дежурного по училищу. Дежурный офицер выдохнул, слегка порозовел, вытер со лба пот и, так и не найдя, что сказать, крякнув, покинул помещение. Толик уставился на меня: «Это чего было?» Я, просмеявшись наконец, сказал ему: «Стэц, ложись как человек! Хватит людей пугать!» Больше в тот вечер к нам никто не заходил.

VII.

Праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции отмечался в то время повсеместно и широко. Мы готовились к нему заранее. Тренировки проходили как на территории Училища, так и на улицах Невского района. Когда мы научились «тянуть носок» и впечатывать ровную стопу в асфальт, при этом не нарушая ровной линии шеренги из восьми человек, когда смогли все вместе, одновременно во всю глотку проорать: «И-и-и, раз!», синхронизируя действия всего строя, и останавливаться по команде «Стой!» на раз-два, то тогда общий строй училища возглавила Знамённая группа. За ней следовал наш духовой оркестр, а потом мы. И под «Славянку», в окружении флажковых, парадным маршем личный состав ЛМУ ММФ СССР

следовал по улицам Невского района, завершая периметр прохождения с другой стороны Училища.

И вот настал день 7 ноября! Нас подняли не в 7.00, а в 6.00. Одевшись по форме №3, мы отправились на завтрак. По случаю Праздника на каждый стол была дополнительно к маслу, белому хлебу и сахару выдана нарезанная варёная колбаса. Бутерброд с колбасой взбодрил наши силы, и на построении в помещении роты в бушлатах и фуражках от нас приятно пахло чесноком, гуталином и праздником! На автобусах нас довезли до Площади Александра Невского. Всем были розданы флаги и транспаранты, и мы встали в общую колонну Невского района. Начало демонстрации было в 10.00. И все мы в ожидании начала движения стояли на Старо-Невском проспекте. Отстояли час, пошёл второй. И тут выпитый за завтраком чаёк на прохладе попросился наружу. Место для этого было совсем не подходящее. Ну, вот не было там туалетов! Парадные домов и решётки подворотен были закрыты намертво. Так как жильцы окрестных домов прекрасно знали, что Праздничная демонстрация – это стихийное бедствие, и жёлтая волна цунами из мочи захлестнёт все подворотни и подвалы да так там и останется. А людям здесь ещё жить! Не хорошо-с!

Нам предстояло решить задачу из разряда: «Что могут сделать одновременно четыре мужчины, но не могут сделать две женщины?» Ответ был сравнительно простым: « … в одно ведро!» Но ведра у нас не было, а количество мужчин было гораздо больше четырёх.

Поэтому, исходя из закона больших чисел и курсантской смекалки, было принято вынужденное решение: флот не опозорить, а, прикрыв собой страждущих товарищей, провести операцию по увлажнению мостовой Старо-Невского проспекта праздничным поливом. Создав зону полива путём сплочения наших рядов по краям зоны, передовые отряды успешно справились с задачей, поменявшись затем местами с арьергардом. Операция не вызвала демаскировки, была проведена успешно и вовремя, так как сразу же после её окончания поступила команда: «Начать движение!» И все мы, с радостными лицами, лёгким сердцем и транспарантами в руках, в едином порыве со всем прогрессивным Человечеством, стройной весёлой колонной проследовали по всему Невскому проспекту до Дворцовой площади, где нас приветствовало партийное и городское руководство, а также многочисленные заслуженные и уважаемые граждане города Ленина и трёх Революций! После успешного прохождения личный состав был доставлен в расположение Училища, накормлен праздничным обедом и отпущен в

увольнение до 23.00.

К любимой тётушке я прибыл во всём флотском блеске. Её коммуналка находилась у Балтийского вокзала, в помещении бывшей бани. Представляла она из себя длиннющий коридор с комнатами жильцов, двумя туалетами, ванной комнатой, сводчатыми потолками и огромной общей кухней. Тётушка встретила меня в дверях весёлой и уже «принявшей» участие в общем празднике. «Ой, как хорошо! – расцеловала меня она. – А мы тут все вместе празднуем! Идём с нами за стол!» Всех жильцов я знал ещё по тому времени, когда поступал в Училище и останавливался у тёти. И меня все знали, но вот в форме видели впервые. Пришлось мне почувствовать себя «свадебным генералом», но это ощущение быстро прошло, поскольку все были искренне рады моему приходу. Отмечать праздники всей квартирой была давняя здешняя традиция. Все собирались за большим круглым столом на кухне, который ломился от всяческих простых, но разнообразных закусок, салатов и пирогов. Горячая картошка с укропчиком в большой кастрюле распространяла дивный аромат праздника, а соления и грибочки просились с тарелок на вилки, чтобы быть затем мгновенно поглощёнными после завершения очередного праздничного тоста! Вино и водка употреблялись в меру и исключительно для поднятия настроения. В то время я ещё не пил алкоголя, и тётушка, зная об этом, решительно пресекала все попытки соседей налить мне праздничную чарку: «Вы мне парня не портите, ему ещё в училище возвращаться надо будет!» Потом мы все смеялись, наперебой рассказывали кучу разных интересных историй, танцевали под магнитофон, детская мелюзга прыгала вокруг стола, играла в прятки и каталась по коридору на велосипеде. Все были друг другу родными и близкими, как весь наш, отмечающий

Праздник, великий и могучий Советский народ!

VIII.

Освоение учебной программы было нашей главной, неуклонной и наиважнейшей задачей. Краеугольным камнем, определяющим наше «бытие». Никого не волновало, каким путём ты достигнешь результата, но результат обязан был быть положительным.

Интерес к изучаемому предмету был в прямой зависимости от личности преподавателя.

И в этом нам повезло: такого количества выдающихся личностей, профессионалов своего дела, как сказали бы сегодня –

«Звёзд», в нашем училище было невероятно много! Простое перечисление их имён ничего не скажет стороннему человеку, но те, кто «в теме», знают, что именно эти люди сделали ЛМУ «брендом», «фирмой», авторитетнейшим учебным заведением с престижной репутацией.

Про выпускников ЛМУ ММФ в пароходствах говорили коротко: «Ребята пьют, но дело знают!» Не раз я потом встречал лично или слышал от коллег по работе рассказы о выпускниках ЛМУ. Наши парни, работая на судах, после немыслимых возлияний, даже в состоянии «полного аута», будучи усажены за пишущую машинку, осуществляли радиообмен, принимали сверхважную на тот момент корреспонденцию, распечатывали её на бланках радиограмм, давали подтверждение приёма и тут же «вырубались» окончательно. А, проспавшись, с удивлением узнавали, что вся необходимая работа ими сделана, всё принято, и у капитана нет никаких претензий к радиослужбе в отношении радиосвязи. Есть радисты, на слух принимающие быстродействие (250 знаков в минуту), которое обычным порядком сначала записывается на магнитофон, а потом на пониженной скорости расшифровывается оператором. При этом вся информация принимается таким радистом сначала без записи на бланк радиограммы (РДО), а потом безошибочно восстанавливается по памяти и распечатывается. Так вот, преподавателями этих людей были «суперпрофессионалы». Слова: «Я окончил ЛМУ ММФ» имеют вес в каждом морском уголке нашей необъятной Родины.

Но всё это будет потом, а пока ты сидишь в классной аудитории и ждёшь, когда придёт преподаватель. И вот стремительно распахивается дверь, в аудиторию влетает и со страшной силой, точнёхонько на преподавательский стол плюхается солидный преподавательский портфель! Ба-бах! Следом за ним появляется и сам преподаватель. Старшина подаёт команду, и все встают, приветствуя его. Как говорится, чтобы завоевать уважение курсанта, его надо или удивить, или напугать!

Курсанты, бойтесь преподавателей с тихим голосом, плавными манерами и скучным изложением материала! Обстановка в аудитории, которую создаёт такой преподаватель, ввергнет вас в сон, вы попадёте в объятия Морфея, как муха в паутину кровопийцы-паука. Тогда ваша голова соскользнёт с подпирающего её кулака и рухнет в бездну, навстречу очень твёрдой поверхности стола, и вы, дёрнувшись, как от удара электрическим током, судорожным движением, в последний момент сумеете избежать травмы лица! И вот именно в этот

момент, когда вы счастливо избежите лёгких косметических неприятностей, вы будете застигнуты этим тихим и интеллигентным преподом, снявшим очки и внимательно смотрящим на вас детскими ясными глазами, в которых будут проступать слёзы. Он обидится на вас до глубины души, посчитает ваше поведение на лекции личным оскорблением, занесёт вашу фамилию в чёрный список своих заклятых, подлежащих ликвидации врагов и превратится в ваш постоянный «Ужас, летящий на крыльях ночи!», который будет преследовать вас до вашего полного и безоговорочного распятия на алтаре Науки! И только в случае, если вы испытаете все муки Христа, пройдёте все круги ада, будете зазубривать, как «Отче наш», конспект лекций, купите учебник этого преподавателя и перед экзаменом попросите подписать его вам на память, то тогда, возможно (повторяю: возможно!!!) вы будете прощены и получите свою положительную оценку на экзамене!

А вот тот Преподаватель, который у доски объясняет вам устройство трансформатора, и со словами « … что хорошо – обмотка не горит!», оборачивается и видит вас спящим на его лекции, а затем отточенным движением руки запускает кусок мела вам точно в лоб, – это в дальнейшем ваш любимейший педагог! Который, (как и первый преподаватель), тоже окончил ЛМУ пару десятков лет назад, прошёл все моря и океаны и вернулся в стены родного Училища, научить тебя, оболтуса и лентяя, разбираться в электротехнике так, что ты будешь всю дальнейшую жизнь в День Радио пить за его здоровье и вспоминать эти дни обучения как самые счастливые дни в твоей жизни!

IX.

В учебном корпусе существуют два вида учебных помещений: аудитории, которые являются фактически классными комнатами, и кабинеты, специально оборудованные различной радио– , электро– и навигационной техникой. Вся техника и приборы действующие и идентичны тому оборудованию, на котором в дальнейшем придётся работать на судах. (Имеются ещё лаборатории, мастерские и физкультурный зал, но пока речь не о них). В аудиториях, которые в основном закреплены за каждой учебной группой, курсанты находятся на занятиях и к ним приходит преподаватель. В кабинетах же находятся преподаватели, а курсанты приходят к ним на занятия. При каждом кабинете есть особое помещение – лаборантская. Там

находятся учебные пособия, различные материалы, необходимые на уроке и много чего ещё. Штатных лаборантов было мало: я помню только одного. Все звали его «Рука», поскольку вместо одной руки у него был протез. Он был закреплён за кабинетом Радиотехники. Во всех остальных кабинетах были общественные лаборанты из числа курсантов нашего отделения. Преподаватели сами выбирали себе лаборантов, каждый год новых. В обязанности лаборанта входило поддерживать порядок в кабинете, следить за исправностью оборудования и учебной документации, выполнять всяческие мелкие ремонтные работы и оформлять кабинет наглядными пособиями. Предметы изучались в основном в течение года обучения, после чего все сдавали экзамен, а на следующий год рота переходила на следующий курс, и к этому преподавателю приходили новые учебные группы. Поэтому стать лаборантом была большая удача!

Во-первых: преподаватель выбирал себе самого толкового, разбирающегося в его предмете курсанта, доверял ему брать ключ от кабинета и (самое главное) лаборантской комнаты! Пятёрка на экзамене лаборанту была гарантирована, если преподаватель был доволен его работой!

Во-вторых: лаборанты не участвовали в приборках помещения роты. Считалось, что в это время они занимаются уборкой кабинетов. Поскольку кабинеты всегда были в образцовом состоянии, то уборка в них была делом необременительным. Главное, что контролировал лаборанта только сам преподаватель! Старшины в этом плане власти над тобой не имели.

В-третьих: лаборанту выделялось время на обслуживание кабинета. Выделялось это время по необходимости. А необходимость определял сам лаборант! Старшина, конечно, мог проверить, как добросовестно курсант-лаборант использует это время. Но для этого у старшины должно было возникнуть (ну очень!!!) большое желание топать из экипажа до учебного корпуса через всю территорию училища.

И самое главное: лаборант мог хоть какое-то время побыть один! В Училище ты всегда окружён людьми: в кубрике, в роте, в столовой, в учебном корпусе. Всё время ты находишься под чьим-то взглядом. Это напрягает, и морально ты сильно устаёшь! И так изо дня в день, из месяца в месяц. Расслабиться ты можешь только, когда спишь! Поэтому курсант способен спать где угодно и когда угодно! Можно было бы сказать еще сколько угодно (!), но кто ж ему даст?!

Лаборантская комната – именно то желанное место, где курсант-лаборант был (относительно) недосягаем для всех раздражающих факторов! Это была «шхера» для курсанта, тихая и

безопасная. Поэтому такие лаборантские комнаты иначе и не называли! Плюс, ко всему вышесказанному, лаборанту официально полагалось две дополнительных недели к летнему отпуску! Фантастика!

Чем больше было у тебя друзей-лаборантов, тем комфортнее тебе жилось в Училище.

Каждый лаборант тайно оборудовал «шхеру» для собственных нужд. Нежилое помещение старательно превращалось в жилое. В жилых помещения запрещалось иметь нагревательные приборы. В кубрике мы кипятили воду для чая в литровой банке при помощи двух лезвий для бритья «Нева», надетых на кусок карандаша и прикрученного к ним, уже знакомого вам, двухжильного провода с электрической вилкой (вспомните про радио в кубрике). Здесь же можно было заныкать настоящий электрический чайник, стаканы, кое-какую посуду. Запас чая и сахара. Инструменты, которые в роте обязательно сопрут! Здесь было минимум три стула, на которых при желании можно было лежать, составив их в ряд.

Вершины в оборудовании «шхеры» достиг курсант нашей группы. Кликуха у него была «Сокол». Парень он был «рукастый», смекалистый и хитрый. Он не стал связываться с лаборантством, а втёрся в доверие к завхозу училища и стал внештатным плотником. Ему в подвале экипажа № 2 было выделено помещение под мастерскую, где он развернулся на всю катушку. Ключ от этого помещения был только у него одного. Там было всё, начиная от мебели, включая диван и заканчивая сейфом. Как плотник он имел неограниченный доступ повсюду. Сумел подобрать ключи почти ко всем помещениям Училища, включая кабинет Начальника Училища. В свою «шхеру» он тащил всё, что плохо или хорошо лежало на территории и в корпусах Системы. Как «Скупой Рыцарь», он копил богатства впрок и любил ими перед нами хвастаться. К его рукам прилипало всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Главной ценностью для курсанта были конспекты. Только хороший полный конспект, заполненный разборчивым почерком, был основой успешной сдачи экзамена по каждой дисциплине. Конспекты берегли и хранили их с особой тщательностью. Потерять конспект перед экзаменом – была самая большая катастрофа! Конспекты всё равно пропадали, и кто знает, куда они девались. Свой конспект я отобрал у «Сокола» лично после того, как он положил его в свой портфель. Он клялся и божился, что это получилось машинально. Кто знает …

X.

Трудно сказать, была ли наша 221 группа самой успевающей по учёбе в роте, но лаборантов, включая меня, было четверо! Старшине приходилось каждый раз ломать голову: кого посылать на уборку помещения роты от нашей группы. Состав группы – 30 курсантов. Из них пять старшин: старшина роты, его заместитель, старшина группы, его зам., плюс зам. старшины оркестра. Четыре лаборанта. Двое в суточном наряде по роте. Двое готовятся к наряду. Один в наряде по камбузу. Пять уборщиков кубриков. «У одного понос, у остальных золотуха!» Ау! Люди, вы где? Меньше половины группы лениво выходит на построение. Командир роты в очередной раз, видя, что на уборку вышли «полтора землекопа», открывает было рот, чтобы задать вопрос старшине о наличие личного состава, но, вспомнив, что это первая группа, в сердцах машет рукой и говорит старшине: «Командуйте!» И старшина роты орёт: «Начать приборку!»

Наш командир роты был капитаном 3-го ранга. Всех подробностей его жизни я не знаю, но, как мне известно, он служил старпомом на подводной лодке, потом пришёл в нашу Систему командиром роты на РТО. Провёл несколько выпусков, его сын учился на РТО и выпускался ещё до нашего поступления. Жил он в Выборгском районе на улице Кустодиева. Его адрес мы знали точно, (потом объясню – почему).

Наш отец-командир капитан 3-го ранга Ларионов Олег Николаевич.

Командиры рот были действующими офицерами ВМФ, им присваивались очередные звания, и шла выслуга лет за службу. Любимыми фразами Олега Николаевича были: «Лучше не будите во мне тигра!» и «Ну-ка, разойдись! Торпеду брошу!» Он мечтал дослужить до пенсии и послать всё подальше! Командиры рот подчинялись Начальнику Училища (который был гражданским лицом, но имел ранг адмирала) и начальнику Организационно-Строевого отдела (ОрСО). Причём последнего он боялся так же, как и все курсанты. На нашем этаже в роте у командира был свой кабинет, где он занимался делами роты и позволял себе «принять рюмашку» для поднятия настроения. Нередко к нему заходили другие командиры рот, такие же офицеры, и тогда у них случался

небольшой праздник. Если начальник ОрСО отсутствовал несколько дней в училище, то «Праздник» мог продолжаться каждый день! Но начальник ОрСО с морской фамилией Макаров (все его за глаза называли «Макар») был хитёр, непредсказуем, злопамятен и подслеповат. Его коронной фразой было: «Стой, курсант! Я тебя знаю! Эй, вы трое, идите оба сюда!» Он тоже был кап.три (капитаном 3-го ранга), но, как говорится, важно не звание, а должность. Если он шёл по территории училища, то вокруг него создавался вакуум: даже офицеры избегали встречи с ним. Как говорится: «обходи трамвай спереди, автобус сзади, а дурака – за километр!» У Макара был синдром глубоко пьющего человека, который «подшился» и теперь срывает злобу на окружающих из-за невозможности выпить самому. Таких обычно называли «торпедоносец», так как капсулу («торпеду») медики вшивали в тело клиента в труднодоступном месте. О наличии «торпеды» вряд ли кто-либо знал точно, но все симптомы были налицо! Зная, что офицеры, несмотря на строжайшие запреты, всё равно втихаря выпивают в Училище, он устраивал облавы на них. Поскольку наша рота находилась на втором этаже Экипажа №2 и окна Ленинской комнаты, гальюнов и кабинета командира роты выходили на крышу вестибюля первого этажа, то теоретически через любое окно можно было выбраться на крышу вестибюля и заглянуть во все окна. Если к нашему отцу-командиру приходили товарищи офицеры «на рюмку чая», то писарь роты по распоряжению командира предупреждал дежурного по роте и дневальных, чтобы они, в случае появления Макара докладывали тому, что командир отсутствует. Макар шестым чувством знал, что офицеры сейчас пьют, но застать с поличным не мог! Это его бесило! И он, игнорируя информацию, полученную от дневального, что командира нет в роте, вылезал через окно Ленинской комнаты на крышу вестибюля экипажа и заглядывал в окна командирского кабинета. Пока он дёргал ручки рам, ища не забитое гвоздями окно, дневальный мчался к двери кабинета и орал шёпотом в дверь: «Атас! Макар идёт на крышу!» В кабинете была лёгкая паника, окно мгновенно зашторивалось занавеской, был слышен звон стекла, убираемого со стола, офицеры под столом и стульями экстренно принимали положение «лёжа», и наступала мёртвая тишина. Макар, матерясь, вылезал на крышу, подслеповато щурился через занавеску командирского окна, пытаясь разглядеть обстановку внутри помещения, но это похоже ему не удавалось. Пунцовый, сжимая кулаки и метая глазами молнии, он покидал помещение под команду дневального: «Рота, смирно!»

Спустя какое-то время офицеры рысцой покидали

расположение роты и успокоенный дневальный подавал команду: «Рота, вольно!» Писарь закрывал отдыхающего в кабинете командира на ключ до вечера. А вечером два подвахтенных дневальных одевали командира в его шинель, сверху водружали фуражку и, поддерживая под руки нетвёрдо ступающего отца-командира, сопровождали его через весь город на метро до дома, где передавали из рук в руки командирской жене. А наутро, в 07.00, гладко выбритый, пахнущий одеколоном и абсолютно трезвый отец-командир проверял во вверенной ему роте производство команды «Подъём»!

Как нам потом рассказывали ребята, на Кубе, в порту Гавана, на причальной стенке пирса, огромными буквами по-русски белой краской было написано: «Макар – дурак!»

Закончилось всё для него плохо. Вероятно, не выдержав лечения, он на следующий год был в пьяном виде остановлен в городе военным патрулём, вступил в пререкания, был задержан и доставлен в гарнизонную комендатуру. Больше в Училище мы его не видели.

XI.

Поскольку офицерская зарплата ограничена суммой оклада и надбавки за звание, а жена командира прекрасно знает, сколько денег получает её «благоверный», то наш отец-командир знал тысячи способов получить желаемое «горючее» без сокращения денежного довольствия своей семьи. За каждый проступок, курсант был обязан принести командиру «объяснительную». Желательно в таре по 0,5 литра. Наказание всё равно было неотвратимо, но информация о проступке не выходила за расположение роты. Таким образом, командир не снижал показатели дисциплины во вверенной ему подразделении и был у руководства на хорошем счету.

Когда большинство курсантов поняли, что брюки с «клиньями» носить категорически запрещено, всеми были пошиты у городских портных чёрные брюки «клёш» с соблюдением всех деталей, присущих флотским форменным брюкам. В таких брюках ходили исключительно в увольнение, покрасоваться перед девушками. Хранились они в рундуках кубриков, не на виду, но и не особо спрятанные. В один прекрасный день вся рота, вернувшись после утренних занятий в экипаж, обнаружила, что все «шитые» брюки исчезли из рундуков. Народ возроптал! Но командир роты на общем построении показал всему строю огромный полотняный мешок, в котором и находились все наши неуставные брюки.

Когда рота была на занятиях, командир дал дневальному пустой мешок и устроил «шмон» по всем рундукам. Неуставные брюки изымались и помещались в мешок. Таким образом, все, включая старшин, оказались «без штанов» (неуставных)! Командир приказал мешок прошнуровать и опечатать. Дневальный скрепя сердце выполнил приказание. После этого командир сказал, что если ещё раз обнаружит неуставные предметы в кубриках, то разговор будет совсем другой! «Лучше не будите во мне тигра!» – предупредил он. Далее он сказал, что сейчас поместит этот мешок в кладовую в подвале нашего здания под замок и выдаст нам всё обратно только по окончании пятого курса. Строй проводил глазами, полными печали, удаляющегося дневального с мешком и, проклиная судьбу, отправился продолжать обучение.

Прошёл примерно месяц. Войдя как-то раз в роту, я заметил некую суету на этаже.

Время от времени кто-нибудь из курсантов осторожно входил в кабинет командира и вылетал оттуда с брюками в руках. Как выяснилось, пара старшин решила вернуть себе «конфискат» и каждый преподнёс командиру по «объяснительной». Это было роковой, но счастливой для остальных курсантов ошибкой. Отец-командир благосклонно принял дары и убрал «объяснительные» в командирский сейф. Затем прочитал небольшую лекцию о необходимости поддержания уставных отношений в роте. И, взяв устное обещание с «принесших дары» «унести своё барахло из роты к родственникам в город, к чёртовой матери!», приказал дневальному принести мешок. Как только приказание было выполнено и счастливые и довольные просители ушли от него со «своим барахлом», командир открыл сейф, чтобы наконец-то продегустировать подношение. Получилось недурственно!

Потом ещё разок, и ещё! Когда кто-то из курсантов, постучавшись и не услышав ответа, вошёл к нему в кабинет, то увидел сладко спящего за столом командира, слегка похрапывающего и склонившего на руки свою курчавую голову. Открытый мешок стоял перед столом и манил своим содержимым. В открытом сейфе была видна одна, уже полупустая, «объяснительная». Когда курсант появился из дверей кабинета с брюками в руках, мгновенно образовалась живая очередь из желающих вернуть «свои кровные». Всё происходило в полной тишине. Только слегка хлопала дверь и слышались быстро удаляющиеся шаги. Через несколько минут мешок был пустым. Причём мне удалось найти и вернуть именно свои брюки. Остальным могло повезти меньше или совсем не повезти, так как

некоторые вылетали с несколькими парами («потом разберёмся»)! Глубоким вечером два подвахтенных дневальных, держа под руки, сопровождали отца-командира знакомым маршрутом для передачи его из рук в руки командирской жене!

А мы стали теперь хранить свой «шитый неуставняк» в кубриках, в образцово застеленных койках. Между матрасом и простынёй!

XII.

Количество и качество знаний, получаемых курсантом за весь период обучения на РТО в ЛМУ ММФ, поражает! Выпускник должен был уметь передавать и принимать на слух радиотелеграфные сообщения со скоростью 110 знаков в минуту с записью на пишущей машинке. Знать и использовать всё радио-, радионавигационное и электронавигационное судовое оборудование. Быть способным вести радиотелефонные переговоры и использовать техническую и служебную документацию на английском языке. Уметь устранять поломки и производить техническое обслуживание вышеуказанного оборудования. Нести самостоятельную вахту в эфире согласно расписанию и обеспечивать безопасность жизнедеятельности человека на море. Всё это выпускник ЛМУ ММФ СССР реально мог делать, работая на морском (речном) флоте. Недаром выпускнику РТО вручались два диплома: радиооператора 2-го класса (международного образца) и радиотехника (общеустановленного образца для средних специальных учебных заведений СССР). Чтобы получить заветные дипломы, требовалось за весьма ограниченное время пройти полный курс по многочисленным учебным дисциплинам, успешно сдать зачёты, лабораторные и курсовые работы, а также семестровые экзамены, получить положительные отзывы о прохождении плавательной практики на действующих судах различных пароходств и сдать Государственные экзамены. Поэтому курсанты каждого курса очень отличались своим уровнем знаний, профессиональной подготовки и способностями принимать самостоятельные решения. Приём в Училище производился на базе 10-летнего школьного образования. Сразу на второй курс (ранее был приём после 8 классов школы, но потом от него отказались, а система курсового обучения осталась прежней). Поэтому поступивший в Училище сразу с гордостью носил на рукаве курсовой знак с двумя «галочками». На этом «гордость» второкурсников и заканчивалась. Каждому курсу присваивалось своё меткое и ёмкое литературное название:

Второй курс – «Без вины виноватые» (или «Униженные и оскорблённые»). Наиболее точным названием было – «Приказано выжить!»

Третий курс – «Горе от ума!»

Четвёртый курс – «Их знали только в лицо»

Пятый курс – «Кому на Руси жить хорошо!»

Про второкурсников («Приказано выжить!») я уже вам рассказывал кое-что ранее.

Третьекурсники («Горе от ума!») были основной постоянной составляющей Системы. Они весь третий курс находились непосредственно на территории Училища, выполняли все организационно-технические мероприятия и дежурно-караульные функции, усваивали огромное количество учебного материала, знали все тонкости курсантской науки выживания и готовились на практике применить все полученные знания на следующем курсе.

Четвёртый курс («Их знали только в лицо») в училище появлялся только на два месяца. Сразу же с начала учебного года курсанты отправлялись на работы в подшефное колхозное сельское хозяйство, расположенное в Ленинградской области. Месяц на «картошке». Потом все направлялись на военно-морские базы Балтийского флота для прохождения стажировки на боевых кораблях. По возвращении курсанты учились три месяца, оставшихся от учебного года. Проходили «визирование», необходимое для прохождения плавательной практики на судах загранплавания морских пароходств Северо-Запада. Четыре месяца бороздили моря и океаны, постигали основы самостоятельной работы и возвращались на пятый курс Училища загорелыми, «просоленными» и упакованными в заграничные шмотки мореманами.

С пятикурсниками преподаватели и офицеры училища уважительно разговаривали уже как с младшим плавсоставом, и относились к ним, как к молодым, но самостоятельным, без пяти минут, специалистам. Им было действительно «Жить на Руси хорошо», так как «Ленинградцам» разрешалось проживание дома, а не в Училище.

XIII.

Курсовая работа подразумевала, что курсант способен самостоятельно что-либо радиотехническое рассчитать, начертить или собрать своими руками. Курсовое задание выполнялось курсантом по согласованию с преподавателем. Большинство наглядных пособий для кабинетов изготавливалось курсантами самостоятельно. Преподаватель только давал задание. Всё исполнение этого задания, включая используемые материалы, лежало на исполнителях. Задача была одна – получить зачёт! Во многих кабинетах висели огромные схемы различного судового оборудования. Они имели гигантские размеры, и изображённое на них могло быть хорошо видно всем с любой точки аудитории. В соответствии с размерами схем были изготовлены и деревянные указки длинной до трёх метров. Курсантам выдавался чертёж схемы на бумажном листе формата А4, а от них требовалось перенести этот чертёж в увеличенном виде на клеёнчатое полотно размером в несколько огромных простыней. Курсанты бежали в ближайшую аптеку и скупали весь запас рыжей медицинской клеёнки, которую обычно используют, чтобы не промокала постель под лежачими больными. Потом за шоколадку можно было упросить кастеляншу, которая сидела в подвале Экипажа №2, сшить на швейной машинке все эти клеёнки в одно большое полотно. А затем, аккуратно разлиновав исходный чертёж по клеточкам, расчертить клетками полотно клеёнки в нужным пропорциях и в карандаше перенести схему с формата А4 на эту гигантскую «пелёнку для слона». Тысячу раз проверить каждую линию чертежа и только затем аккуратнейшем образом, при помощи плакатных перьев и туши, начертить огромную схему «Радиоприёмного устройства «Шторм» или, скажем, «Волна-К», которая потом займёт своё достойное место в кабинете «радиоприёмных устройств» (РПрУ) или (если вы изобразите схему передатчика) в кабинете РПУ (радиопередающих устройств). Эта схема года за три выцветет, истреплется на углах, будет проткнута в нескольких местах трёхметровой указкой, тушь осыплется. И новое поколение курсантов побежит в аптеку добывать рыжую клеёнку для получения зачёта по очередному курсовику.

Курсанты, рука которых не столь тверда, чтобы провести плакатным пером прямую линию, выбирали создание какой-либо электронной штучки, которая будет мигать, гудеть или крутиться при включении тумблера. Можно было сделать акустический выключатель для освещения, который срабатывал от хлопка ладонями. А потом, при демонстрации его преподавателю, разразиться настоящими (даже не аплодисментами) овациями, пытаясь включить лампу накаливания, соединённую с этим

выключателем в одну электрическую цепь. И когда, благодаря вашим нечеловеческим усилиям, лампа всё-таки зажигалась, вы могли смахнуть гудящими от хлопков ладонями пот со лба и получить свой «зачёт»!

Если с радиоделом вы были ещё не «на ты», то можно было изготовить вышеуказанную трёхметровую указку, с гордостью предоставить её преподавателю и, получив «зачтено», установить её в пирамиду таких же, ранее изготовленных, гигантских «бильярдных киёв». Это было страшное оружие! Если преподаватель, взяв указку в руки и показывая прохождение радиосигнала по входным цепям радиоприёмного устройства, заметит, что кто-то из курсантов очарован его рассказом и, смежив веки, «улетает» в бесконечные просторы эфира, то жди беды! Будет произведён резкий размашистый удар трёхметровой «палкой» по преподавательскому столу, и грохот, подобный залпу главного калибра линейного корабля «Марат», не только вернёт задремавшего курсанта в аудиторию, но и заставит его попросить разрешения у преподавателя срочно выйти в гальюн (туалет), чтобы не опозорить честь Флота! По причине большой вероятности поломок указок от вышеуказанного использования их запас регулярно пополнялся курсантами.

Если же вам было лень заниматься этим творчеством кружка «Умелые руки», то вы, включив «соображалку», искали подходящего размера деревянную коробку. Клали внутрь строительный кирпич. Приделывали к нему батарейку «Крона» с лампочкой и тумблером. С одной стороны коробки внутрь подсоединяли двухжильный электрический провод с электрической вилкой на конце, а с другой стороны выводили штепсельную розетку, соединённую в электроцепь с выключателем, лампочкой и батарейкой.

Потом заколачивали гвоздями верхнюю деревянную крышку, предварительно выведя на неё лампочку и выключатель. И, гордо назвав эту конструкцию «Блок питания постоянного тока 220в/9в», приносили её преподавателю. Обрадованный преподаватель вставлял вилку в розетку 220 вольт, включал тумблер, загоралась лампочка, преподаватель замерял напряжение 9 вольт на клеммах розетки «блока питания», и довольный ставил в курсантской зачётной книжке вожделенный «зачёт»! А этот «шедевр» электротехники оставлял у себя в кабинете для дальнейшего использования.

К тому моменту, когда батарейка окончательно разряжалась, эта учебная дисциплина курсантом была уже пройдена, экзамен сдан, и курсант находился на плавательной практике где-нибудь за границей. А преподаватель, вскрыв «блок питания» для

устранения неисправности, хмыкнув, вспоминал наглеца добрым тихим матом!

XIV.

Помимо гражданской профессии, выпускники ЛМУ ММФ получали ещё и воинскую специальность. Вся прелесть обучения в нашем Училище была в том, что после выпуска тебе присваивалось воинское звание младшего лейтенанта запаса Военно-Морского Флота СССР! Ты становился офицером запаса, и то время, что ты провёл в стенах Училища, не выпадало из твоей жизни, как, скажем, срочная служба в Армии или на ВМФ. Это обстоятельство резко поднимало престиж нашей Системы. И поэтому конкурс при поступлении в наше среднее специальное учебное заведение был не меньше, чем в высшее. Военно-морскую подготовку мы проходили на Военно-Морском Цикле (ВМЦ). Располагался он в одном здании с Экипажем №1, но занимал отдельный комплекс помещений размером с половину здания, с оборудованным КПП (контрольно-пропускным пунктом) и отдельным входом со стороны стадиона. Начальником военно-морской подготовки (ВМП) был кадровый офицер, капитан первого ранга (каперанг). Преподавателями также были кадровые офицеры ВМФ, морской авиации и некоторых других родов войск. Организация обучения проходила с соблюдением всех норм и правил, применяемых в военных училищах. Военно-Морской Цикл жил своей параллельной военной учебной жизнью, во многом очень похожей на нашу, гражданскую. Учебные дисциплины в принципе были одни и те же. Но здесь была уже жёсткая специализация, напрямую относящаяся к ВМФ. В учебных классах мы знакомились с настоящим вооружением: могли посидеть на месте наводчика и покрутить ручки управления приводных механизмов корабельного зенитного орудия, потрогать руками настоящие торпеды, заглянуть внутрь донной мины, включать военные радиостанции, приёмные и передающие устройства. Но основная подготовка велась по изучению электрических принципиальных схем аппаратуры связи, применяемой на ВМФ. Часто эти сведения были засекречены, поэтому с Военно-Морского Цикла было запрещено выносить что-либо, представляющее собой Государственную тайну. Конспекты курсантов хранились в «Секретной части», в особых, опечатанных мастичными печатями чемоданах. Чемоданы с конспектами выдавались особым уполномоченным лицам – «секретчикам», из числа обучающихся курсантов. Почти три с половиной года я носил этот чемодан, выдавая конспекты курсантам нашей группы

только на лекции или занятия по самоподготовке.

Преподаватели на ВМЦ были разными, я бы сказал: «разнообразными». Некоторые особо примечательные личности были знакомы многим поколениям выпускников ЛМУ ММФ. Один из преподавателей носил весьма экзотическую кликуху «Роза в стакане». Был он мягок в манерах, напоминая помещика Манилова из «Мёртвых душ» Гоголя. Но курсанты его не очень любили, так как лекции он читал нудно и неинтересно. Основным интересом преподавателя было не повышение уровня образования курсантов, а тяга к «Зелёному Змею». За эту тягу он и был с позором изгнан из Училища спустя три-четыре года после нашего выпуска. Вторым из преподавателей ВМЦ в памяти остался подполковник военной морской авиации Краснов. Сначала у него была кличка «Буратино». Но потом сама его фамилия стала именем собственным. Он был всегда подтянут, строг, но высоко ценил шутку, и его речь изобиловала запоминающимися оборотами, которые позволяли поддерживать мозг курсанта в тонусе во время лекции и не позволять ему впадать в спячку.

К примеру: «Ток – как курсант: всегда следует по пути наименьшего сопротивления. Поэтому он проходит через гвардейский резистор R2, включённый параллельно конденсатору C2, которые вместе образуют «гридлик» (Гридлик (англ. grid leak – утечка сетки) – цепь автоматического смещения в конструкциях с электронной лампой. Состоит из параллельно соединенного конденсатора и резистора, включенных между катодом и сеткой).

После незнакомого слова мозг курсанта окончательно просыпался и снова адекватно воспринимал объяснения преподавателя. А шутка, что на склад вчера завезли свежую партию гридликов и требуются желающие отправиться на их разгрузку, ещё долго ходила между курсантами. Тезис «Тяжело в учении – легко в ресторане, с дипломом в кармане!» сопровождал нас на протяжении всего времени учёбы. В рамках военно-морской подготовки курсанты на четвёртом курсе проходили двухмесячную стажировку на военных кораблях, а на пятом курсе сдавали Государственный экзамен. Звание младшего лейтенанта запаса присваивалось не в училище, а в военном комиссариате по месту дальнейшей работы молодого специалиста. Поэтому военный билет выпускники училища получали, лишь прибыв к месту назначения. Без военного билета ты продолжал оставаться призывником, и это заставляло тебя обязательно прибыть на место работы. Это было хорошим стимулом для планового трудоустройства молодых специалистов даже в самых удалённых уголках нашей необъятной Родины. Большинство знаний, полученных на ВМЦ, нам в дальнейшем так и не пришлось

использовать в работе. Ну и, Слава Богу!

XV.

Отношение администрации к курсантам Училища складывались, как в любом большом коллективе: всегда высоко ценились специалисты. Курсантов, хорошо владеющих какой-либо приемлемой для Училища специальностью (сварщик, плотник, столяр), имеющих выдающиеся спортивные заслуги (спортивные разряды или звания), обладающих художественными или музыкальными способностями или, наконец, имеющих красивый разборчивый почерк, руководство обязательно выделяло из всего личного состава и активно использовало для различных нужд Училища и своих собственных. То есть, находясь в круге внимания руководства, ты имел больший авторитет, чем остальные сокурсники. Это не особо сказывалось на личных отношениях между курсантами, но было плюсом при рассмотрении каких-либо отдельных вопросов: например, характеристики на получение визы для загранплавания. Да, и дальнейшее распределение по местам работы будущих молодых специалистов могло во многом зависеть от их деятельности в Училище. Как сказал нам один Первый помощник капитана, когда мы проходили плавательную практику: «Работайте на авторитет! Потом авторитет будет работать на вас!»

Среди нас было несколько великовозрастных, уже женатых, курсантов, успевших поработать по полученным ранее специальностям. Они сразу же устраивались на полставки на работу в Училище и кормили свои семьи, потому что на 9 рублей семью не прокормишь. Было много ребят с первыми взрослыми спортивными разрядами по борьбе, гребле, лёгкой атлетике, многоборью. Были кандидаты в мастера спорта по боксу и радиоспорту (причём второй из них учился в нашей группе и был чемпионом России среди юношей в личном зачёте). Всем нашлось применение для того, чтобы продолжать славные традиции Ленинградского Мореходного Училища ММФ СССР. Каждая рота к очередному празднику подготавливала стенную газету. Мне, как окончившему первый класс детской художественной школы, пришлось вспомнить все приобретённые ранее навыки художественного творчества и взяться за краски и карандаши. Вместе с другими ребятами мы рисовали стенгазету к Новому году на трёх больших, склеенных между собой листах ватмана. Остальные роты делали то же самое. В Училище проводился традиционный конкурс стенных газет, и в случае победы в нём победителей ожидало поощрение от руководства Училища. Наша

газета отличалась от школьной стенгазеты тем, что здесь мы были полными хозяевами и сами решали, что рисовать и о чём писать. Полнейшее курсантское народное творчество! Да и на это время, пока мы делали газету, нас освобождали от всех остальных работ. «Лучше держать в руках тяжёлый карандаш, чём лёгкий ломик!» – гласит народная мудрость! После двух недель наших усилий появилось огромное художественное полотно с заголовком «Аргонавты». Название было хорошее, но очень длинное. На то, чтобы нарисовать столько букв, ушла неделя времени. За вторую неделю на полотне появилось изображение заснеженного Учебного корпуса, перед которым юный Новый год в морской форме докладывал стоящему за штурвалом, румяному Деду Морозу о заступлении на Праздничную вахту. Снежинки живописно окружали заметки о жизни роты, снегири украшали ёлки перед Училищем, и всё это сверкало и переливалось блёстками от разбитых ёлочных игрушек. Нам самим так понравилось, что мы сфотографировались вместе со своим «детищем». Перед Новым годом все роты вывесили свои газеты в Актовом зале, и курсанты на переменах ходили смотреть на творения ротных художников. Училищное жюри конкурса присудило Первое место газете нашей роты! Нам объявили благодарность от Начальника Училища, а командир своей властью разрешил мне на Новый год съездить домой в Калинин.

XVI.

Моряки всегда отличались хорошей физической подготовкой, и в нашем Училище для этого были все условия. Весь второй курс курсанты были обязаны выходить на утреннюю зарядку. Если позволяли погодные условия, то зарядка проводилась на свежем воздухе. Разрешалось заниматься утренними пробежками. Для этого прекрасно подходил стадион Училища. Если же он был закрыт на просушку или его «директор» Николай Николаевич Боговец (Кал Калыч) проводил на его территории какие-либо ремонтные работы, то курсанты с разрешения старшин могли до подъёма выбегать на Большой Смоленский проспект, добегать до проспекта Обуховской обороны и возвращаться обратно к окончанию зарядки. На территории училища был построен плавательный бассейн. Предыдущие выпуски участвовали в его строительстве, а нам довелось в нём поплавать.

Бассейн был прекрасно оборудован. Двадцатипятиметровая чаша бассейна с трёхметровой глубиной у двух вышек для прыжков (5 и 3 метра) была разделена на несколько водных дорожек со стартовыми тумбами. Большие часы с секундомером, зал для «сухого» плавания, оборудованные душевые комнаты и раздевалки прекрасно дополняли этот спортивный комплекс. В лихие времена 90-х годов в этом бассейне сделали дельфинарий. Возможно, сейчас там уже всё изменилось, но тогда мы получали настоящую подготовку. Нас научили правильно плавать, прыгать в воду с большой высоты, буксировать утопающего, оказывать первую помощь при утоплении и проплывать большие дистанции с наименьшими затратами энергии. Всё это очень могло пригодиться в условиях работы на море для спасения не только своей, но и жизни других людей.

В каждом мореходном училище обязательно есть команда по гребле на шестивёсельных ялах. Это традиция. Соревнования между морскими училищами города проводились регулярно, каждый год. Поскольку я до Училища три года занимался греблей (правда, на спортивной байдарке) и имел первый спортивный разряд, то в команду был зачислен сразу. Остальных ребят набирали по принципу: выше и сильнее. Нас было шестеро гребцов, «грамотных в плечах». Но полный экипаж яла включал ещё и рулевого.

На эту роль выбирался самый лёгкий курсант из нашей роты в целях уменьшения веса «балласта». Рулевой ещё должен был подавать команды во время гребли и орать: «И-и раз! И-и два!» – чтобы все слаженно и одновременно совершали гребок. Ял был не

обычной шлюпкой, а спортивным судном. Отличался он от обычного тем, что имел на каждой банке (скамейке) места для гребцов так называемые «салазки». Это прямоугольный кусок толстой фанеры с наклоном порядка 20 градусов в сторону кормы. Таких «салазок» было трое, по два гребца рядом на одних «салазках». Гребцы одевали особые короткие штаны, сшитые из обычной курсантской робы. Но к этим штанам сзади вшивался огромный карман, куда вкладывалась специальная «подушка». Одев такие штаны, гребец был похож на обезьяну-павиана с огромной задницей! Поверхность «салазок» щедро смазывалась солидолом. И «пятая точка» гребца легко перемещалась по «салазкам», позволяя сгибать ноги и упираться ими в упор на днище, что увеличивало замах весла во время начала гребка. А под конец гребка ноги выпрямлялись и весло, сделав полный гребок, выходило из воды. При таком способе гребли усилия рук и ног складывались и позволяли значительно увеличить мощность гребка. Такой принцип использовался спортсменами в Академической гребле, только там сиденье гребца (сляйда) катается по специальным направляющим на колёсиках. Такие спортивные ялы использовались только на соревнованиях или для тренировок перед ними. В остальное время мы тренировались на гребной базе Академической гребли, которая находилась напротив ЦПКО им. Кирова на реке Средняя Невка, недалеко от яхт-клуба. Нам выдавалась лодка – академическая восьмёрка с рулевым. Ещё трое парней со старшего курса, тоже члены сборной училища по гребле, присоединялись к нам. А я садился в академическую одиночку, и наша небольшая флотилия рассекала воды Большой Невы и всех Невок города. Тренировались мы два раза в неделю, как только реки освобождались ото льда. А после досрочной сдачи весенней сессии – почти каждый день, так как готовились к Общероссийским соревнованиям. Как прекрасно было нестись по водной глади рек, среди дивных красот Города на Неве! Солнце, свежий воздух, крики чаек над головой, чувство полной свободы и бурлящей силы в молодом натренированном теле! Прекрасное было время!

Как-то раз к нам на училищный дебаркадер, где мы переодевались, пришёл проверяющий офицер, капитан-лейтенант (которого напугал наш Стэц, когда спал в кубрике под матрацем). Он должен был сопровождать нас во время тренировки на обычном училищном шестивёсельном яле. Ял был полностью укомплектован, то есть имел шесть вёсел, мачту и свёрнутый парус. Когда мы погребли немного и кап-лей убедился, что мы не «сачки», мы поинтересовались, ходил ли он под парусом. Он рассказал, что во время учёбы в военно-морском училище они

практиковались в этом на шлюпочных занятиях. Упрашивать его долго не пришлось, и вот под его руководством мы поставили мачту и подняли парус. Наше парусное судно, управляемое офицером Военно-Морского Флота, влекомое ветром, который игриво трепал зачёс над лысиной капитан-лейтенанта, весело заскользило по течению из Средней Невки в Финский залив. За двадцать минут мы были уже в паре километров от устья Невы. Опомнившись, мы решили вернуться, но ветер был противный, и мы, идя галсами, два часа возвращались обратно, не прибегнув, к нашей чести, к помощи вёсел. Таким было наше первое плавание под парусом! Мы чувствовали себя настоящими «морскими волками»! Поскольку на ужин в Училище мы безнадёжно опоздали, а голод испытывали точно «волчий», скинувшись, у кого, что было в карманах, мы наскребли на две пачки пельменей, которые затем были куплены в соседнем с дебаркадером магазине, сварены тут же в электрическом чайнике и съедены нами со зверским курсантским аппетитом!

XVII.

Сдана летняя сессия! Ура-а-а!!! Мы отучились на втором курсе! Команда «Приказано выжить!» выполнена! Как поступают студенты, закончив сессию? Правильно, идут в отпуск! Но мы же не студенты. Курсант, сдав сессию, поступает в полное распоряжение Администрации Училища, поскольку является главной трудовой силой, обеспечивающей функционирование и жизнедеятельность всей Системы! Полтора месяца летнего отпуска курсант получит, но перед этим он должен ударным трудом заслужить это великое «Право на отпуск». Личный состав роты РТО после сдачи летней сессии составляет около 150 человек. За год есть потери «убитыми и ранеными», но, в целом, рота представляет собой сплочённый, боеспособный и дружный коллектив, который может решить любые, поставленные перед ним задачи. Поскольку отпустить всех в отпуск одновременно будет для Училища невозможно и выполнение всех работ, несение дежурно-караульной службы и обеспечение порядка лежит на курсантах училища, то наша рота, в целях сохранения боеспособности, решением отца-командира была поделена на две части в плане очерёдности ухода в летний отпуск. Часть курсантов каждой группы убывала в отпуск в первую половину лета, а оставшаяся – во вторую, чтобы к началу следующего учебного года рота была бы в полном составе.

Вот и в нашей группе часть ребят засобиралась домой. Счастливчики забудут на полтора месяца, что такое строевые

занятия, подъём в 06.00 для чистки картошки на камбузе, чтобы накормить всё училище. Не вспомнят, что такое «рабочая группа», которая каждое утро после завтрака выстраивается во дворе Учебного корпуса. Где каждый курсант получает задание на текущий день по уборке, покраске, раскапыванию или закапыванию земляных траншей («отсюда и до обеда»), перемещению различных тяжестей на значительные расстояния (по принципу: «круглое – тащить, квадратное – катить») и бесконечному множеству других, очень важных и неотложных, мероприятий, выполнение которых и будет тем обязательным условием, которое обеспечивает возможность убытия курсанта в очередной отпуск. Но, когда эти «счастливчики» вернутся после отпуска в расположение родной роты, они полностью повторят все те действия и в том же объёме, которые производили их оставшиеся товарищи до них.

С окончанием зимней сессии училище пустело на одну четвёртую часть личного состава, так как пятый курс, сдав выпускные и государственные экзамены, покидал стены родного Училища и приступал к самостоятельной жизни. После летней же сессии училище опустело ровно наполовину. Четвёртый курс, отучившись три месяца после зимней сессии и сдав летнюю, ушёл на плавательную практику. В Училище начиналось господство курсантов третьего курса. Они стали самыми старшими и считали себя уже четверокурсниками. Хотя приказ о зачислении на следующий курс подписывался Администрацией Училища только перед новым учебным годом, курсанты после сдачи последнего экзамена спешили в помещение роты, чтобы первым делом пришить на форменку новые «курсовки». Второкурсники – три курсовых знака, а третьекурсники – четыре. Таким образом, курсанты с двумя «галками» на левом рукаве морской формы очень быстро «исчезали». Офицеры Училища поначалу было пресекали эти курсантские «вольности», но потом «плюнули» на это дело, так как явление приобретало массовый характер. На рабочем платье (робе) курсовых знаков не было, поэтому новыми курсовками щеголяли только в увольнении или на вахте.

XVIII.

День, о котором я хочу рассказать, начинался как обычно: подъём, завтрак, малая приборка в роте и развод на работы. После обеда наша сборная команда по гребле обычно уезжала на тренировку. Наш одногруппник, Шура Овчинников, уезжал в отпуск в первой смене «отпускников». Жил он где-то на Урале. Домой добирался на поезде. До обеда он получил «отпускные»

деньги в кассе Училища и после обеда был отпущен старшиной на Московский вокзал для покупки билета на поезд. Мы вместе вышли из дверей Учебного корпуса, и наши пути разошлись. Гребцы на метро поехали в Приморский парк Победы, а Шура на троллейбусе – на Московский вокзал. Намахавшись вволю вёслами, усталые и довольные, мы вернулись в роту к ужину. Рота гудела, и все ребята обсуждали страшную историю про то, как Шура покупал билет на поезд.

Шура сидел в своём кубрике. Лицо его напоминало синюю сливу. Оба глаза заплыли от огромных синяков, повсюду были царапины и кровоподтёки. На шее чернела расползающаяся поперёк всего горла полоса. «Шура, что с тобой случилось?» – только и могли мы сказать. Шура вздохнул, глянул на нас исподлобья и, обречённо уставившись в пол, сказал: «Да вот, блин, за билетом съездил!» Дело было так.

На Московском вокзале есть воинские кассы. Там можно купить билеты на ближайшие поезда. Созданы они для военных, но если постараться, то можно приобрести билеты и «простым смертным». Шура потолкался в очередях, добрался до заветного окошка и выяснил, что на ближайшие два дня билетов до дома нет и надо попробовать обратиться сюда позже, может быть, завтра что-нибудь появится. В расстройстве он побрел куда глаза глядят и оказался на стоянке такси перед вокзалом. Кругом сновали люди с чемоданами и без. Лето. Жара. Толчея кругом. Тут к Шуре подошла какая-то девица и что-то спросила. Слово за слово. Шура был доволен, что на него обратили внимание, ведь как-никак курсант в форме, три «сопли» на рукаве, бляха сияет … Видный парень, красавец! А девица вся такая доступная, типа, давайте поближе познакомимся, у меня тут родители уехали на дачу и «хата» свободная. Ну, и всё в том же духе. Шура – парень скромный, непривычно как-то. А девица не отстаёт: «Ой, как жарко сегодня! А не хотите шампанского попробовать? У меня тут как раз есть с собой, рядышком!» Шура, как настоящий курсант, который пьёт всё, что горит, подумал, что уж от глотка шампанского никакой беды не будет, и согласился пойти с девицей «тут, недалеко». И действительно, недалеко – прямо тут, на остановке такси. Девица привела к одной из машин с шашечками, стоящей немного в стороне от остальных такси, практически на тротуаре. Шура знал, что таксисты всегда приторговывали спиртным. Когда ночью взять «горючего» негде, то у таксистов можно разжиться и водкой, и шампанским. Девица переговорила с шофёром и обратилась к Шуре: «Всё в порядке! У него всё есть! Поехали!» – и кивнула на заднее стекло машины, где над сиденьем лежала бутылка шампанского. «А чего ехать-

то?» – спросил Шура. «Ну, не здесь же из горла пить! – ответила девица. – У меня дома и бокалы есть! Поехали, тут рядом совсем! Я плачу!» Под таким напором Шура сдался, тем более возвращаться в Систему копать канавы, что-то не очень хотелось. Ну, ладно, поехали. Девица села первая на заднее сиденье, Шура рядом с ней. Едут. Тут водила тормозит перед «голосующим» у обочины пассажиром. Захотел, видно, попутчика взять. «Вам куда?» – «Туда-то!» – «Ну, садись!» Едут. Пассажир на переднем сиденье, Шура с девицей – на заднем. А тут девица водителя тормошит: «Ой, остановите! Это мой знакомый идёт! Давайте подвезём!» Шура думает: «А куда тут садиться-то? Места и так нет!» А машина уже останавливается, и рядом с Шурой на заднее сиденье втискивается здоровенный амбал. Ну, в тесноте, да не в обиде! Шутки шутками, а замечает Шура, что едут они уже где-то ближе к окраине. И дома какие-то пошли одноэтажные, заборы, глухомань какая-то. И тут девица и амбал хватают Шуру за руки, крепко держат, а с переднего места прилетает ему под глаз здоровенная «плюха» по физиономии. Шура – парень, хоть и невысокого роста, но крепенький, – сибиряк! Одной «плюхой» его не свалить. Тут же сразу прилетает вторая, под второй глаз! Но Шура и тут не сдаётся! И только, когда передний «пассажир» схватил его за края «гюйса» (матросского воротника), который пристёгивался к форменке, и, оборвав пуговицы, стал этим «гюйсом» Шуру, натурально душить, то понял наш сибиряк, что дела его плохи! Хрипя из последних сил, Шура взмолился к своим мучителям, чтобы они его не убивали. Всё забирайте, только в живых оставьте! Душегубы ослабили хватку и быстренько прошлись по Шуриным карманам. Наличности было 9 рублей 00 коп. Вся курсантская стипендия!

Плюнув с досады, «питерская шпана» поняла, что в этот раз «клиент» попался неинтересный. Вытолкнув Шуру из машины среди каких-то пустырей, они захлопнули дверцы и собрались уезжать. Шура, поднявшись кое-как с земли и встав «на карачки», пытался рассмотреть номер удаляющейся машины, но та остановилась, и амбал со словами: «Ах, ты ещё и номер хочешь запомнить!» – так врезал на прощанье, что Шура ещё долго потом считал звёзды в заплывших глазах, а сосчитав, кое-как отряхнулся, поднял из пыли помятый курсантский билет и побрёл искать дорогу в родное Училище.

XIX.

Следующий день начался как обычно. Рота жила своей повседневной жизнью. Мы скинулись Шуре, кто по сколько смог,

и он утром поехал на вокзал и купил себе билет на поезд. А на сдачу купил пива и «проставился» ребятам. Когда вечером мы вернулись с тренировки, нас уже ждали. Оказывается, ребята, сидя за «пивасиком», обсуждали вчерашние события. Слово за слово, кто-то спросил у Шуры, запомнил ли он своих обидчиков. Шура сказал, что навсегда запомнил. Тут же созрел план мщения! Идея была проста и безумна: поехать на Московский вокзал и поймать этих грабителей! В лучшем случае – отметелить их от души, а потом сдать в милицию. В худшем – просто сдать в милицию. Идея возникла в подогретых пивом умах и жаждала своей реализации. Так, впрочем, как показывает история Человечества, начинались многие великие дела! Тут же был брошен клич! Желающие нашлись только среди курсантов нашей группы. Старшины были в числе сочувствующих, но сразу предупредили, что это авантюра, и они в ней участвовать не могут. Так как в случае непредвиденного развития событий их обвинят в организации противоправных действий с отягощающими для всех последствиями, а для них, в частности, полной обструкцией. Но нам совершить задуманное запрещать не будут и сделают вид перед начальством, что ничего об этом не знали. Нас, как спортсменов, ребята мобилизовали для силовой поддержки операции. Дело было добровольное, но согласились все. «Пепел Клааса стучал в наших сердцах!» (см. Шарль де Костер «Легенда об Уленшпигеле»).

Набралось нас человек двадцать. Перед нами стояло несколько проблем, которые надо было решить. Первая проблема была решена: нам не мешали совершить задуманное. Второй проблемой было найти «гражданку» (гражданскую одежду), так как курсанты в форме весьма приметны на общем фоне толпы и скрытность во время «операции» должна быть соблюдена. Решение нашлось просто: у каждого имелся спортивный костюм, состоящий из верхней части (спортивной «олимпийки») и нижней (тренировочных штанов). Поскольку такое количество «спортсменов» тоже привлекало бы внимание окружающих, то было решено всем одеть чёрные флотские брюки, а наверх надеть «олимпийки». Вид был, конечно, тоже стрёмный, но так в те времена ходила половина города. Следующей задачей было незаметно покинуть территорию Училища. Это можно было сделать только после того, как администрация Училища уйдёт домой. Выйти из Училища незаметно предполагалось через запасной трап Экипажа №2, дверь которого выходила на улицу и была заварена электросваркой. Но наши курсанты периодически взламывали эту дверь для совершения «самоходов» в город. Потом её опять заваривали (опять же, сварщиком был курсант

нашей роты), и всё повторялось сначала. С предыдущими задачами мы успешно справились, теперь надо было добраться до Московского вокзала. Решили ехать на троллейбусе. Остановка была недалеко от Учебного корпуса. Стоим, ждём троллейбуса. Подходит. Тормозит. Потом резко увеличивает скорость и несётся дальше, до следующей остановки! Ну, мало ли, может быть служебный, или что-то ещё … Второй троллейбус подъезжает. История повторяется. Тут мы понимаем, что наш вид не внушает водителям доверия. Мы, хотя и были одеты в разноцветные «олимпийки», но всё равно выглядели какими-то одинаковыми: цветной «верх», чёрный «низ» и у всех короткая стрижка. Хорошо ещё, что ремней с бляхами не видно из-под «олимпиек»! Это наше главное «оружие». Ремень с бляхой в умелых руках – страшная вещь! В боевое положение он приводится практически мгновенно: надо его выдернуть из брюк, поднять за бляху левой рукой, а ребром ладони правой руки ударить по внутренней поверхности свободного конца ремня, чуть выше застёжки с крючком. От удара ремень стремительно обвивает правую ладонь. Остаётся только зажать ремень в кулаке, и «смертельное оружие» готово! Полметра «кожи» с тяжёлой бляхой на конце – натуральный «кистень»! Им можно легко проломить голову «супостату»! Но тут надо учитывать, что и «супостат» может применить такое же оружие против тебя! Поэтому до этого ситуацию лучше не доводить!

Короче, не хотят нас везти, опасаются внешнего вида. Да мы и, действительно, сильно смахиваем на какую-то банду! Была применена военная хитрость. Часть нас отправилась на метро, другая часть укрылась в подъезде. На остановке осталось только двое. Подходит троллейбус. Открываются двери. Двое курсантов входят на первую ступеньку площадки и держат двери. А остальные стремительно вылетают из подъезда и мгновенно оказываются внутри салона троллейбуса. Всё! Можно ехать! Изумлённый водитель закрывает двери и начинает движение.

Я был в составе группы, добирающейся до Московского вокзала на метро. Мы договорились встречаться в Центральном зале вокзала. Когда мы поднялись наверх, то я нос к носу столкнулся с моей любимой тётушкой, которая провожала там кого-то из родственников. Мы оба обалдели от такой внезапной встречи, но я ей быстро обрисовал ситуацию. На что тётя просила меня быть осторожным, но я ей сказал, что нас здесь много и волноваться не стоит, а я ей потом позвоню. Да-а, Ленинград – город маленький!

XX.

Московский вокзал встретил нас сиянием огней, свистками маневровых тепловозов и гулом огромной, перемещающейся во всех направлениях толпы пассажиров. Собравшись вместе в Центральном зале, мы слегка опешили от вида всего этого бурлящего, окружающего нас со всех сторон, многоголосого пространства. Пивной хмель уже выветрился, и разгорячённые головы слегка поостыли. «Кого ловить? Как ловить? Где ловить?» – все эти вопросы предстояло нам решить, причём незамедлительно. Было решено сделать так. Мы разбиваемся на группы по 2-3 человека. Шура в чёрных очках в составе такой группы ходит по вокзалу и ищет своих обидчиков. А остальные группы смотрят на Шуру. Как только он их опознает, то подаст сигнал, и мы все к нему прибежим. Легко сказать – трудно сделать! Народу – тысячи! Ходим, смотрим. Ничего не случается. В конце концов оказываемся на стоянке такси, где вчера всё начиналось. Кругом море таксомоторов, толпы пассажиров с чемоданами. Полнейший хаос вокруг. Да ещё и стемнело, белые ночи ещё не начались в полной мере. В общем, ждал нас бесславный конец!

И тут вдруг нас настигла Удача! Кто-то из ребят увидел на заднем стекле одного из такси бутылку шампанского! Такси стояло не в общей куче остальных машин, а чуть в стороне, на тротуаре. И девица там какая-то крутилась рядом. На вид так себе, накрашенная «шмара вокзальная», лет около двадцати. «Шура, смотри! Она?» Шура снял чёрные очки: «Она!!!»

Эта картина, как в замедленном кино, сейчас прокручивается в памяти!

Со всех концов стоянки такси у Московского вокзала, разрезая толпу, как ледокол, крушащий заполярные льды, к одиноко стоящей машине с зелёным огоньком под лобовым стеклом неслись через ночь группы одинаковых, неуловимо похожих друг на друга, коротко стриженных молодых людей! Перепрыгивая через чемоданы и цепные ограждения, они стремительно окружали машину плотным человеческим кольцом, вырваться из которого не было уже никакой возможности! Эта картина сопровождалась единым выдохом «а-а-х!!!» обалдевшей людской толпы, которая мгновенно отхлынула от окружённой нами машины и вжалась в стены вокзала. Девица и какой-то здоровяк в ужасе вскочили в машину к водителю такси и закрылись в ней, подняв стёкла. Наклонившись к лобовому стеклу, за которым на переднем сиденье было видно бледное, как смерть, перекошенное лицо виновницы вчерашнего ограбления, Шура положил руку на капот машины и сказал: «Ну, что, сука,

узнаёшь?!» Ребята пытались открыть двери, но водитель их заблокировал и завёл мотор. Все мы ещё плотнее сгрудились вокруг машины, не давая ей тронуться с места. Водитель приоткрыл окно и заикающимся голосом стал быстро спрашивать: «Эй, мужики, вы чего? Что случилось-то?» Шура ответил ему: «Что-что? Эти гады меня вчера ограбили и чуть не убили!» Водитель сразу пошёл в отказ: «Я их не знаю! Давай, садись, сейчас в милицию поедем! Разбираться будем!» Шура от такой наглости, аж, поперхнулся! «Ща-ас! Сяду, держи карман шире! Давайте, вылезайте!» Но в такси все забаррикадировались, как в танке, и вытащить их у нас не было никакой возможности. Пришлось нам обратиться к милицейскому патрулю на Московском вокзале. Сержанты быстро вникли в суть дела, вызвали подкрепление, и вот уже два наряда милиции вывели всех из машины и, под удивлённые взгляды окружающих наша взволнованная толпа пересекла стоянку такси и перешла на другую сторону Лиговского проспекта, где располагалось в то время отделение милиции. Помещалось оно на первом этаже старинного здания с огромными освещёнными окнами, выходящими на Лиговский проспект. Нас всех попросили подождать, пригласив с собой только Шуру и ещё одного нашего «свидетеля». Мы стояли под окнами небольшой, но живописной ватагой, и выходящие из арки милиционеры иногда интересовались, что мы тут делаем. Узнав суть дела, они одобрительно хмыкали и оставляли нас в покое. С улицы нам прекрасно было видно, как девицу усадили на стул перед столом оперуполномоченного, как раз перед окном. Нас она не видела, так как на улице уже достаточно стемнело, а мы в освещённом окне видели её прекрасно, хотя и не слышали ни звука. Было понятно, что идёт допрос. Сначала девица держалась нагло, даже закурила. Но минут через пятнадцать с неё слетела вся эта бравада, и она, размазывая тушь и слёзы по щекам, что-то лепетала допрашивающему её оперу, а потом уткнулась лицом в руки, упертые локтями в колени, и затряслась в беззвучных рыданиях. Ещё минут через двадцать к нам вышел Шура и рассказал, что он написал заявление о нападении на него и ограблении, и по его заявлению будет заведено уголовное дело. Ещё через несколько минут вышел опер в гражданском костюме, удивился, что нас так много, сказал, что подозреваемые «раскололись» и похвалил нас за то, что мы сделали. Выяснилось, что милиция давно уже ищет банду грабителей, которые используют такси, но все пострадавшие не могли толком описать нападавших на них, и дело не сдвигалось с мёртвой точки. А теперь, похоже, оно будет возбуждено и всех нас завтра вызовут в

районную прокуратуру. Уточнив адрес Училища, он сказал, что завтра утром из прокуратуры туда позвонят и нам надо будет прибыть к следователю для дачи свидетельских показаний. А до завтра мы свободны. И, попрощавшись, ушёл обратно в отдел милиции.

XXI.

Мы победили! Чувство ликования переполняло нас, когда мы шли на троллейбусную остановку на Старо-Невский проспект. Начинался второй час ночи. Метро давно закрылось, и добраться на чём-либо в Систему было для нас уже проблематично. Мы вышли на остановку. Уже имея опыт посадки в транспорт, основная часть нас зашла в подъезд, а несколько человек остались на остановке. Пассажирского транспорта на улицах почти не было. Все маршруты отправлялись в парк. Нам это было на руку, поскольку троллейбусный парк Невского района располагался как раз на улице Седова, на которой и расположена наша Система. Вот к остановке подъезжает пустой троллейбус с погашенным освещением в салоне. С передней площадке выходит одинокий пассажир, прощаясь с водителем (вероятно, его знакомый). За те две секунды, пока он выходил и водитель закрывал двери, из подъезда вылетают человек шесть и успевают вскочить в салон троллейбуса. Обалдевший водитель захлопывает переднюю дверь, и троллейбус, резко увеличивая скорость, скрывается вдали. Так первая партия уехала! Ждём следующего. Второй троллейбус был, вероятно, последним на маршруте. Там тоже никого не было, но свет в салоне был. Когда водитель открыл двери, мы, теперь уже все, влетели в салон! Водителю мы сказали, чтобы не волновался: мы из мореходки и нам до троллейбусного парка надо доехать. В Ленинграде каждый второй житель города – моряк, поэтому водила улыбнулся и сказал: «Ну, тогда без остановок!» И мы понеслись по ночному городу, неся в Училище радостную весть о нашей Победе!

Проникнув в Экипаж №2 тем же путём, что и выходили, мы поднялись по запасному трапу на свой этаж. Рота не спала: ждали нас. Первый вопрос был один: «Ну, как?» – «Поймали!» – отвечали мы с гордостью и под радостный рёв встречавших нас товарищей, с чувством выполненного долга проходили через толпу однокурсников в свои кубрики. Разговоров было много, часов до трёх ночи. Спать мы ложились, когда новая заря уже начала окрашивать небо в розовый цвет. Начинался новый день.

XXII.

Утро принесло нам ощущение, что день сегодня будет не похож на другие. Но пока всё было спокойно, и мы, как обычно, занялись текущими делами. Нас даже успели построить после завтрака для развода на работы. Но тут во двор Учебного корпуса вбежал запыхавшийся отец-командир, и едва переводя дух, набросился на старшину: «Что у вас тут было? Так – рас так!!! Почему меня к Начальнику Училища вызывают? Так – рас так!!! Какие, (нах!), свидетели?! Мать – перемать!!!» Старшина роты вместе со старшиной группы доложили ему, что вчера на вечерней поверке все присутствовали, никаких происшествий в роте не произошло. А то, что было ночью – они не в курсе, так как спали в расположении роты согласно распорядку дня. Командир сказал, чтобы они не делали из него идиота, а сказали прямо, всё как было, так как сейчас ему надо что-то докладывать Начальнику Училища. Вкратце уяснив суть произошедшего, он бегом направился в кабинет Начальника. Через полчаса, уже успокоившийся и с нормальным цветом лица, он приказал всем, кто участвовал в «ночной операции», переодеться по форме номер три, получить увольнительные билеты и следовать в прокуратуру Центрального района. После нашего возвращения старшинам обо всём ему доложить. Выполняйте!

Мы помчались переодеваться, и через час были уже в здании прокуратуры. Там нам сказали подняться на второй этаж и обратиться в такой-то кабинет. Коридоры были узкие, кабинеты маленькие. И вся наша ватага просто не помещалась не только в кабинете, но и в коридоре. Часть нас стояла на лестнице. Следователь – молодая девушка, изумлённо спросила: «Это что, вы все, кто ловили преступников?» – «Нет, не все! Часть ещё на лестнице стоит!» – отвечали мы. «Ну, мне столько народу не надо! – улыбнулась девушка. – Зайдите трое, кто-нибудь, мне надо будет ваши показания записать». Мы выделили троих, и они стали официальными свидетелями по этому уголовному делу. Потом ребята нам рассказали, что скорее всего осенью, состоится суд, и всех, кто давал свидетельские показания, вызовут на судебное заседание повестками. Через два часа мы уже вернулись в училище и докладывали отцу-командиру о происшедшем.

После обеда командир построил роту и прочитал нам всем «Кузькину мать!» Он сказал, что понимает, что нами руководили чувства товарищества и взаимовыручки, но чтобы мы зарубили себе на носу, что «каждый умирает в одиночку!» И что нам надо ещё окончить Училище, и что за каждого из нас он отвечает лично, и чтобы такое больше не повторялось! А за дисциплину в роте он спросит со старшин, и пусть они пеняют на себя, если

что-то будет не так, как положено! Все поняли?!! «Так точно!» – весело гаркнули мы, понимая, что наказания за «самоход» не будет. Недаром гласит древняя мудрость: «Победителей не судят!» А мы чувствовали себя Победителями!

XXIII.

Но пока «победителям» приходилось совершать трудовые подвиги. Работать летом – сущая пытка! Всё цветёт, благоухает и зовёт на природу. А ты тут имитируешь кипучую деятельность «отсюда и до обеда». Хорошо, что тренировки по гребле позволяли нам вырваться из Системы и хотя бы ненадолго вдохнуть этот воздух Свободы! Тренировались мы с большой охотой! Можно было причалить в удобном месте и искупаться в своё удовольствие. На воде загар на кожу ложится во много раз быстрее, чем на берегу: отблески от волн дают дополнительный эффект. Поэтому мы становились бронзовыми, крепкими и здоровыми парнями, с гордостью носящими морскую форму. Форма №2 предписывает ношение белой форменки с пришитым к ней синим воротником с тремя белыми полосками, тельняшки и чёрных брюк. А также фуражки с белым чехлом. Чёрные ботинки дополняют картину. Поскольку мы были уже не «салагами», а «годками Флота Российского», то могли позволить себе некие «вольности» в отношении обмундирования. Белые форменки ушивались в талии, облегая наши торсы. Из фуражки вынимались пружины, и боковые поля верха фуражки опускались вниз, а передняя часть тульи заламывалась немного назад. Получалась флотская «мица». Если же выдавалась летняя фуражка, то она не содержала матерчатого верха и представляла собой облегчённый вариант из околыша с лаковым козырьком и подпружиненного белого чехла, надеваемого на своеобразные «крылья» на тулье, сделанные из материала типа рогожи. Она была гораздо легче обычной «мицы», и в ней было не так жарко. По жаре было гораздо приятнее ходить вообще без фуражки, поэтому вне Училища мы одевали их по необходимости. Белые курсовки на рукаве пришивались не особо прочно, чтобы их можно было отпороть в случае стирки форменки. Тельняшка в жару была лишней, поскольку была довольно тёплой. Поэтому все покупали в Военторге тельняшки-маечки, а те из нас, кто хотел вообще обойтись без тельника, вырезали из старья треугольник с тремя чёрно-белыми полосками и пришивали его внизу выреза белой форменки, имитируя наличие тельника под ней. Некоторые обрезали и тельняшки-маечки, до уровня подмышек. Получался этакий «топик», напоминающий женский бюстгальтер. Это

«творение» так и называли – «лифчиком». На форменке прекрасно смотрелись наши спортивные награды (у меня лично с правой стороны груди красовался честно заработанный мною значок «1 разряд» по гребле на байдарке), а те, у кого таких наград не имелось, довольствовались комсомольскими значками на закрутке, которые обрамлялись в оправу из переделанного знака классности мичманов. Они содержали развивающийся военно-морской флаг и золотистые крылышки по бокам. Крылышки мы отпиливали, оставляя флаг, и просверливали в середине знака отверстие, куда вставлялась закрутка комсомольского значка. Вид сразу становился солиднее и импозантнее. Как говорили на флоте: «Моряк должен выглядеть так, чтобы девушка, взглянув, даже если бы и не отдалась ему, то подумала бы об этом». Для поездки в отпуск все покупали себе шитые золотой канителью морские «крабы» на фуражку. Пряжки ремней заменялись на военморовские, со звездой в середине якоря. Покупались летние чёрные туфли на каблуке и шились лёгкие чёрные «клёши». Вот теперь курсант был готов провести оставшиеся летние месяцы в родных краях! И появиться перед бывшими одноклассницами во всём флотском блеске, а перед одноклассниками (теми, кто не попал на весенний призыв в Армию) демонстрировать флотскую удаль, блестя тремя широкими галками золотой тесьмы шитого курсового знака на левой руке.

XXIV.

Попадая домой, пережив первые радости встреч после долгой разлуки с родными и близкими людьми, ты вдруг понимал, что целый год провёл вдали от этой прежней спокойной полусонной жизни, которая продолжалась в твоём родном городе без тебя. И, если бы ты не поступил в Училище, сейчас бы маршировал где-нибудь на плацу учебной роты в зелёном х/б и сапогах. Или учился в местном учебном заведении, или осуществлял вторую попытку поступить туда после неудавшейся первой, таким образом пытаясь избежать осеннего призыва. Или работал бы на какой-нибудь неквалифицированной работе в ожидании того же осеннего призыва. Крутил бы романы с бывшими одноклассницами, ходил с ними на танцы в городской парк. Пил бы разливное пиво из кружек у бочек, стоящих у продовольственных магазинов, и повторял жизнь своих родителей, всю жизнь проживших в этом городе и не знавших жизни другой.

Поэтому, обойдя оставшихся в городе друзей, узнав все новости и побывав на танцах в городском соду, ты начинаешь

скучать понемногу по той, другой жизни, которая ещё не настала, но всегда была в твоих мечтах. Радуешься, что ты сумел найти дорогу к этой своей Большой Мечте и следуешь к ней верным курсом. Ты вспоминаешь, что за неделю до отъезда в отпуск старшина второй группы, уроженец Туапсе, Коля Теньков, попросил тебя, как признанного художника роты, нарисовать ему на белой футболке «настоящего моремана», чтобы сразить своих сухопутных поклонниц высокохудожественным образом моряка. И рисунок на ткани футболки так удался, что твой друг Сева, из славного города Кишинёва, из той же второй группы, не поленился и перенёс его на прозрачную кальку во всех подробностях. Таким образом спасая шедевр от забвения. Потом вручил тебе эту кальку с напутствием изобразить это, уже один раз нарисованное, в туше на бумаге. И вот ты, вооружившись инструментами: бумагой формата А3, тонкими плакатными перьями и пузырьком с чёрной с тушью, начинаешь творить образ, который бы выражал всю суть морской жизни курсанта мореходного училища. Три дня тебе не оторваться от этого листа бумаги, на котором появляется прорисованный во всех мелких деталях, коренастый, с мозолями от канатов на мускулистых руках, затянутый в ушитую до последней степени морскую форму №2, побывавший не в одном дальнем заграничном плавании Морской Волк. Стоящий у входа в пивной бар и всем своим видом показывающий, что «моряки всё пропьют, но Флот не опозорят!»

И тогда твой отец, увидев готовый рисунок, будет сожалеть, что ты так и не окончил детскую художественную школу. А потом унесёт этот рисунок на работу и размножит его на ротаторе в достаточном количестве, чтобы ты смог подарить его всем своим друзьям по мореходке. А ты, закончив работу, рванёшь на Волгу, к своим товарищам по спортивной секции гребли ДСО «Трудовые резервы». И, узнав у сторожа на пустующей гребной базе, что все находятся на спортивных сборах в Лисицком Бору (в тридцати километрах от города ниже по течению Волги), ты уедешь на рейсовом «Метеоре» на пару-тройку дней к своему любимому тренеру. И к ребятам, с которыми прошёл на вёслах не одну сотню километров за три года занятий, съел с ними ни один пуд соли на спортивных сборах и выжал из промокшей на тренировках тельняшки мешки пота.

Ребята и тренер с восторгом встретят тебя, поселят с собою в палатке, обеспечат лодкой, сляйдой и веслом, накормят в столовой турбазы, и ты почувствуешь себя дома! Так как опыт жизни в коллективе, который ты приобрёл на занятиях в спортивной секции, в полной мере пригодился тебе потом в мореходном училище. А немногим позже, когда ты приедешь домой в свой следующий отпуск, тренер подарит тебе собственноручно сделанную им из шпона и дерева под лаком,

уменьшенную модель спортивного байдарочного весла Laminate, с надписью на лопасти: «Вадиму на память» и подписью с «птичкой» – Иванов В.А. (Валентин Александрович).

Но это – потом. А сейчас ты отдыхаешь душой и телом, которое впитывает в себя всё, что может дать человеку Родная земля, Родные просторы и родные по крови и по духу Люди, связь с которыми ты пронесёшь через всю свою жизнь. И всегда будешь возвращаться туда, где ты родился, где тебя помнят и ждут, и всегда тебе рады!

Часть вторая: «Горе от ума!»

XXV.

Теперь ты курсант третьего курса! Настала пора оправдывать три «галки» на рукаве, которые ты проносил всё лето, красуясь в отпуске перед барышнями. Это там ты был бывалым и неотразимым! А теперь, стоя в общем строю роты, ты снова привыкаешь к флотскому порядку, и всё, произошедшее с тобой в отпуске, тает, как приятный, но короткий сон. Распорядок дня Ленинградского Мореходного Училища ММФ СССР неумолимо требует своего исполнения. И ты, являясь неотъемлемой частью этого огромного механизма Системы, крутишься целый день, выполняя приказы начальства. Единственное преимущество в том, что для второкурсников априори ты уже являешься неким авторитетом. И это – капля мёда в бочке дёгтя, в которой тебе предстоит барахтаться целый учебный год.

НЕДЕЛЬНЫЙ РАСПОРЯДОК
Ленинградского Мореходного Училища ММФ

ВРЕМЯ	ДНИ НЕДЕЛИ: ПН.	ВТ.	СР.	ЧТВ.	ПТН.	СБ.	ВОСКРЕСЕНЬЕ
07.00	ПОДЪЕМ						08.00-08.10 ПОДЪЕМ УБОРКА КОЕК
08.05-07.15	ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАРЯДКА						08.10-08.40 МАЛАЯ ПРИБОРКА И ЛИЧНАЯ ГИГИЕНА
07.15-07.35	УБОРКА КОЕК И ЛИЧНАЯ ГИГИЕНА						
07.35-07.40	ПОСТРОЕНИЕ И ПЕРЕХОД К-ТОВ 1ой СМЕНЫ НА ЗАВТРАК						08.40-09.00 ЗАВТРАК 1ой СМЕНЫ
07.40-8.00	ЗАВТРАК 1ой СМЕНЫ(7.55-8.00)						
08.00-8.10	ПОСТРОЕНИЕ И ПЕРЕХОД К-ТОВ 2ой СМЕНЫ						09.20-09.40 ЗАВТРАК 2ой СМЕНЫ
08.10-08.30	ЗАВТРАК 2ой СМЕНЫ(8.07-8.37)						
08.40-08.50	УТРЕННИЙ ОСМОТР И РАЗВОД НА ЗАНЯТИЯ						10.00 УВОЛЬНЕНИЕ В ГОРОД
09.00-09.45	1ый ЧАС ЗАНЯТИЙ						
09.55-10.40	2ой ЧАС ЗАНЯТИЙ						10.00-12.00 ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ САМОСТ. ЗАНЯТИЯ ДЛЯ НЕУСПЕВАЮЩИХ КУРСАНТОВ
10.50-11.35	3ий ЧАС ЗАНЯТИЙ						10.00-12.00 КУЛЬТ-МАССОВЫЕ И СПОРТ. МЕРОПРИЯТИЯ. СМОТРЫ ИРП (ГУБИН (ПО ОСОБОМУ ПЛАНУ)
11.45-12.30	4ый ЧАС ЗАНЯТИЙ						
12.35-13.20	5ый ЧАС ЗАНЯТИЙ ОБЕД ДЛЯ К-ТОВ 1СМЕНЫ 12.45-13.15						12.00-13.20 ОБЕД 1ой СМЕНЫ
13.25-14.10	5ый ЧАС ЗАНЯТИЙ ОБЕД ДЛЯ К-ТОВ 2 СМЕНЫ 13.45-14.00						
14.15-15.00	5ый ЧАС ЗАНЯТИЙ						14.00-14.30 ОБЕД 2ой СМЕНЫ
							14.30 УВОЛЬНЕНИЕ В ГОРОД
							14.30-16.00 РАЗРЕШАЕТСЯ ОТДЫХ В ПОСТЕЛЯХ
							14.30-17.30 КУЛЬТ-МАССОВЫЕ И СПОРТ. МЕРОПРИЯТИЯ
15.55-16.05	ВЕЧЕРНЯЯ ПРИБОРКА						17.30-18.00 УЖИН 1ой СМЕНЫ
16.05-16.25	ЛИЧНАЯ ГИГИЕНА, ПЕРЕХОД В ОТДЕЛОЧНУЮ						
16.25-16.30	УЖИН 1 СМЕНЫ: 17.55-18.25						18.30-19.00 УЖИН 2ой СМЕНЫ
16.30-16.40	УЖИН 2 СМЕНЫ: 18.25-18.55						
16.40-16.55	ПЕРЕХОД В УЧЕБНЫЕ КОРПУСА						19.00-20.00 КУЛЬТ-МАССОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
16.55-17.10	1ый ЧАС ЗАНЯТИЙ						
17.15-17.55	2ой ЧАС ЗАНЯТИЙ						20.00-20.45 ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА НЕУСПЕВАЮЩИХ КУРСАНТОВ
17.55-18.30	3ий ЧАС ЗАНЯТИЙ						
18.30-19.30	ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА						20.45-21.00 ЛИЧНАЯ ГИГИЕНА И УХОД НА СНУ
19.30-20.45	ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА						
20.45-21.00	ЛИЧНАЯ ГИГИЕНА И УХОД НА СНУ						
23.00	ОТБОЙ						23.00 ОТБОЙ

Начальник училища ММФ

Четвёртый курс РТО, блеснув в самом начале сентября своими нашивками с четырьмя «галками», исчез из Училища, отправившись на сельскохозяйственные работы по уборке урожая картофеля в одно из подшефных хозяйств Ленобласти. Пятый курс, с золотым иконостасом до локтя из пяти широких нашивок на курсовом знаке, не спеша возвращался с плавательной практики, постепенно вливаясь в ряды личного состава Училища. Для этих высоких, загорелых, просоленных всеми морскими ветрами и уверенных в себе мореманов мы были чем-то далёким и нематериальным, как призраки былых времён их курсантской юности. Это объяснялось тем, что они заглянули в свою будущую жизнь. Это так же, как если бы грешнику при жизни показали Райские кущи! Они были очарованы увиденным, и предстоящие полгода в Училище, были для них Чистилищем, после которого они завершали свой «земной» путь и переходили в иную, «морскую» реальность.

Каждый год курсантам полагалась новая форма, за исключением бушлатов, шинелей и головных уборов, которые выдавались один раз на весь период обучения. За год рабочее платье (роба) изрядно выцветало и застирывалось, поэтому третьекурсники выглядели иначе, чем второкурсники в своих новеньких робах. Зная на «своей шкуре», что рабочее платье не зря зовётся робой (очень созвучно слову – работать!), третьекурсники не выбрасывали свою старую робу (которая теперь называлась «рабочее платье второго срока ношения», а использовали её по прямому назначению. То есть все мероприятия по уборке или работам по Училищу выполнялись именно в старых робах. Это позволяло не заморачиваться каждый раз со стиркой, и выглядеть всегда чисто и опрятно, так как на занятия мы надевали рабочее платье первого срока ношения.

Вообще, такого гардероба форменной одежды, как у моряков, нет, наверное, ни у кого! Существует шесть видов морской формы:

Форму №1 мы никогда не использовали, так как она подразумевала ношение белой форменки и белых брюк. В нашем климате она не использовалась, поэтому нам и не выдавалась.

Форма №2 летняя (у нас она называлась «белый верх, чёрный низ»): белая форменка и чёрные флотские брюки, фуражка с белым верхом.

Форма №3 повседневная: тёмно-синяя шерстяная форменка с матросским воротником, три полоски на котором символизировали три Победы Русского Флота (Чесменское, Гангутское и Синопское сражения). Чёрные брюки и чёрная фуражка.

Форма №4 осенняя: в этом случае на форму №3 сверху надевался чёрный бушлат.

Форма №5 зимняя: вместо бушлата надевалась шинель и зимняя шапка, или фуражка. Во втором случае мы называли это: «быть одетым по форме «гвоздь», так как широкие поля фуражки в сочетании с длинной шинелью напоминали именно этот строительный материал.

Форма №6 зимняя: подразумевала ношение с формой №5 шапки с завязанными ушами.

Форму №6 моряки никогда не использовали. Они ухитрялись заправлять уши под шапку, завязанную сверху, так, что уши почти полностью находились под шапкой. Это спасало от тридцатиградусных морозов, которые навалились в ту зиму на Ленинград. Большая влажность воздуха делала мороз жгучим, уши сворачивались «в трубочку» через минуту пребывания на

морозе. Я сам однажды чуть не поплатился за свою беспечность, пытаясь зимой дойти от Учебного корпуса до станции метро «Елизаровская» пешком в шапке с поднятыми ушами.

Так вот, пятикурсникам выдавалась новая форма №3, но не выдавалось рабочее платье. Пятый курс не привлекался ни к каким-либо работам по Училищу, а выполнял только дежурные функции по несению вахты. Повседневная форма одежды для них была форма №3. Новую форму они берегли для выпуска, хотя после окончания Училища носить её было просто негде, и оставляли её потом только себе на память. Некоторые пятикурсники своеобразно «чудили», одевая новую форму, без каких-либо подгонок по фигуре. Они были, ну просто, «в ж…пу уставными»! В широченных тёмно-синих форменках с раздутыми на рукавах у манжет «фонарями», с резиновыми жёлтыми «галками» курсовых знаков на рукаве. В уставных прямых чёрных брюках и с круглым, не согнутым в овал «плевком» (кокардой с якорем) на подпружиненной, похожей на аэродром, фуражке. Поскольку ремень с якорем на бляхе выдавался на первом году обучения, то к пятому курсу большинство курсантов уже носило бляхи ВМФ, где был якорь со звездой. Пятикурсники менялись с второкурсниками бляхами, чтобы выглядеть, как предписывал Устав внутренней службы. В общем, каждый сходит с ума по-своему! Вид у таких «уставников» был дебильный, но нашивки пятого курса прощали любые «закидоны» будущих выпускников.

XXVI.

На нас навалилась учёба. Общеобразовательные предметы закончились ещё на втором курсе. Математика, электро-радиоматериалы, черчение, морское дело – всё было пройдено. Теперь, подкованные теоретически, мы вгрызались в конкретное радиожелезо, которое стояло на судах торгового и рыбопромыслового Флота СССР. Судовой радист – это специалист, разбирающийся во всём, что может потреблять электрический ток. И почти всё, что он должен знать, мы должны были понять и запомнить именно на третьем курсе. Всё обилие информации, свалившееся на нас, нужно было аккуратно рассортировать, разложить по полочкам наших кипящих мозгов и выучить как «Отче наш». Так как от этого в будущем зависела не только твоя жизнь, но и жизни многих людей, с которыми тебе предстояло работать в море. В школе не все изучали английский язык. Я, лично, учил немецкий. Здесь же пришлось начинать с азов. Но на третьем курсе мы все сравнялись по уровню языковой подготовки, и нам предстояло изучать технический английский

язык и соответствующую техническую и справочную литературу.

Предмет Эксплуатация радиосвязи (ЭРС) был одним из основополагающих в нашей подготовке. Здесь нельзя было «сачкануть». Скорость передачи и приёма морзянки возрастала от занятия к занятию. И пропуск хотя бы одного занятия по любой, даже уважительной причине (наряд или болезнь), могли привести к тому, что на еженедельной контрольной работе ты мог схватить «два шара» (получить оценку 2) и остаться без увольнения в город на всё время, пока оценка не будет исправлена хотя бы на 3. Пять ошибок в принимаемом тексте, или группе цифр, и ты уже пополнил состав «дурбата»! Поэтому на контрольные приходили и живые и «мертвые», с повязками дневальных или дежурных, или в бинтах и с костылями, но явка на контрольных работах была всегда почти 100%. Вечерняя самоподготовка по ЭРС проходила добровольно, но каждый уделял ей не менее часа в день. Главной проблемой было найти свежую газету, текст которой передавался нами поначалу на вертикальном телеграфном ключе («клоподаве»), а затем и на горизонтальном («пиле»). «Ставить руку» (этот термин применим не только у музыкантов, но и у радистов) приходилось самому. Поэтому у каждого радиста вырабатывался свой «почерк». И мы на слух уже различали, кто из товарищей как «работает в эфире». Для тренировки приёма морзянки на слух кто-либо из курсантов, обладающих «разборчивым почерком» при передаче, садился за преподавательский стол, брал какой-либо текст и включал общую трансляцию или трансляцию на наушники-радиотелефоны, имеющиеся на каждом учебном столе. Тон передаваемого сигнала можно было изменять от самого низкого до самого высокого. Когда все сидели в наушниках и «передающий» курсант, сидя за столом преподавателя, настраивал высоту тона сигнала, передавая постоянно одну и ту же букву «V», и неосторожно «залезал» в высокочастотную область, то всех бил по ушам очень болезненный звуковой удар! Все разом скидывали наушники, и материли «передающего» со всей пролетарской ненавистью!

Предмет «Радиооборудование судов» (РОС) вёл преподаватель Филимонов. Он тоже в прошлом был выпускником ЛМУ и, поработав на судах и став начальником радиостанции, перешёл на преподавательскую работу в Училище. Он прекрасно знал все курсантские уловки и безжалостно пресекал всяческое недобросовестное отношение к своему предмету. Лекции он читал тихим голосом, без особых эмоций, и всё, что мы за ним записывали в конспект, требовал изложить при ответе слово в слово. Лекции проходили нудновато, но знать это всё было необходимо. Поэтому мы зубрили записи лекций, как

стихотворение без рифмы, с одновременным прохождением указкой по хитросплетениям линий принципиальных схем радиоаппаратуры. Читать конспект без схемы радиооборудования было бесполезно, так как на слух записанное воспринималось как бред сумасшедшего. Поэтому мы часто называли конспекты по РОС «Филькиной грамотой». Мы стонали поначалу, но потом наше «серое вещество мозга» включалось, и мы как заправские попугаи могли повторить всё, записанное нами, перед преподавателем, с одновременным прохождением указкой по электрическим цепям схемы. Потом количество переходило в качество, и мы могли осознавать то, что произносили вслух. Процесс обучения продолжался.

XXVII.

Но продолжался он недолго. Ровно через месяц после начала занятий, четвёртый курс вернулся в Училище, чтобы вновь из него убыть на этот раз на стажировку на Военно-Морской Флот. К радости сельских тружеников и правительства Ленинградской области урожай картофеля в тот год превысил все ожидания. Наши четверокурсники добросовестно помогали труженикам полей этот урожай собрать, но времени убрать всё не хватило. Приближались заморозки, и убрать картошку нужно было любой ценой. Этой ценой стал наш учебный график. Приказом Начальника Училища в экстренном порядке наша рота была снята с учёбы и мобилизована на борьбу с небывалым урожаем!

Сентябрь был тёплым. Начало октября тоже не было холодным. Нас переодели в рабочее платье второго срока ношения, выдали каждому бушлат и вещмешок с сухим пайком, погрузили в автобусы и отправили на «передовую» Битвы за Урожай! Накануне «ленинградцев» отпустили домой, и ребята захватили в нашу поездку кассетный магнитофон с записями «Пинк Флойд» и других модных групп и запасные батарейки. Лёжа в проходе автобуса на вещмешках под музыку «Би Джиз» в обработке для симфонического оркестра, мы ехали в неизвестность. Наше будущее, всё то, что нам предстояло испытать через год, опередило время и стало для нас настоящим.

Место, где нам предназначалось совершить трудовой подвиг, находилось недалеко от какой-то деревни. На окраине картофельного поля были выстроены несколько деревянных бараков, в каждом из которых стояли металлические койки, несколько тумбочек и нагревательный агрегат, напоминающий

мангал для шашлыков с встроенными электрическими спиралями. Перед бараками находились длинные ряды умывальников. В отдельном помещении размещался камбуз и столовая. В столовой стояли сколоченные из досок длинные столы, укрытые клеёнкой, и деревянные лавки. Металлические миски, кружки и ложки, да ещё большие алюминиевые кастрюли и чайники. Кашеварили наши курсанты с АХО. Там, видно, были специалисты и по приготовлению пищи. Столовая была небольшая, поэтому приходилось принимать пищу в несколько смен.

Меню было одно и то же: на первое – вода с картошкой (иногда попадались кусочки мяса и капусты), на второе – картошка без воды (с теми же кусочками мяса и капусты), на третье – вода без картошки и капусты, называемая чай или компот. Хлеб добавлялся к любому из этих блюд.

В поля нас доставляли на бортовых машинах, которые возили мешки с собранной картошкой. По полю ехал трактор со специальным уборочным агрегатом, который выворачивал из земли клубни картофеля, а нам оставалось лишь собрать их с борозды в мешки, а ботву – в кучи на краю поля. Мешки грузились нами на машины и убывали в овощехранилище. Работа на свежем воздухе повышала наш аппетит, освобождала голову и продолжалась «отсюда и до обеда», а после обеда – до ужина. В вечернее время нас ждали развлечения: пара фонарей на деревянных столбах за окном, да бесконечный «Пинк Флойд» из магнитофона. Можно было сходить в соседний барак в гости к другой группе. Там была гитара. После недели «уборочной страды», похожие на белорусских партизан, заросшие щетиной и ненавидящие картошку в любых её видах, мы стали придумывать себе занятия для досуга после работы.

Наши соседи, выяснив, что после нас в бараках будет производиться ремонт и все обои на стенах можно использовать в своё удовольствие, начали заниматься художественной росписью стен, на которых ещё до нас уже были нарисованы чрезвычайно оригинальные изображения «ублюдков». Это были рисунки шариковой ручкой, в большом масштабе, с качественно прорисованными деталями, можно сказать авангардное искусство! Жуткие, и, в то же время любопытные физиономии и тела «ублюдков» создавали сюрреалистическое пространство, в котором каждый ублюдок не был похож на другого и имел свой порядковый номер. Так «ублюдок №1» занимался сбором картошки, «ублюдок №2» играл на гитаре, остальные «ублюдки»

занимались каждый своим любимым делом. А нашим любимым делом становилось рассматривание этих «ублюдков». Тут был даже портрет нашей всеми любимой «Шары». Наконец-то мы увидели её воочию! Ну, и карты, конечно же, имелись в каждой группе. Не шахматы же брать с собой на картошку!

Дни были солнечными, можно было ходить без бушлатов. Но ночи становились всё прохладнее. Если включали обогреватель, а в соседних бараках тоже пытались ими согреться, то вылетали пробки. А без электричества магнитофон играл недолго. Быстро садились батарейки. Чтобы согреться ночью, мы придумали составить все койки в один ряд вплотную друг к другу. Ложились все под одеяла, сверху бушлаты. Спали иногда одетыми в робах. Толя Стеценко умудрился откуда-то натащить каких-то тряпок, чуть ли не сена. В общем, устроил себе подобие какого-то гнезда, накрывался с головой, и как всегда в койке его не было видно: мастер маскировки! Мы уже настолько привыкли к нашей «партизанской» жизни, что ребята стали разрисовывать свои робы хлоркой, украшая их орнаментом, рисунками и надписями на английском языке «Potatoes-79». Ну, прямо «индейцы» какие-то! Командир смотрел на это всё, плевал в землю и шёл к себе пить водку, прекрасно понимая, что нас здесь в это время и в этом месте не должно было быть! И пусть лучше рисуют на спинах, чем будут следовать его примеру, а потом не выйдут на работу.

К сожалению, на снимке курсанты не нашей роты. Но мы выглядели так же, как они.

В предпоследний день работы нам дали дембельский аккорд: надо было загрузить огромную кучу турнепса в мешки. Загрузить этими мешками с турнепсом «КамАЗ» и убрать погрузочную площадку. Мы скрупулёзно выполнили приказ и завалили кузов мешками так, что у «КамАЗа» спустило колесо. Когда пришёл водитель, то долго матерился, так как для того, чтобы сменить колесо, нужно было разгрузить машину полностью. Теперь уже матерились мы, но разгрузили всё обратно. А на следующий день, после замены колеса, погрузили осточертевший турнепс вилами в мешки вместе с соломой и всяким лежащим под ногами мусором, и перекидали всё в кузов. А оставшуюся сельхозпродукцию разметали за территорию погрузочной площадки. Когда приехало руководство сельхозпредприятия, в шляпах и длинных чёрных кожаных регланах, в сопровождении нашего командира, то они нашли идеальный порядок на погрузочной площадке и отъезжающий последний «КамАЗ», гружённый дарами урожая 1979 года.

В Училище мы ехали под песню «Queen» ***We are the Champions!*** Мы возвращались домой и твёрдо знали: «Учение – свет!» Когда рота пришла на ужин в столовую Экипажа №2, дежурный офицер, следящий за порядком прохода курсантов в помещение столовой, обалдело смотрел на наши небритые счастливые физиономии. На робы, расписанные в лучших национальных традициях индейцев Северной Америки. Он хотел что-то сказать, но только махнул рукой, разрешая войти в зал столовой для принятия пищи. На ужин были макароны! Какое счастье! А после ужина командир построил роту и приказал всем вымыться в душевых подвала Экипажа №2 и переодеться в рабочее платье первого срока ношения. А все старые робы пустить на ветошь для уборки помещения роты. Утром мы шли на занятия чистые, гладко выбритые и были готовы с радостью продолжить обучение на третьем курсе ЛМУ ММФ СССР!

XXVIII.

Окунувшись с головой в учёбу, мы почти позабыли нашу «летнюю операцию» по захвату грабителей. Но о нас не забыли. В начале ноября в Училище пришли повестки явиться в суд. Те из наших ребят, кто давал свидетельские показания в прокуратуре, должны были прийти на заседание суда и участвовать в судебном

процессе. По училищу опять прошла информационная волна, вызванная воспоминаниями о летних событиях. Процесс получился громким. На скамье подсудимых были трое преступников: двое мужчин, напавших на Шуру Овчинникова, и одна женщина – наводчица. Всплывали новые факты по их преступной деятельности. Водителя такси не привлекали по делу, так как Шура его не опознал. В момент задержания были только один нападавший на Шуру мужчина и женщина. Второго грабителя взяли под арест через пару дней после задержания подельников. Они сдали его следствию.

Наши ребята поехали в суд, где был вынесен приговор этой банде. Сроки всем грабителям дали немаленькие. Одному из мужчин – 7 лет колонии, ввиду его сотрудничества со следствием и наличия у него маленьких детей, а второму грабителю и наводчице – по 10 лет колонии, уж не помню, какого режима! Трудно было понять, почему именно Шура, простой курсант мореходки, не обладающий какими-либо большими деньгами, стал объектом нападения на него этой банды. Но факт остаётся фактом: благодаря нашим действиям, на одну банду в Ленинграде стало меньше!

Ближе к зиме в Училище опять возник интерес к этой теме. В газете «Ленинградская правда» была напечатана небольшая заметка в рубрике «Милицейская хроника». В ней кратко описывались все события нападения на Шуру. В заметке его имя указывали под псевдонимом «товарищ О.» Журналист писал: «На следующий день после нападения на него, товарищ О. вернулся на Московский вокзал со своими друзьями, и им удалось задержать преступников и передать их органам милиции». К нам в роту пришёл наш замполит Радиотехнического отделения (заместитель Начальника РТО по политической части), Ануфриев Б.Е. Он зачитал перед нашим строем эту заметку и объявил от имени Органов Внутренних Дел благодарность курсантам нашей роты за участие в поимке опасных преступников. Шура стал «Легендой» нашего Училища, и теперь, при встрече с ним, замполит Ануфриев здоровался с ним за руку и называл его «товарищ О.»

Позже был ещё один случай с участием нашей роты. Но непосредственного участия в нём наша группа не принимала. Мы застали только финал этой истории. Со слов очевидцев, дело было так.

В конце мая нашу группу сняли на неделю с занятий и отправили в пионерский лагерь «Маяк» Балтийского Морского Пароходства. Мы должны были подготовить территорию лагеря к

заезду первой смены детей. Провести неделю на свежем воздухе после напряжённого учебного процесса в Училище, не особо утруждаясь, было для нас просто наградой! Жили мы как в санатории! Кормили нас великолепно, работой не мучили. Вечерами мы играли в футбол с местными подростками да ходили к ним в местный сельский клуб на танцы. Даже в нашем рабочем платье мы выглядели «первыми парнями на деревне». В общем, как говорится: «Чудно время провели!» А когда мы вернулись в Училище, то сразу же попали на построение роты перед Экипажем №2, где нашему отцу-командиру в торжественной обстановке от руководства города была объявлена благодарность и вручён ценный подарок – наручные часы! «За помощь, оказанную курсантами нашей роты по поддержанию порядка во время проведения массовых культурных мероприятий по случаю Дня выпускника», – за точность формулировки не могу ручаться, но смысл был примерно таким.

Как нам рассказали потом ребята, в период начала Белых ночей в Ленинграде на набережных Невы всегда проходят массовые гуляния школьников и учащихся. Теперь это называется «Алые паруса», но тогда официального названия не было. Просто по Неве ходил парусник с алыми парусами, а учащиеся праздновали окончание учебного года. Наши курсанты тоже хотели поучаствовать в этом празднике. Как организовывалась эта вылазка, в деталях, я не знаю. Но желающих набралось довольно много. Было решено покинуть училище во время выхода роты на вечернюю прогулку. «Самоходчики», одетые в форму №3, в составе марширующей роты вышли через ворота училища, а за поворотом организованно покинули строй и рванули на Невские берега. Поредевшая рота вернулась в Училище, а счастливцы увидели ночной Ленинград, разводку мостов и народные гуляния. Вероятно, опыт стояния в оцеплении во время праздничных салютов на мостах Города трёх революций для наших курсантов не прошёл даром и был применён в полной мере и здесь. По некоторым данным, наши курсанты помогли милиции осуществить несколько задержаний нарушителей общественного порядка. Была пресечена попытка изнасилования какими-то гадами подвыпившей десятиклассницы. Двоих школьников, впервые попробовавших спиртное, тоже удалось спасти, благодаря нашим курсантам. И вдобавок ко всему в какой-то драке наши ребята помогли милиции задержать хулиганов. Как это происходило конкретно, сейчас никто уже вспомнить не может, но тогда этот поступок курсантов нашего Училища был городской администрацией замечен, оценен и представлен к

поощрению. Поскольку администрация Училища второй раз сталкивалась с подобным ***несанкционированным*** успехом за учебный год, последствия для участников «вечерней прогулки» нельзя было назвать приятными. Начальник РТО Ситкевич Г.Л. бушевал и искал зачинщиков «самохода», но, поскольку опять никто из руководства не пострадал, дело как-то само по себе постепенно сдулось и забылось. А нашему отцу-командиру это стоило ещё одной пряди седых волос и традиционного «обмывания» награды.

XXIX.

Имея опыт «лаборантства» на втором курсе, вкусив все его прелести и отгуляв положенные за это дополнительные дни отпуска, на третьем курсе мы продолжили эту прекрасную традицию и теперь «застолбили шхеры» в других предметных кабинетах. Для меня в учебном корпусе места не нашлось, и я стал лаборантом на Военно-морском цикле (ВМЦ) у преподавателя майора Воронина В.С. Шхеры при кабинете не было, но на уборку я регулярно туда уходил. Зато наши ребята «прописались» весьма удачно. В одной из лаборантских шхер был даже телевизор. А это было просто шикарно! Нам удалось посмотреть все серии вышедшего тогда сериала «Место встречи изменить нельзя». В другой шхере был коротковолновый радиоприёмник, и там можно было втихаря слушать музыкальные программы Севы Новгородцева по «ВВС». Но главное, там можно было собраться со своими друзьями и обсудить, вдали от посторонних глаз и ушей наши текущие проблемы. Учёба давила на мозги, и мозги нуждались в творческом разнообразии мышления, а не просто в тупом усваивании учебной информации. В Училище была библиотека, но там мы в основном брали учебники. На художественную литературу времени просто не было. Но вот художественная самодеятельность руководством и курсантами приветствовалась! Всё это было обличено в форму вечеров отдыха, которые периодически устраивались в Училище силами той или иной роты с различных отделений и курсов. В основном занимались этим третьекурсники. Вся прелесть этих вечеров была в том, что была утверждена официальная программа, обязательно включавшая в себя торжественную часть, посвященную какому-либо празднику, а потом можно было показать на сцене самодеятельное представление (что-то вроде «капустника»). Затем были танцы с приглашёнными из других учебных заведений города девушками. Танцы были главной целью вечера! Музыкальное сопровождение обеспечивал наш

училищный вокально-инструментальный ансамбль, в котором курсанты с приемлемой музыкальной подготовкой брались за исполнение любых, полюбившихся нам музыкальных хитов: от «Машины времени» до «Юрай Хип»! Пойти на танцы можно было много куда: в различные Дома Культуры или Дворец Молодёжи. Но там была чужая территория, где на танцах или после них можно было нарваться на разборки с местной шпаной. А оно нам было надо? В Училище же мы были хозяевами и могли приглашать того, кого хотели, вручая своим симпатиям пригласительные билеты. Распространялись билеты по учебным заведениям через комитет комсомола, но можно было и самому взять пригласительные для личных целей. Побывав на втором курсе на нескольких таких вечерах, проводимых другими ротами, мы загорелись идеей провести свой вечер.

В одной из шхер собрался «военный совет». Идеи били фонтаном, но всем пришлась по душе тема «Мореходное училище миллион лет до нашей эры»! Как раз на экранах города шёл фильм со сходным названием. Начало было положено! Как снежный ком, катящийся с горы, идея обрастала новыми деталями, участниками и реквизитом. Всем нашлась работа, которую все делали с удовольствием, так как до этого мало кто из нас был знаком с самодеятельностью. Души у всех истосковались по какому-либо разнообразию в курсантской жизни, и руководство благословило нас на проведение нашего вечера отдыха!

XXX.

Сценарий вечера разрабатывался инициативной группой стремительно и неотвратимо.

Обратного пути не было, так как дата проведения вечера была уже назначена и официально утверждена партийным руководством нашего Училища. Всеми постановками на сцене нашего актового зала распоряжалась директор клуба. Дама эта была высокообразованна и весьма обидчива. Для официальной части мы решили поставить на нашей сцене эпизод из «Оптимистической трагедии». Там и тематика морская, и форма наша вполне подойдёт вместо сценических костюмов. Выбрали небольшой, но зрелищный эпизод, где комиссарша убивает анархиста-насильника, и попросили директора клуба нам помочь с женской ролью. Она поначалу согласилась, но уже на второй репетиции напрочь отказалась иметь с нами дело! Чем-то мы её обидели и, похоже, смертельно! Ну, что же, делать нечего. Поскольку эта часть нашего выступления была обязательной, то

мы весьма вольно перекроили содержание пьесы, и вместо женщины-комиссара у нас появился комиссар-мужчина. Фраза комиссара, которую он произносил после выстрела в одного из потенциальных насильников: «Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?!» – звучала теперь дико и двусмысленно. Но мы не акцентировали на ней внимание зрителя и лихо продолжали революционную тему, уводя линию сюжета от гомосексуализма к идеям Мировой Революции! В финале нашего пятиминутного прогона возвышенный революционный дух должен был безоговорочно побеждать упаднический дух анархизма и махновщины. А потом мы строевым шагом покидали сцену, изображая высокоидейных бойцов Революции, идущих на смертный бой со всяческой мировой контрой. У-у-ф! С первой частью выступления вроде бы разобрались.

Вторая часть, «Мореходное училище миллион лет до нашей эры», должна была начинаться ранним мезозойским утром в доисторическом лесу, на полянке, где располагалось доисторическое Мореходное училище. Сюжет был простым и понятным, как мычание мамонта: курсанты возвращаются с плавательной практики! Развитие сюжета начиналось с одинокого доисторического дневального по роте, коротающего своё дежурство за прослушиванием доисторического радиоэфира. Потом появлялись его однокашники, возвращающиеся после практики, «упакованные» в заморскую «отоварку». Каждый жестами и мимикой рассказывал о своих приключениях. Появление нового персонажа происходило под восторженные вопли ранее прибывших товарищей. Когда все собираются вместе, то отмечают встречу распитием безалкогольных заморских напитков, после чего исполняют удалой матросский танец. Закончив выступление под финальные музыкальные аккорды, все участники представления спрыгивают со сцены в зал и по проходам между рядами стульев выбегают через двери в коридор, а затем возвращаются в помещение за сценой, где переодеваются в форму №3 и принимают участие в последующих танцах. Вот такой был сценарий нашего вечера отдыха!

А на деле всё произошло не совсем так, как задумывалось!

XXXI.

Суббота для курсанта – самый желанный день! Хотя ты и занимаешься в Учебном корпусе, как и в другие дни, но ощущение праздника весь день будоражит тебя изнутри! Ты ждёшь вечера как манны небесной, потому что сразу после ужина рота будет построена для увольнения в город. И если ты:

– всю неделю был паинькой;

– обошёлся без «залётов» начальству (что означает отсутствие у тебя наряда вне

очереди);

– не заступаешь в очередной наряд по роте или Училищу;

– не получил или успешно исправил свои «два шара» по какой-либо учебной дисциплине;

и, наконец,

– твоя форма одежды, в общем строю, являет собой **образец** представления о внешнем виде курсанта мореходного училища,

то тогда старшиной группы тебе будет вручён увольнительный билет! На котором имеется твоя фотография, указаны твоя фамилия, имя, отчество, отделение и курс, на котором ты учишься в Ленинградском Мореходном Училище. Вставленный в прозрачный чехол от обычного проездного билета твой увольнительный билет всё это время хранился в роте под замком, за прозрачным стеклом, в специальной ячейке стенда для увольнительных билетов. И после команды: «Вольно! Разойдись!» ты покидаешь Училище впереди собственного визга и устремляешься туда, где тебя ждут яркие огни, многочисленные развлечения и соблазны Северной столицы!

Но эта суббота отличалась от всех остальных. Сегодня в Училище был наш Вечер отдыха! Поэтому все участники представления и зрители спешили не в холодный сумрак Ленинградского вечера, а в светлый и уютный Актовый зал, расположенный на втором этаже Учебного корпуса. Мы как участники примчались туда первыми. В комнатке за сценой был развешен наш реквизит, находились костюмы и большой магнитофон с музыкальными записями для нашего спектакля. Требовалось установить магнитофон за задником занавеса сцены, чтобы наш звукооператор мог выглядывать через щёлку на сцену и в нужное время включать музыку. К магнитофону был подключен звуковой усилитель, и с него на большие акустические колонки, стоявшие по углам сцены, поступало наше звуковое сопровождение. За всей этой суетой мы не увидели, как к училищу подошли многочисленные группы девушек, некоторых из которых уже на улице встречали наши курсанты и галантно провожали на второй этаж учебного корпуса, где на галерее был устроен гардероб. Через закрытый занавес мы выглядывали в зал и видели, как молодыми представительницами прекрасного пола заполняются ряды стульев слева и справа от центрального прохода. Как курсанты подсаживаются к барышням и, стараясь произвести впечатление бывалых моряков, рассыпаются в

словесных комплементах и рассказах о всяческих небылицах, чтобы блеснуть своим остроумием перед будущими партнёршами по предстоящим танцам! Строгая директор клуба следила, находясь за сценой, чтобы всё проходило в соответствии с высокими моральными принципами строителей коммунизма. Мы не мешали ей, она не мешала нам! Всё было прекрасно! Наконец, в зале погас свет, и прожектора осветили сцену, на которую вышел наш ведущий концерта и объявил о начале нашей программы. Зал, не видимый нам со сцены из-за слепящего света направленных на сцену прожекторов, встретил артистов вежливыми аплодисментами.

Мы начали с «Оптимистической трагедии». Матросы-анархисты окружили комиссара в кожаной тужурке и со скабрезными шуточками начали домогаться «комиссарского тела». Комиссар же, с революционным задором и передовым марксистским мировоззрением, пытался склонить несознательную «братву» встать под знамёна Мировой Революции! Но «братва» пыталась склонить его совсем к другому! И тянула к нему свои несознательные поганые клешни, чтобы надругаться над светлыми идеалами Борьбы с мировой буржуазией в планетарном масштабе! И когда, гаденько ухмыляясь, анархист-насильник попытался приобнять комиссара и слиться с ним в экстазе, то получил заряд свинца в живот из игрушечного, но весьма похожего на настоящий нагана. Под оглушительный грохот выстрела, произведённый нашим «шумовиком» за сценой с использованием приспособления, известного нам всем с детства, как «пугач». Выстрел был – что надо! Насильник, согнувшись пополам, рухнул к ногам комиссара! А несознательная «братва» отхлынула назад и на вопрос: «Ну, кто ещё хочет комиссарского тела?!» – отвечала резко отрицательно. А потом, быстро приведя в порядок свой расхристанный внешний вид, строилась в шеренгу, вытянувшись по стойке «Смирно»! Изображая при этом полную готовность биться до победного конца с гидрой мировой контрреволюции! Потом, повернувшись по команде налево, мы строевым шагом покинули сцену под шквал аплодисментов! За кулисами нас встречала восторженная директор клуба, со слезами на глазах она сжимала в руках сценарий, и было понятно, что она во время нашего выступления пряталась в кулисах и оттуда пыталась нам подсказывать текст, в случае, если кто-нибудь его забудет. Первая часть выступления была закончена! Антракт!

XXXII.

Вторая часть, «Мореходное училище миллион лет до нашей эры», требовала основательной подготовки, как актёрской, так и технической. Поскольку миллион лет до нашей эры древний человек, возможно, ещё и не говорил фразами, заменяя всю нужную словесную информацию уханьем, аханьем и рычанием, то мы не стали изобретать какой-нибудь «древний мезозойский» язык, а перешли на пантомиму, сопровождаемую всяческими доисторическими воплями. Сценические костюмы были представлены разнообразными меховыми изделиями, принесёнными из дома «ленинградцами», да ещё парой тулупов, в которых курсанты стояли в карауле на улице, охраняя бассейн зимой. Тулупы выворачивались мехом наружу и вполне могли сойти за шкуру мамонта или какой-либо другой доисторической живности. Лица наши были щедро покрыты акварельной боевой раскраской доисторических индейцев. Тельняшки под шкурами прикрывали наши волосатые доисторические тела, а босые ноги дополняли всё это великолепие грязными от крашеных досок сцены пятками. Глядя на таких «молодцов», ни один театральный режиссер не посмел бы сказать: «Не верю!» Ну, натуральные, такие вот, курсанты мезозойской эпохи! Для технического реквизита нам понадобились ещё радионаушники из кабинета ЭРС и экземпляр приёмника «Волна-К» без кожуха.

Стремительно переодевшись в питекантропов, нанеся на лица боевую раскраску и установив на сцене «пенёк» с полуразобранным радиоприёмником «Волна-К», мы дали сигнал ведущему концерт объявлять второе отделение спектакля. Ведущий, уже порядком освоившись на сцене, торжественно объявил, что сейчас уважаемым зрителям будет представлена сценическая постановка «Мореходное училище миллион лет до нашей эры» в исполнении курсантов 22 роты РТО. Аплодисменты были уже уверенными и многообещающими! Зал и сцена погрузились в темноту. Занавес раздвинулся, и постепенно усиливая освещение, прожектора осветили воображаемый доисторический лес и полянку с дрыхнувшим доисторическим дневальным по роте, любовно обнимавшим радиоприёмник «Волна-К» и одетого в шкуру неизвестного современной науке зверя. Разбуженный пением первоптиц, сладко потянувшись после сна, дневальный (эту роль играл я) рысцой устремился в угол сцены, где изобразил утренний ритуал «слияния» с Природой. После чего занялся привычным для доисторических радистов делом: поиском радиоволны с весёлой доисторической музыкой. В это время с разных концов сцены появлялись два «самурая» в кимоно и, радостно узнав друг друга, обнявшись с дневальным, начали с интересом разглядывать экзотические для эпохи

позднего неолита спортивные облачения каждого из них, поясняя всем своим видом, что они оба побывали в Японии. И сейчас готовы продемонстрировать всем желающим полученные там навыки боевых искусств. Что и не замедлили проделать в небольшом товарищеском поединке. В результате всех проведённых ими под песню в исполнении Карла Дугласа «Kung-fu Fighting» ударов, блоков, подсечек и разбивания ногами пенопластовых досок победила Дружба! И друзья-соперники, совершив традиционное японское приветствие, закончили показательные выступления. В это время на полянку стали выходить остальные доисторические курсанты, возвращающиеся с плавательной практики. Все были с какими-либо фирменными шмотками, приобретёнными во время дальних плаваний. Кто в шикарных солнечных очках, кто с джинсами в цветастом пакете, кто в фирменной маечке и бандане. Каждого вновь прибывшего встречали с восторгом, и он «рассказывал на пальцах», где побывал и что купил. Друзья в восторге хлопали счастливцев по плечам, ощупывали и «пробовали на зуб» заморские товары! Последний из прибывших привёз банку с экзотическим напитком «Пепси-кола», которая под тост «За встречу!» тут же и была распита всеми присутствующими на сцене. После чего артистами на радостях был исполнен старинный матросский танец «Яблочко»! В заключение все поклонились восторженным зрителям и смело прыгнули в зал со сцены, завершая своё феерическое выступление!

И только когда мы очутились в тёмном проходе между двумя рядами стульев и наши глаза после ослепительного света прожекторов, чуть-чуть привыкли к темноте зала, мы, двинувшись к закрытым на время представления дверям в коридор, поняли, что все проходы забиты людьми, которым не хватило места на стульях! И нам предстоит пробираться сквозь плотную толпу, которая преграждает нам путь к выходу. Свет никто не догадался включить, и мы продирались вперёд, как настоящие питекантропы!

А теперь представьте себе картину: некоторые опоздавшие к началу представления девушки, раздевшись в гардеробе и поднявшиеся на второй этаж, чтобы принять участие в танцах, видят пустой коридор и закрытые двери в Актовый зал, за которыми играет музыка. Девушки подходят к ним, чтобы пройти внутрь, и вдруг прямо на них из дверей вылетают перемазанные с ног до головы, разодетые в мохнатые шкуры, босые и всклокоченные полосатые «черти»! С топотом и гиканьем проносятся мимо и скрываются за дверью в конце коридора! Вопрос «Что это было?!» – так и оставался на их побледневших

лицах даже тогда, когда в освобождённом от стульев Актовом зале Ленинградского Мореходного Училища эти умытые и переодетые в отглаженную форму №3 бывшие «черти», приглашали их на медленный танец. В общем, как нам говорили потом, «Вечер удался!»

XXXIII.

Учёба продолжалась. На занятиях по Эксплуатации Радиосвязи (ЭРС) нас стали учить принимать морзянку с записью на пишущую машинку. Для этих целей в Училище был специальный класс, но мы не всегда могли там заниматься. И на первых порах мы получили от преподавателя задание изготовить каждый для себя индивидуальный макет клавиатуры пишущей машинки. Он представлял несколько скреплённых между собой рядов трёхмиллиметровой фанеры, размером с клавиатуру настоящей пишущей машинки. На разных уровнях которых крепились клавиши, сделанные из стирательной резинки (ластика). Расположение таких «клавиш» в точности соответствовало клавишам на настоящей клавиатуре. Буквы были написаны сверху шариковой ручкой. Такие деревянные «агрегаты» мы приносили с собой на занятия по ЭРС и тренировались «вслепую» попадать нужными пальцами на нужные клавиши, услышав ту или иную передаваемую букву или цифру морзянки из общего громкоговорителя. В день мы изучали по две буквы. Тренировались и на самоподготовке, достигнув в конце концов навыка свободной печати на пишущей машинке десятипальцевым методом вслепую. Это умение нам очень пригодилось потом в жизни! На флоте очень много аппаратуры, где используется печатающая клавиатура. Это и пишущая машинка, и телетайпный аппарат, и телеграфный передающий манипулятор с клавиатурой. Поэтому умение печатать в предстоящей для нас дальнейшей работе было необходимо. При приёме морзянки на слух, с записью на настоящей пишущей машинке, использовались только радиотелефоны (наушники), а не общий громкоговоритель, так как грохот в классе стоял такой, как в бюро по машинописному копированию документов (пиш.маш.бюро), где несколько десятков машинисток одновременно долбали по клавишам с большой скоростью!

Много времени посвящалось также изучению электро– и радионавигационных приборов. Мы изучали устройство гирокомпасов, эхолотов, радиопеленгаторов и радиолокационных станций, приёмные и передающие устройства радиосвязи. Вся аппаратура, используемая в то время на судах морского и речного

флота, присутствовала в нашем Училище. Вот только спутниковую связь мы изучали по картинкам. Это было самое передовое и дорогостоящее направление в радиосвязи. Но настолько перспективное, что преподаватели нам говорили: «На ваш век морзянки ещё хватит! А потом начнётся спутниковая связь, и радиооператоры будут не нужны». Так, в конечном счёте, все и произошло. А пока, мечтая поскорее увидеть море, мы «грызли гранит науки» и детально разбирались во всех мелочах схем и «радиожелеза» аппаратуры.

Почти всем нам уже было по 18 лет. Родители подарили мне на день рождения электрическую бритву «Харьков». Брить было ещё мало чего, но подарок пригодился надолго. Поскольку все мы вступали в период половой зрелости, знакомство с девушками было для нас насущной проблемой. Но девушки смотрели больше на старшекурсников, и поэтому мы были во вторых эшелонах их интересов. Ребята порой хвастались, как залезали в окна ближайшего женского общежития по связанным простыням, которые спускались им барышнями со второго этажа. Романтично, конечно, но в этом возрасте хочется большой и чистой любви, а здесь «рыцари, поднимающиеся по верёвочным лестницам в окна к своим дамам сердца» попадали из своей общаги в другую такую же общагу. Какая тут, нафиг, романтика? Поэтому курсантский досуг на третьем курсе уже отличался от второго курса тем, что просто так болтаться по городу, даже такому, как Ленинград, без денег было уже неинтересно. Шикануть на свои 9 рублей в месяц было весьма затруднительно. Поэтому, как только кончались деньги, а выделенный святой лимит на «курево» трогать было нельзя, ребята в воскресное утро смотрели в окно, и если там завывал ветер и гнал по небу серые тучи, то число убывающих в увольнение резко сокращалось. Мы и в Училище находили себе занятия по душе!

Во-первых: был открыт спортзал, где можно было растратить свой тестостерон в спортивных баскетбольных и футбольных баталиях. А когда мы подобрали ключ от замка, на который был заперт огромный новенький батут, то выгнать нас из спортзала после трёх недель немыслимых прыжков и кульбитов, которые мы вытворяли на батуте, мог только внезапно приехавший в свой законный выходной Заместитель начальника училища по физической подготовке. Он курировал нашу училищную команду гребцов и лично знал каждого из нас. Пережив первый шок от увиденного, он запретил нам использовать батут без тренера (которого в училище никогда и не было). И сделал вид, что поверил нашему бреду о том, что замок на батуте был не закрыт. Погрустив немного, вся наша «братия» переключилась на

многодневную заморскую игру в «Монополькy». Эта игра, широко распространённая за рубежом, у нас была в новинку. Реквизит был изготовлен самостоятельно. Расчерчено игровое поле, добыты фишки и игральные кубики. Дома и отели изготавливались из слюдяных конденсаторов, выпрошенных у своих же «лаборантов». Игровые деньги нарезаны из бумаги. Бывало, что начав играть в субботу вечером, заканчивали играть только в ночь на понедельник! Ну, не в карты же играли на деньги? Всё было в пределах правил устава. Поэтому не запрещалось.

Во-вторых: если всё же знакомые девушки приглашали вас в гости, то о серьёзности отношений мог говорить один безошибочный критерий. Когда вас напоили чаем в присутствии родителей, то это ничего не значит. А вот если девушка накормила вас жареной картошкой, пусть даже на коммунальной кухне, то это уже говорило о многом! Сам отец-командир рассказывал нам, что женился, когда ему захотелось жареной картошки! А он был для нас в роте первым авторитетом! «Причём здесь картошка?» – спросите вы. Да всё очень просто! Курсантов в Училище всегда кормят только картофельным пюре! Поэтому, если тебя накормили ***жареной*** картошкой, то ты вызываешь определённый интерес у того, кто тебя угостил. А это, согласитесь, немаловажно! Любой длинный путь начинается с одного первого шага, а вот куда он тебя потом заведёт, эта уже совсем другая история!

XXXIV.

Однажды, когда мы после занятий находились в помещении роты, с КПП из учебного корпуса позвонили и передали, что ко мне кто-то пришёл. Я был в лёгком недоумении, так как, кроме моей тётушки и её семьи, в Ленинграде у меня никого не было. Может быть, случилось что-нибудь? Каково же было моё удивление, когда я увидел того, кто меня ждал. Высокий парень в гражданской одежде радостно мне улыбался и шёл навстречу, чтобы обнять. Лицо его было мне очень знакомо, но рост его никак не вязался с тем, кого я знал в своей «гражданской жизни». Андрей Гусев! Мой закадычный товарищ, с которым мы три года занимались греблей в Калинине. Он был одного года рождения со всеми нашими ребятами, но ростом был самый низкий среди всех. После школы он хотел поступать в военное лётное училище, и, как я знал из нашей с ним переписки, это ему удалось! И вот теперь он на голову выше меня! Мы обнимались, как братья! Выяснилось, что он в краткосрочном отпуске, и они с его мамой

приехали в Ленинград навестить родных. Наша рота в это время заступала дневальными по КПП Учебного корпуса, и наши ребята без проблем пропустили Андрея вместе со мной на территорию Училища. В сумерках мы, незамеченные никем из офицеров, дошли до Экипажа №2 и поднялись к нам в роту. Пока шли, выяснилось, что Андрей после окончания школы стал стремительно расти. В результате его рост увеличился на 25 см! Чудеса просто! Он уже год, как стал курсантом Ейского высшего военного авиационного училища, и знает, что такое Система, так же, как и мы. Когда мы пришли в кубрик и он познакомился с нашими ребятами, сразу стало понятно, что он свой, курсант! Лётчик моряка видит издалека! Через пять минут мы все уже общались, как будто отучились год вместе! Много чего рассказали друг другу. Было интересно и весело! Я подарил Андрею на память свой новый, только что полученный, тельник (тельняшку). Андрей был очень тронут таким подарком. Провожали мы его всем кубриком. Договорились, что если получится, завтра опять увидимся.

На следующий день я отпросился у старшины, и он обещал меня «прикрыть» на самоподготовке. До вечерней поверки мне надо было вернуться из города в роту. Телефонного звонка от Андрея не было. Когда я, слегка расстроенный, вернулся в кубрик, свет был потушен. Я хотел его включить, но ребята, сидевшие в темноте, закричали, чтобы я этого не делал, а чтобы шёл и сел к себе на кровать. Я так и сделал. Мы все сидели в темноте, и на вопрос «что собственно происходит?» мне отвечали, что надо немного подождать. И стали меня расспрашивать об Андрее. Дескать, что за парень, и как мы с ним дружим. Я отвечал честно, но чувствовал какой-то подвох. Не зря они тут устроили мне впотьмах вечер вопросов и ответов! Только человек, с которым я сидел на койке рядом, молчал и не задавал вопросов. Я никак не мог определить, кто это сидит. И когда ребята спросили, кто со мной сидит рядом, я всё понял! На флоте всегда любили прикалываться! И я, схватив соседа в охапку, заорал: «Андрюха!» Дружный ржач моих товарищей и включившийся свет подтвердили, что я не ошибся! Оказывается, когда Андрей пришёл вечером на КПП, наши ребята его узнали, проводили до Экипажа и решили меня разыграть! Они провели моего товарища в кубрик и устроили мне вот такую «тёмную»! Через десять минут мы уже покинули Училище и ехали на Стрелку Васильевского острова, где я хотел показать другу Военно-морской музей. Там мы прекрасно провели время, а потом поехали к родственникам Андрея, которые жили в районе Финляндского вокзала. Нас уже ждали. Мама Андрея хорошо меня знала, и мы все вместе

замечательно пообщались за ужином и чаепитием. К поверке я успел вовремя. В следующий раз мы увиделись с другом через много лет, когда он был уже капитаном ВВС, а я «завязал» с морем и перешёл на берег. Мы оба уже были женаты и стали папами. Но ту, первую нашу встречу, помним до сих пор!

XXXV.

Дату начала моей личной жизни, которая впоследствии переросла в семейную, я знаю точно: 13 декабря 1979 года. Это была суббота. Был Вечер отдыха Судоводительского отделения. Ребята так же, как и мы, ставили на сцене какую-то пьесу, потом шла самодеятельность и, наконец, долгожданные танцы. Когда мы выносили ряды стульев на галерею, чтобы освободить в зале пространство для самого важного мероприятия этого вечера, я почувствовал что-то необъяснимое. Казалось, что сегодня должно что-то произойти! Что-то должно было закончиться, а что-то – начаться. Такие чувства иногда возникают в жизни, они как бы предупреждают тебя о чём-то важном. Помню, в школе, в десятом классе, мне приснился странный сон. Я находился в кубрике, был одет в матросскую робу, подошёл к рундуку, открыл дверцу, снял с головы мицу и положил её на верхнюю полку. Тогда я ничего не понял. У меня не было представления, что такое роба, рундук, мица. Но эти термины я запомнил. И, когда на втором курсе, я как-то раз пришёл в кубрик после занятий, открыл рундук и, сняв фуражку, потянулся положить её на верхнюю полку, то замер от пронзившей меня мысли: «Я всё это уже видел!» Вот, что такое «дежавю»! На этот раз я, находясь у сцены спиной к дверям, почувствовал, что должен обернуться! Обязательно должен! Я увидел, как в открытые дальние двери зала входит небольшая группа девушек в красивых разноцветных платьях. И только одна из них – в голубом. Девушки увидели свободные места на рядах стульев, выставленных вдоль стены зала под балконом, и уселись, оживлённо болтая друг с другом. Я не мог отвести взгляда от девушки в голубом платье. Она заметила это и опустила глаза. Я понял, что некрасиво стоять, как болван, и таращиться на неё. Смутился немного и уселся в другом конце этого длинного ряда стульев. Посидев с минуту и придя в себя, я осторожно повернул голову направо и взглянул украдкой, интересуясь, что там происходит у девушек. В эту же самую секунду, одновременно со мной, девушка в голубом платье выглянула с другой стороны ряда, и мы с ней повстречались взглядами! Реакция у нас была одинаковая: мы отпрянули назад и вжались в спинки стульев. Я понял, что меня спасут только танцы. И когда заиграла быстрая

энергичная музыка, я поднялся со своего места и решительно направился прямо к этой группе девушек, начавших танцевать, собравшись в кружок. Пока я шёл, в моей голове пролетела молнией только одна мысль: «Вот так оно и бывает!» Знал ли я, что в тот момент исполнялось моё заветное желание, которое я загадал ещё на втором курсе, стоя в карауле и охраняя училищный стадион?

Само по себе стоять в таком карауле было занятие совершенно дурацкое. Кто может украсть стадион? Вообще, таких караульных постов в Училище было два: один у бассейна, а второй у стадиона. Для того чтобы караульные могли укрыться от дождя, были поставлены два киоска. Точь-в-точь как киоски «Союзпечать». В них стояло по табуретке – вот и вся меблировка. Караульные были обязаны днём быть на улице. В ночное время разрешалось сидеть внутри киосков. Дежурный офицер периодически проверял посты, но в ночное время спал в дежурке. Задачей караульного было наблюдение за территорией Училища, на предмет проникновения через забор посторонних лиц, и обеспечение противопожарной безопасности на вверенных ему объектах. Весной и осенью было ещё терпимо сидеть в неотапливаемых киосках, на зиму караульным выдавались тулупы до земли (мы их как раз и использовали в нашей постановке «Мореходное училище 1000000 лет до нашей эры») и подшитые валенки.

Как-то раз, зимой, были жуткие морозы, до -30 градусов, и караульному разрешили ночью заходить в тамбур между дверями на входе в бассейн. А утром он стоял у входа, и его товарищи по роте, проходящие строем на занятия в Учебный корпус, кричали ему: «Холодно ли тебе, девица? Холодно ли тебе, красная?!» На что заиндевевший караульный отвечал такой же фразой из кинофильма «Морозко»: «Нет, Дед Мороз! Нехолодно!» Другой хохмой была появляющаяся утром за стеклом киоска картонная табличка с надписью «Пива нет!»

Так вот, находясь в карауле и сидя ночью в киоске, наблюдая, как бродячие коты с лёгкостью преодолевают забор Училища и разгуливают по его территории, ты смотришь на звёзды и пытаешься согреться. Главное, что ты должен делать, это следить за тем, чтобы не уснуть. Но ночной холодок бодрит, и мысли в голове текут сами собой. Ты вспоминаешь родной дом, школьных товарищей, как было здорово плыть на байдарке по Волге в жаркий летний день. Думаешь о будущем, когда станешь, наконец, старшекурсником, и, возможно, тебе повстречается та, единственная, самая красивая и расчудесная девушка, которая

будет к тебе неравнодушна. Ты смотришь на звёзды и думаешь: «Господи, да когда же этот день настанет?» Но тут тебе в стекло киоска стучит дежурный офицер и спрашивает: «Эй, служба! Не спишь?» Ты вылетаешь из киоска и докладываешь, что за время дежурства никаких происшествий не случилось! «Ну, давай, бди!» – отвечает дежурный офицер и с чувством выполненного долга идёт дрыхнуть в дежурку. А в 04.10 утра, поняв, что сменять тебя никто не собирается, ты самовольно оставляешь пост, поднимаешься в роту, где все спокойно спят, включая дневального по роте. Ты заходишь в кубрик, будишь своего сменщика, которого так и не разбудил спящий дневальный. А потом, удостоверившись, что сменщик окончательно проснулся и готов заступить на пост, отдаёшь ему красно-белую повязку караульного (которая своей расцветкой напоминает сигнальный флаг буквы «Р»–рцы, только вместо синих полосок – красные), и на два с половиной часа заваливаешься в свою койку, чтобы согреться и провалиться в короткий утренний сон.

Вернёмся к моему «дежавю»! Я шёл к танцующим в кружке девушкам и знал, что обратной дороги нет! На моё счастье, ещё несколько наших ребят приняли участие в этом коллективном танце, и к всеобщему удовольствию первый ледок в отношениях был взломан. После танца девушки сами были не прочь познакомиться с нами, но девушка в голубом платье как-то застеснялась и поспешила вернуться на своё место на стульях. Зато её подружка щебетала, не умолкая, расспрашивая меня об Училище, курсантской жизни и о всяческой другой ерунде. Я что-то отвечал, а сам с нетерпением ждал медленного танца. И когда он зазвучал, я самым нахальным образом бросил эту щебетунью, и пригласил мою избранницу на танец. Она танцевала со мной, положив мне руки на плечи, и молчала, опустив глаза. Я взял инициативу в свои руки, и мы познакомились. Девушку звали Ира, она с подружками училась на втором курсе Фармацевтического техникума, который располагался в Татарском переулке, недалеко от Петропавловки. Мы не заметили, как танец закончился, но больше я от неё не отходил. Когда в зале стало жарко и все пошли на галерею отдышаться, мы с ребятами усадили девушек на стоящие в коридоре стулья и продолжили знакомство. Я сидел напротив Иры, мы все мило разговаривали о чём-то. А позади девушек, устроившись на свободном ряду стульев, сидел мой друг и сосед по кубрику Сева. Он показывал мне большой палец, одобряя мой выбор, и делал круговые движения руками вокруг ушей, обозначавших, что я должен активнее продолжать «вешать лапшу на уши» пришедшим

к нам в гости красавицам. Я не удержался от улыбки, и Ира, перехватив мой взгляд, быстро обернулась и увидела хитрую физиономию Севы, который моментально принял благообразную позу и сделал кроткое выражение лица. Ира, не очень понимая, что происходит, повернулась ко мне и спросила: «А как, Вы говорите, Вас зовут?» Тут уже я выпал в осадок, а её подружки прыснули от смеха! Мы уже полчаса, как все перезнакомились, рассыпаемся друг перед другом в любезностях, а меня вдруг спрашивают, как меня зовут! Вот это да! К счастью, снова заиграла музыка, и я пригласил Иру на танец. Весь вечер мы были вместе, а, когда танцы закончились, мы пошли провожать наших новых знакомых до дома. Когда мы выходили из зала, мой одногруппник Серёга Медведев, записной ловелас и дамский угодник, увидев нас вместе с Ирой, улыбнулся и сказал, как нам тогда показалось, невпопад: «А вы похожи!» Тогда мы не поняли этого намёка (как известно, муж и жена всегда в чём-то внешне похожи друг на друга), но потом часто вспоминали этот мимолётный эпизод нашего знакомства.

XXXVI.

На своё первое свидание я мчался утром, лихорадочно прокручивая в уме номер телефона. Ира повторила его мне при нашем расставании два раза, но записать было нечем, и я зубрил его всю обратную дорогу в Училище. Набрав в телефоне-автомате номер и услышав женский голос, я попросил к телефону Иру. «А вам какую Иру?» – ответ меня слегка озадачил. «А у вас их много?» – спросил я. Фамилию Иры я не догадался спросить. Решил пойти другим путём: «А ту, которая вчера на танцах была в мореходном училище!»

Выяснилось, что на танцах вчера были все Иры. На другом конце провода меня, видно, пожалели: «Ну, как она выглядит?» Засада! Попробуйте объяснить по телефону незнакомому человеку, как выглядит девушка моей мечты! В трубке мне дали наводящий вопрос: «Волосы у неё какого цвета? Тёмные или светлые?» «Светлые!» – говорю. «Полина Васильевна, Вашу Иру к телефону!» – раздалось в трубке, и затем я услышал знакомый голос: «Привет!» Мы договорились сходить вместе в кино. Я помчался на Невский проспект и взял билеты на польский фильм «Фараон». Исторический сюжет, думаю, неплохо для первого раза. Потом добрался до Петроградской стороны и взлетел на пятый этаж старинного дома с тяжёлыми дверями и коваными перилами на широких лестницах. При свете дня моя избранница была ещё прекраснее, чем вечером. Фильм был долгим и нудным. Когда мы

вышли из кинотеатра, я извинился перед Ирой, сказав, что через час должен заступать в наряд и что проводить её не смогу. Слегка обалдевшая от такой наглости Ирина распрощалась со мной, но согласилась, чтобы я ей позвонил ещё. В следующий раз я сбежал в «самоволку» и мы два часа проговорили с ней на лестнице. Пока её хозяйка не позвала её домой, так как хотела уже закрывать двери на огромный металлический крючок. Я достал из кармана фотографию, на которой был изображён нарисованный мною ещё в летнем отпуске парусный корабль в рамке из корабельной цепи и буквами LMC, что означало на английском языке Leningrad Marine College (Ленинградское Мореходное Училище). Ира сначала замерла, когда увидела, что я достаю из кармана шинели какую-то фотографию со словами: «Я хочу подарить тебе это!» Но когда увидела, что нарисовано на фото, то рассмеялась и поблагодарила. Потом она рассказывала мне: «Ну, ничего себе, думаю, на втором свидании мне свою фотографию дарит! Вот, нахал!» А я летел в Училище на крыльях любви и мечтал поскорее вернуться к моей Любимой снова!

XXXVII.

Каждый из нас не раз заступал в суточный наряд и знает, что это такое. Перед заступлением в наряд, нужно привести в порядок форму одежды. Подшить белый подворотничок на «галстук», отгладить форменные брюки и матросский воротник, начистить гуталином ботинки и надраить до блеска пряжку ремня. В 15.30 ты должен стоять в шеренге заступающих в наряд курсантов вместе с заступающим дежурным по Училищу офицером.

Начальник ОрСО (организационно-строевого отдела) лично осматривает внешний вид каждого заступающего в наряд и делает замечания. После их устранения заступающий наряд сменяет действующий. Как-то раз новый начальник ОрСО первый раз проверял заступающий наряд и, обратившись к одному из курсантов, попросил его представиться. Тот доложил: «Курсант такой-то. Заступаю помощником дежурного по УК (учебному корпусу)». Начальник ОРСО был ещё не вполне осведомлён в области различных общепринятых в Училище сокращений, и, услышав про какого-то «паука», с удивлением спросил: «А где главный паук?» Когда дежурный офицер потихоньку на ухо объяснил ему, что означает УК, начальник ОрСО покраснел, но сделал вид, что ничего не произошло, и подал команду новой смене заступить в суточный наряд.

Стоять дневальным по роте не особо трудно, но хлопотно. Когда рота на занятиях, а командир находится в роте, то ты должен неотлучно «стоять на тумбочке», то есть постоянно находиться напротив входа в помещение роты, подавать команду: «Рота, смирно!» и докладывать вошедшему начальству, что за время дежурства ничего не произошло или произошло то-то и то-то. По требованию начальства вызывать дежурного по роте. По приказу дежурного по роте вызывать подвахтенного дневального для выполнения различных вводных, полученных от руководства. Следить за порядком и чистотой в помещении роты и местах общего пользования. В общем, бдеть и рапортовать!

Перед приёмом пищи личным составом дежурный по роте вместе с подвахтенным дневальным идут на камбуз и получают у дежурного по камбузу пищевое довольствие на всю роту. Они расставляют на столы кастрюли с первым и со вторым блюдами, чайники с чаем или компотом, тарелки с хлебом, сахарным песком и маслом.

В нашем Экипаже №2 был такой принцип размещения рот на этажах: чем старше курс, тем выше этаж, на котором располагается рота. Самое неудачное расположение занимала рота второго курса РТО, так как она находилась на втором этаже здания, где, помимо кабинета командира роты, располагался ещё и кабинет заместителя начальника ОрСО. Постоянные перемещения руководства в помещение роты и из него, приходы различных начальников и проверок делали вахту мучительной и хлопотной. На третий этаж начальство поднималось значительно реже, четвёртый курс посещался начальством весьма редко, а на пятом этаже дневальный, в основном находился в своём кубрике. И, если начальство появлялось на втором этаже, то подвахтенный дневальный-второкурсник бежал впереди собственного визга на

пятый этаж и предупреждал дневального пятого курса, что такой-то начальник двигается в направлении пятого этажа.

В особо опасных случаях (визит Начальника Училища или Начальника ОрСО) дневальный пятого курса выходил в коридор и «обозначал» несение службы. Но эти случаи можно было пересчитать по пальцам одной руки за всю историю Училища. Поэтому служба неслась так: утром, перед приходом командиров в роты, дневальный второго курса будил дневального третьего курса, тот поднимался на четвёртый этаж и будил дневального четвёртого курса, а если четвёртый курс отсутствовал в расположении Училища, то больше будить было некого. Дневального пятого курса будил сам командир роты!

На втором курсе приход командира в роту утром в 07.00 сопровождался командой дневального: «Рота, подъём!» После чего, через пять минут, подавалась команда: «Рота, выходи строиться на зарядку!» Соответственно командам все поднимались и строились. На третьем курсе команда «Рота, подъём!», означала, что командир пришёл в роту, но совсем не означала, что рота проснулась. Поэтому, видя, что после его прихода ничего не изменилось, командир сам шёл по кубрикам, зажигал свет и, увидев в углу кубрика урну с не вынесенным вечером мусором, пинал её ногой так, что она с грохотом врезалась в радиатор батареи отопления и тем самым будила «почивающий» личный состав. Эта операция повторялось в каждом кубрике до тех пор, пока все курсанты, зевающие и протирающие спросонья глаза, лениво не выходили из кубриков на палубу. Дальше от командира роты поступала вводная: «Старшина, командуйте!» И рота начинала жить по Распорядку дня, утверждённому руководством Училища.

Дневальный наблюдает жизнь роты как бы со стороны. На сутки он выпадает из привычного ритма жизни, находясь в некоем параллельном измерении. Он подаёт команды, которые выполняют все, кроме него. Он питается не одновременно вместе со всеми, а с запозданием, это называется питаться «в расходе». Он видит, что происходит в помещении роты, когда вся рота находится на занятиях. Он знает, как медленно тянется время до того момента, когда его сменят. Повязка на руке и постоянное ожидание вводных от командования – вот удел каждого дневального.

XXXVIII.

Каждый наряд похож один на другой, как две капли воды. Но из каждого правила бывают исключения. Новогодний наряд

особый. В него попадают не по очереди. Чтобы никому не было обидно, новогодний наряд разыгрывается среди всех курсантов группы, причём те, кто уже бывал в новогоднем наряде, в розыгрыше не участвуют. Поскольку в нашей группе было пять старшин, которые в наряд не заступают, плюс к ним трое из нас уже стояли в прошлом новогоднем наряде, вероятность попасть в наряд на Новый год для всех остальных резко возрастала. Мне в этот раз «повезло», и я вытянул свой жребий быть дневальным по роте в Новогоднюю ночь.

Само по себе это не страшно, так как ты почти ничего не теряешь. Тебе не надо решать: куда пойти в Новогоднюю ночь, с кем встретить Праздник, как потом добираться до Училища. Проблемы подарков, угощения и досуга тоже решены без твоего участия. Ты подчиняешься внутреннему распорядку Училища и отстранённо наблюдаешь за новогодней суетой вокруг. Вот рота, наглаженная, начищенная и отпаренная, после вечернего построения на увольнение покидает свой этаж. Вот, поздравив оставшуюся в роте вахту с наступающим Новым годом, уходит командир. А вот прошёлся по этажам Экипажа дежурный офицер удостовериться, что всё вокруг спокойно: никто из курсантов не лежит в сугробе и не висит на заборе, зацепившись сзади ремнём за острые пики ограды. Так как в нетрезвом виде спрыгнуть с ограды бывает затруднительно, а висеть на морозе, как Буратино на гвозде у Карабаса Барабаса, может быть опасно для здоровья.

После этого визита ты можешь расслабиться, взять гитару в руки и, сидя на столе дежурного, играть на всю роту любимые песни и мелодии. Акустика в пустом и длинном коридоре роты прекрасная! Проходит порядочно времени. Скоро уже Новый год. И тут возвращаются в роту два твоих не вполне трезвых товарища. Причем в расстроенных чувствах, так как один прижимает к подбитому глазу тающий в руке снежок, а у другого передняя половина бушлата оторвана напрочь, и из оставшейся части торчат какая-то дерюга и что-то, типа соломы. Потом снизу, с КПП на входе в Экипаж, прибегает караульный второкурсник и сообщает, что какой-то курсант с нашей роты, с тремя нашивками, лежит в дверях Экипажа в бесчувственном состоянии и дежурный по Экипажу просит помочь дотащить его до роты. Подвахтенный и дежурный по роте спускаются вниз и приносят нашего товарища в помещение роты. При этом они тащат его в кубрик под руки, а начищенные ботинки бедолаги оставляют на палубе две траурные полоски. Раздев его, подставив к койке ведро и проследив, чтобы он лежал на боку, ребята возвращаются к телевизору в Ленинскую комнату, предупредив меня, чтобы присматривал за спящим. А потом слышно, как по телевизору

начинают бить куранты. Ты орёшь во всю глотку: «Рота, с Новым Годом!» Приходит твой сменщик, а ты, сдав вахту, отправляешься смотреть по телевизору Новогодний Голубой Огонёк!

Утром, на час позже, чем обычно (так как день праздничный), вы вместе с дежурным по роте идёте на камбуз и получаете праздничный завтрак для всей роты. Он отличается от обычного тем, что к маслу и сахару добавлен яблочный джем. Так как на завтрак от нашей роты почти никто не пришёл, то всё это богатство вы забираете с собой в роту. И там все желающие могут приходить со своими стаканами и вволю напиться чаю с бутербродами, щедро намазанными маслом и яблочным джемом.

Ближе к обеду в роту заходит дежурный офицер и, выяснив, что в роте всё нормально, больше у вас не появляется. Народ, отоспавшись после Новогодней ночи, собирается в город. Ты, сменившись в 12.00 с вахты, прекрасно пообедав за себя и «за того парня», который, как и многие из твоей роты, не пришёл на обед, коротаешь время до конца наряда в Ленинской комнате, где трезвеющая часть роты смотрит премьеру замечательного телефильма «Обыкновенное чудо». В 16.00 ты пулей вылетаешь из Училища, поздравляешь свою девушку по телефону с Новым годом, и вы договариваетесь о следующем свидании. А потом едешь к своей тётушке и там успеваешь застать оставшийся кусочек заканчивающегося Праздника! На душе тепло и радостно, несмотря на то что завтра, второго января начинается зимняя сессия. Придётся потрудиться, но нам не привыкать! С Новым годом, друзья! С Новым Олимпийским 1980-м годом! Ура!

XXXIX.

Зимняя сессия навалилась на нас со всей своей мощью! Все предметы специальные. На конкретные вопросы нужно давать конкретные ответы. Тут нельзя «растекаться мыслью по древу». Перед тобой схема, в руке указка, в голове «каша» из всего того, что ты успел вызубрить из конспекта и учебников. А за столом преподаватель, который половину учебного года пытался тебе объяснить теорию и практику твоей будущей работы. Но ты «спал на лекциях с открытыми глазами», думал чёрт его знает о чём, механически записывая в общую тетрадь слова преподавателя, и был страшно далёк от всего происходящего в аудитории. И вот, когда на подготовку к экзамену у тебя остаётся максимум два дня, ты пытаешься разобраться в своих каракулях, схематических рисунках и сокращениях, которые ты делал в конспекте, стараясь успеть записать всё, что говорил на лекции преподаватель. Возможно, на первой сессии ты и испытал шок от того, что

первый твой экзамен в Училище очень сильно отличается от школьного экзамена. Но сейчас ты уже «тёртый калач» и панике не поддаёшься.

Есть такой курсантский анекдот:

Преподаватель говорит: «Товарищи курсанты! Руководством принято решение, что на экзамене вы будете сдавать китайский язык! Вопросы есть?» Курсанты в ответ задают только один вопрос: «Когда сдавать?»

Уловок и подсказок, выработанных всеми предыдущими поколениями курсантов, много. Ты знаешь, что на обратной стороне схемы есть записи шариковой ручкой, сделанные предыдущими экзаменуемыми. Записи, которые могут помочь тебе выбрать среди всего хаоса информации ту единственную верную тропинку, которая приведёт тебя к правильному ответу. Но для этого нужно быстро сориентироваться в обстановке, поймать момент, когда внимание преподавателя будет занято ответом твоего, ранее вызвавшегося отвечать товарища, и зайти за схему сзади. Быстро найти нужную запись, попытаться её осмыслить и запомнить. А при ответе ничего не напутать. Иначе будут дополнительные вопросы, а они тебе ну совсем, ну ни сколечко не нужны! Но это тот случай, если ты ленив и самонадеян. «Мыслящий курсант» сам напишет на оборотной стороне схемы своим почерком ответ на вопрос билета. Вопросы билетов преподаватель предоставляет курсантом заранее, перед консультацией. Беда, если схема чистенькая, новенькая, только недавно начерченная твоими товарищами для получения зачёта по курсовику (курсовому проекту). Тут или учи, или сам пиши текст ответа на обороте схемы во время подготовки к экзамену. Но, поскольку писанина занимает достаточно много времени, то ты приходишь к безошибочному выводу, что лучше всё это выучить наизусть. Для этого достаточно один раз медленно, в составе группы своих товарищей проползти по всем хитросплетениям схемы, найти каждый её элемент, через который проходит сигнал, запомнить назначение этого элемента и, начиная мыслить логически, понять наконец, что на самом деле всё очень просто! Затем вслух проговорить перед своими собратьями-курсантами полный текст ответа так, чтобы «от зубов отскакивало». А на экзамене поразить преподавателя логичностью и лаконичностью ответа. Получить заслуженные «пять баллов» и идти готовиться к следующему экзамену!

XL.

Эта зимняя сессия закончилась для нас … Свадьбой! Да, да! Самой настоящей свадьбой! Наш товарищ, Сергей Зайцев, собрался жениться сразу же после окончания зимней сессии. Он был моим земляком, проживал в Калининской области, в городе Кувшиново. В отпуск мы с ним ездили на одном поезде. Только он выходил из поезда на остановку раньше меня. Сергей пригласил на свадьбу весь наш кубрик. Билеты были куплены за несколько дней до торжества. Все мы сбросились на подарок новобрачным. Выезжали мы после сдачи экзамена, ближе к вечеру. Командир отпустил нас всех по просьбе Сергея. И вот мы в поезде. Перед отъездом Сергей метался по вокзалу в поисках круглого каравая хлеба. По традиции жениху и невесте родители жениха должны преподнести на полотенце каравай хлеба с солонкой: встретить молодых хлебом-солью на пороге будущего жилища невесты. Но в Кувшиново не было круглого хлеба. В булочных продавали только «кирпичики», и родители попросили Сергея купить в Ленинграде круглый хлеб. Сергей сразу после экзамена обежал все булочные вокруг Системы, но там круглого хлеба тоже не было. Думали, что купим у Московского вокзала, но – облом! И пошёл наш Серёжа по вагонам. Представьте картину: идёт по вагону курсант мореходного училища и просит хлеба! Картина маслом! Аж, слеза наворачивается! Бедненькому, как казалось всем, голодному курсанту чего только не предлагали: и пирожков, и курицу, и стаканчик с водочкой подносили! Но Серёге был нужен только круглый хлеб и не просто так, а за деньги. Когда он в сотый раз устал уже объяснять, для чего этот хлеб ему нужен, сердобольные пассажиры разыскали ему каравай чёрного хлеба. И Сергей, ободрённый тем, что едет не с пустыми руками, вернулся в наш вагон. Вот тут уже пригодились и пирожки, и курица, и водочка. Но всё в меру, чтобы просто уважить гостеприимных соседей по вагону. Приехали мы поздним вечером. Родители Сергея тепло нас встретили, накормили и разместили на ночлег в своём одноэтажном частном доме. Утром мы все вместе, с женихом, пошли мыться на работу к отцу Сергея, дяде Володе, в котельную, где был горячий душ. Свеженькие и чистенькие, мы вернулись домой к завтраку, где дядя Володя предложил нам пропустить по рюмочке «после баньки». До этого я водку не пил ни разу в жизни. Вино, шампанское или портвейн приходилось пробовать, но серьёзно пить предстояло впервые. Ребята знали, что я крепкого алкоголя раньше не пил, и, сказав, что надо когда-то начинать, налили мне как всем – по полной! За жениха и невесту! Честь Флота я не опозорил и выпил свою первую чарку не хуже всех. Под закуску прошла она прекрасно, разливаясь приятным теплом

внутри. Я прислушивался к своим ощущениям. Опьянение, которое я себе представлял, не наступало. Ребята глядели на меня добрыми, слегка «масляными» глазами и пытались найти такой же отблеск и у меня в глазах. Я был трезв как стекло! Могучий организм переработал алкоголь, даже этого не заметив. Ребята удивились и приняли решение сегодня меня обязательно напоить! На что я был не согласен и дал себе установку – не пьянеть. А свадьба продолжала идти своим чередом. Прибыли разукрашенные лентами машины, и мы поехали за невестой. На меня возложили обязанности фотографа, так как у меня был фотоаппарат «Смена». Пришлось «отрабатывать» угощение, фотографируя все моменты торжества. Невеста была прекрасна в своём белом платье с фатой и букетом в руках! Жених в костюме и галстуке был торжественен и красив! Мы в своей отглаженной форме были слегка пьяны и неотразимы! Гости и родственники с цветами и шампанским суетливы и взволнованны. В таком живописном виде все участники свадебного торжества предстали перед официальным лицом администрации городского ЗАГСа, которая напутствовала молодых. После согласия жениха и невесты на брачный союз официальное лицо объявило их мужем и женой, попросило надеть друг другу кольца, поцеловаться и расписаться в документах, удостоверяющих брак. Затем поздравило всех с рождением новой семьи и пожелало молодожёнам счастья и благополучия! На крыльце ЗАГСа мы салютовали молодожёнам, выстрелив пробками из бутылок в зимнее небо, и разливали всем шампанское в бокалы. Под восторженные крики и поздравления гостей жених и невеста заняли места в машине, украшенной свадебными кольцами. Свадьба отправилась домой к праздничному столу!

XLI.

Гостей было много. Все едва уместились в одной большой комнате за общим праздничным столом. Сидели все плотно, на длинных скамейках и стульях. Если кому-то надо было выйти из-за стола, то приходилось подниматься всем, кто был на его пути. Мы с Лёшей Глазеевым устроились в дальнем конце стола, напротив молодожёнов. Миша Ломакин был свидетелем со стороны жениха и морально поддерживал Серёгу в его новой роли мужа. Свадьба гуляла с деревенским размахом и удалью. Тосты и крики «Горько!» сменяли друг друга. Скоро уже все были весёлыми и общительными. Каждый тост за молодожёнов встречался с большим энтузиазмом и сопровождался лихо опрокинутой в себя чаркой «колдовства». Пили и закусывали

много. Я старался налегать на еду, а Лёша следил, чтобы моя рюмка не была пустой. Когда Миша с другой стороны стола увидел, что на меня алкоголь не очень-то и действует, он стал всячески жестами призывать Лёшу не халтурить и наливать мне по полной! На что Алексей, оправдываясь, разводил руками и жалобно отвечал Михаилу, что наливает мне как себе! Но этого «слона» ничего не берёт!

Когда мы вышли на улицу «освежиться», то я захватил фотоаппарат, и мы все заснялись на заснеженной дороге вместе с братом Сергея. Вид у нас был такой, как прописал в Указе от 09.12.1709 ещё Пётр Первый: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать лицо вышестоящее!»

На фото слева направо: Олег (Алик) Морозов, Алексей Глазеев, Вадим Осипов. Присел брат Сергея Зайцева.

А свадьба продолжала гулять! Уже заиграла гармошка, и народ пустился в пляс! Когда мы вошли в дом, то сразу же попали

в круг танцующих. Конечно же, внимание всех тут же переключилось на нас. А ну-ка, давайте, морячки, покажите класс! Пришлось нам, к всеобщему восторгу, Флот не опозорить и исполнить матросский танец «Яблочко». Потом опять было застолье, приходило и уходило множество людей. Вечером вся молодёжь во главе с молодожёнами пошли в местный Дом культуры на танцы. Там мы уже зажигали по полной. Приходилось быть «первыми парнями на деревне»! В общем, свадьба пела и плясала! Поскольку Сергея и его жену все тут прекрасно знали, то и обычные местные танцы превратились в массовое гуляние. Глубоким вечером мы все вместе возвращались домой к Сергею. До дома добрались, правда, не все. Кое-кто направился в гости к новым знакомым и вернулся только утром. В остальном же второй день свадьбы мало отличался от первого. Разве что вечером нам предстояло разъезжаться по домам. Ребята отправлялись в Ленинград, а я – в Калинин. Провожали нас как родных. Ребята рассказывали потом, что им в поезд столько всего дали с собой из закуски и выпивки, что они и не заметили, как утром оказались дома. Я же через пару часов уже обнимал маму и отца и рассказывал обо всех наших приключениях. Хорошо быть дома!

XLII.

Да, дома быть хорошо! Но твои друзья по школе всё ещё служат в армии. Ты заходишь к их родителям и узнаёшь, кто и где служит, как идёт служба. Передаёшь всем приветы, берёшь адреса воинских частей, чтобы написать потом письма своим однокашникам. А вечером бежишь по знакомой дороге на гребную базу. Здесь тебя знают и помнят. Кое-кто из ребят ещё учится, и поэтому не в армии. Тренер находит лыжные ботинки твоего размера. Ты надеваешь лыжи и выходишь на лыжню возле базы. И тут, на лыжном круге, встречаешь своих товарищей, с которыми три года провёл вместе. Шесть раз в неделю, каждый вечер, (а летом – и утром, и вечером) на тренировке. Пробежав заданное количество километров и наговорившись на ходу, вы все вместе возвращаетесь в физкультурный зал, где можно уже поговорить в тепле, потягать штангу, подтянуться на турнике. И снова ощутить себя на пару лет моложе. Договориться о завтрашней тренировке и снова ощутить себя дома!

На следующий день ты одеваешь морскую форму, зимнюю шапку с «крабом», вместо галстука повязываешь на шею белый шарфик и утром заявляешься в местную военную комендатуру, чтобы встать на учёт, как находящийся в отпуске курсант

мореходного училища, в котором ты проходишь воинскую подготовку. Часовой на входе, увидев тебя такого красивого и не сумев опознать, кто же ты такой, вызовет дежурного по комендатуре, и тот выскочит тебе навстречу, приняв за офицера Военно-морского флота. Так как шинель у тебя офицерская, с двумя рядами пуговиц, а не с одним, как у матросов. Ремень ты не одеваешь поверх шинели, а оставляешь в брюках. Краб напоминает военно-морскую кокарду, а белый шарфик, купленный в военторге, придаёт тебе законченный военно-морской офицерский вид. Только погоны на твоих плечах отсутствуют. Поскольку моряки в здешней комендатуре появляются нечасто, то, как выглядят военморы, часовой представляет себе весьма отдалённо. И, выскочивший дежурный офицер, почти уже вскинув руку к фуражке для отдания воинского приветствия и разглядев твои курсовые знаки на рукаве шинели, в сердцах материт про себя часового, устроившего весь этот переполох! Затем дежурный принимает позу «вольно» и обращается к тебе с вопросом, чего собственно тебе здесь нужно? Узнав о цели прибытия, заводит в кабинет к начальнику комендатуры, и ты рассказываешь местным воякам о жизни в Северной столице. После чего тебя записывают в какому-то журнале, ставят тебе на отпускное удостоверение штамп о постановке на временный учёт, и вы, распрощавшись, как хорошие знакомые, продолжаете заниматься каждый своим делом. Они – нести службу, а ты – отдыхать в учебном отпуске.

После визита в комендатуру ты вдруг думаешь, что было бы неплохо зайти в родную школу. И, не откладывая в долгий ящик этот приятный визит, направляешься в оконченное тобой два года тому назад учебное заведение. Здесь тебе предстоит обняться со своими старыми учителями, выслушать массу комплиментов о себе и своём внешнем виде. Начать рассказывать об учёбе в Училище и тут же быть перехваченным своим классным руководителем, что бы в начале следующего урока выступать перед нынешними десятиклассниками, которым предстоит в этом году окончить школу. Ты расскажешь им об Училище, о полученных знаниях, о том, что предстоит в жизни всем этим молодым людям после получения аттестата о среднем образовании. На тебя будут смотреть несколько десятков глаз, в которых ты будешь отражаться бывалым морским волком. Хотя моря ты ещё и в глаза не видел! Но всё ещё впереди, и ты расскажешь им всяческие, произошедшие с тобой за это время истории. И будешь смущаться немного, когда ребята станут обращаться к тебе на «вы», задавая интересующие их вопросы.

А вечером ты опять на тренировке. Бежишь вместе с ребятами

через Волгу по автомобильному мосту до окружной дороги, где стоит на пьедестале танк Т-34. Добежав до него, вы возвращаетесь в спортзал и уже серьёзно, с большим количеством подходов, занимаетесь общей физической подготовкой. Пока футболка не пропитается потом, а мышцы не начнут гудеть и испытывать привычную приятную усталость. И так будет повторяться изо дня в день, пока не закончится твой зимний отпуск. И ты вернёшься к своим товарищам по роте. И будешь продолжать осваивать выбранную тобой, нелёгкую, но такую интересную и почётную профессию моряка!

XLIII.

Снова мы стоим в строю. Рота вернулась в Училище после зимнего отпуска, чтобы с новыми силами взяться за учёбу и несение караульно-вахтенной службы. Пятый курс РТО закончил обучение и, получив дипломы радиооператоров второго класса и радиотехников, покинул Училище. Теперь четверокурсники составляют для второго и третьего курсов главную движущую и вдохновляющую силу, по организации и соблюдению установленного порядка жизни в Системе. Сначала четвёртый курс чувствует лёгкое головокружение от того, что они самые старшие в Училище и их авторитет считается непререкаемым. Но эта «борзость» скоро проходит, так как времени до начала плавательной практики у них остаётся всё меньше и тратить его на самоутверждение в глазах младших курсов становится просто глупо. Для нас же учёба продолжает быть напряжённой и грандиозной по своему объёму. Конспекты пухнут на глазах от обилия записанного в них учебного материала. Но этот ритм жизни стал для нас настолько привычным, что дни, похожие один на другой, мелькают, как картинки в калейдоскопе. Ты автоматически проживаешь всю учебную неделю, мечтая только об увольнении в выходной день. Потому, что сможешь увидеться с дорогим и приятным для тебя во всех отношениях человеком, с которым каждый день говоришь по городскому телефону. Телефон есть в вестибюле учебного корпуса, но он один, и к нему всегда очередь из курсантов. Поэтому ты не считаешь нарушением дисциплины свой небольшой «самоход» за забор Училища, где напротив стадиона, на улице, находится телефонная будка. Там можно говорить более свободно и гораздо дольше, чем в учебном корпусе. Тем более что одна из секций забора просто повалена на землю, и её изрядно припорошило снегом. А заснеженные кусты прекрасно маскируют эту лазейку. Здесь-то и проходит тайная тропа для всех, кто желает пройти в

город, исключив из своего маршрута проход через КПП учебного корпуса. Тропой пользовались не только курсанты. Был один драматический случай с нашим командиром роты.

Олег Николаевич был в том возрасте, когда выход на пенсию был главным ближайшим и желанным событием в его службе. Воинская пенсия была для него тем заветным маяком, который светил ему среди всей этой беспросветной ежедневной рутины ответственности за нас, ничего ещё не видевших в жизни, молодых идиотов. Рюмка, другая были для него своеобразным допингом, который позволял ускорить бег времени и приблизить хотя бы чуть-чуть то благословенное время, в котором не будет ни начальства, ни курсантов – ничего, что могло бы обернуться для него какой-нибудь непредвиденной гадостью. Даже то, что он не доработает с нами до нашего выпуска, не останавливало его в мечтах о заслуженном отдыхе. Беда пришла неожиданно! Приказом Министра обороны СССР утверждался новый порядок исчисления выслуги лет для военнослужащих всех родов войск. Этот порядок перечёркивал всю ту стройную систему жизни, которая была спланирована нашим командиром на ближайшую перспективу. По новым правилам выход на пенсию откладывался для него на два года! Это была его личная катастрофа! Если раньше командир выпивал от скуки или по привычке, то в этот раз он пил с горя! Причём в этом случае количество алкоголя, выпитого им, было огромным! Только море водки могло бы залить трагический пожар в его душе! В этот раз он не стал вызывать подвахтенных для того, чтобы его доставили домой. Он самостоятельно вышел из помещения Экипажа №2 и совершил обходной манёвр, пытаясь выйти из Училища незамеченным. На его беду, решётка поваленного забора, занесённая снегом, сыграла роль капкана, в который угодила нога нашего командира. Никаким образом ему не удавалось освободиться из ледяного плена. И, когда запас матюгов и проклятий, не дав никаких положительных результатов, иссяк, то он в отчаянии уселся на проклятую решётку и заплакал. Дежурный по роте вместе с подвахтенным сумели извлечь его из этой западни, но душевные и физические силы командира иссякли, и он уснул на руках пришедших на выручку курсантов. Чтобы облегчить доставку командира в роту, была использована тачка с надписью «ЛМУ стадион», на которой возили песок, которым посыпали лёд на дорожках Училища. Усадив командира с ногами в эту тачку, сложив ему руки на коленях и водрузив на его голову военморовскую фуражку, курсанты под покровом темноты доставили отца-командира в его кабинет и там устроили его на ночлег. Дневальные периодически навещали командира и

охраняли его тревожный сон. А утром командир как ни в чём не бывало давал распоряжения дежурному по роте, и о досадном происшествии, приключившимся с ним накануне, никто не вспоминал. Рота продолжала жить своей привычной повседневной жизнью!

XLIV.

К первому своему свиданию в наступившем году я подготовился заранее. Брюки «клёш» были пошиты по всем правилам. Не стыдно надеть! Начищенный, наглаженный и полный радужных надежд, я встретился с Ирой, и мы пошли гулять по вечернему Александровскому парку и Петропавловке. Чудесный зимний вечер, волшебный свет фонарей в сумерках пустынных аллей парка, величественные стены Петропавловского собора делали нашу встречу волшебной! Мы говорили обо всём. Нам было хорошо и радостно! Подъём на Невскую куртину был открыт, и детвора накатала там прекрасную ледяную горку. Воспользовавшись тем, что никого вокруг нет, мы решили вспомнить детство и прокатиться с горы. Ехать было не на чем, если только стоя, на ногах. Я обхватил Иру за талию, и мы поехали! Я обнимал дорогого мне человека и был бесконечно счастлив! Но счастье продлилось недолго. Мы одновременно поскользнулись, и весь остаток пути вниз Ира проехала на мне. Мы смеялись, как дети! А когда поднялись и стали отряхиваться от снега, выяснилось, что я проехал этот путь на коленке, оберегая свою любимую от получения возможных травм. Ноги у меня были целые, но вот новые брюки протёрлись насквозь! И дырка на коленке была платой за мгновенье счастья! Говорят, что за что-либо, дорогое для тебя, можно отдать последнюю рубашку. Мне же пришлось отдать последние штаны! Не став афишировать досадную неприятность перед моей милой, я надеялся, что в темноте мой внешний вид будет не столь заметен окружающим, которых, впрочем, вокруг не было совсем. И мы завершили прогулку в отличном расположении духа и тепло распрощались, договорившись о следующей встрече. В кубрике я повесил злосчастные брюки на вешалку и на следующее свидание пошёл уже в уставных брюках. Впрочем, не думаю, что Ира заметила это. Её совсем не интересовали мои брюки. А вот о том, как мы с нею прокатились с Невской куртины, вспоминали потом всю нашу жизнь! Прогулки наши были частыми. Мы исходили пешком в итоге почти все мосты нашего замечательного города. И однажды, когда мы здорово замёрзли, Ира пригласила меня к себе в квартиру погреться, и накормила жареной картошкой! Это очень много для меня значило! Про принцип жареной картошки я уже

упоминал ранее, поэтому, ребята, изучайте принципы: все законы построены именно на них!

Второй принцип я открыл для себя сам: «Любовь делает настоящие чудеса!» Однажды, перед увольнением, я позвонил своей милой по телефону и узнал, что она заболела. Горло и температура ставили крест на нашем свидании. Но моряки не отступают перед трудностями! Вечером я уже мчался к Ире с килограммом апельсинов, поскольку лимонов не достал. Как известно, витамин «С», содержащийся в цитрусовых в большом количестве, является первым средством от простудных заболеваний! Я рассчитывал, что просто посижу у постели больной, и мы хотя бы поговорим. Просто увидеть её – было для меня уже большим счастьем! Каково же было моё удивление, когда на мой звонок в дверь, Ира открыла мне сама и встретила меня у входа улыбающаяся, и мало похожая на больную! Я встревожился, что она с температурой вышла меня встречать, но Ира рассказала мне, что после моего звонка по телефону ей сразу стало значительно лучше! Температура спала, и горло уже почти совсем не болит. А поскольку, на улице было совсем не холодно, она предложила нам вместе прогуляться по Александровскому парку. На этот раз мы гуляли не очень долго, но с большим удовольствием! Даже Ирина хозяйка, Полина Васильевна, у которой она жила в комнате, удивилась, что ещё утром Ира лежала в постели и температурила, а вечером уже гуляла со мной по улице. Болезнь была побеждена! А апельсины всем очень понравились!

XLV.

Жизнь курсантов в роте подчиняется определённым законам. Эти законы не прописаны в распорядке дня Училища, они отсутствуют в Уставах, но каждый курсант знает их назубок и свято соблюдает. Эти законы действуют в основном в свободное от учёбы и вахты время. Первый закон гласит: «Если что-то можно захватить из столовой днём, то это обязательно пригодится тебе в кубрике вечером!» На втором курсе почти каждый курсант возвращался после ужина в роту с куском хлеба в кармане. А если ещё и соль удавалось ссыпать в спичечный коробок, то ты знал, что вечер удался! Сахарный песок был, вообще, сладкой валютой! Каждый уважающий себя курсант имел в тумбочке свой личный, взятый в столовой стакан, а если повезёт, то и чайную ложку. Чай приходилось покупать вскладчину, всем кубриком. Мы прекрасно разбирались, чем грузинский чай «№36» отличается от азербайджанского «чёрного байхового». В каком из них

количество палок от чайного куста превышает количество чайных листьев с того же куста. Литровая банка была самым востребованным сосудом после стакана. Так как кипятить воду в стакане при помощи двух лезвий на карандаше и проводов с электрической вилкой, конечно, можно, но в результате кипения воды в стакане, половина объёма жидкости оказывается выплеснутой на стол, а в банке этот процесс проходит без потерь! Да, и заваривать чай в банке лучше, чем в стакане! Батон за 13 копеек приравнивался нами к пирожному, а если в посылке, пришедшей кому-нибудь из твоих товарищей по кубрику, было варенье, то это было настоящим Праздником! Процесс чаепития был отражён в одном из стихотворений, сочинённых в нашем кубрике мастером художественного слова Сергеем Придатко:

Только потянулись руки к стаканам, -
Дверь закрыть забыли! «Кнут» заходит к нам!
И на «хвост» огромный группа вся ползёт!
Кто варенье хапнет! Кто стакан упрёт!
… … … … … … … … … … … … …

Вот так, живут и учатся ребята, уж не день,
Из кубрика, что с номером на двери 47!

«Кнутами» мы называли двух наших старшин: заместителя старшины роты Колю Сидоренко и заместителя старшины группы Колю Гриценко. Судя по фамилиям, их предки были с Украины. А как говориться: «Нет костра без спички, а хохла – без лычки!» Они отслужили срочную службу в ВМФ и имели прекрасно развитое чувство, где можно поживиться на халяву. Поэтому дверь в кубрик нужно было подпереть шваброй, упёртой в рундук, и «якобы случайно» к нам уже никто зайти не мог. Старшины были «дембелями» и жили в своём отдельном кубрике (за исключением старшины оркестра Алика Голенкова, который «дембелем» не был). Сергей Придатко проживал вместе со старшинами и был им нужен как уборщик кубрика и «мальчик на посылках». После года «дедовщины» Серёга взмолился о своём переселении в любой другой кубрик. Случилось так, что в нашем кубрике освободилось одно место, и мы с удовольствием приняли его к себе. Душа Сергея ликовала! Родом он был с Донбаса. По натуре был человеком общительным и мастером рассказывать разные истории про шахтёров, жизнь на Украине, про свои похождения с его другом «Штакетом». В отличие от Сергея, «Штакет» сумел поступить в «Макаровку» и даже потом заходил к нам в Училище, к Серёге в гости. Оказался парень как парень, ничего особенного.

Но в рассказах Сергея он приобретал такой фантастический ореол, что их «подвиги» воспринимались нами, как «Мифы древней Греции»! Вот какова была сила художественного слова! В нашей группе таких «рассказчиков» было двое: Серёга Придатко и Володя Артушников. Если вдруг по каким-то причинам преподавателю надо было куда-либо отойти из аудитории, он призывал нас выполнять во время его отсутствия команду №7 «Срочное погружение». То есть вести себя тихо и заниматься своими делами, не выходя в коридор. Мы коротали время, вызвав к доске наших «общественных лекторов» Сергея или Вову, которые могли в течение всего академического часа рассказывать всевозможнейшие невероятные истории из своей жизни и жизни своих знакомых. Делали они это виртуозно, с большим артистическим талантом и великолепным чувством юмора! Могли рассказывать одни и те же истории по несколько раз, но всегда они звучали как будто впервые, с массой новых деталей и поворотов сюжета. Бывало, они так увлекались, что мы даже звонок на перемену не замечали, покатываясь от хохота и вытирая выступившие слёзы! Такая хорошая эмоциональная разрядка позволяла нам пережить все трудности учёбы и сплачивала нашу группу в единый коллектив.

XLVI.

Помимо вечеров отдыха, в актовом зале учебного корпуса для курсантов проходили лекции, выступления артистов, проводились различные встречи с интересными людьми. Перед нами выступала народная артистка РСФСР Гликерия Васильевна Богданова-Чеснокова. Для нас пел «опальный» в то время солист Ленинградского мюзик-холла певец Сергей Захаров, выступали музыканты Ленинградской филармонии и народные самодеятельные коллективы. Как-то раз на выступлении одного заводского коллектива художественной самодеятельности мы четыре раза вызывали на бис певицу, которая исполняла песню Ларисы Мондрус «Белый пароход». Ничего особенного в песне не было, но строчки «Белый пароход! Белый пароход!» певица исполняла так уморительно смешно, что зал лежал от хохота и после окончания песни рукоплескал, требуя повтора ещё и ещё раз! Певица никак не ожидала такого успеха и старалась вовсю к всеобщему обоюдному удовольствию!

А однажды к нам приехала съёмочная группа с Рижской киностудии. И привезла для премьерного показа свой, только что отснятый фильм. В нём снимались наши курсанты судоводительского отделения и наше учебное парусное судно

«Кодор». Тут мы вспомнили, как в прошлом году эта съёмочная группа приезжала в наше Училище, чтобы снимать приключенческий художественный фильм о революционных событиях 1905 года. Тогда мы ещё слабо понимали, в чём, собственно, выражалось участие в съёмках курсантов нашего Училища, и успешно забыли об этой встрече. Но теперь всё встало на свои места. Режиссёр Андрис Розенберг закончил в 1979 году съёмки своего фильма «Ждите “Джона Графтона”». Сюжет фильма был посвящён событиям 1905 года, когда революционерами, на судне «Джон Графтон» из-за границы доставлялась в Россию большая партия оружия для восставших рабочих. Роль парусника «Джон Графтон» сыграло учебное судно «Кодор», приписанное к нашему Училищу. Съёмки проводились летом, когда у судоводительского отделения проходила парусная практика, и наши курсанты приняли участие в съёмках эпизодов этого фильма. Один из курсантов имел весьма колоритную внешность, и его сняли в отдельном эпизоде. Лицо этого курсанта было весьма запоминающимся, и его в Училище знали все. Он сыграл совсем маленькую роль вахтенного у трапа. Когда все увидели на экране знакомую физиономию, в белом берете английского моряка с красным помпоном, весь зал взорвался от восторга и аплодисментов! А когда наш курсант ещё и заговорил на чистом английском языке, то зал стал неистовствовать! Участники съёмочной группы во главе с режиссёром сами впервые видели свой фильм на большом экране и никак не могли понять, почему рядовой эпизод фильма вызвал такую бурную реакцию зала. Фильм всем понравился, но нам было жалко видеть в конце, как взрывают наше легендарное учебное судно! Судно, которое с 1971 по 1979 годы ежегодно принимало участие в знаменитых ленинградских «Алых парусах», выполняя на празднике выпускников роль галиота «Секрет» из повести Александра Грина. Судно, которое снималось в таких фильмах, как «Остров сокровищ», «В поисках капитана Гранта», «Капитан “Пилигрима”». Для многих курсантов «Кодор» был живым воплощением их романтической мечты о море и морской профессии. Поэтому, когда вы, возможно в сотый раз, будете пересматривать все эти фильмы, вспомните о славном прошлом нашего Училища, о своей курсантской юности и о замечательных людях, которые помогли воплотить вашу юношескую Мечту в жизнь!

XLVII.

Весна пришла в Ленинград, радуя нас чистым голубым небом, весёлым щебетаньем воробьёв и тающими сугробами.

Ручьи бежали по дорожкам училища, унося холод и тоску зимы. Настроение у всех было приподнятое. Впереди был праздник 8 Марта! Это заставляло задуматься о подарках для женщин. На курсантскую стипендию не особо разбежишься, но на мимозу к празднику должно было хватить. Праздник выпал на четверг. Выходной день в середине недели – это здорово! Ира пригласила меня к себе. Купив два букетика мимозы для Иры и для её хозяйки, Полины Васильевны, я с цветами и коробкой конфет в назначенное время поднялся на пятый этаж старинного дома на Съезжинской улице и позвонил в дверной звонок. Радостная Ира открыла мне дверь, и я вошёл в старинную коммунальную квартиру, с высоченными потолками и длиннющим коридором от входной двери до кухни. Ира жила вместе с хозяйкой в длинной, похожей на «чулок», комнате, с одним огромным окном. Хозяйка занимала кровать, в распоряжении Иры был диван. Круглый стол со стульями вокруг него, шкаф для одежды, сервант с посудой, телевизор на тумбочке в углу у окна, люстра под высоким потолком. Вот и вся обстановка. Так жили многие в домах Петроградской стороны. Одинокие пенсионерки сдавали студенткам Фармацевтического техникума угол в своей комнате за ежемесячную оплату. Такие коммуналки были ещё с довоенных лет. Поэтому в них жили многие поколения людей, начиная с тех, кто ещё видел живого Царя Николая II. Одна такая бабулечка, маленькая и седенькая, но всегда очень опрятная и интеллигентная, приходила в гости к Полине Васильевне. Она была настоящей графиней, училась в юности в Смольном институте благородных девиц, жила на соседней улице, тоже в коммуналке, и смотрела на нас своими добрыми старческими глазами, которые очень многое повидали на своём веку. В квартире вместе с Ирой, но у другой хозяйки, проживала её одногруппница, Наташа. У неё тоже был кавалер, тоже курсант, но из военно-морского училища им. Дзержинского. После того как мы с Ирой, её хозяйкой и графиней отметили праздник за столом, Наташа позвала нас танцевать в свободную комнату общего пользования, которая была почти в каждой коммуналке, и там стояли, в основном, запертые шкафы с вещами жильцов. Места было много, действительно, хоть танцуй! У Иры был свой катушечный магнитофон «Иней» с записями современных исполнителей, и это обстоятельство было весьма кстати. В квартире, вообще, проживали две Иры. Моя Ира снимала жильё у хозяйки, а вторая Ира сама была хозяйкой комнаты, доставшейся ей от родителей. Все девушки были молодыми, примерно одного возраста. Интересы у всех были одинаковые, и компания сложилась весёлая. Переместившись с магнитофоном в комнату

общего пользования, где начались самые настоящие праздничные танцы, мы все перезнакомились и так «зажгли», что к нам присоединились все жильцы коммуналки, исключительно женщины. Так что нам с Игорем (так звали курсанта-военмора, с которым мы были одного возраста) пришлось танцевать со всеми присутствующими дамами. Потом праздник плавно перетёк в следующую фазу, с общим угощением и общими тостами. Расставались мы вечером с сознанием того, что Международный женский день 8 Марта удался на славу!

XLVIII.

Весна громила зиму и одерживала победу на всех направлениях! Вот уже Большая Нева освободилась ото льда, и лёд с Ладожского озера вынесло в Финский залив. Средняя Невка, где располагалась гребная база, ещё качала на своих волнах отдельные льдины, но мы уже начали тренировки на академических лодках. Я продолжал осваивать одиночку, лавируя между льдинами, и постоянно оглядывался назад, чтобы избежать столкновения с этими мелкими родственниками айсбергов и не повторить судьбу «Титаника». На малой скорости лодка была плохо управляема и тренировка превращалась в сплошное мучение. Через несколько дней и Средняя Невка очистилась ото льда, и наша маленькая флотилия, состоящая из распашной восьмёрки и моей одиночки, уже курсировала по невским речным просторам. Мы неслись по водной глади под крики чаек и плеск волн о набережные Северной Венеции. На скоростных отрезках я не уступал в скорости восьмёрке, но это было закономерно. Так как моя лодка была значительно легче, а мои усилия соответствовали усилиям каждого из экипажа восьмёрки. Да плюс к тому же они везли ещё и рулевого. Так что мне следовало обгонять восьмёрку, чтобы достичь удовлетворительного результата. Постепенно мы чувствовали себя всё увереннее на воде, и подготовка к летним соревнованиям по академической гребле среди мореходных училищ России шла полным ходом. В мае должны были также проходить очередные соревнования среди мореходок города, и мы чередовали греблю на ялах с греблей на академических лодках. Мы опять к середине апреля были уже самыми загорелыми в роте!

Учёба на третьем курсе стремительно подходила к своему завершению. Без отрыва от учёбы мы успешно заняли призовое место на городских соревнованиях по гребле на шестивёсельных ялах! Соревнования были посвящены Дню Победы, и мы ощущали

от нашей победы двойную радость! Соревнования на первенство России по академической гребле должны были проходить в другом городе (по-моему, в Астрахани), как раз в конце летней сессии. Но до Астрахани надо было ещё добраться, а на всю подготовку требовалось определённое время. Поэтому два экзамена из четырёх нам (гребцам) пришлось сдавать досрочно. Экзамены были не очень сложные: политэкономия и электроника. Но оценки по ним попадали в диплом, поэтому к делу надо было подойти ответственно. Заниматься «болтологией» на политэкономии было делом привычным. Изучение материалов различных съездов КПСС, правильное понимание политики Партии и Правительства, моральный кодекс молодого строителя коммунизма – вся эта ахинея бурлила в наших головах, как дрожжи в закваске. Главное при ответе было уверенно нести околесицу и не останавливаться. Даже простое перечисление политических терминов, без логического построения фразы, было уже ответом на вопрос билета. Преподаватель прекрасно понимал, что политэкономы из нас вряд ли получатся, поэтому принимал такую форму ответа, в основном закрывая глаза на его содержание. А когда фонтан нашего красноречия иссякал, то преподаватель, как бы дополняя услышанное, сам рассказывал нам то, что в конечном счёте должен был содержать наш ответ на вопрос. Получив свои незаслуженные четыре балла, мы с чувством облегчения завершили сдачу первого экзамена.

Впереди была сдача экзамена по электронике. Эту дисциплину вёл у нас преподаватель Коротков. Он был достаточно молод, прекрасно одевался, был о себе самого высокого мнения и считал себя непререкаемым авторитетом и любимцем женщин! Он представлялся дамам профессором с кафедры электроники. Дамы, возможно, ему верили. Перед нами же он красовался, как павлин перед курочкой, впрочем, отдавая себе полный отчёт, что мы ему не верим. Здоровая самоирония была написана на его физиономии, когда он лицедействовал перед нами. Это была игра, в которой каждая сторона играла свою роль, делая вид, что верит в то, во что играет. Но, когда дело доходило до конкретных знаний, он бросал «валять дурака» и весьма доходчиво объяснял нам учебный материал. Ещё одной страстью, кроме лицедейства, была его тяга к спиртному. Но он знал, где, с кем и сколько можно выпить. Его закадычный друг, командир роты Лёня Замчалов (как его за глаза называли курсанты), был майором морской авиации, человеком огромных размеров, как в высоту, так и в ширину. Замчалова уважали не только за выдающиеся размеры, но и за адекватность характера и справедливость поступков. Лёня своих не сдавал и мог лечь своей

богатырской грудью (всё, что выше пояса – это грудь) на любую амбразуру. Эта «тёплая» парочка частенько собиралась вместе, чтобы «принять на грудь» и излить душу друг другу. Команда №7 «Срочное погружение!» чаще всего применялась именно на лекциях по электронике. Поэтому наша подготовка к досрочному экзамену включала в себя не только изучение конспекта, но и приобретение 0,5 литра жидкой валюты, которая помогла бы нам в трудную минуту сдать экзамен. Проставляться преподавателю лично нам ещё не приходилось. Поэтому, с чего начать это ответственное мероприятие, мы не знали.

В пустом кабинете перед «профессором электроники» мы с Мишей Ехаловым тянули билеты и готовились к ответу. Пакет с бутылкой был нами стыдливо засунут под стол. Салаги, ничего не сведущие ещё в таких щекотливых делах, мы ждали повода вручить этот пакет преподавателю. Но преподаватель повода не давал. Я пошёл отвечать первым. Коротков отнёсся к моему ответу со всей серьёзностью. Дал несколько дополнительных вопросов и поставил заслуженную пятёрку. Тут уже я, взбодрившись, нашёл в себе мужество и вручил ему заветный пакет. Преподаватель заглянул в него и обалдело уставился на нас. «Да, что ж вы сразу-то не сказали!?» – с неподдельным укором и сожалением воскликнул он! И мы поняли, что «сваляли дурака», стесняясь и оттягивая момент взаимопонимания. После этого Миша справился с ответом на свой билет в течение минуты. Преподаватель поставил в наши зачётки пятёрки, дружески расспросил о предстоящих соревнованиях и пожелал нам удачи! Летняя сессия была сдана! Мы становились курсантами четвёртого курса! Ура!

XLIX.

На следующий день меня вызвал Заместитель начальника училища по физподготовке. В его кабинете сидел старший нашей команды, четверокурсник, и высокий незнакомый парень. Зам. по физподготовке, отводя глаза в сторону, расспрашивал меня, как я сдал экзамены, в какой физической форме нахожусь. Потом перешёл к делу. Оказывается, к нам в Училище поступает этот высокий парень. Он кандидат в мастера спорта по академической гребле. И, чтобы нам хорошо показать себя на предстоящих соревнованиях, надо включить его в команду. Но он официально ещё не курсант. Поэтому он меня заменит в команде, и будет выступать под моим именем. А я должен буду «исчезнуть» на всё время отъезда команды из Училища, но так, чтобы со мной могли связаться. Как говорится, надо выполнить команду №7 «Срочное

погружение»! Приказ есть приказ! Вместе с ребятами по команде я покинул расположение Училища, и мы разошлись в разные стороны. Они отправились на вокзал, а я – к своей тётушке. Она на лето уезжала в деревню с младшей дочкой, а в коммуналке оставалась её старшая дочь, моя троюродная сестра. У неё была своя отдельная комната, а комната тётушки была свободна. Так я и поселился на эти десять дней у тёти. Всё было бы здорово, но питаться приходилось на свои кровные! Поэтому запас картошки и кильки в томате был сделан мною на десять дней вперёд. Хуже всего было то, что Ира, сдав экзамены, уезжала домой на каникулы, и я оставался в городе почти совсем один, так как моя сестра тоже скоро уезжала вожатой в подшефный пионерский лагерь, от своего техникума.

Быть одиноким в городе с пятью миллионами жителей – это очень и очень плохо! Познав это на своей шкуре, начинаешь ценить то, что было у тебя всего неделю назад. Ты не задумывался, что если ты накормлен, одет, обут и у тебя есть крыша над головой, а вокруг тебя твои друзья, то это огромное счастье! Когда ты развлекаешься тем, что пришиваешь новые курсовки на рукав фланки, смотришь телевизор до одурения и ходишь по пыльным мостовым города, которому на тебя наплевать, время тянется очень медленно. Книги из тётушкиной домашней библиотеки все перечитаны, и ты с тоской вспоминаешь, как стремился пойти в увольнение. Теперь ты в увольнении, в долгом увольнении. Ты счастлив, придурок? А ребята, наверное, сейчас там гребут! Добывают своими мозолями на руках спортивную славу Училищу! А ты тут, в потолок плюёшь! Когда на выходные дни в город возвращается на побывку твоя сестра и просит тебя купить в магазине бутылку водки, чтобы отвезти её своим коллегам по работе для празднования дня рождения, ты рад своей сестрёнке, как Робинзон Крузо, увидевший парус на горизонте! С сестрой можно хотя бы поговорить вволю. Соседи по коммуналке появляются в квартире только вечером, да и о чём можно долго говорить с чужими людьми? О погоде?

Но вот и долгожданный день! Сегодня все должны вернуться в Училище. Ты рассчитываешь время, когда появиться в роте, чтобы постараться прибыть одновременно с ребятами. Но их поезд опаздывает на два часа, и ты приходишь в роту первым. Тебя встречают как героя! Расспрашивают обо всём. А ты на скорую руку сочиняешь разные небылицы: что уехал раньше и пока не знаешь, как закончились соревнования. Потом появляются все твои товарищи по поездке, и все вопросы теперь направлены к ним. Выступили достойно. В призы не попали, но в

общем зачёте среди всех мореходок были в передовых рядах. В общем, руководство довольно! И вот ты засыпаешь у себя в кубрике, в своей, оказавшейся такой уютной койке, и снова жизнь становится спокойной и прекрасной! Вокруг храпят твои товарищи, а впереди тебя ждёт долгожданный отпуск и встреча с родными!

L.

Ещё перед отпуском мой друг Сева, из второй группы, предложил мне приехать к нему в гости в Кишинёв, чтобы оттуда вместе с ним и его друзьями поехать на Чёрное море. Идея увидеть море мне очень понравилась. Поэтому, прибыв домой, я первым делом согласовал эту поездку с родителями. Родители были не против и снабдили меня нужными для этого денежными средствами. Купив билет на самолёт, который должен был вылетать из Москвы, я созвонился с Севой, и мы обсудили детали нашей поездки. Всё складывалось очень удачно! В день вылета я сел со своим чемоданом на электричку до Москвы и прибыл в столицу. Добрался до аэропорта и прошёл все необходимые предполётные процедуры. И вот, я на борту! Я не только никогда до этого не видел моря, но и на самолёте тоже никогда не летал. Впечатление было грандиозное! Восторг от полёта продолжался до самой посадки в Кишинёве! Меня встречал Сева. Всё было замечательно! Мы получили багаж и скоро уже были у Севы дома. Его мама тепло встретила нас и угостила вкусным обедом. А потом Сева повёл меня по цветущему городу Кишинёву. Впечатлений было очень много! Но главное было впереди: мы стали собираться в поездку к морю! В компании с друзьями Севы, мы отправились на выходные пригородной электричкой в славный город Одессу! Эта «жемчужина у моря» и «гордость всех моряков-черноморцев» встречала нас прекрасной погодой и неповторимым одесским юмором!

Нам нужно было добраться до места, которое называлось Каролино-Бугаз. Там была шикарная песчаная коса, представляющая собой великолепный пляж – любимое место отдыха для всех отдыхающих «дикарями». Ехали мы туда на электричке, причём, когда мы вошли в вагон, то двери за нами с грохотом захлопнулись, и электропоезд стал набирать скорость. После этого голос в динамике трансляции вагона произнёс: «Осторожно! Двери закрываются!» Мы дружно захохотали! Одесса была в своём репертуаре! Всю дорогу ребята рассказывали мне одесские анекдоты, поэтому время пролетело незаметно. Выгрузившись из электрички со всеми своими рюкзаками,

палаткой, котелками и гитарой, мы отправились занимать местечко на берегу Чёрного моря. Таких, как мы, отдыхающих «дикарей», здесь было превеликое множество. Мы разбили палатку, занесли в неё все наши вещи и бросились в тёплые и ласковые, отливающие бирюзой волны Чёрного моря! Ну, здравствуй, Море! Наконец-то мы встретились!

LI.

Лёжа на мельчайшем бело-жёлтом песке, видя перед собой бескрайнюю бирюзовую гладь Чёрного моря и бесконечное синее небо над головой, я наслаждался полным отсутствием мыслей в голове и был бесконечно счастлив! Сбылась моя мечта! Я увидел Море! Ощутил, какое оно тёплое и ласковое, как может качать тебя на своих солёных волнах, даря ощущение невесомости и детской радости! Как любопытные рыбки вьются у твоих ног и тыкаются в тебя своими ртами, пытаясь попробовать тебя на вкус. А на берегу ребята уже разложили небольшой костерок из деревяшек, которые мы вместе собирали по всему берегу (с топливом для костра тут большие проблемы). И, как только вода в котелке закипает, то туда засыпают кукурузную крупу, чтобы приготовить великолепное блюдо – мамалыгу. И вот мы уже сидим с ложками вокруг остывающего котелка и наворачиваем традиционное молдавское блюдо! На хлебе у каждого по тонкому куску сала, перед нами тарелка с зелёным луком и петрушкой, и мы, наслаждаясь жизнью, гремим ложками по стенкам котелка и смеёмся от души над каждой произнесённой шуткой! А вечером идём на танцы на ближайшую туристическую базу, где играет музыка и весело светятся разноцветные огни. Администрация турбазы призывает нас не растаскивать турбазу на дрова и убирать за собой мусор с пляжа. Мы во всём соглашаемся с администрацией и продолжаем веселиться вместе с другими отдыхающими. А потом идём с новыми знакомыми к нашей палатке и поём песни под гитарный аккомпанемент и плеск морских волн. А над нами бесконечное чёрное небо с яркими южными звёздами над головой и ощущение полнейшего единения с этим фантастическим миром, в котором ты чувствуешь себя песчинкой среди бескрайних просторов Вселенной! Тебе кажется, что так может продолжаться до бесконечности, но через два дня ребятам надо возвращаться на работу. И мы, загоревшие и прекрасно отдохнувшие за эти дни, с сожалением покидаем гостеприимный пляж.

Ребята вернулись на работу, а мы с Севой находимся в отпуске, и времени у нас вполне достаточно для того, чтобы

обстоятельно, не торопясь, посетить Одессу. Увидеть её во всей красе и насладиться её чудесной атмосферой и неповторимым южным колоритом этого морского Города-героя. Мы ходим по Дерибасовской, гуляем в Городском саду, рассматриваем скульптуру «Лаокоон с сыновьями» у Оперного театра, поднимаемся по Потёмкинской лестнице, встаём на крышку люка и смотрим на скульптуру Дюка де-Ришелье (кто был в Одессе, тот знает, почему надо встать на крышку водопроводного люка). И этот город у моря, наполненный цветочными ароматами, неповторимым южным говором и лукавым одесским юмором, никого не оставляет равнодушным! Хочется возвращаться сюда снова и снова. И такая возможность очень скоро мне представилась.

LII.

Старший брат Севы, Семён, собирался в отпуск. Он предпочитал отдыхать цивилизованно, на хорошем курорте. В этот раз он собирался в Ялту. Мама Севы, добрая женщина, предложила и нам с Севой поехать в Ялту. Поскольку там мы будем под присмотром Семёна, и её душа будет за нас спокойна. Отец Севы работал при Совете министров Молдавской ССР, по хозяйственной части. Он достал нам два билета на самолёт из Кишинёва до Симферополя, и мы с Севой полетели отдыхать цивилизованно. Ночной полёт на ЯК-40 запомнился мне звёздным ночным небом, россыпью огней внизу и аппарелью с трапом в хвосте самолёта, по которому мы спустились на крымскую землю. Нам предстояло добраться до Ялты на троллейбусе. Это путешествие было самым необычным в моей жизни. Представьте себе троллейбус, который едет по отличной шоссейной дороге, среди красот и чудес Крыма! Справа и слева поднимаются огромные горные вершины, со снежными шапками наверху. В ущельях клубится туман, а восходящее солнце заливает всё это великолепие розовым светом. Почти три часа длилось наше путешествие. И вот оно, море!

Ялта для нас началась с поисков жилья. Как и в любом другом приморской курортном городе, в Ялте существует место, где отдыхающие, желающие снять комнату, встречаются с хозяевами, которые желают сдать комнату. Первая наша попытка снять жильё оказалась неудачной. Но многому нас научила! Поэтому ближе к вечеру удача нам всё же улыбнулась. Две койки в большой комнате, в которой, помимо нас, размещалось ещё двое отдыхающих, стали нашим пристанищем для цивилизованного отдыха в Черноморском городе-курорте.

Подсчитав оставшиеся деньги, мы прикинули, на какое время нам их хватит. А потом упали на свои кровати, чтобы хотя бы чуть-чуть отдохнуть после бессонной ночи и всех наших приключений. Отдохнув немного, мы увидели ночную Ялту, ярко освещённую манящими огнями вывесок кафе и ресторанов, рекламных транспарантов и великолепной набережной, с гуляющими вдоль берега моря отдыхающими. На набережной, развернувшись бушпритом к морю, стоял настоящий парусный корабль, в котором размещался ресторан. Песня Макаревича про «Старый корабль» была написана точно про него! На следующий день мы встретились с Семёном. Он тоже устроился на частной квартире и предвкушал отдохнуть в Ялте на всю катушку! Наши планы были гораздо скромнее, учитывая наше финансовое положение, поэтому пляж с утра, столовая в обед и променад по набережной вечером были нашим обычным ежедневным занятием. У нас была резиновая маска для ныряния, которую мы использовали не только для наблюдения за морскими обитателями, но и для сбора монет различного достоинства, которые отдыхающие обязательно бросали в конце отдыха с берега в море, чтобы вернуться сюда ещё раз. Севе не везло, но когда я нырнул с маской впервые в жизни, то, вынырнув, попытался смахнуть какой-то мусор, прилипший на стекло маски. Это оказался бумажный рубль! Мы с Севой классно поужинали на него и поверили, что нас ждёт удача!

LIII.

Изучив город и окрестности, мы поняли, что самые хорошие пляжи находятся на территории санаториев и отелей. Там всем хватает места у моря, пляж не напоминает лежбище морских котиков, никто не орёт над ухом: «Горячая кукуруза! Покупайте горячую кукурузу!» Но попасть на такие пляжи можно было только по пропускам. Один раз какая-то сердобольная отдыхающая старушка из пансионата, которой мы помогли дотащить сумки с рынка, в благодарность провела нас по своему семейному пропуску на закрытый пляж пансионата. Нам там очень понравилось, и на следующий день мы расписывали Семёну во всех красках прелести пляжного отдыха на закрытых территориях! Ближайшим таким местом был пляж отеля «Интурист». Оказалось, что попасть на него можно только двумя путями: либо из отеля, пройдя по подземному переходу под автомобильной дорогой, либо из моря, заплыв далеко от берега с соседнего общественного пляжа. Чтобы не привлекать внимание охраны отеля, надо было быть одетым. Поэтому был разработан

план проникновения. Мы с Севой раздевались до плавок и отдавали свои вещи Семёну, который складывал их в сумку и шёл вдоль автомобильной дороги сверху над пляжем. Пляж от дороги был отгорожен решёткой с перилами, которая находилась как бы на общей крыше, сверху тянущихся вдоль пляжа помещений раздевалок, кафе и туалетных комнат. А также там были камеры хранения вещей отдыхающих. Мы с Севой заплыли дальше буйков, переплыли по морю на территорию пляжа отеля и вышли к линии пляжных помещений. Семён, выждав момент, когда никто за нами не следил, разделся сам, уложил свои вещи в сумку и сбросил её нам вниз. Потом заплыл так же, как мы, на территорию пляжа. А мы с Севой, прикинувшись отдыхающими отеля, пошли в камеру хранения и за 10 копеек оставили свою сумку, предварительно забрав оттуда полотенца и деньги. Наш план сработал на 100%! Сева весьма бегло говорил с персоналом по-английски, так как окончил в своё время школу с углублённым изучением английского языка. Я и Семён в присутствии посторонних предпочитали молчать. Браслетов у отдыхающих в те времена ещё не было. Зайти на пляж из отеля можно было по карте проживания в отеле, а выйти обратно – беспрепятственно. Мы, полежав на пляже столько, сколько хотели, переместились на внутреннюю территорию отеля, где были расположены бассейны и кафе. Прекрасно проведя день, мы оделись и беспрепятственно покинули отель через главный вход.

Такой отдых нам очень понравился, и на следующий день мы решили повторить операцию. Нас подвела погода! День выдался пасмурный, солнце было в дымке. На пляже «Интуриста» народа было сравнительно немного. Мы успешно повторили наш манёвр. И когда сдали сумку улыбающемуся нам, как старым знакомым, кладовщику камеры хранения и вышли на пляж, то были остановлены двумя сотрудниками охраны в штатском, которые нас и задержали. Мы забрали сумку из камеры хранения и в сопровождении охраны были доставлены в дежурную комнату. Ответственный товарищ, с красными корочками удостоверения и определёнными полномочиями, допросил нас и вызвал из города наряд милиции. Везли нас с почётом, в «обезьяннике» милицейского «УАЗа». «Обезьянник» был рассчитан на двоих, но мы разместились там втроём. Ехать было недалеко, и через 15 минут мы уже входили в городское отделение милиции. Здесь нас усадили на скамью возле дежурки и сказали подождать. Потом вышел оперативник, расспросил нас о случившимся и отправил Семёна на наше и его места проживания за документами, так как наши паспорта были у наших хозяек. Семён ушёл. Пока мы сидели, пошёл дождь. Помещение дежурки наполнилось

всяческими персонажами, которых приводили милицейские патрули. Нас попросили уступить место на скамейке каким-то подвыпившим субъектам, которые не могли самостоятельно стоять на ногах. Мы стояли в углу и ждали Семёна. А он с улицы делал нам знаки руками. Сева, убедившись, что мы никому неинтересны, потихоньку вышел на улицу. Семён проинструктировал его, и Сева вернулся ко мне обратно. План побега был прост. Мы должны по одному, не привлекая внимания, переместиться к двери и тихонько выйти из помещения отделения милиции. В общей суете нам это удалось сделать без сучка и задоринки! Никто за нами не гнался, и мы опять стали рядовыми советскими отдыхающими, гостями этой всесоюзной кузнецы, житницы и здравницы, знаменитого города-курорта Ялта!

LIV.

Город Ялта был не только курортом, но ещё и морским портом. Пассажирские лайнеры, курсировавшие на линии Одесса-Батуми-Одесса, регулярно швартовались у причалов Морского вокзала. Мы часто ходили смотреть на эти большие многопалубные суда, на которых счастливые туристы пересекали Чёрное море. Идея вернуться в Одессу на борту такого теплохода была предложена Севой и одобрена мною полностью. Побывать на борту настоящего судна да ещё прибыть в Одессу, как настоящие моряки, – это было прекрасно! Билеты в кассах Морского вокзала продавались только в день отхода лайнера. Преимуществом при покупке билетов пользовались владельцы транспортных средств, так как они оплачивали провоз своего автомобиля на грузовой палубе. Если оставались билеты, то их могли купить все желающие. А желающих было предостаточно. Поэтому очередь надо было занимать с раннего утра. С первой попытки у нас ничего не вышло. Но мы узнали всю схему продажи и укрепились в желании совершить морское путешествие. Было решено: даже при наличии одного свободного билета ехать хотя бы одному из нас, а второму пытаться уехать на следующем теплоходе. Севе повезло уехать первым. Мы взяли последний оставшийся билет, и вечером я провожал Севу на судно. Когда мы подошли к трапу, то нас какая-то пожилая пара попросила помочь им внести на борт чемоданы. Мы, конечно, согласились. Старички сказали вахтенному, что мы их провожаем, и мы оба поднялись на борт. Там мы распрощались с нашими пенсионерами. И тут до нас дошло, что билеты уже никто проверять не будет. И если бы мой чемодан был со мной, а не остался на съёмной квартире, то

мы могли бы сейчас ехать вместе! Мысль была отличная, но запоздалая. Место у Севы было без каюты, поэтому он устраивался на ночлег в общем салоне, где стояли авиационные кресла. Пришлось нам расставаться. Но я теперь точно знал, как мне поступить в следующий раз. Я с сожалением сошёл на причал. Сева помахал мне рукой с верхней палубы. Подняли трап. Пароход дал гудок и стал отваливать от причальной стенки. На выходе из порта он ещё трижды погудел на прощание и ушёл в открытое море. Брат Севы уехал из Ялты несколько дней назад. Я остался один.

Утром я стоял у окна кассы первым. Народ подходил, и очередь образовалась немаленькая. За мной стояла семья, у которой было двое детей и автомобиль. За несколько часов ожидания в очереди мы познакомились, и я обрисовал моим новым знакомым ситуацию. Поскольку им нужно было четыре билета, то мои шансы значительно уменьшались. Но и на них билетов тоже могло не хватить! Поэтому мы договорились, что если они купят любое количество билетов, то возьмут меня с собой на борт теплохода хотя бы в качестве провожающего. Дети у моих новых знакомых были довольно взрослые. Девочке было лет десять. А мальчик выглядел старшеклассником. Через несколько часов пришёл рейсовый теплоход из Сочи. Очередь оживилась. Стали продавать билеты в первую очередь тем, у кого были машины. К тому моменту, когда выяснилось, что на моих знакомых билеты заканчиваются, причём билетов только три, план у нас уже был готов. Мы с парнем, которому билета не досталось, будем изображать провожающих. Встречаемся все у теплохода за час до отхода, как положено. И я помчался к хозяйке на квартиру собираться.

LV.

Курсанту собраться – только подпоясаться! Распрощавшись с хозяюшкой и наскоро перекусив, я отправился на причал Морского вокзала. На причале было оживлённо. Найдя там семью моих новых знакомых, я проинструктировал моего напарника-безбилетника о наших дальнейших совместных действиях. Глава семьи погнал машину на погрузку, а мы с его остальными домочадцами и багажом стали подниматься по трапу. Легенда о «провожающих» женщину с ребёнком прокатила! Мы донесли вещи до каюты, где я оставил и свой чемодан. Договорившись о месте встречи на корме верхней палубы, мы с моим напарником растворились среди прибывающих на борт пассажиров. Осталось только ждать отхода. Чтобы не «отсвечивать» на одном месте, я

перемещался по всему судну, знакомясь с расположением палуб и судовых помещений. Побывал в общем пассажирском салоне с самолётными креслами. Он пока пустовал, и я присел на кресло. Провести в таком кресле ночь было сравнительно неплохо. Скорее всего все эти места ночью будут заняты, но попробовать всё же стоит! Теплоход был большим, белым и прекрасным! Сбывалась моя мечта! В голове вертелась песенка «Белый пароход! Белый пароход!» Приближалось время отплытия. Мною никто не интересовался. По громкой связи раздались команды капитана о подготовке корабля к отплытию. С палубы было видно, как матросы поднимают трап. Вот уже с причальных бухт сбросили швартовые концы, и матросы втягивали их на палубу. Из трубы повалил чёрный дым. Теплоход затрясся нетерпеливой дрожью, и за кормой вспенился бурун забортной воды, расходясь по сторонам вихрями водоворотов. Между бортом судна и причалом образовалась, увеличивающаяся с каждой секундой щель с кипящей у борта водой. Вот поплыл назад причал со швартовщиками, остающимися на берегу. Морской вокзал, набережная, пляж – всё это оставалось позади. Прощай, Ялта! Спасибо за гостеприимство! До новых встреч!

LVI.

На палубе ко мне подошёл мой напарник по нашему путешествию «зайцами». Мы от души порадовались успешному результату нашей авантюры. Выглядел он очень молодо, но, как выяснилось, парень уже окончил школу и даже поступил в институт. И это семейное путешествие было для него отдыхом перед учёбой. Тут нас нашёл глава семейства. Он назвал сыну номер столика в ресторане, отдал ему талон на ужин и остался со мной на палубе. Мы присели за столик у бара. Мой спутник, достав из сумки консервы и хлеб, угостил меня нехитрым ужином. Мы обсудили наше приключение и потом ещё долго разговаривали, наблюдая, как скрываются за горизонтом огни Ялты. Впереди была ночь. Но пассажиры пока не спали, а веселились в барах и на палубах лайнера. Круиз по Чёрному морю продолжался. Распрощавшись с моими новыми знакомыми, я пошёл в салон с самолётными креслами. Сел на свободное место и уснул. Разбудили меня в половине второго ночи. Пришедшая парочка обладала всеми правами на отдых в пассажирском салоне, и я, увидев, что все кресла уже заняты, побрёл по теплоходу в поисках ночлега. Народ устраивался спать в самых экзотических местах. В пространствах под трапами были ниши с ровным полом, на котором на надувных матрасах спали

люди. Вероятно, среди них тоже было полно «зайцев», но администрация судна никого не тревожила, и рейс продолжался к обоюдному удовольствию пассажиров и команды судна. Как я провёл остаток ночи, я уже не помню. Но когда на рассвете впереди показалась Одесса, я уже был бодр и готов продолжать следовать по своему маршруту! Когда мы спустились на берег, мои друзья по путешествию подвезли меня на своей машине до железнодорожного вокзала. Мы тепло распрощались и пожелали друг другу счастливого пути! Моя электричка до Кишинёва отправлялась только в час дня. Поэтому я пошёл с чемоданом в Городской парк, где в одной из аллей растянулся на скамейке под акацией, положив свой чемодан под голову. В полудрёме я слышал, как проходящие мимо меня прогуливающиеся парочки переговариваются между собой. В основном они заботились о моей безопасности и хотели меня разбудить, чтобы не вышло какой-нибудь беды. Но я не спал и в ответ на их заботу благодарил прохожих, утверждая, что не сплю, а просто отдыхаю. Спать хотелось зверски, но приходилось бдеть. Мой ангел-хранитель оберегал меня, и на свою электричку я успел вовремя. Под стук колёс я доехал до столицы Молдавии и скоро уже входил в знакомый двор, где жил мой друг Сева. Путешествие было окончено! А теперь спать… спать… спать …

LVII.

Домой я уезжал на поезде Кишинёв-Москва. Накануне отъезда мы пошли с мамой Евсея на рынок, где по её совету я накупил южных фруктов и деликатесов. Из Ялты в качестве сувениров я привёз две раковины рапанов. Так что подарки для родителей были собраны. Провожали меня тепло и сердечно. Я был очень благодарен Севе и его родным за гостеприимство. Впечатлений об отдыхе было просто море! Да и само море мне очень понравилось! Отпуск удался! Под стук колёс я вспоминал все наши приключения и высыпался на месяц вперёд. Мама Севы передала со мной подарки для своих родственников из Калинина, которые поместились в двух сумках. В Москве меня встречали и мои родители, и родственники Севы. Когда объятья и поцелуи закончились, то наши новые знакомые предложили нам ехать в Калинин всем вместе на их автомобиле. Предложение было принято, и вот через два часа мы уже были в родном городе. За рассказами о нашем с Севой отдыхе время в пути пролетело незаметно. Мы распрощались у железнодорожного вокзала и отправились по домам.

А лето продолжалось. В Москве начались Олимпийские игры.

Запомнились они отсутствием американских спортсменов, так как США бойкотировали Олимпиаду, и очень красочным открытием этого спортивного праздника. Москва опустела, так как въезд туда был возможен только по московской прописке или при наличии билета на спортивные олимпийские мероприятия. В Калинине я встретил своего одноклассника Игоря Петрова, который как раз собирался в Москву, чтобы посмотреть соревнования по лёгкой атлетике. Он показал мне, как выглядят билеты на Олимпиаду, и уехал на электричке в Москву. А мы смотрели соревнования по телевизору и болели за наших спортсменов. Дни стояли солнечные и жаркие. В один из таких дней умер Владимир Высоцкий. Информации об этом было очень мало. Вероятно, для того, чтобы смерть одного поэта не омрачала большой спортивный праздник миллионов советских граждан. Но вся страна в те жаркие летние дни восприняла эту смерть, как самую большую потерю.

А потом было закрытие Олимпиады. Щемящее, до слёз, прощание с Олимпийским Мишкой, и его полёт в вечернем Московском небе. Так мы прощались с эпохой, которую называли потом «эпохой застоя». Но в то время мы ещё этого не знали. Мы двигались вперёд к Победе Коммунизма, и каждый из нас верил, что всё лучшее ещё впереди. Лично у меня впереди был четвёртый курс обучения в Ленинградском Мореходном Училище ММФ СССР. И это было здорово, так как я делал ещё один шаг на пути к исполнению своей Мечты!

Часть третья: «Их знали только в лицо!»

LVIII.

Покрасоваться в Училище в форме с четырьмя курсовками на рукаве – это приятное, но кратковременное удовольствие. Сентябрь для четвёртого курса РТО проходит вне стен Училища. Сельскохозяйственные культуры ждут начинающих радиоспециалистов на бескрайних угодьях колхозных полей Ленинградской области. Наша отглаженная форма №3, блестя нашивками, сиротливо оставалась дожидаться нас в опечатанном помещении роты. Рабочее платье и бушлаты придавали нам удалой партизанский вид. Мы уже имели внеплановый опыт сбора урожая в прошлом году и не питали иллюзий в отношении наших ближайших перспектив. Но Судьба сумела удивить некоторых из нас, внеся свои коррективы в устоявшийся график подготовки курсантов четвёртого курса Радиотехнического отделения. Как раз в эти сентябрьские дни в Ленинграде проходила очередная Спартакиада плавсостава пароходств Северо-Западного водного бассейна. На территории ЛМУ, в помещениях пустующих кубриков Экипажа №1, выделялись спальные места для участников Спартакиады и членов их семей, так как многие спортсмены приезжали вместе с жёнами. Питались они в буфете Экипажа №2, а отдыхали и набирались сил в Экипаже №1. Для поддержания чистоты и порядка в помещениях и несения дежурной службы несколько курсантов нашей роты были оставлены дневальными и дежурными по общежитию спортсменов. Меня же, по личному приказу Начальника ОрСО (Организационно-строевого отдела), оставили в Училище для обновления стендов наглядной агитации в Учебном корпусе, так как Начальнику ОрСО очень понравились стенгазеты нашей роты, в оформлении которых я принимал участие в качестве редактора и художника. Для работы мне предоставлялся личный кабинет Начальника ОрСО и достаточное количество времени. Питался я с нашими, оставшимися дежурить ребятами, а спал на свободных койках в Экипаже №1. В Увольнение мог ходить каждый день после 17.00. Ну, красота, да и только! Моя форма №3, как и форма всех оставшихся ребят, была заперта в помещении роты. Но мы продолжали быть одеты по форме №2, и у каждого из нас на левом рукаве белой форменки сияли золотом по четыре курсовки. Теперь для меня главное было – не торопиться. За две недели плевания в потолок и ненавязчивого вождения плакатным пером по ватману, как ни

прискорбно, но мною всё было сделано. Я оставался безработным. Начальник ОрСО придирчиво принял мою работу и, не найдя недостатков, объявил мне благодарность. Отправлять меня в колхоз он не стал, а оставил в Училище, добавив меня к составу дневальных по общежитию. Потянулись бестолковые, дремотные дни. Они разбавлялись тем, что мой друг и одногруппник, периодически просил меня помочь сдать в пункт приёма стеклотары собранные им на этаже общежития пустые бутылки из-под пива и алкогольных напитков. Спортсмены продолжали оставаться моряками и на берегу, поэтому всегда держали себя в форме: в форме лёгкого алкогольного опьянения! А уже после соревнований победа отмечалась ими по всем правилам, в соответствии с морскими традициями и флотским размахом! На следующий день пустые бутылки заполняли два подматрасника, и мы тащили их в ближайший пункт приёма стеклотары на Большом Смоленском проспекте. Честно заработанные деньги всегда согреют душу курсанту! Да здравствует Советский спорт! Физкульт-привет участникам Спартакиады! Желаем всем новых побед!

LIX.

Я встретился с Ириной после долгой летней разлуки, и мы не упускали возможность видеться с ней каждый день. Мосты и парки Ленинграда давно уже знали нас в лицо, а мы всё продолжали увеличивать километраж наших прогулок, не замечая ни времени, ни пройденного расстояния. Быть рядом с любимым человеком – это всё, что нам было нужно!

Однажды мы забрели в Приморский парк Победы. Он был создан в послевоенные годы, и похоже с момента создания в нём ничего не менялось. Его раздолбанное состояние могло навести тоску на кого угодно, но только не на нас. Недалеко от деревянного моста, соединяющего Приморский парк Победы и ЦПКО им. Кирова, находились деревянные Американские горки. Летом здесь всегда было полно народа, но осенью количество посетителей парка резко уменьшалось, и на горках почти никого не было. Какой-то мужчина ходил вокруг горок и, тихо матерясь, искал слетевшую во время спуска шапку. Мы не придали этому значения и, озорно взглянув с Ириной друг на друга, решили прокатиться! Как выяснилось потом, никто из нас раньше с этих горок не катался, и, когда мы забрались на самый верх и взглянули на ужасно далёкую от нас землю, отступать было уже поздно! Удалой малый, который усаживал желающих прокатиться на низкие деревянные тележки на колёсах, забрал наши билеты и

усадил нас на это ненадёжное средство передвижения. Причём, Иру этот обормот посадил впереди, предвкушая, каким громким будет девичий визг при спуске с горы. Меня он разместил позади Иры, дав указание крепко держать её руками за талию. Что я с большой охотой и выполнил! Никаких ручек для того, чтобы держаться за саму тележку, не было. Нервно хихикая, мы заглянули в бездну, в которую уходили рельсы, по которым нам предстояло промчаться, и оба раздумали ехать. Но было уже поздно! Парень-тележечник, гаденько улыбаясь, подтолкнул нас к краю пропасти, и мы, вцепившись друг в друга, полетели навстречу нашей судьбе! После стремительного падения вниз мы в буквальном смысле взлетели на следующем подъёме! Тележка летела вместе с нами, но отдельно от нас! Когда мы в полёте всё-таки её догнали и опять плюхнулись на это деревянное, противно скрипящее на виражах средство самоубийства, половина трассы была уже нами пройдена. Вместо отчаянного визга парень-тележечник услышал наш весёлый смех, с каждым виражом всё больше переходящий в хохот! Финишировали мы совершенно обалдевшие от пережитых ощущений, хохоча и вытирая слёзы, выступившие на глазах от встречного ветра. Обнявшись, как космонавты, вернувшиеся на Землю из космоса, мы удалялись вглубь парка, весело вспоминая наш чудесный полёт! А мужик сзади всё ходил вокруг горки, искал свою шапку и матерился! На следующий год эти горки закрыли, а потом и совсем разобрали. Но мы с Ирой до сих пор помним тот наш незабываемый спуск и любим ходить, обнявшись друг с другом.

LX.

Наша рота вернулась из колхоза, поздоровевшая от работы на свежем воздухе и вынужденного периода трезвости. Готовая выполнять новые задачи, поставленные перед ней командованием Училища. Небольшой организационный период привёл личный состав «в чувство», и колхозная разболтанность улетучилась окончательно! Впереди нас ждал Военно-Морской Флот! Сменив бушлаты на шинели, одетые по форме «гвоздь» (шинель и фуражка придавали курсантам вид именно этого расходного строительного материала), с вещмешками за спиной, мы отправлялись «на войну». Сухой паёк на два дня был выдан каждому курсанту и размещён в «сидоре» (вещмешке) вместе с рабочим платьем, тельниками и туалетными принадлежностями. Собираться курсанту (как и солдату) недолго – только подпоясаться! Нам предстояло проследовать к месту прохождения нашей стажировки на кораблях Балтийского Флота на военно-

морской базе в Лиепая. Прямых поездов до этого латвийского города не было. Поэтому нам предстояло прибыть в Ригу, а затем пересесть на поезд местного значения и добраться до Лиепая. Уезжали мы вечером, а наутро уже были в столице Латвийской Республики! Построив личный состав роты на перроне, наш отец-командир Ларионов Олег Николаевич, объявил, что поезд на Лиепае будет отправляться с этого вокзала поздно вечером. Поэтому своей властью он разрешает личному составу убыть в увольнение до 20.00 под ответственность старшин групп. Не явившиеся на построение курсанты будут рассматриваться как дезертиры, и их незавидную судьбу будет решать командование Училища. Далее последовала команда: «Вольно! Разойдись!» Таким образом, город Рига на 12 часов был отдан нам на разграбление! Шучу!

Нашей группе очень повезло. Среди нас был Эдик Спиридонов. Он был уроженцем Риги, и вся его семья проживала в этом замечательном городе. Эдик заранее подготовил родных, что, возможно, он со своими товарищами по учёбе проездом навестит родной дом. Скоро вся наша группа в полном составе организованно проследовала в квартиру Эдика и была радушно встречена его мамой и бабушкой! Хотя Эдик и предупредил родных, что нас будет много, но в глазах его родственников поначалу читался некоторый испуг – поместимся ли мы все за накрытым к нашему приезду столом? Опасения были напрасными! Мы прекрасно разместились и единодушно приняли решение: отдать весь наш сухой паёк гостеприимным хозяевам! Консервы, сгущённое молоко, хлеб, печенье и сахар были выгружены на кухню и заняли всё её свободное пространство. Бабушка Эдика только всплеснула руками и хлопотала, чтобы всем достались тарелки и вилки для рассыпчатой варёной картошки. Этим, испускающим ароматный пар деликатесом были заняты все имеющиеся в доме кастрюли. Дополнив это традиционное блюдо консервами, хлебом и домашними заготовками, хозяева устроили для нас настоящий праздник! Низкий поклон этим гостеприимным и замечательным людям! После такого тёплого приёма мы попросили разрешения оставить вещмешки и шинели у Эдика в квартире. И налегке, одетые по форме №3 (так как на улице было достаточно тепло), условившись о времени встречи, мы отправились покорять город Ригу!

LXI.

Рига! Старинный город, где всё дышит историей средних

веков! Кинофильмы Рижской киностудии «Слуги дьявола» и «Слуги дьявола на Чёртовой мельнице» мы все смотрели, будучи ещё школьниками. И вот мы идём по булыжным мостовым Старого города, смотрим на остроконечные крыши с флюгерами и наслаждаемся нашим первым «заграничным» увольнением! Латвия – это не Россия. Здесь все знают русский язык, но делают вид, что не понимают. Национальные особенности, чёрт побери! У меня с собой был простенький фотоаппарат «Смена». Он был древним, самого первого выпуска. На нём даже не было кнопки, которая управляла затвором при съёмке кадра. Вместо кнопки рядом с объективом был специальный рычажок, нажав на который можно было произвести фотосъёмку. Мне подарили его, когда я учился ещё в начальной школе! Несмотря на всю отсталость моей фотокамеры, оптика на ней была прекрасная, и снимки получались великолепные. Но, как только мы захотели сфотографироваться у очередной местной достопримечательности, и я нажал на рычажок фотоспуска, в камере что-то хрустнуло, и рычажок, потеряв упругость, стал болтаться, как флюгер на ветру! Картина Репина «Приплыли»! Другого фотоаппарата у нас с собой не было. Но курсанты четвёртого курса РТО ЛМУ ММФ СССР не привыкли унывать из-за пустяков! Быстро разыскав ближайшую ремонтную мастерскую, мы вручили мастеру по ремонту фото– и кинотехники нашу древность! Мастер взглянул на нас, взглянул на фотокамеру и сказал напарнику: «Сто лет уже такого старья не видел! Ну ладно, сейчас посмотрим!» Выяснилось, что лопнула спусковая пружина. Мы поняли, что плакали наши флотские дембельские фотоальбомы, во-о-о-от такими слезами! Где найти в Риге запчасти, которые выпускались двадцать лет назад? Видя наши поскучневшие лица, мастер сжалился и сказал: «Ну и везёт же вам, мужики! У меня как раз завалялась именно такая пружина! Никогда не думал, что пригодиться!» Он быстро исправил фотокамеру и вернул её нам. На вопрос «Сколько мы должны за ремонт?» он усмехнулся и сказал: «Что с вас, курсантов, возьмёшь? Идите так! Всё равно у меня эта пружина валялась бы ещё целую вечность!» Мы горячо поблагодарили нашего спасителя и пошли фотографироваться в чудесных местах этого чудесного города Рига, в котором живут такие чудесные и замечательные люди!

Рига, 1980 г. На фото (слева направо): Андрей Туйманов, Сергей Балакирев, Александр Голенков, Андрей Рощин, Вадим Осипов, Олег Казловский (присел). (Маленький мальчик не с нашей роты, а просто попросился к нам сфотографироваться).

LXII.

Вскоре наша компания разбилась на группы по интересам, и мы растворились в этой средневековой сказке, которая разбавлялась шумом автомобилей и перезвоном трамваев. Часть ребят отправилась «по пиву». Они нашли прекрасный пивной погреб "Зем Озола" (“Под дубом”) на улице Блауманя 9. Обстановка в этом пивном баре располагала к приятному отдыху и новым впечатлениям. Пиво подавалось в керамических кружках, что придавало ощущение старины и погружало в атмосферу национальных традиций. Там ребята оставили почти все свои деньги, но никто об этом не пожалел. Так как каждый, уходя из бара, прихватил с собой по фирменной пивной кружке, заныкав её под фланкой и прикрыв фуражкой. За содеянное было стыдно, но не очень, так как хмель стирал некоторые грани восприятия действительности. Потом из этих кружек ребята пили чай на корабле и вспоминали добрым словом прекрасный город Ригу!

В 20.00 рота стояла на знакомом перроне железнодорожного вокзала. Приятно пахнущий хорошим Рижским пивом, строй

курсантов слегка покачивался и выражал полную готовность выполнить любой приказ командования! Кружки были заботливо помещены в вещмешки, среди мягких предметов обмундирования, чтобы (не дай Бог!) не разбить память о последнем увольнении перед службой! Командир и сопровождающие нас офицеры Военно-морского Цикла старательно нас пересчитали. «Убитых и раненых» не было. На сердце отца-командира немного полегчало, и все мы стали дожидаться посадки на поезд до станции Лиепая. В Ригу мы ехали в плацкартных вагонах, теперь же нас ожидала поездка в вагонах общих. Так как поезд до Лиепая ходил нечасто, желающих попасть на него было предостаточно. Нам предстояло совершить стремительный захват свободных мест в отсеках общих вагонов и быть готовыми не проспать наш пункт назначения! Операция по посадке в вагоны прошла организованно и успешно! Занявшим верхние полки предоставлялась шикарная возможность совершить путешествие лёжа, так как остальным пришлось сидеть внизу, вперемежку с различными гражданскими лицами. Я прекрасно расположился на верхней полке, подложив вещмешок под голову и оценив все удобства, которые даёт курсанту флотская шинель! На неё можно лечь, ею же можно укрыться и погрузиться в сладкую дрёму, прерываемую лязгом тормозов во время частых остановок на промежуточных станциях.

Было уже за полночь, когда мы прибыли в Лиепая. Нас построили на привокзальной площади и по спискам распределили на военные корабли Краснознамённого Балтийского Флота, группами по 15-20 человек. Нашей группе предстояло служить на эскадренном миноносце (эсминце) «Настойчивый». Сопровождающий нас офицер с этого корабля подал команду, и мы, построившись в колонну по четыре, ушли в ночь. Впереди, за воротами Военно-морской базы, у причала нас ждала железная громада военного корабля. На два месяца он становился для нас домом, местом службы и применения знаний, полученных нами на Военно-морском цикле Училища. Гражданская жизнь для нас закончилась.

LXIII.

Мы поднимались по металлическим сходням, на боковых поручнях которых по обеим сторонам были натянуты белые прямоугольные парусиновые полотнища с названием корабля – «Настойчивый». Караульный матрос и дежурный офицер встречали нас на борту. Ночь. Отбой уже давно сыгран. Корабль спит. Друг за другом мы следуем за сопровождающим нас

офицером внутрь корабля. Спускаемся по металлическим трапам всё ниже и ниже. Кругом металл и тусклый свет зарешёченных светильников. В узких коридорах могут с трудом разойтись два человека. Но расходиться не приходится. По Корабельному Уставу личному составу в случае тревоги положено перемещаться в сторону носа корабля по коридорам правого борта, в корму – по коридорам левого борта. Это правило исключает столкновение встречных потоков при перемещении личного состава. Нас размещают в кубриках БЧ-4 (боевая часть связи). В середине кубрика проходит шахта вентиляции. Вдоль переборок размещены трёх– и четырехярусные металлические койки. На уровне третьего яруса, на полке, закреплён телевизор. Дневальный по кубрику, с боцманской дудкой на цепочке, показывает нам свободные койки, где нам предстоит переночевать. Сонные лица обитателей кубрика настороженно смотрят сверху на наши золотые курсовки. Кого это принесло к ним, на ночь глядя? Мы стараемся не шуметь, но пивные пары ещё бродят в головах, и кое-кто из нас уже по-свойски переговаривается с хозяевами кубрика, а другие пытаются дунуть в боцманскую дудку дневального.

Дневальный в ужасе прячет дудку подальше от греха, и ему на выручку приходит местный «годок», отправляя его с чайником на камбуз за кипятком. Флотское гостеприимство в первую очередь! Чай из металлических кружек и недолгий разговор

знакомит нас с собратьями по воинской специальности. Завтра будет больше времени для общения, а сейчас спать! Дневальный гасит свет. Отбой!

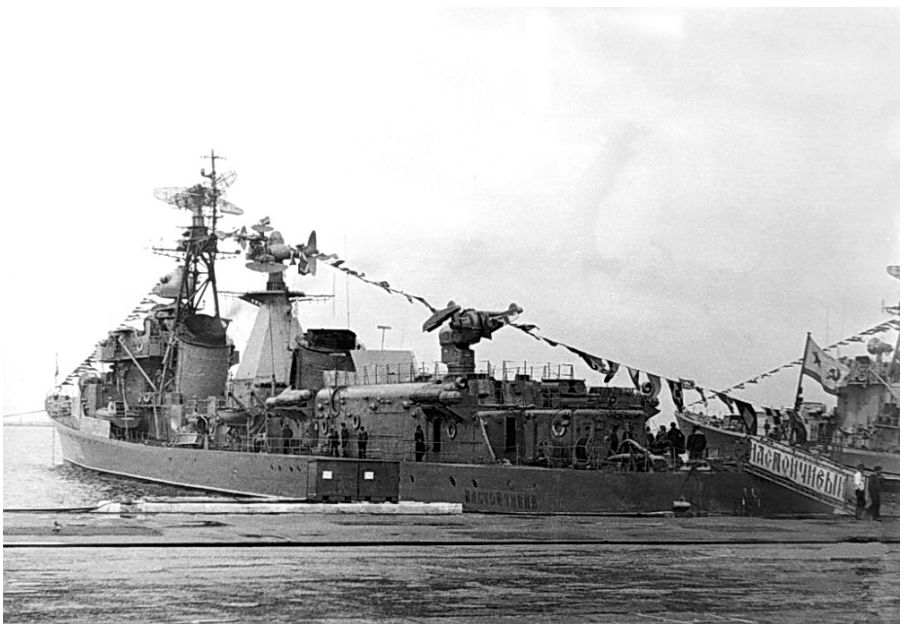
LXIV.

Нас будит звук трубы и голос по трансляции громкой связи: «Команде подъём! Приготовиться к зарядке!» Мы вскакиваем с коек вместе со всеми. С непривычки кое-кто прикладывается головой о койку верхнего яруса. На часах 06.00. Быстро одеваемся. Из динамика трансляции голос: «Личному составу построиться на зарядку!» Народ в тельниках покидает кубрик. Нам-то что делать? Куда бежать? Знакомый «годок» – старшина 2-ой статьи – успокаивает нас: «Вы куда? Это молодые на зарядку идут! А вы-то уже по четвёртому году, небось?» – смотрит он на наши курсовые знаки. Мы пока не разубеждаем его относительно нашего статуса, а просим напомнить, как пройти в гальюн.

После зарядки и уборки коек, народ умывается, а дневальный приносит с камбуза чайник с чаем, две буханки белого хлеба, сахар и масло. Извиняется, что на нас довольствие будет позже, так как рапортичка на нас на камбуз подавалась отдельно. Пока ребята завтракают, мы привыкаем к нашему нынешнему положению. Здесь всё происходит по команде. «Будет команда – будут манёвры!» Когда народ расходится на приборку, нам приносят завтрак. Быстро покончив с этим приятным делом, мы чувствуем себя гораздо увереннее и готовы к нашей дальнейшей службе на ВМФ.

Впереди нас ждёт построение на подъём флага. Одеваем шинели и по команде, вместе со всеми выходим на верхнюю палубу. К нам подходит мичман с нашивками Радиотехнической службы на рукаве. Это наш куратор. Знакомится с нами. Фамилия его Гусев. На вид ему лет 30. Загорелый, подтянутый. Мужик вроде бы нормальный. Мы выстраиваемся в шеренгу по двое, занимая место в конце общего строя. Светает. Мы стоим на корме, по левому борту, ближе к шкафуту (средней части судна). Позади нас леера вдоль борта, а перед нами кормовая палуба, на которой стоит дежурный офицер. За ним, по правому борту корабля, такой же строй, как наш, а у кормового флагштока флаговый матрос и горнист. Появляется капитан 3-го ранга. Это командир корабля. Дежурный офицер даёт команду: «Напра-, налево равняйсь! Смирно!» и строевым шагом подходит к командиру для доклада. Командир принимает доклад и приветствует собравшийся экипаж. Экипаж в сотню глоток орёт: «Здрав! Жел! Товарищ капитан 3-го ранга!» Командир даёт команду: «Вольно!» Потом оглядывает строй и приказывает дежурному офицеру: «Флаг и гюйс поднять!» Дежурный офицер вскидывает правую руку к фуражке и командует: «На флаг и гюйс смирно! Флаг и гюйс поднять!» Строй замирает, и под звуки корабельного горна флаговый матрос быстро расправляет Военно-морской флаг СССР и поднимает его на самый верх кормового флагштока. Звучит команда: «Вольно!» После чего вперёд выходит командир и обращается к экипажу с речью. Он освещает текущие задачи, которые стоят перед экипажем «Настойчивого». Такую речь

экипаж слышит каждый день, но сегодня командир решил своё выступление несколько разнообразить. Он довёл до сведения личного состава, что на борт их славного корабля для прохождения военно-морской стажировки прибыли курсанты гражданского мореходного училища! Стажировка продлится два месяца, и за это время славный экипаж «Настойчивого» должен показать нам, что такое служба Родине: «Чтобы по окончании стажировки, каждый из этих господ курсантов, сидя в ресторане, помнил, что такое служба на Военно-Морском Флоте и на Балтийском Флоте в частности!» По всему было видно, что вояка кап.три относился к гражданским морякам весьма предвзято! «Ни фига себе, представил нас!» – подумали мы. Нас официально объявили мишенью для всех желающих бросить в нас камень! Ну, что же, как говорится: «Нас куют, а мы крепчаем!» Два месяца – это не три года! Переживём, как-нибудь! После команды: «Вольно! Разойдись!» мичман Гусев, оглядев нас с состраданием, призвал нас не дрейфить, а вливаться в жизнь экипажа и достойно пройти стажировку! «А сейчас займёмся вашим размещением на корабле!» – завершил он свою речь и повёл нас на наше новое место жительства.



LXV.

Поскольку нас было порядка пятнадцати человек, то в кубрик службы связи БЧ-4 мы все не помещались. Нам выделили

отдельное помещение ниже ватерлинии, примыкающее к артиллерийскому погребу. Это был Г-образный отсек, в котором в три яруса над металлическими рундуками размещались койки. Подволок (потолок) пересекали многочисленные трубы и коммуникации. Расстояние между верхними койками и вентиляцией было такое, что лежащий на койке человек не мог повернуться набок. Но количество коек превышало наш численный состав, поэтому верхние ярусы остались свободными. Из мебели здесь был металлический стол, прикрученный к палубе, металлические скамейки вдоль него, бак с питьевой водой и привязанной к нему алюминиевой кружкой и встроенный в переборку металлический шкаф для хранения обеденных принадлежностей: алюминиевых мисок, ложек и кружек. Да, ещё громкоговоритель принудительной трансляции. Вот и вся обстановка! Вход в наш кубрик находился на подволоке и закрывался большой прямоугольной крышкой на задрайках. Помещение это было резервным и использовалось только, когда экипаж был укомплектован полностью. В настоящее время корабль находился в плановом ремонте и помещение пустовало. В дальнем его конце находился небольшой проход в артиллерийский погреб. Дверь в него была задраена и закрыта на замок. Боезапаса там не было. Это радовало, так как спать рядом с боевыми снарядами было бы как-то неуютно! Потом нам рассказывали, что здесь был несчастный случай, при котором пострадали члены экипажа. Снаряды из погреба поступали в артиллерийскую башню, расположенную на верхней палубе, при помощи специального загрузочного лифта. На лифте снаряды перемещаются без ударных взрывателей, которые устанавливаются непосредственно перед выстрелом уже в башне. По недосмотру одного из матросов после стрельб один из снарядов не был разоружён, и отправлен в погреб с установленным взрывателем. Во время транспортировки произошёл взрыв в шахте лифта. Были пострадавшие. Корабль долгое время находился в ремонте, а потом был снят с боевого дежурства, и из него сделали «корабль для визитов». То есть на нём осуществляли походы в иностранные порты стран Варшавского договора с дружественными визитами. Вооружение эсминца было уже достаточно устаревшее, но для дипломатических целей корабль ещё вполне годился.

Мичман Гусев показал нам место нашего дальнейшего пребывания и приказал обживаться во вверенном нам помещении. Мы получили у баталера матрасы, одеяла, подушки и постельное бельё. Чайник, ложки, миски и кружки поместили в металлический шкаф. Мне досталось спальное место как раз

напротив этого шкафа, на нижнем ярусе. Это была не койка, а поверхность верхних крышек металлических рундуков, в которые мы положили наши вещмешки и обмундирование. Сверху крышек укладывался матрас, застеленный одеялом. Подушка и простынь заправлялись поверх одеяла. Причём ширина свёрнутой и заправленной простыни должна была составлять на всех койках по 20 сантиметров, а подушка должна быть туго обтянута наволочкой и установлена треугольником поверх простыни. За неимением линейки нами использовалась сигаретная пачка. Её длина приблизительно равнялась десяти сантиметрам. К нам, конечно, никто измерять с линейкой заправку коек не приходил. Но, как говаривал наш отец-командир: «Пусть будет плохо, но единообразно». Когда мичман Гусев вернулся, чтобы проверить, как мы устроились, кубрик уже принял жилой вид. Гусев похвалил нас за оперативность и провёл с нами разъяснительную беседу относительно нашей дальнейшей службы. Мужик он был нормальный, служил на этом корабле достаточно долго, и ребята из БЧ-4 относились к нему уважительно. Он был заместителем начальника радиотехнической службы. Про него говорили, что он классный специалист и прекрасно поёт. Умеет играть на гитаре и фортепиано. Гитара в БЧ-4 имелась. Как нам рассказывали, хитом исполнения в репертуаре Гусева была песня из кинофильма «Операция «Ы» или новые приключения Шурика». Песня называлась «Постой паровоз, не стучите колёса». Но фишка была в том, что Гусев исполнял её на белорусском языке, и это звучало так уморительно, что все слушатели просто «лежали», покатываясь от хохота! По нашей просьбе Гусев исполнил для нас эту песню, и результат превзошёл все ожидания! Гусев был Звездой! С этим все мы безоговорочно согласились.

LXVI.

По распоряжению Гусева наш знакомый «годок» из БЧ-4, угощавший нас чаем в ночь нашего приезда, знакомил нас с устройством корабля. Мы прошли все коридоры от носа до кормы и обратно. Выяснили, где что находится. Побывали в радиорубке, познакомились с личным составом радиотехнической службы. Серёга (так, кажется, если не ошибаюсь, звали нашего сопровождающего) был родом из Ленинграда. До конца службы ему оставалось полгода. Весной он должен был идти на «дембель». В общем, земляк! На флоте «земляк» – это понятие означает почти родственные отношения между людьми. Земляки своих в обиду не дают! На одного союзника у нас стало больше. Серёга многое нам порассказал о жизни на корабле. И дальше бы

рассказывал, но тут его перехватил мичман Гусев и поручил ему изготовить из подручных материалов погончики на робу для всех прибывших на корабль курсантов, так как мы должны были соответствовать корабельному уставу. Настоящих погон нам давать не хотели. Дескать, и так перебьются, на два месяца всего прибыли! А вместо Серёги к нам приставили здоровенного матроса, тоже из БЧ-4. На рукаве его бушлата были не три шеврона (третий год службы), а четыре. Вид у него был мрачноватый. На наш вопрос относительно четырёх «шпал» на бушлате он нехотя ответил, что только недавно вернулся из «штрафбата». Куда он попал после того, как был осуждён военным трибуналом за неуставные отношения. Отсидел год. Теперь вернулся дослуживать. Впереди у него был ещё год службы. Станешь тут мрачным! Он-то нам и рассказал, что эсминец «Настойчивый» команда чаще между собой называет «Застойчивым» или «Настырным». Да, и вообще, на флоте у каждого корабля имеется своё прозвище. Потом, вспомнив, что ему поручено знакомить нас с радиооборудованием корабля, перевёл разговор на корабельные антенны и вооружение. Наш эсминец был совсем уже не молод. Раньше на нём стояло только артиллерийское вооружение. Но потом корабль был модернизирован. Артиллерийская башня с двумя орудиями главного калибра, зенитные установки и пушки малого калибра были дополнены кормовой сдвоенной ракетной установкой. Для серьёзных боевых действий в современной обстановке этого было маловато, но всё-таки! Поэтому корабль оставался в составе Балтийского флота, выполняя задачи второго плана.

Вечером мы зашли в кубрик к Серёге. Он коричневой краской наносил через трафарет буквы «БФ» на прямоугольные белые лоскуты, которые должны были заменить нам погоны. Как любил выражаться наш ротный отец-командир: «Порнография!» Но, что делать! «Пришьёте, когда краска высохнет!» – сказал нам Серёга, вручая нам эти знаки воинского различия. Мы пошли пришивать на наши робы эти белые погоны.

Теперь мы на Военно-морском флоте! А как должен выражать радость по этому поводу военнослужащий? Правильно! Военнослужащий должен выражать радость громовым троекратным «Ур-р-а-ааа!»

LXVII.

Утром нас разбудил голос из громкоговорителя принудительной трансляции: «Команде подъём! Приготовиться к зарядке!» Тут и мёртвый проснётся! Пришлось нам вспоминать

нашу молодость на втором курсе и строиться на верхней палубе в тельняшках. Зарядка заключалась в том, что все подразделения строились на корме, а потом начинался забег вдоль причальной стенки до ворот базы и обратно. Потом несколько минут махания всеми конечностями, чтобы окончательно согреться, и возвращение в тёплый кубрик. Наша железная коробка, которую представлял собой кубрик, обогревалась пока только нашим дыханием. Чтобы не было холодно, мы закрывали верхний входной люк. Становилось теплее, но кислорода становилось меньше, и, чтобы не задохнуться окончательно, приходилось снова люк открывать. Вот такая веселуха! После подъёма флага командир опять выступил с речью. Теперь «мальчиком для битья» был назначен наш вчерашний знакомый из штрафбата. Командир приказал ему выйти из строя и сорвать лишнюю нашивку с рукава бушлата. За нарушение формы одежды влепил ему два наряда вне очереди, прочитал всем «кузькину мать», чтобы остальным неповадно было «безобразие нарушать»! И с чувством выполненного долга дал команду разойтись.

Наши дневальные принесли с камбуза чайник с кипятком, масло, сахар и хлеб. После завтрака к нам пришёл мичман Гусев и объявил нам, что через неделю мы (те, кто не служил) будем принимать воинскую присягу. Поэтому он принёс нам Корабельный Устав и общевоинские Уставы. Нам следовало их изучить, знать и применять во время нашей службы. Ответственным назначил старшину нашей группы и приказал провести учебное занятие. Так началась наша боевая учёба. Старшин в нашей группе опять оказалось пятеро. Из них не служил только зам. старшины оркестра Алик Голенков. Остальные кратенько и доходчиво объяснили нам содержание Уставов и раздали их всем желающим, чтобы мы могли ознакомиться с ними самостоятельно. Застав нас за этим делом, заглянувший в наш кубрик «годок-земеля» Серёга из БЧ-4 притащил нам откуда-то военный русско-финский разговорник. Из него мы узнали, как будет по-фински «Доброе утро!», «Руки вверх!» и «Как фамилия командира части?» Произнести это вслух было невозможно, так как уже на втором финском слове, написанном в русской транскрипции, язык начинал заплетаться и произносимые звуки вызывали хохот не только у слушателей, но и у самого читающего. В самый «разгар» наших занятий к нам в кубрик спустился мичман Гусев в сопровождении нашего отца-командира Ларионова О.Н. и офицера ВМЦ нашего Училища. Мы все были рады нашим гостям, как родным. Старшина роты доложил по форме, что личный состав занят самоподготовкой. Командир улыбнулся, спросил, как мы устроились, есть ли

просьбы. Просьбы были. У наших курящих товарищей кончались сигареты, а довольствие по этому направлению нам не выдавали. Мичман сказал, что на территории Базы есть военторг, где можно купить всё необходимое. Наш командир попросил его решить этот вопрос. Мичман согласно кивнул: «Сделаем, товарищ капитан третьего ранга!» Мы расспрашивали командира, где разместились остальные наши ребята.

Он рассказал, что рядом с нами ещё на двух кораблях размещены остальные курсанты нашей группы и часть второй группы. Остальные находятся на кораблях, которые стоят в соседней акватории Базы. Все готовятся к принятию присяги. Пожелал нам достойно нести службу и оправдать доверие руководства Училища. Мы дружно ответили: «Есть, товарищ командир!» На этом и распрощались.

Мичман Гусев сдержал обещание и отпустил несколько человек из нашей группы сходить в военторг. Когда посланцы вернулись, то рассказали оставшимся, где, что и как! Нами была сформирована группа для следующего похода в магазин. Настало обеденное время. Дневальные принесли большую кастрюлю с первым блюдом и поменьше со вторым. Компот в чайнике и хлеб дополняли меню. В первой кастрюле в мутном бульоне плавала картошка и какой-то кусок жира то ли с костью, то ли с когтем. На второе были макароны «по-флотски». На вкус это варево было «не очень». В Училище вкуснее готовили. К куску с когтем так никто и не притронулся. Макароны «смели» быстро. А компот был сильно разбавлен и напоминал бурду. После такого обеда стало как-то тоскливо. Наши старшины, отслужившие срочную службу в ВМФ, Гриценко и Сидоренко сказали, что на стоянке всегда кормят не ахти! Камбузники «тырят» продукты и «толкают» их на берегу. В море кормят гораздо лучше. Поскольку в море в ближайшее время мы не собирались, то было предложено написать письма домой с просьбой прислать посылки с продуктами. Чтобы присылали сгущёнку, печенье, конфеты, тушёнку и сало! Скоро уже вся группа сидела и писала письма на родину. Теоретически дней через десять можно было ожидать первых поступлений. А пока мы отпросились у мичмана Гусева «сгонять» в военторг за конвертами. Среди «ходоков» оказался и я. Пройтись по берегу – уже счастье! В военторге был обычный ассортимент продуктов и товаров первой необходимости. Прикупив всё, что было нам нужно, мы возвращались на свой корабль, попутно выясняя, на каких соседних кораблях есть наши курсанты. На соседнем с нами ракетном катере мы нашли наших товарищей из второй группы. Обменялись новостями. Они тоже уже были с погонами на робах. Старшина второй группы Коля

Теньков щеголял в настоящих погонах с металлическими лычками. Звание у него было «Главный корабельный старшина». Так у него в военном билете было записано. Так что на ракетном катере, который был в несколько раз меньше нашего эсминца, был командир капитан второго ранга (потому, что звание командира военного корабля зависит от уровня вооружения, а не от размеров корпуса) и главный корабельный старшина, хотя такого звания даже в штатном расписании экипажа ракетного катера не было! Вот такая военно-морская экзотика! Идея насчёт посылок ребятам из второй группы тоже понравилась! Хотя на кормёжку они не жаловались. Чем меньше экипаж, тем больше толку! Распрощавшись с однокурсниками, мы вернулись на борт «Настойчивого». При входе на корабль отдали честь кормовому флагу и спустились к себе в кубрик. Письма были готовы к отправке. Они передавались потом дежурному офицеру, который посылал раз в день нарочного на почту для их отправки. Осенний день заканчивался быстро. После ужина в свободное время мы заходили в кубрик к радистам смотреть телевизор. Военные моряки всегда, когда входят в чужое помещение, говорят: «Прошу добро!» Если хозяева отвечают: «Добро!», то можно войти. Вот такой флотский этикет. В 22.00 можно было уже начинать «отбиваться» в коечку. В 23.00 был отбой для всех.

LXVIII.

Каждое утро начиналось одинаково. В 06.00 по трансляции громкой связи подавалась команда «Подъём!» Исключение делалось только в воскресенье. В этот день подъём был на час позже. Потом день был расписан по минутам, согласно распорядку дня. Каждый этап сопровождался командой по громкой связи. Большинство команд нас не касалось. Но наш «матюгальник» в кубрике исправно повторял всё сказанное в микрофон дежурным офицером. Каждый раз приходилось вздрагивать, когда очередная команда или объявление передавалось по громкой связи. Например: «Баковым – на бак! Ютовым – на ют! Левошкафутовым – на левый шкафут! По местам стоять! Лодку с левого борта принимать!» Это означало, что с левого борта к нам швартуется подводная лодка, и швартовая команда должна занять места, согласно предписанию, и закрепить поданные с лодки швартовые концы за кнехты по левому борту. Уяснив, что все команды проходят мимо нас, а в случае чрезвычайной ситуации будет звучать сирена, которую мы и так услышим, старшины решили облегчить всем нам жизнь и потихоньку вытаскивали штекер из гнезда разъёма, через который

громкоговоритель был подключен к трансляционной сети. Это позволяло спокойно заниматься своими делами. Вечером штекер вставлялся на место, и таким образом день проходил в относительной тишине. Как-то раз штекер забыли вставить, и все мы успешно проспали подъём. На зарядке нас не было, но, видно, дежурный офицер не ожидал от нас такой «борзости» и не заметил нашего отсутствия. Потом мы заметили, что трансляция отключена, но последствий не было, и мы продолжали её отключать. Продолжалось так до того момента, пока один настырный мичман, по фамилии Полик, не озаботился нашим очередным отсутствием на зарядке. Он, открыв верхний люк, спустился к нам в кубрик и увидел мирно спящих при дежурном освещении курсантов. Мичман был молодым, недавно закончившим школу мичманов «унтер-офицером», и его ещё слегка распирало от гордости, что он по долгу службы может отдавать приказы подчинённым. Про таких людей есть анекдот, переделанный на флотский манер:

– Идёт, как-то мичман по дороге, а навстречу ему осёл. Осёл раньше мичманов не видел, испугался и спрашивает: «Ты кто?» Мичман оглянулся кругом, не слышит ли кто, и отвечает: «Я – офицер! А ты кто?» Осёл тоже оглянулся кругом, вроде бы никто не слышит, и отвечает: «А я – лошадь!»

Вот такой мичман Полик, увидев, что распорядок дня самым наглым образом нарушается целым подразделением во время его дежурства, сначала не мог от негодования даже слова выговорить, а только хватал ртом воздух! Но потом его прорвало, и, истерически взвизгивая, он разразился потоком проклятий в наш адрес. Когда фонтан его красноречия слегка иссяк, и мичман прервался на секунду, чтобы набрать в лёгкие воздуха, кто-то из нас сумел вставить фразу, что команду «Подъём!» мы не слышали. «Как так, не слышали!» – в благородном гневе мичман обернулся к громкоговорителю и увидел отсоединённый разъём! От негодования он побелел, потом покраснел, и фонтан проклятий снова заработал в полную силу! Кончилось тем, что мы всё-таки вышли на зарядку, но оставшегося от начала зарядки времени хватило лишь на то, чтобы спуститься с трапа. Зарядка окончилась, и мы вернулись в кубрик.

Перед подъёмом флага мичман Полик с наслаждением докладывал командиру корабля о нашем проступке. Командир в полной мере воспользовался шансом «опустить нас ниже ватерлинии» и «полоскал нас в дерьме» по полной программе! За отключение боевой трансляции в нашем кубрике мичману Гусеву

было объявлено замечание! А нас было приказано отправить на штрафные работы – убирать грязь в трюмах из-под пайол. Пайола – это металлическая решётка, закрывающая специальные желоба в трюмах, в которые стекают различные жидкости и грязь, образующиеся при эксплуатации корабля. В машинном отделении туда попадает пролившееся отработанное масло, падают куски ветоши и всяческий мусор. В трюмах помимо этого бывает и вода, неведомо как поступающая из-за борта или стекающая с переборок в качестве конденсата. В общем, нам предстояла самая грязная и тупая работа на корабле. Хуже всего было то, что мы подвели очень хорошего и совершенно невиновного человека – мичмана Гусева. Из-за нас он был вынужден стоять перед строем и «обтекать» дерьмом, которое командир лил на нас! Мы видели в сощуренных глазах мичмана затаённую обиду, но, как настоящий мужик, он держал всё в себе и не позволял себе проявить какие-то враждебные по отношению к нам эмоции. Он оставался теперь только нашим куратором. Защищать нас на корабле больше было некому!

LXIX.

Мы спустились в "холодные, мрачные трюмы". Мичман Полик разводил нас на работы по трюмным помещениям. В машинном отделении было сравнительно тихо. Главные двигатели стояли. Работали только вспомогательные. Электричество на корабль было подведено по кабелю с берега. Трюмные матросы выдали нам шанцевый инструмент: ветошь, обрезы (вёдра) и совки. Были ещё какие-то приспособления из толстой проволоки и лопата. Наша работа заключалась в том, чтобы металлическими крючками зацеплять решётчатые панели (пайолы), которые закрывали сточные желоба, и совками и лопатой доставать из них всякую гадость, которая колыхалась поверх чёрной мазутной жижи. Всю эту дрянь надо было загружать в обрезы и потом выливать в открытые металлические бочки из-под топлива. Нам надо было умудриться не вымазаться во всей этой "прелести", так как сменной одежды у нас не было, а стирать имеющуюся и сушить её потом было негде. Правда, на верхней палубе были натянуты бельевые леера (верёвки с завязками, которые заменяли здесь бельевые прищепки), но погода была уже достаточно прохладная, и мокрое обмундирование сохло бы не менее суток. Вскрыв несколько пайол, мы поняли, что работа эта не имеет ни конца, ни края. За несколько часов нам удалось пройти метров десять вдоль бесконечных переходов машинного отделения, которые лабиринтом расходились среди кожухов механизмов,

хитросплетением труб, вентилей и шахт вентиляции. Тусклый свет, звяканье железа и вонь машинного масла навевали на нас грустные мысли: если бы тут ещё грохотали главные двигатели, то это место было бы сущим Адом. Работая "отсюда и до обеда", мы, верные курсантскому принципу "не спеши, а то успеешь", не старались быть "стахановцами", а размеренно черпали "дерьмо" и таскали его до места слива, делая перекуры после каждых пяти вёдер. Мичман Полик пару раз спускался к нам проверить, как идёт процесс, и, довольно ухмыляясь, возвращался наверх. Перед обедом нам удалось вымыть руки горячей водой, которая была только в машинном отделении да ещё на камбузе. Холодной водой, которая была в умывальниках гальюнов, масло было бы просто не отмыть. За обедом мы обменивались впечатлениями. Работая группами по два-три человека, мы побывали во всех трюмных закоулках "Настойчивого". Ребята рассказывали, что нашли между механизмами крысиное гнездо, сделанное из рваного матросского гюйса (воротника), где были маленькие голые крысята. Трюмные машинисты вызвали судового фельдшера, и тот забрал всю эту живность на дератизацию. Крысы всегда были на кораблях. С ними борются, применяя различные средства, начиная от больших круглых фанерных противокрысных щитов, крепящихся на швартовых канатах во время стоянки, до спецобработки корабельных помещений отравляющими средствами. Эффект, конечно, есть, но полностью крыс не извести никогда! Как-то раз мы смотрели телевизор в кубрике у радистов. Народу было много, показывали какую-то интересную телепередачу. Вдруг на глазах у всех, нисколько не стесняясь окружающих, по вентиляционной трубе не спеша прошла здоровенная крыса и уселась смотреть телевизор вместе со всеми. Она уставилась на экран бусинками своих глаз не обращая ни на кого внимания! От такой наглости все сначала просто опешили! Потом в эту "Шушеру" полетело всё, что попалось под руку! Крыса, обиженная таким негостеприимным приёмом, злобно зашипела на хозяев и, не торопясь, скрылась в дебрях вентиляции. А народ успокоился и продолжил телепросмотр.

На флоте изобрели один варварский способ борьбы с этими грызунами. Заключался он в следующем. Крыс ловили всеми возможными способами, оставляя их живыми. Затем в столитровую пустую бочку, предварительно очищенную от остатков топлива, высыпались десяток-другой пойманных крыс. Бочку не трогали до тех пор, пока крысы из-за голода не начинали жрать друг друга! В результате крысиных разборок оставалась только одна, окончательно «съехавшая с катушек»,

самая сильная крыса. Эту крысу называли «Крысиный король»! В её помутившемся сознании все остальные крысы были врагами, которых надо было уничтожить! Крысиного короля свободно выпускали в помещения корабля, и он начинал жестокую охоту на сородичей. Через некоторое время на судне не оставалось ни одной крысы, кроме Крысиного короля. Он ценился на вес золота, и его могли обменять на невероятное количество ценных для каждого моряка вещей, если на другом корабле были проблемы с крысами! Рассказывали, что один раз эта схема борьбы с грызунами дала сбой. Так как на одном корабле, «купленный» Крысиный король, уничтожив всех соплеменников, оставил лично для себя одну самку и обзавёлся семьёй. После этого всё «королевское семейство» попало под дератизацию.

LXX.

За пару дней мы справились с нашим наказанием и стали приводить себя в порядок, готовясь к торжественному дню принятия присяги. Одеться по форме номер три – для нас уже было удовольствием! Золотой блеск четырёх курсовок на рукаве подтверждал, что мы курсанты-старшекурсники, а не салаги-первогодки, которых можно гонять всем, кому вздумается! Воскресным утром к нам в кубрик спустился наш ротный командир и справился, готовы ли мы к принятию присяги. Наше дружное: "Так точно, товарищ командир!" было верным ответом. "Выходи строиться!" – подал команду мичман Гусев, и мы поднялись на кормовую палубу. Здесь уже находился дежурный офицер и наш знакомый "земеля" Серёга из БЧ-4, который принёс автомат Калашникова из оружейки и положил его на стоявший здесь стол, покрытый красным сукном. На нем лежала так же красная папка с текстом воинской присяги. Во второй папке лежала приказ с нашими фамилиями. Мы построились в одну шеренгу и мичман Гусев, увидев подходящего к нам командира корабля, скомандовал: "Равняйсь! Смирно!" Командир корабля приветствовал нас. Выслушал наше ответное громовое: " Здрав! Жел! Товарищ капитан третьего ранга!" Пожал руку нашему командиру и дал команду начать принятие присяги. Сама процедура этого воинского ритуала заключалась в том, что каждый из нас по очереди выходил из строя и строевым шагом подходил к столу. Затем докладывал командиру корабля, что курсант такой-то прибыл для принятия воинской присяги. Мичман Гусев находил твою фамилию в общем списке и ставил напротив неё галочку в пустой графе, где после принятия присяги каждому из нас предстояло расписаться. Серёга помогал тебе

правильно надеть автомат и вручал текст воинской присяги. И вот перед лицом твоих товарищей, с оружием в руках, ты давал клятву быть верным своему воинскому долгу, выполнять приказы командования и защищать свою Родину – Союз Советских Социалистических Республик! Командир корабля жал тебе руку, и ты расписывался в приказе. Серёга помогал тебе снять автомат, и ты возвращался в строй. После того, как каждый из нас принял присягу, командир корабля поздравил нас с этим событием и объявил, что сегодняшний день для нас является праздничным, и нам после обеда разрешено увольнение в город. То главное, для чего все мы прибыли на стажировку, свершилось!

LXXI.

Лиепая – город военно-морской! Здесь всё подчинено главному – обслуживанию Военно-Морской Базы Дважды Краснознамённого Балтийского флота (ДКБФ). Учитывая, что в увольнении за всю стажировку мы были всего пару-тройку раз, воспоминаний о городе у нас почти не сохранилось. Но нам хотелось как-то запечатлеть пребывание в рядах ДКБФ, и мы выпросили у Серёги его военно-морскую фланку с погонами старшины второй статьи, где на груди красовались комсомольский значок и знак "За дальний поход". Также, нам была доверена и бескозырка, с надписью на ленточке "Балтийский флот". Гюйсы у нас были свои.

В фотоателье нас сфотографировали во всей военно-морской

красе. Фотографии были получены через неделю и отправлены в письмах родителям и родным. В ответ пришли первые посылки с долгожданным провиантом. "И раб судьбу благословил!" – как справедливо заметил когда-то наш всемирно известный великий поэт! То, что сало гораздо вкуснее сгущёнки и конфет, мы поняли на ДКБФ! Хотя эти сладости весьма приветствовались за кружкой чая! Посылки делились на всех и съедались за обедом и ужином, приятно дополняя осточертевшее корабельное меню. Если что-либо оставалось до следующего приёма пищи, то оно хранилось вместе с посудой в металлическом, встроенном в переборку шкафу. Железные дверцы шкафа надёжно защищали продукты от крыс, но были бессильны против тараканов, которые безошибочно находили их среди корабельного железа.

На флоте тараканов зовут «стасиками». Откуда пошло такое название, мне неизвестно. Но эти насекомые, с многомиллионным опытом жизни на Земле, на корабле чувствовали себя настоящими хозяевами! До появления в нашем кубрике посылок тараканов в помещении не было. Но как только мы поместили продукты в шкаф, то в нём на следующий день у «стасиков» была уже штаб-квартира! Самым эффективным средством борьбы с тараканами было полное уничтожение нами … присланных продуктов! Как только всё было съедено, «стасики» покидали помещение до следующей посылки.

Поскольку никаких новых «залётов» у нас не было, про нас все как-то забыли! И после обеда мы обычно устраивали «Адмиральский час» – закрывали входной люк и выключали свет, чтобы часок «придавить харю». Но про нас не забыл мичман Полик! Как-то раз, когда мы, строго соблюдая флотские традиции, устроили «Адмиральский час», к нам в кубрик спустился матрос-срочник и прошёл к артиллерийскому складу. Мы не придали этому особого значения. Помещение склада было пустым, без боезапаса. Туда иногда заходил тренироваться играть на горне новый корабельный горнист, так как старый уходил на дембель. Покопавшись в закутке у склада, матрос вышел, и мы не придали значения его визиту. А зря!

Ровно через десять минут в закутке у артиллерийского склада что-то грохнуло и пошёл дым. Мы подумали, что произошло короткое замыкание, и хотели включить освещение, чтобы разобраться в обстановке. Но тут противный голос помощника дежурного по кораблю мичмана Полика объявил: «Учебная пожарная тревога! Пожар в кубрике курсантов! Пожарной команде устранить возгорание!» Мы слегка напряглись, но не очень, так как "учебная тревога" – это не "боевая тревога". Но, когда над нами распахнулся входной люк и в нас направили

ствол пожарного брандспойта, а гаденький голос мичмана Полика подал кому-то команду «Включай!», мы поняли, что дело плохо. Из брандспойта ударила, сметая со стола кружки и миски, струя воды! Затем она щедро прошлась по помещению, не оставляя нигде сухого места! Наш дружный рёв звучал для мичмана Полика, как самая сладкая музыка! Насладившись нашими нецензурными воплями, он дал команду: «Отбой пожарной тревоги!»

Когда, несколько лет спустя, уже во время моей работы в Мурманском морском пароходстве, мой начальник радиостанции произнёс фразу: «Нет страшнее зверя, чем матрос со шлангом!», то я вспомнил этот эпизод из нашей курсантской жизни. Хотя, употребляя эту фразу, мой ШРМ (условное обозначение начальника судовой радиостанции, используемое в служебных переговорах по радиосвязи) имел в виду, что матросы во время уборки судна имеют дурную привычку поливать из брандспойта не только палубу, переборки и ограждения, но и рупорные громкоговорители, расположенные на мачтах. При этом каждый из них вдумчиво и сосредоточенно прицеливается струёй в раструб громкоговорителя, а затем долго и тщательно водит там, вымывая только одному ему видимую грязь! При этом акустическая система громкоговорителя заливается напрочь! «Лучше бы ты себе мозги промыл!» – в сердцах говорил начальник радиостанции этому горе-матросу и с проклятьями лез на мачты менять все эти залитые громкоговорители. Я же вспоминаю лица моих товарищей, койки которых были расположены в непосредственной близости от стола, по которым, как ураган, прошлась водяная струя под давлением в несколько атмосфер! Те, в кого струя не попала, были щедро окроплены потоками брызг, разлетавшихся во все стороны от стола, палубы и переборок. Хотя моё спальное место находилось за выступом переборки, моей постели так же как и моим ботинкам, была необходима длительная просушка. С остальных ребят вода просто стекала ручьями. То, что в обычной жизни называлось «злостным хулиганством», здесь, на корабле ВМФ называлось «учебной пожарной тревогой»! Поскольку на «Настойчивом» защитников у нас больше не было, нам и пожаловаться-то было некому! Поэтому нам оставалось лишь мужественно «проглотить» обиду, засучить рукава и штанины и начать приборку помещения, выгоняя воду в шпигаты и насухо вытирая пол швабрами. Те, кому пришлось сушить робу на бельевых леерах, были вынуждены переодеться по форме №3. Других сухих вещей в нашем распоряжении не было. Простыни сушили утюгом, одеяла проветривали, но помогало мало. Солнце уже совсем не грело, и

вещи оставались сырыми. Хуже всего – было ходить в сырых ботинках! И поскольку первый Суворовский принцип «Держи ноги в тепле (ну, а далее по тексту – голову в холоде, а желудок в голоде)» не соблюдался, то некоторым из нас скоро «поплохело».

В числе таких «раненых» оказался и я. В Училище мы болели редко. Соблюдение установленных правил внутреннего распорядка гарантировало всем курсантам здоровые санитарно-гигиенические условия проживания и учебы. Здесь же нам никто ничего не гарантировал, а уставы предписывали стойко переносить тяжести и лишения воинской службы! А военные специалисты, вроде этого мичмана Полика, такие тяжести и лишения нам успешно создавали! Здравоохранение на нашем корабле было представлено медико-санитарной частью в лице отсутствующего (по причине нахождения на переподготовке) начальника медсанчасти и присутствующего корабельного фельдшера, в звании старшего матроса. Поход в корабельную медсанчасть нужно было совершать в часы приёма, обычно утром. Фельдшер ставил тебе термометр, и, при наличии повышенной температуры тела давал таблетку. Эта «волшебная» таблетка выдавалась и в случае головной боли, и при расстройстве желудка, и при простуде! Твою фамилию он записывал в журнал приёма больных, и на пару дней ты считался «выздоравливающим». Если за это время ты не становился выздоровевшим, то процедура повторялась. Если и это не помогало, то тебя госпитализировали в береговой военно-морской госпиталь. В моём случае до этого не дошло, но полежать на ещё влажном матрасе, укрывшись шинелью, которая была значительно суше, чем одеяло, мне пару дней пришлось.

Помню, когда я ещё только начинал заниматься греблей на байдарке, мне довелось зимой побывать в ледяной воде во всём своём зимнем спортивном обмундировании! Сидеть уверенно в лодке я ещё не мог, и во время разворота на нашей незамерзающей речке Тьмаке я не сумел сохранить равновесие и «вывернулся»! То есть перевернулся на лодке вверх дном, вывалившись в ледяную воду за полкилометра от нашей гребной базы! Наши ребята перевернули мою лодку и отбуксировали её к причалу. А я доплыл до береговых камышей, прихватив с собой весло, и выбрался на заснеженный берег. Бежать с веслом наперевес, заткнув за пояс прорезиненный фартук, чавкая водой в мокрых кедах, пришлось недолго, но изо всех сил! Удивлённые прохожие, выдыхая пар, с недоумением смотрели на мокрого с головы до ног идиота с веслом, рысью бегущего по тропинке вдоль реки! В тот раз на базе меня отогрели чаем, и всё обошлось даже без насморка! Здесь же приходилось стучать зубами под

шинелью и ждать завтрака и ужина, когда приносили чайник с кипятком. На третий день мне стало легче, а на четвёртый – фельдшер сказал, что я здоров! Пришлось ему поверить!

LXXII.

Мы не стали мстить мичману Полику. Просто не мешали ему самому «упасть в яму, которую он рыл другим»! Дело было так. Мичману Полику приказали доставить с материального склада сурик для покраски корабля. В качестве рабочей силы ему выделили несколько наших курсантов. На складе металлические ёмкости с суриком, литров по 20 каждая, были погружены в кузов грузового автомобиля и доставлены к борту корабля. При выгрузке мичман особенно суетился, желая показать экипажу «Настойчивого», как лихо он нами командует! Ребята подносили ёмкости к краю открытого заднего борта, а потом снимали их на землю. Мичман Полик, желая увеличить скорость выгрузки, приказал поднести все ёмкости к заднему краю кузова, а потом уже снимать их на землю. Ребята не торопясь занялись перемещением ёмкостей с краской из передней части кузова в заднюю. Мичман решил сам показать нам пример ударного труда и, недовольно ворча, что курсанты возятся, как беременные тараканы, для убыстрения процесса попробовал сам снять одну из банок вниз. Ухватившись за металлическую ручку, он придвинул банку к краю, но, видимо, не ожидал, что она окажется такой тяжёлой! Он поднапрягся и дёрнул на себя! Но банка уже достигла края кузова и, потеряв опору, рухнула вниз! Мичман, сообразив в последний момент, что банку ему не удержать, выпустил металлическую ручку и, подпрыгнув, как заяц, еле успел отскочить в сторону! Банка торжественно рухнула вниз и перевернулась! Крышка соскочила, и оранжевый сурик выплеснулся на причальную стенку, расползаясь по ней огромным ярким пятном, с каждой секундой всё больше увеличивающимся в размерах! Мичман Полик, осознав, что он спас своё обмундирование, но «уделал» краской всю подконтрольную кораблю территорию причала, аж взвыл от досады и ужаса! Территория причальной стенки, где пришвартован корабль, является зоной ответственности экипажа этого корабля и должна содержаться в чистоте и порядке. Побелев, как полотно, мичман заметался по причалу! Потом рванул по сходням на корабль, где другой мичман, помощник дежурного офицера, наблюдал всю эту «картину маслом» (точнее суриком)! «Мичман мичману глаз не выклюет», – гласит морская поговорка. Пом.деж, понимая, что промах Полика аукнется и

дежурной службе тоже, приказал матросам вооружить пожарный брандспойт, чтобы напором воды смыть краску в воду. Приказание было исполнено. Мичман Полик слегка воодушевился, что можно как-то, хотя бы частично, сгладить ситуацию. Он приказал шофёру отогнать машину в сторону, а курсантам заняться уборкой причала. Совковыми лопатами мы сбрасывали сурик в воду, а Олежек Козловский по приказу мичмана взял брандспойт и стал струёй воды смывать за нами остатки краски с причальной стенки. Дело сдвинулось с мёртвой точки, и потихоньку краски на причале становилось всё меньше. Мичман Полик, совсем уже успокоившийся, опять взялся нами распоряжаться, указывая Олегу, куда надо направлять струю воды. Олежек добросовестно водил шлангом туда-сюда, а мичман вертелся вокруг нас и всё командовал. Он не замечал, что попавший в лужу с суриком, брезентовый пожарный рукав щедро вымазал его новые брюки в живописный оранжевый цвет, эффектно смотревшийся на чёрном фоне. Когда мичман увидел, что его брюки по цвету стали напоминать Георгиевскую ленточку, то издал нечеловеческий вопль! И, проклиная последними словами всех курсантов, которые свалились на его голову, он умчался на корабль искать ацетон, чтобы спасти своё обмундирование! Мы потихоньку закончили разгрузку машины и уборку причала. С берега стенка выглядела почти прилично, а оранжевые разводы со стороны корабля не просматривались с доступных точек обзора. Задание по доставке сурика на корабль было выполнено, а мичмана Полика в этот день мы больше не видели.

Когда на следующий год, весной, после дембеля, к нам в Училище в гости, зашёл наш «земеля» Серёга с «Настойчивого», то он рассказал нам историю, произошедшую с мичманом Поликом после нашего отъезда. На корабле проходили очередные учения по борьбе за живучесть. Мичман был в это время помощником дежурного по кораблю и умудрился объявить по громкой связи учебную пожарную и водяную тревоги следующим образом: «Учебная пожарная тревога! Топит каюту командира!» Когда в каюту командира стали ломиться матросы аварийного пожарного расчёта с брандспойтами и баграми, взбешённый командир снял мичмана Полика с вахты! А потом потихоньку и совсем от него избавился, переведя на другой корабль. Больше о мичмане Полике мы никогда ничего не слышали.

LXXIII.

Между тем наступил праздник – День Великой Октябрьской

Социалистической Революции! День 7 ноября 1980 года пришёлся на пятницу. «Настойчивый», как и все другие корабли, стоявшие в акватории Базы, был украшен сигнальными флагами расцвечивания. На подъёме флага командир корабля поздравил всех с 63-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции. Он пожелал всем успехов в боевой и политической подготовке, объявил благодарности от имени командования нескольким особо отличившимся членам экипажа и сообщил, что после обеда состоится спортивный праздник, в котором будут участвовать команды всех боевых частей корабля. Праздничный завтрак экипажа был дополнен конфетами и печеньем. Была произведена приборка корабля и подготовка к спортивному празднику. Мы защищали спортивную честь БЧ-4. Составам команд боевых частей предстояло сразиться между собой в нескольких спортивных дисциплинах: перетягивании каната, гиревом спорте и ещё нескольких видах флотских спортивных развлечений. Опыт в перетягивании каната у нас был ещё со второго курса Училища. Дело это нехитрое, но требует слаженных действий всех участников команды. Надо не просто тянуть канат на себя, а делать это согласованными мощными рывками, не давая сопернику закрепиться на месте. Если соперник упирался и не хотел сдавать своих позиций, можно было прибегнуть к различным уловкам, пытаясь вывести его из равновесия, неожиданно ослабляя сопротивление. А затем, мгновенно перехватив инициативу в свои руки, продолжить стремительно развивать атаку до того момента, пока контрольный флажок на участке каната соперника не пересечёт разделительную линию. Занятие это тяжёлое для участников, но удивительно азартное для зрителей! Во время состязаний все члены экипажа «болеют» за свои команды, и шум стоит, как на футбольном стадионе после забитого гола! И эта поддержка твоих товарищей даёт тебе новые силы бороться и побеждать! Кого-то победили мы, кто-то победил нас, но, как говорится, всегда побеждала Дружба!

А так проходил спортивный праздник у нас в ЛМУ ММФ СССР.

На гири послали меня, поскольку наши ребята доверяли мне это дело, помня, как я тренировался со спортивным «железом» в спортзале Училища. Упражнение заключалось в том, чтобы поднять от плеч две гири по 24 кг на вытянутые руки вверх и зафиксировать их в верхнем положении столько раз, насколько хватит сил. Если бы это была штанга, то было бы гораздо легче, так как держаться за гриф двумя руками проще, чем фиксировать две гири, которые норовят вырваться из рук. В училище гирями мы не особо занимались, всё больше штангой. Но тут выбора не было. Терпи, но делай!

Терпеть меня учили в родном городе Калинине в спортивной секции гребли. В байдарке-двойке я был загребным. Мой напарник, Юра Шапкин, сидевший сзади, исправно получал от меня в лицо по «кружке» воды, слетающей с моего весла после каждого гребка, а я мог получить он него веслом по спине, если он чуть задерживал во время гребка погружённую в воду лопасть весла. Только чёткая слаженная работа обоих участников экипажа байдарки позволяла разогнать лодку до максимальной скорости и держать заданный темп гребли. У меня всегда была мокрой спина, а у него грудь и голова. Летом это даже приятно, но мы тренировались почти круглый год, а осенняя водичка не доставляет такой радости, как летом. На соревнованиях при мощной синхронной силовой работе приходилось выкладываться полностью, когда руки не слушаются, становясь «деревянными», дыхание срывается в судорожный хрип, грудная клетка готова разорваться, а в голове, как огромный церковный колокол, гудит каждый удар твоего сердца! Ты в буквальном смысле «умираешь» на дистанции, в глазах носятся миллионы ярких точек, но ты

продолжаешь делать то, что должен, не снижая темпа и вкладывая в каждый гребок последний остаток сил. Ты знаешь, что твоему напарнику также тяжело, но вы не можете подвести друг друга и несётесь вперёд, краем глаза выхватывая сбоку носы лодок соперников. Бороться до конца! – вот чему нас учили.

Наука эта пригодилась мне и теперь. Мне удалось выжать гири 16 раз, прежде чем я не смог их больше удерживать и мои руки потеряли хватку. Меня обошёл только один соперник, явно не новичок в этом деле, да и то, только на пару раз. Второе почётное место – тоже призовое! Так что старались мы все недаром! Ребята хлопали меня по плечу и хвалили. Было приятно!

LXXIV.

В одно из увольнений, мы, во главе со старшинами нашей группы отправились на другой конец Базы навестить наших «однополчан». Мы знали, как называются корабли, где находились наши ребята, но, как туда добраться среди лабиринта складов, пакгаузов и всевозможных портовых сооружений, для нас было сложной задачей. Придерживаясь направления по солнцу и опрашивая встречных моряков, мы, наконец, вышли к

причалу, где кормой к причальной стенке стояли несколько военных кораблей. Стоял здесь и «Прозорливый», на котором были остальные наши одногруппники. С разрешения дежурного офицера мы поднялись на борт. Встретить своих ребят, с которыми ты два года провёл бок о бок, было здорово! Как будто родственников встретил! После объятий и рукопожатий обменялись новостями. Ребята тоже приняли присягу. Так же, как и мы, приписаны к БЧ-4, условия на корабле нормальные. Услышав, что мы уже побывали в трюмах под пайолами, а потом нас поливали из брандспойта, наши товарищи слегка оторопели! У них на «Тёще» (так здесь экипаж называл свой «Прозорливый») такого беспредела не было. Посочувствовав нам и наверняка подумав, как им повезло с кораблём, ребята сообщили, что на соседних кораблях тоже размещены наши курсанты из других групп. Когда мы прощались, ребята вышли нас проводить. На соседний корабль нас не пустили, но позвали наших курсантов из кубрика подняться на верхнюю палубу. Ребята из пятой группы тоже были рады нас видеть. Переговорив с ними, мы оправились в город.

Могли ли мы думать, что очень скоро увидимся со своими товарищами снова? Надо сказать, что, как раз в это время в Польше происходили события, которые во многом изменили нашу дальнейшую жизнь. Противостояние руководства Польши и объединения профсоюзов «Солидарность» привело к обострению международной обстановки. В один из тех осенних дней, утром, к нам в кубрик спустились наши ребята с «Тёщи» в сопровождении командира роты. «Принимайте пополнение!» – невесело пошутил Олег Николаевич. Оказалось, что в связи с событиями в Польше по приказу Министра Обороны СССР кораблям Балтийского флота приказано осуществить боевое патрулирование в районе морской границы между СССР и Польшей. Несколько кораблей, размещённых в Военно-морской Базе Лиепая, погрузили на борт боезапас и вышли в море.

Наших курсантов в спешном порядке было приказано перевести на корабли, оставшиеся в Базе. Но не все курсанты успели сойти на берег. На тех кораблях, где на борту находился боезапас, была объявлена боевая тревога, и корабли немедленно вышли в море с нашими курсантами. На нас повеяло дыханием войны. Дело начинало принимать серьёзный оборот. Никто не знал, что нас ждёт впереди.

А пока же наши товарищи занимали свободные койки у нас в кубрике, складывали обмундирование в рундуки и обживались на новом месте. Так как «Настойчивый» находился на капитальном ремонте, часть судовых механизмов была разобрана, поэтому ни в

каких боевых действиях он в ближайшее время участвовать не мог. Это несколько нас успокаивало, но обстановка была достаточно нервозная. Уже к вечеру стало известно, что корабли возвращаются в Базу. Наших ребят с «Прозорливого» так и оставили у нас на «Настойчивом». Стали мы теперь жить одной большой «курсантской семьёй». Ну, что же, парни, с новосельем!

На снимке мы с Олегом Соколовым на фоне эсминца «Настойчивый». Лиепая, 1980г.

LXXV.

Понемногу обстановка в мире стабилизировалась, и жизнь продолжала идти своим чередом. С каждым днём мы приближались к заветной дате окончания стажировки. Но каждый день надо было ещё прожить, а тянулся каждый такой день очень и очень долго. От вынужденного безделья наш народ искал, чем бы заняться. Наши старшины, уже прошедшие воинскую службу, знали, что игра в карты на флоте запрещена, но запретный плод всегда сладок. Они изготовили из тетрадных листов колоду карт и резались в моём закутке в «дурака», «буру» и в «тысячу». Мне приходилось или вжиматься в переборку, чтобы они могли усесться на мой матрац, лежащий на рундуках, или идти к кому-

нибудь из ребят на койку. В конце концов и я нашёл себе занятие по душе. Я принёс гитару из кубрика радистов, и, когда все известные нам песни были сыграны и спеты, родилась идея – сочинить свою песню! Идея была подхвачена всеми, но за дело в конечном итоге взялись только мы втроём: Володя Артушников, Ильдар Кутушев и я. Мы «зашхерились» в закутке, перед запертой дверью в артиллерийский погреб, прихватив неиспользованный старшинами на карты тетрадный листок, гитару и карандаш. Для песни требовался мотив. Поскольку композиторами мы не были, то решили использовать готовую песню из телефильма «Ах, водевиль, водевиль!», сохранив мелодию и переделав текст. Дело пошло после первой строчки: «Ежедневно меняется мода, но покуда стоит белый свет …» Кто-то из нас тут же добавил: «На эсминце с названием гордым хоть один, да найдётся кадет!» И понеслось!

Из нашего закутка периодически раздавалось то бормотание, то гитарные аккорды, то дружные взрывы хохота! Народу было интересно, что у нас там происходит, но мы просили остальных не мешать и продолжали «шаманить» втроём. Через пару часов состоялась премьера новой песни! Наше трио исполнило её хором под гитару.

Курсантская стажировочная

на мелодию песни “Ну, что сказать!” из к/ф “Ах, водевиль!”

Слова: *В. Осипов*
В. Артушников
И. Кутушев

Ежедневно меняется мода,
Но покуда стоит белый свет
На эсминце с названием гордым
Хоть один, да найдётся кадет!
В ожидании поры долгожданной
В душном кубрике чахнут они,
Утешаясь лишь тем, что в колоде
Благородные есть короли!

Ну, что сказать, ну, что сказать!
Так было и так будет.
Курсанты знать, желают знать,
Кто «дураками» будет!

Если спишь – ты почти уже счастлив,
А вокруг тишина и покой.
Если выбрать подушку помягче,
Можно спать до доски гробовой!
Спят курсанты и в лучшее верят,
Позабывшись полуночным сном.
Утром мичман со шлангом проверит
Производство команды «Подъём!»

Ну, что сказать, ну, что сказать!
Устроены так люди,
Хотят подальше посылать
Тех, кто нас утром будит!

Приближается время обеда,
В животе всё сильнее урчит!
Прихватив для похлёбки кастрюльку,
Наш дневальный на камбуз спешит.
Он приходит, объятый зловоньем,
И, конечно же, каждый кадет
О посылке, вздыхая, мечтает,
Доедая вонючий обед!

Ну, что сказать, ну, что сказать!
Так было и так будет.
Курсанты жрать, желают жрать,
Желают жрать, как люди!

(борт эсминца «Настойчивый» База ВМФ Лиепая 1980 г.)

Наши слушатели ревели от восторга! Даже старшины побросали свои карты, и «ржали» вместе со всеми! Потом к нам пришёл «земеля» Серёга из БЧ-4, и мы исполнили эту песню уже специально для него. Он хохотал до слёз, а потом устроил нам «гастроли» уже в кубрике радистов. Пришлось нам давать целый концерт, не ограничившись только этой песней. На флоте ценят людей, которые могут что-либо «изобразить», поэтому мы стали «звёздами» местного масштаба и с тех пор были желанными гостями в кубрике БЧ-4.

LXXVI.

Чтобы служба нам не казалась раем, периодически нас

привлекали к работам на объектах военно-морской базы. Казалось бы, наша стажировка должна заключаться в знакомстве с радиооборудованием кораблей ВМФ, получении новых знаний и навыков, которые могут пригодиться нам в освоении наших военных специальностей. Но эта красивая теория подготовки офицеров запаса в нашем лице безжалостно разбивалась о суровую действительность! На корабле всё, что связано с секретностью (а с секретностью связано всё), требует особого допуска. Такого допуска у нас не было. Поэтому, побывав всего один раз в радиорубке «Настойчивого» с краткой обзорной экскурсией (которую проводил нам в начале стажировки мичман Гусев в плане общего знакомства с кораблём), мы больше не занимались вопросами радиосвязи, а использовались командованием корабля, как безропотная рабочая сила. С другой стороны, если вдуматься, эта работа была для нас единственным развлечением, позволяющим, хоть как-то отвлечься от однообразия монотонных будней. Мы побывали на продовольственных складах военно-морской базы. Видели бесконечные ряды штабелей из ящиков, коробок и бочек, в которых хранились продовольственные запасы флота. Перебирали множество продуктов, отделяя просроченные от ещё годных. Вдыхали в тускло освещённых кирпичных казематах запах сырости и гнили, но даже эта грязная и трудоёмкая работа была нам более приятна, чем бесцельное убийство времени в душном кубрике! Особо интересно нам было работать на складах хранения стреляных гильз от артиллерийского вооружения. После каждых учебных стрельб гильзы подлежали сдаче на склады для их дальнейшей утилизации. Каждая гильза – это сплав ценных цветных металлов, который имеет достаточно высокую цену. Поэтому все гильзы учитывались и сдавались на склад по документам прихода. Наша задача заключалась в сортировке гильз по видам и калибру. Мы загружали однотипные гильзы в оружейные ящики и складировали их в штабеля. Сопровождающий нас мичман, служащий на этом складе, был человеком понимающим и разрешал нам взять по паре небольших гильз от зенитных снарядов на память, с обязательством спрятать их и никому не рассказывать об этом. Мы свято выполняли обещание. Гильзы нам были нужны для того, чтобы потом сделать из них сувениры на память о ВМФ. Для изготовления сувенира требовалось аккуратно, под углом в 45 градусов, отпилить ножовкой по металлу верхнюю часть гильзы, зачистить срез и надраить оставшуюся часть с капсюлем до золотого блеска. Получалась прекрасная пепельница в стиле «милитари». Сам я не курю, но на память о стажировке пригодится! Подарю отцу.

Старшины не входили в рабочие группы, они только нас в них назначали. И поэтому приходилось старшинам маяться от безделья и изобретать для себя забавы, чтобы как-то убить время. Когда все способы этого «убийства» были ими перепробованы, то четверо наших старшин (за исключением зам. старшины оркестра Алика Голенкова) решили прогуляться по городу, выпросив увольнение у мичмана Гусева. Причиной прогулки была выбрана банальная покупка сигарет. Идея тупая, но она «прокатила», и после обеда старшины оделись по форме №5, собрали всю имеющуюся денежную наличность в сумме 00 рублей 38 копеек и убыли в город, оставив старшим над нами Алика Голенкова.

Обычно все, увольняемые в город, возвращались на корабль к 18.00. Но старшины не вернулись ни к 18.00, ни к ужину. Алик Голенков не хотел никого «закладывать», но доложить мичману Гусеву об отсутствии старшин был обязан. У мичмана по крайней мере была связь с нашим командиром роты. Мало ли, что могло случиться. Мичман Гусев выслушал доклад, чертыхнулся про себя, и дальше события развивались уже без нашего участия.

Утром наши старшины с «помятыми» физиономиями спустились к нам в кубрик в сопровождении командира роты. Нам было приказано «покурить» полчасика где-нибудь, пока командир будет говорить с провинившимися. Опустив крышку входного люка, мы пошли дышать свежим воздухом. О чём командир говорил со старшинами, мы могли только догадываться. Но когда он, уходя с корабля, проходил мимо нас, то вид у него был злой. Прощаясь с нами, он что-то тихо добавил себе «под нос»: « … на мою голову!»

Как мы узнали потом, наши старшины умудрились «нажраться в хлам», (пардон!), привести себя в состояние алкогольного опьянения, быть задержанными военным патрулём и провести ночь в военной комендатуре города Лиепая. Парадокс ситуации заключался в том, что всё это им удалось сделать на имеющиеся у них 38 копеек! Вот такой, можно сказать, «рекорд книги Гиннеса»! Будь на их месте кто-нибудь из обычных курсантов, последствия были бы самые печальные. Но когда в «залёте» участвовали старшина роты вместе со своим замом и старшина группы со своим замом, все уже отслужившие срочную службу в Армии и на Флоте, то дело принимало совсем другой оборот. Удар пришёлся бы не только на них, но и лично на командира роты. Это ЧП имело бы громадные последствия для всей роты, её руководства и командования Училища! Я не знаю, что предпринял наш командир роты для того, чтобы этот инцидент был исчерпан, но последствий у этого происшествия не было. До окончания стажировки оставалось чуть больше недели,

и про нас всем было легче забыть, чем принимать какие-то карательные меры. Все старшины остались на своих должностях, командир роты отчитался перед командованием Училища об успешном прохождении курсантами стажировки на ВМФ, а мы вернулись в родное Училище, отдав долг Родине и приняв воинскую присягу!

Когда мы покидали борт «Настойчивого» и в последний раз сходили с трапа корабля, в душе у нас играла «Славянка», а под ногами было воображаемое «вафельное полотенце», что должно было по флотской традиции олицетворять пожелание «скатертью дорога!» Провожал нас вахтенный матрос, дежурный офицер и «годок-земеля» Серёга из БЧ-4. Мы оставили ему адрес училища, и он обещал зайти к нам в гости после дембеля. Домой мы ехали поездом без особых приключений.

LXXVII.

Как же хорошо было войти в свой родной кубрик, увидеть вокруг привычную обстановку и не бояться, что в дверь могут просунуть пожарный брандспойт и включить воду на полный напор! Ужин в столовой Училища был для нас, как банкет в ресторане! Мы вернулись домой! Сознание того, что мы теперь без пяти минут, младшие лейтенанты Флота Российского, будоражило кровь! У кого-то из ребят в рундуке завалялись парадные погоны одного из офицеров военно-морского цикла. Погоны были золотистые, с четырьмя капитанскими звёздочками. Хозяина этих погон с позором выгнали из Училища за пьянку, а погоны эти валялись где-то в кабинете ВМЦ, пока ребята не забрали их в роту. План розыгрыша мгновенно созрел в наших головах. Жертвой розыгрыша был выбран Алик Морозов, наш сосед по кубрику. Алик был отличным парнем из Тосно. Он был чемпионом России по радиоспорту (в личном зачёте) и кандидатом в Мастера спорта. Был он высоким, здоровым (что называется «кровь с молоком»), сильным и очень доверчивым! Мы не раз по-доброму, разыгрывали Алика к всеобщему удовольствию! Алик «вёлся» на розыгрыши, но потом весело «ржал» вместе со всеми, нисколько не обижаясь на нас. Миша Ломакин и Лёша Глазеев быстренько превратили капитанские погоны в погоны младшего лейтенанта. Когда в кубрик вошёл Алик, то Серёга Придатко на полном «серьёзе» примерял себе на плечи эти погоны и красовался перед ребятами. Алик сразу же «заглотил наживку»!

– «Это … чего это у вас?» – загорелись его глаза.

– «Да, вот, погоны получили! Ларионов всем у себя в

кабинете выдаёт!» – серьёзно ответили ему мы.

Через секунду Алик уже стучался в дверь кабинета командира роты.

– «Разрешите, товарищ командир?»-

– «Что вы хотели, Морозов?» – недоумённо спросил Алика Олег Николаевич.

Ребята, зажимая себе рты, чтобы не рассмеяться, сгрудились у закрытой командирской двери.

– «Погоны получить, товарищ командир!» – бодро отрапортовал Алик.

– «Какие погоны?» – глаза командира полезли из орбит.

– «Ну, эти … Младшего лейтенанта! Вы ведь всем выдаёте! Я, вот, и пришёл …» -

Командир, аж, дар речи потерял! Он открывал и закрывал рот, но сказать ничего не мог!

– «Морозов! Какие, на фиг, погоны?! – наконец, взорвался он. – Никаких погон! Идите … в баню!»

Когда Алик, красный как рак, вылетел из кабинета командира роты, мы, уже не в силах сдерживать смех, грохнули таким хохотом на всю роту, что все остальные выглянули из кубриков в коридор, не понимая, что случилось! Алик с кулаками гнался за нами до дверей кубрика, но мы успели вбежать раньше него и захлопнуть дверь! Ручку двери мы держали втроём, а Алик пытался её повернуть и дёргал дверь, чтобы осуществить свою «кровавую месть»! Наконец мы бросили держать дверь и встретили Алика «артобстрелом» из подушек! Алик, не зная, на кого броситься первым, схватил свою подушку и принял участие в нашей «баталии»! Когда пух и перья от подушек улеглись вместе с нашими бушующими страстями, мы ещё долго смеялись вместе с Аликом и всеми, кто заходил к нам в кубрик узнать, что у нас тут произошло. Мы опять были курсантами четвёртого курса РТО ЛМУ ММФ СССР! Стажировка закончилась! Впереди нас ждал Новый год, короткая учёба и следующий этап нашей жизни – плавательная практика!

LXXVIII.

Время летело незаметно. Мы что-то учили, что-то сдавали. Заступали в наряды, ходили в увольнения. Танцевали с девушками на училищных вечерах отдыха. На один из таких вечеров я пригласил Ирину и мою сестру Ольгу. Мои спутницы познакомились и быстро нашли общий язык. Мы танцевали, я знакомил девушек с моими товарищами. Всем было весело и хорошо. Впереди у всех нас было светлое будущее, полное

радужных надежд и ожиданий. А пока мы наслаждались молодостью, общением с друзьями и всеми прелестями студенческой и курсантской жизни!

Любимым местом встреч для наших курсантов были пельменные. Одна из них находилась на Невском проспекте, а другая на Большом проспекте Васильевского острова.

Пельменями в Училище нас не кормили никогда! Поэтому этот «деликатес» мы вкушали в увольнениях, в хорошей курсантской компании. Походы в пельменные стали для нас традиционными. Так как под пельмени можно было полулегально распить на четверых бутылочку портвейна и приятно провести время в тёплом помещении и в тёплой дружеской обстановке. Как-то раз мои друзья собрались в очередное увольнение, посетить пельменную на Невском проспекте. Я же собирался на свидание с Ириной. Поскольку я был неотъемлемой частью нашего сплочённого, «крепко споенного» коллектива, то возникла дилемма: я не мог оставить моих товарищей в их благородном стремлении провести приятный вечер в компании друзей и не мог не повидаться с самым дорогим для меня человеком – Ириной. Ребята, узнав причину моего замешательства в принятии решения, как провести субботний вечер, быстро нашли компромиссный вариант, удовлетворяющий всех! «В чём проблема? Пригласи свою Даму с нами в пельменную, и всё будет хорошо!» Я помчался звонить Ирине, чтобы озвучить ей наше предложение. Она слегка удивилась, но предложение приняла. Через час ребята уже занимали столик в зале пельменной на Невском проспекте 88, а я дежурил на улице у входа, поджидая Иру.

А вот, и она! Мы вошли в тёплый зал, где в середине за столиком уже расположились наши ребята. Наш приход был встречен восторженно! Красивая девушка в окружении моряков в форме, что может быть прекраснее! Официантка приняла у нас заказ, и вскоре уже за нашим столом царила весёлая и непринуждённая обстановка. Я познакомил Иру с ребятами. С Евсеем Фрейдзом она уже встречалась ранее, когда была вместе со мной на танцах в нашем Училище. С Ильдаром Кутушевым и Сергеем Зайцевым познакомилась сейчас. Когда мы провозгласили тост за встречу и за дружбу, вечер превратился в весьма приятное для всех мероприятие. Мы шутили, смеялись, рассказывали разные истории из нашей жизни в Училище и на стажировке. Пельмени были особенно вкусными, а атмосфера в нашей компании особенно тёплой! Когда мы расставались с ребятами, прощаясь на улице, Ильдар с Сергеем украдкой показывали мне из-за спины Евсея большие пальцы рук, одобряя

мой выбор Дамы сердца! Иринка смеялась, заметив, как они выразили своё одобрение, и мы расстались с ребятами самыми лучшими друзьями. Я провожал Иру до дома. Мы медленно шли, обнявшись, по аллеям Александровского парка. В воздухе кружил лёгкий снежок, и нам было хорошо вдвоём. «Хорошие у тебя друзья!» – сказала мне Иринка. «Да! – согласился я. – Мы с ними в огонь и в воду! Классные ребята!» Тот вечер мы помним до сих пор. Ира не забыла имён моих друзей даже после стольких прошедших лет. А тогда, в тот памятный вечер, мы были молоды, мы были вместе, и нам было хорошо!

LXXIX.

А весна уже была рядом! Скоро, скоро зазвенят ручьи! Воздух напитается теплом южных ветров, и осевшие сугробы поплывут прочь, освобождая место пробивающейся молодой зелени. Скоро поплывём и мы! Впереди плавательная практика! Некоторые говорят, что корабли не плавают, а ходят! Но почему-то практика называется плавательной, а не ходовой! Да, пускай, хоть как называется! Главное – мы скоро будем в море! Наши документы уже поданы руководством Училища в соответствующие инстанции на визирование. Это означает, что скоро у каждого из нас будет паспорт моряка! Он позволит побывать там, куда ты стремился всё это время! Куда тебя звала твоя Мечта! Пробыв два месяца на Балтийском флоте, море мы так и не увидели (за исключением тех из нас, кому пришлось «сгонять» почти до Польши и обратно). Не думаю, что этот поход доставил много радости нашим ребятам. Теперь же впереди нас ждало новое, не познанное пока, ощущение первооткрывателей! Мы открывали для себя мир! До этого он казался нам большим и сложным, пыльным и суетливым, окружавшим нас каждый день и ночь, и заканчивался за соседним углом, куда не мог проникнуть прямой взгляд наблюдателя. Он был знакомым и обыденным. Теперь же нам предстояло попасть из этого мира в совершенно другое пространство! Где нет углов, где взгляд упирается только в линию горизонта между двумя стихиями – водной и воздушной! Где всё живёт, дышит и никогда не остаётся неподвижным! И всё это – было у нас впереди! Пока же мы что-то сдавали, получали зачёты и решали текущие задачи.

А задачи перед нами стояли самые, что ни на есть серьёзные! Во что одеться, чтобы не быть за границей огородным пугалом? За время учёбы мы привыкли, что на каждый случай у нас есть форма. Есть форма для работы, есть форма для вахты, есть форма для занятий спортом, есть форма для увольнения в город. Формы

для пребывания за границей у нас не было!

Быть одетым «по гражданке», в нашем понимании, было быть одетым так, чтобы не очень отличаться от окружающих тебя обычных людей. А теперь представьте, что в таком «совдеповском» виде вы стоите где-нибудь в Гамбурге, или Копенгагене. Как вы будете выглядеть? Будете вы отличаться от обычных окружающих вас людей? Вот, то-то и оно!

И решать эту проблему предстояло каждому из нас в индивидуальном порядке. Как выглядит молодой человек нашего возраста, проживающий за границей? Очень просто: джинсы, кроссовки, майка с каким-нибудь рисунком и логотипом, куртка-ветровка, бейсболка и модные солнцезащитные очки. Ничего этого у большинства из нас не было. Каждый курсант в душе мечтал приобрести всё это за границей во время плавательной практики. А пока все мы старались найти в магазинах Северной столицы хотя бы какое-нибудь подобие заграничной «фирмЫ»! Мои старания привели лишь к тому, что мне удалось купить чешские спортивные туфли, отдалённо напоминающие кроссовки. Остальной мой «гардероб» школьных времён висел в шкафу у моей тётушки и ждал своего часа.

И скоро час настал! Нас распределяли по пароходствам, где четыре месяца нам предстояло жить настоящей жизнью моряков! Мне повезло попасть на практику в Балтийское морское пароходство. В зависимости от наличия возможностей плавательная практика для курсантов могла быть либо групповой, либо индивидуальной. Часть наших ребят попала на групповую практику на УПС (учебно-производственное судно) «Профессор Хлюстин». Остальных распределяли на суда, которые находились к этому моменту в порту. Я, в составе группы из пяти курсантов, был направлен на т/х (теплоход) «Братск». Этот ветеран торгового флота, построенный двадцать четыре года тому назад, дохаживал свой последний год в морях, чтобы по достижении двадцатипятилетнего возраста быть пущенным на «иголки», т.е. быть списанным на металлолом. Для нас же этот дедушка российского торгового флота был тем самым «белым пароходом», которому предстояло увезти нас за семь морей!

т/х «Братск», сухогруз, год постройки 1957 Финляндия, 5456 рег. тонн

LXXX.

Я прощался с Ирой. Это не было расставанием на неделю, до следующего увольнения. Начиналась настоящая жизнь моряка, полная разлук и встреч. Мне предстояло уйти в море, а Ире заканчивать обучение в фармацевтическом техникуме, сдавать выпускные экзамены и быть готовой к распределению. Впереди у нас была неизвестность, но мы твёрдо знали, что жить дальше друг без друга уже не сможем! Некоторым утешением для меня было то, что я буду проходить плавпрактику в Балтийском морском пароходстве. Это не Мурманск, не Архангельск. И мы не рыбаки, которые по полгода берега не видят, мы – торговый флот! Рейсы по Европе. Ну, от силы недели на две, самое большее. Но, как знать, что будет на самом деле? Весна уже выгнала снег из города. На Неве закончился ледоход. Мы с Иринкой знали, что сегодня наш день прощания перед долгой разлукой. Будущее одновременно и манило, и страшило нас. Но этот шаг вперёд мы должны были сделать, и нам хотелось сделать этот шаг вместе. Когда мы, исходив все наши маршруты вокруг Петропавловки, вернулись в квартиру к Ирине, то уже стемнело, и на небе появились первые звёзды. Мы пили чай на пустой кухне, и из открытой оконной форточки на нас глядели две звезды. Одна поярче и побольше, другая не такая яркая, но они всегда были вместе. Мы часто видели их в ночном небе во время наших прогулок. «Давай, это будут наши звёздочки!» – предложила Ира. «Хорошо! – сказал я. – Когда я буду в море, я найду на небе эти звёзды и вспомню о тебе!» «А я – о тебе!» – ответила Ира. Мы стояли, обнявшись, в пустой и тёмной коммунальной кухне и были счастливы. А время неумолимо тикало, собираясь проверить

нашу любовь разлукой. До этого момента всё было легко и просто. Когда мы скучали друг без друга, то для того, чтобы услышать голос любимого человека, достаточно было взять трубку телефона и набрать знакомый номер. Теперь же это будет сделать весьма проблематично. Ира подарила мне золотистую шариковую ручку. «Ты будешь мне писать?» – спросила она. «Конечно! Но письма из-за границы идут долго. Ну, ничего, не грусти, я что-нибудь придумаю!» – ответил я. Тогда я ещё не знал, что добросовестно выполню своё обещание. Идея пришла мне в голову перед самым отходом судна. «Дневник!!! Я буду вести дневник! – решил я, и каждый день, перед тем как лечь спать, записывал в обычную общую тетрадь в клеточку всё, что произошло со мной за день. Мои записи не были обычным перечислением событий дня. Это были письма к любимому человеку, к моей Иринке. Раньше я думал, что дневники ведут только изнеженные барышни, томно вздыхающие о любви. Нет, друзья! Когда ты, дождавшись ночной тишины, открываешь свой дневник и на бумагу ложатся все твои мысли, все твои чувства, всё то, что ты пережил за день, то начинается неслышный никому разговор между тобой и тем, кому ты адресуешь эти строки. А в иллюминатор каюты глядят на тебя с чужого чёрного неба две далёкие, но такие близкие тебе звёздочки. И ты пишешь, пишешь и не можешь оторваться от такого общения с дорогим тебе человеком! И только тогда, когда ты ставишь последнюю точку и падаешь на свою, покачивающуюся на волнах вместе с судном и подрагивающую от вибрации судового двигателя койку, последней твоей мыслью в этот, один из многих бесконечно долгих дней, будет: «Спокойной ночи, Иринка! До завтра! Люблю тебя»! Потом ты проваливаешься в тёмную пучину сна, а звёзды всё смотрят и смотрят на тебя сквозь толстое стекло задраенного иллюминатора.

За всё время плавпрактики я исписал три общих тетради. В них поместилось всё, что было со мной за четыре месяца моей морской жизни. Первую тетрадь я вручил Ире после окончания моего первого рейса. Она сначала удивилась, потом заглянула туда и, прочитав несколько строчек, рассмеялась счастливым смехом! Я выполнил своё обещание: думать о ней каждый день! И доказательство этому Ира держала в своих руках. Потом она рассказывала мне, что когда всё прочитала, то её хозяйка, Полина Васильевна, часто просила у неё разрешения почитать мой дневник. Поскольку там не содержалось ничего предрассудительного, то Ира разрешала. И семидесятилетняя пожилая женщина, вдова военного моряка, надев очки и лёжа в своей постели, при свете ночника ещё и ещё раз перечитывала

написанные мною строки, вздыхала и украдкой вытирала слёзы. А потом тихо засыпала, улыбаясь и видя во сне свою далёкую довоенную молодость.

Ирина всё это время хранит все письма, радиограммы и дневники, написанные мною. Я достал их из нашего семейного архива через тридцать пять лет, и они очень помогли мне написать последующие главы этой повести. Если вам покажется, что их содержание изобилует лишними подробностями и малозначительными событиями, то прошу меня извинить! Для нас все эти события тогда были нелишними и немало значащими.

Итак, продолжим!

LXXXI.

Ну вот, всё позади! Нас пятеро. Мы занесены в судовую роль теплохода «Братск» в качестве практикантов. Сегодня 25 апреля 1981 года, суббота. Наш теплоход выходит из планового ремонта, и мы поднимаемся на его борт, чтобы совершить своё первое плавание. Судно кажется нам огромным! Это сухогруз. Построен в 1957 в Финляндии. Водоизмещение 5456 регистровых тонн. Три надстройки: две в середине судна и одна в корме. Нас поселили в кормовой надстройке. Везде была страшная грязища. Пока мы всё мыли и драили, наступил вечер. Мы уже стали сомневаться, что сегодня уйдём. Но где-то часов в девять вечера нам раздали таможенные декларации для того, чтобы мы их заполнили. А через час пришли пограничники. Было их человек двадцать. Нам сказали, что, поскольку судно стояло на ремонте, решено произвести тщательный досмотр с целью выявления контрабанды и посторонних лиц. Целый час погранцы лазали по судну, но никого и ничего не нашли. Мы не видели, когда приходила таможня, потому, что слишком умотались за день и просто уснули. Так, в субботу, мы и не ушли.

Нас разбудили только утром и отправили помогать матросам на отходе. Я попал на корму. Дело оказалось нехитрое – знай, выбирай канаты, но требовало определённой сноровки. Погода была ясная, солнечная. Вот только ветер был ещё холодный. Буксиры отвели нас к воротам порта, потом развернулись и пошли обратно. Мы с ребятами всё это время были на палубе. За кормой был виден Исаакиевский собор, шпиль Петропавловской крепости и портовые краны. До свидания, Ленинград! До свидания, Иринка! «Братск» дал прощальный гудок, и наше плавание началось! Я пошёл в каюту.

Живём мы по двое. Хорошо слышно, как работает судовой двигатель. Немного трясёт. Обстановка в каюте небогатая.

Двухъярусная кровать, стол, деревянная скамья (почти как в вагоне электрички), два рундука для одежды, круглый иллюминатор и какой-то разломанный комод. Есть ещё два кресла: одно без ножки, а второе без подлокотника. Скромненько, в общем. Но нам не привыкать! Скоро мы уже проходим Кронштадт. Я не знал раньше, что остров такой большой! В гавани стояли подводные лодки. А дальше мы увидели форт! Представьте себе круглую чёрную пятиэтажную крепость, поднимающуюся прямо из воды! Везде только камень. Стены смотрят на нас грозными провалами бойниц. Что ни говори, впечатляет! Сразу за Кронштадтом начался лёд – битая каша с глыбами и отдельными льдинами. Так мы и «шлёпали» по этой каше, пока Кронштадт не скрылся из вида. А потом мы встали. Говорят, что трубы, через которые поступает вода для охлаждения машины, забились льдом. Мы оказались словно на Северном полюсе. Кругом льды, берега не видно. Солнце над головой, и никого вокруг. Стало даже обидно: только вышли и уже стоим. Картина Репина «Приплыли!»

Втроём мы поднялись в радиорубку – наше будущее рабочее место. Второй радист, молодой парень, закончил наше ЛМУ два года назад. Посидели с ним, поболтали, посмотрели, как несёт вахту радиооператор. Вроде бы ничего сложного. Попробовали передавать на электронном ключе. С первого раза ничего не получилось. Ну, ладно, за четыре месяца, думаю, научимся.

После ужина попросил у матросов гитару. Дали, даже две! Но одна уж очень разбитая, а вторую удалось настроить. Звучит довольно сносно. Из нас пятерых играть умею только я. До половины первого давал ребятам сольный концерт. Потом отправился спать. Мы всё ещё стоим во льдах.

LXXXI.

Утром меня разбудили ребята. Мы чуть было не проспали завтрак! Вскочили, глянули в иллюминатор – море! Чистое, безо льда! И главное – мы идём! Вышли на палубу. Красотища! Синее море, синее небо и восходящее солнце! Наша кильватерная струя бежит за кормой прямо по солнечной дорожке! А над нею кружатся чайки! Романтика!

Перед отходом нам говорили, что мы идём во Францию, в порт Руан. Он расположен на реке Сена, довольно далеко от побережья Северного моря. Но это было вчера. А сегодня утром мы узнали, что направляемся в Голландию, в порт, название которого никто не может не только запомнить, но и произнести

правильно. Говорят, что это просто большая деревня. Ладно, пусть деревня, но валюта-то нам уже «капает»! Старинная морская поговорка «Тише едешь – больше купишь!» уже начала оправдываться. В Голландию идём с пустыми трюмами. Там будем загружаться мукой.

После завтрака нас сразу же «припахал» боцман. Вооружившись вениками и совками с вёдрами, мы отправились подметать переднюю надстройку. После ремонта наше судно очень грязное. Работы хватило до обеда. А перед обедом старпом предложил нам «встать на штат». На судне было две вакантные должности – матроса и моториста. Надо было стоять вахты и участвовать в судовых работах. Посоветовавшись, мы решили втроём работать на этих двух должностях. Если на штат не встать, то «пахать» всё равно придётся, только задаром! Так я стал «матросом 2-го класса», и после обеда мы, уже как штатные члены экипажа, были отправлены на зачистку трюмов. Если судно возит однотипный груз, то зачищать трюма необязательно. Но нам предстояло грузиться мешками с мукой, а до этого наш «Братск» перевозил что-то типа руды. Поэтому представляете, что творилось в трюмах! Нам предстояло сделать из всего «этого» конфетку! Мы вооружились мётлами, совковыми лопатами и спустились по металлическим трапам на дно трюма.

Когда спускаешься в трюм, главное не сорваться вниз. Высота неслабая! Надо спуститься на два яруса, чтобы оказаться на дне трюма. На нас каски, респираторы и страховочные пояса. Кругом железо, над головой квадрат неба, ограниченного краями грузового люка, а за бортом и под днищем Балтийское море! Невольно прикидываешь сначала: «А если пробоина? За сколько секунд ты доберёшься до палубы по всем этим трапам?» Но потом понимаешь, что добираться не особо-то и придётся. Надо будет бороться за живучесть судна, а этим здесь поначалу, кроме тебя и твоих товарищей, заниматься будет некому! Если кто и доберётся до верха, то только один – сообщить о случившемся вахтенному помощнику. И не факт, что это будешь ты! Поэтому нечего рассуждать, а надо приниматься за работу. Быстрее сделаем – быстрее уйдём отсюда!

Работа нехитрая, но одно дело мести палубу, а в трюме пыль поднимается столбом и никуда не уходит! Ты работаешь в этом пылевом облаке в респираторе, но дышать всё равно тяжело. Теперь понятно, почему за зачистку трюмов силами экипажа существует отдельная оплата! За границей этим занимаются специальные портовые бригады, но за валюту! А тут за рубли, да ещё не факт, что эти деньги нам достанутся. Это на усмотрение пароходства: за аварийные и авральные работы оплата не

предусмотрена! Вот скажут нам, что это аврал, и плакали наши денежки! Так что после первого трюма мы вылезли на палубу грязные как черти, и не могли надышаться морским воздухом! Ах, какой он приятный! Но наши воздушные процедуры были прерваны боцманом, и мы отправились во второй трюм. Не везёт нам что-то с трюмами: то на «Настойчивом» чистили их, теперь на «Братске». Радовало только одно: мы идём за границу!

За пару часов до ужина мы «добили» второй трюм и потом, с наслаждением отмывались от рыжей пыли, которая у нас была даже, пардон, в трусах! А перед ужином нас вызвал первый помощник капитана – замполит (на флоте его ещё за глаза называют «помпей»). Он записал наши домашние адреса и распределил между нами общественные поручения: кому быть библиотекарем, кому стенды наглядной агитации оформлять – мне досталось подшивать газеты. После ужина решили в столовой команды показывать кино. Киномеханика среди экипажа не оказалось. Поэтому вызвался я, так как ещё в школе посещал кружок киномехаников. Вот и пригодилась мне школьная наука! Сначала дело не заладилось: то звуковая лампа в усилителе не хотела гореть, то у проектора пустая катушка отсутствовала. Но потом лампу я заменил исправной, а пустая катушка нашлась у замполита. Увидев, что у меня всё получилось, замполит очень обрадовался и подрядил меня быть штатным киномехаником. За это мне к окладу матроса второго класса полагалось 15 рублей сверху. Я с радостью согласился: это ведь полторы курсантских стипендии! Буду теперь богачом!

Показываю я кино и вдруг вижу за иллюминатором – огни на берегу! Швеция!

А после фильма, по левому борту и Дания показалась. Входим в Датские проливы! Весь берег в огнях, это город Мальме! Видны дома, заводские трубы, автострады, маяки. Заграница, вот она какая! Пока собирал всё своё кинохозяйство, показался Копенгаген! Вышел на палубу. Виден Шведский и Датский берега. Всё рядом! Огни реклам на улицах, автомобили. На нас с берега направили прожектор. За кормой прошёл то ли шведский, то ли датский паром весь в огнях! Очень красивое зрелище! Побежал в каюту, накинул фуфайку и быстрее обратно! Сидел на корме, смотрел на всю эту красоту, а потом посмотрел вверх. И тут увидел две наших с Иринкой звезды: одну яркую, большую, а вторую рядышком поменьше! Ошибиться я не мог, эти звёзды самые первые появляются на ночном небе! Это я знал точно! На душе сразу потеплело. Смотрел я на звезды и мысленно передавал привет моей Любимой! Может быть, и она сейчас смотрит на эти звёздочки? Эх, поскорее бы нам снова увидеться!

Замполит говорил, что мы вернёмся в Ленинград где-то к 12-му мая. Не так уж и долго нам быть в разлуке! Ну, а пока кругом – море огней! Но вот уже виден последний маяк. Мы выходим в Северное море. Говорят, там нас покачает. Поживём – увидим!

LXXXII.

Утром мы видели рассвет. По корабельному времени было уже 07.30, но здесь местное время отстаёт на один час, и поэтому мы перед завтраком увидели всю эту красоту! Большое яркое солнце поднимается из моря, вода синяя-синяя, а небо алое! Красотища! Место здесь узкое, и вокруг нас много судов. А после завтрака, будьте любезны, опять пожаловать в трюм! Во втором трюме нам осталось только выгрести мусор из льял. Это специальные сливные желоба в трюме, куда конденсат с бортов собирается. Чертовски интеллектуальное занятие, как раз для будущих радистов! Согнёшься в три погибели и шаришь совком в грязной трюмной воде. Ну прямо, как на «Настойчивом»! Пока мы этим занимались, наш «Братск» оказался в Северном море! Море здесь не синее, а зелёное. Мы заметили это, когда шли на обед. Слева по борту мы обогнали крохотное рыбацкое судёнышко. Оно отчаянно тарахтело двигателем и старалось помочь себе двумя треугольными чёрными парусами. Рыбаки приветственно махнули нам руками, мы им тоже помахали. Это морская традиция – приветствовать друг друга! За обедом узнали, что завтра придём в порт назначения. Ну что же, скоро будем на голландской земле!

После обеда нас «обрадовал» старпом: сказал, что «деду» (старшему механику) моторист не нужен! Так от нас «уплыл» один «штат». Плакали наши денежки! Ну, да ладно! Теперь у нас на троих одна должность. Будем получать в два раза меньше, но свободного времени у нас будет в два раза больше! Можно будет всерьёз заняться освоением электронного телеграфного ключа и работой с радиоаппаратурой. А сейчас мы идём в «последний бой»! Добьём третий трюм и будем свободны!

После ужина по каютам ходил 4-й помощник капитана с большой ведомостью и у всех спрашивал: имеются ли у кого-нибудь сигареты, водка, фотоаппараты, магнитофоны и т.п.– в общем, всё то, что теоретически можно продать за границей. Если у кого-нибудь что-либо присутствовало, то всё это вносилось в ведомость, чтобы голландская таможня могла побыстрее нас оформить, без дополнительного осмотра кают экипажа. Четвёртый помощник немногим старше нас. Он в прошлом году окончил «Макаровку» и, видно, ещё не забыл «синдром

дедовщины пятикурсника»! С нами он держится нарочито официально, но нам всё равно. Он только на вахте над нами начальник! Пришлось его разочаровать, ведь у меня, кроме старенькой фотокамеры «Смена», ничегошеньки не было! Завтра мы увидим Голландию, которую ещё называют Нидерланды. Поскорее бы уж! Порт, куда мы идём, называется Делфзейл. Там нас будут загружать мешками с мукой. Только побывав в пустых трюмах и увидев их объём, понимаешь, что такое водоизмещение 5456 регистровых тонн! Это очень, и очень, и очень много!

LXXXIII.

В Делфзейл мы пришли рано утром, где-то часа в четыре. Именно в это время мы сквозь сон чувствовали, как сильно трясётся корпус судна – это мы вставали на якорь на рейде порта. Эта тряска вызвана тем, что якорная цепь, устремляясь вслед за якорем, проходит клюз (отверстие в борту судна). Грохот при этом стоит неимоверный! Но мы спали как убитые, и только в половине восьмого нас разбудили на завтрак. Глянули в иллюминатор – сплошная мгла. Ничего не видно – туман! Когда перешли на другой борт умываться, то в иллюминатор увидели совсем рядом берег. Это Голландия! Пейзаж довольно скучный: вход в порт, с маяком на моле. За молом два длиннющих грузовых судна. Слева какое-то здание: не то завод, не то склад. В тумане не разобрать. Справа видны деревья и какие-то одноэтажные домики. Действительно, деревня!

После завтрака боцман сказал нам, что мы отрабатываем свои положенные «курсантские» четыре часа до обеда, а потом занимаемся своими делами. Сегодня работы почти не было: мы собрали по всему судну люстры (это такие осветительные фонари), потом перетащили мешки с цементом в кладовую и убрали кое-где мусор на палубе. Сделали всё и сидим на корме – «курим» (ребята в прямом, я – в переносном смысле). И тут мы увидели первого живого голландца! У нас на корме была специальная «лоцманская» каюта. Вот, видно, из неё и появился высокий незнакомый мужчина со светлой «шкиперской» бородой, в капитанском кителе и фуражке. Увидев нас, он улыбнулся и сказал: «Morning!» (т.е. «Доброе утро!» по-английски). Мы сначала слегка опешили, но автоматически кивнули в ответ, и кто-то из нас даже успел сказать «Morning!» Как оказалось, это был голландский лоцман. Мы взяли его на борт ещё ночью с лоцманского катера. Так вот для кого был вчера вечером приготовлен шторм-трап по левому борту! Лоцман, видно, заметил наше замешательство и поспешил скрыться за

надстройкой. Потом мы видели его на капитанском мостике. В порт мы пока не заходим. То ли из-за тумана, то ли потому, что нет свободного причала. Ну что же, после обеда пойдём в радиорубку. Будем заниматься практикой!

Радисту на рейде работы хватает. Если судно стоит на ближнем рейде, то выходить в эфир на передачу не разрешается, чтобы не создавать помехи береговым радиостанциям и местным жителям. Так как мощный судовой передатчик «забивает» теле– и радиотрансляции береговых широковещательных сетей, создавая помехи приёму. Судно может только принимать корреспонденцию в свой адрес без подтверждения приёма. Это происходит дважды в день, в определённые сеансы связи. Информация дважды в день передаётся судам от береговой радиостанции пароходства. А судовые радисты принимают её и после выхода судна в море дают подтверждение сразу на все принятые радиограммы. Информация поступает быстродействием, с записью на магнитофон. Или поступает на буквопечатающий аппарат, который позволяет сразу распечатывать принимаемую корреспонденцию. Мы помогали радисту Саше, по его команде включая БПЧ (буквопечатающий) аппарат. Потом тренировались передавать на электронном ключе без выхода в эфир. Уже кое-что получается, правда, на маленькой скорости. Ну, ничего, скорость – дело наживное! Будем постепенно осваивать профессию радиста! Завтра праздник – 1 Мая! С наступающим вас!

LXXXIV.

Как отмечают праздник на берегу? Весело отмечают! Демонстрация, флаги, воздушные шары, народ улыбается, оркестры играют! Потом все спешат за праздничный стол. А вечером ещё и салют бывает! Красота! Но это – на берегу. А у нас, на судне, 1 Мая – это лишь первое число месяца. Не изменилось почти ничего в нашей размеренной судовой жизни. Вот только часы перевели на один час назад, чтобы быть ближе к местному времени. Да ещё о празднике напоминало только то, что каждый из членов экипажа, входя в столовую на завтрак, помимо «Приятного аппетита!», говорил еще «С Праздником»! А в остальном всё было как всегда. Нет у моряков выходных в море!

Сегодня моя очередь заступать на вахту. С 08.00 до 12.00 и с 20.00 до 24.00. Стоять вахту буду на мостике. Работы на стоянке у вахтенного мало. Сначала подшил истрепавшийся от ветра красный вымпел. Потом подмёл палубу на мостике и в штурманской. Отдраил с песочком раковину в туалете рядом с мостиком. Вот и вся работа. А потом меня забрал первый

помощник раскладывать газеты. Довольно нудное это занятие, но, что поделаешь, это моё общественное поручение. Провозился до обеда. После обеда, позволил себе ради праздничка вздремнуть до вечернего чая. Моряк спит – служба идёт! После вечернего чая опять взялся за газеты, и тут приходит радист Саша и протягивает мне радиограмму от родителей! Они поздравляют меня с праздником! А мы ничего пока передавать не можем, работаем только на приём. Обидно! Но мысленно и я поздравил всех с Первомаем, пожелал всем здоровья, счастья и радости!

Погода сегодня свежая! Сильный ветер. Он завывает в корабельных снастях, а мы болтаемся на якорь-цепи на рейде Делфзейла и довольно ощутимо раскачиваемся, когда судно встаёт носом к волне. А мимо нас, по правому борту, проходит небольшая яхта с двумя косыми парусами. Ох, и трудно ей приходится! Ветер кладёт её почти на бок, зарывается она носом в каждую волну, но упрямо идёт вперёд! Ничего не скажешь: отважные ребята на этой яхте! А тут пришёл боцман и сказал, что, возможно, простоим на рейде до вторника, так как сейчас в Голландии празднуют День рождения королевы. Празднество растянется почти на неделю. А сегодня ещё только пятница! Пять дней нам ещё болтаться! Тоска!

От берега мы стоим недалеко. Даже телевизор работает! Но тут опять незадача! Телевизор у нас советский, чёрно-белый «Горизонт». А звук в наших телевизорах принимается на других частотах. Поэтому мы смотрим телевизор как немое кино, без звука. А жаль! Показывают концерты каких-то ансамблей, видно, что музыканты здорово выкладываются, но мы ничего не слышим. Чувствуешь себя как глухой в Опере!

Ну, мне снова пора на вахту. Третий штурман послал меня включить клотиковые огни и спустить наш и голландский флаги. Ветер ещё больше усилился и старался вырвать фал из рук, но я с ним справился. Когда я был на баке, то моросил дождь, но закатное солнце впереди ещё светило. Я оглянулся и посмотрел на мостик. И тут я увидел радугу! Наш «Братск» стоял как раз под её дугой! Радуга начиналась из моря, где-то метрах в тридцати от левого борта, и уходила в море по правому борту. Мы как будто стояли под радужной аркой! Так близко радугу я ещё не видел! Чудесное зрелище! Потом солнце село, и радуга исчезла. Небо было затянуто тучами, ветер ещё больше усилился. Но тут опять случилось чудо! В разрыве облаков показались две звезды, одна яркая, большая, а вторая поменьше. Я сразу их узнал! Это были наши с Ирой звёзды! Вот так: всё небо в тучах, а наши звёзды – вот они! Значит, и Иринка помнит обо мне! Спросил у штурмана, что это за звёзды. Он сказал, что сейчас точно не скажет, но

скорее всего это Вега или Арктур. Потом я сменился с вахты, и первый день праздника для нас закончился.

LXXXV.

Когда стоишь на рейде в ожидании разрешения на вход в порт, то время тянется медленно. Каждый день ожидания похож один на другой как две капли воды. Одни и те же люди, одни и те же вахты, одни и те же новости, точнее их отсутствие. Всё на судне вроде бы крутится, все при деле, а в результате – бег на месте! Вот тут и понимаешь, что самое трудное – это ждать! Ждать, когда от тебя мало что зависит. Боцману приходится каждый день придумывать нам работу. Нам же – каждый день придумывать, как от этой работы «отмазаться», чтобы побольше времени оставалось на собственно саму нашу практику в радиорубке. Так как в помещении радиорубки с трудом могут развернуться только три человека, то только двое из нас, курсантов, могут находиться на вахте с начальником радиостанции или вторым радистом. Остальные просто физически не поместятся! Находиться в радиорубке без начальника радиостанции или радиста нам запрещено, так как они отвечают за все наши действия в этом помещении. Посторонним в радиорубку вход, вообще, запрещён! Капитан, старпом и первый помощник – вот те люди, которые могут находиться в радиорубке вместе с радистами. Мы, как практиканты, являемся исключением из этого правила, но и мы можем бывать здесь только в сопровождении лица, ответственного за нас. Устав службы на судах министерства морского флота СССР гласит:

… 465. Вахтенному радиооператору запрещается отлучаться из радиорубки и отвлекаться от своих прямых обязанностей, а также допускать в рубку посторонних лиц и членов экипажа без служебных надобностей.

В радиорубке разрешается находиться только капитану судна, старшему помощнику капитана и первому помощнику капитана. Вахтенный радиооператор может оставить радиорубку только с разрешения капитана или начальника судовой радиостанции.

Так что «живи по уставу – завоюешь честь и славу»! Говорят, что капитан покидает судно последним. Правильно! Но предпоследним его покидает радист, если только, вообще, покидает! Во всех приключенческих фильмах про моряков или

враги всегда хотят радиста убить первым, или свои же товарищи забрать его из радиорубки последним, когда он по колено в воде пытается передать сигнал бедствия! Вот такие издержки производственной деятельности! Такая вот, понимаете, «судовая интеллигенция», как любят называть на судне радиослужбу.

Курсант, как электроток, всегда идёт по пути наименьшего сопротивления. Поэтому каждый из нас решал проблему, как убить свободное время, в зависимости от личных желаний и возможностей. Если тебе, сменившемуся с вахты, не удавалось проникнуть в радиорубку, или очередь на игру в биллиард была непомерно большой, или при игре в настольный теннис был неосторожно раздавлен последний целлулоидный шарик, а просмотр кинофильма, который все уже посмотрели по 4 раза, не вызывает у тебя никакого желания посмотреть его в пятый раз, то ты всегда можешь залечь в свою коечку и погрузиться в объятия Морфея. Курсант спит – служба идёт! Это золотое правило всегда работало на 100 процентов! Особенно, когда знаешь, что тебе скоро надо будет заступать на «собачью вахту» – с 00.00 до 04.00 часов. И все кругом, кроме тебя и вахтенного штурмана, будут спать. А лично ты по распоряжению неугомонного боцмана будешь на ветру пытаться отодрать засохшую краску со стенок различных «кондеек», которые боцман собрал по всему судну, с намерением использовать их в дальнейшей покраске. И эта тупая и бесполезная работа будет средством занять тебя чем-то, что позволит сократить время ожидания входа в порт ещё на четыре часа. И так день за днём! Романтика!

И всё же вечером 4 мая, настал желанный миг! В половине десятого к нам подошёл лоцманский катер. Вдвоём с матросом мы спустили штормтрап с левого борта, и по нему лоцман перешёл на наше судно. Он очень похож на немца: высокий, худой, стрижка под «ёжик», волосы светлые. Глаза тоже. В чёрном форменном мундире и в белой фуражке с «крабом». Одновременно с этим корпус судна стал вибрировать, это заработала наша машина. Кажется, сейчас пойдём! Лоцман поднялся на мостик. Они с капитаном говорили по-английски, но, удивительное дело, я почти всё понял! Не зря всё-таки меня три года учили этому языку! Буфетчица принесла лоцману кофе на мостик. Тот выпил, а потом стал прохаживаться по мостику взад-вперёд, что-то насвистывая. Потом спросил у третьего штурмана про осадку судна, тот что-то подсчитал и ответил. Потом я пошёл будить следующего вахтенного матроса и сменился с вахты. Следующую вахту мне придётся нести у трапа, так как мы уже будем стоять у причала. А сейчас – спать!

LXXXVI.

Открываю я утром глаза – из иллюминатора видна акватория порта. Наконец-то мы стоим у причала! Порт совсем небольшой. К причалу одновременно могут встать только два судна. На причале два портовых крана. Двухэтажное кирпичное здание – здесь и Управление порта, и склады. Сразу же за портом начинается автомобильная дорога. За ней – шлюз. Дорога проходит через небольшой подъёмный мост. За нашей кормой, у стенки, стоит много-много катеров. Все такие маленькие и чистенькие, словно игрушечные! Здесь, на первый взгляд, всё игрушечное: дома, деревья, машины. Везде очень чисто! Наш «Братск» среди всей этой частоты кажется чумазым и обшарпанным. За автодорогой стоят двухэтажные современные коттеджи с голландскими флагами. Здесь, наверное, всё ещё празднуют День рождения королевы. Вокруг акватории порта зелёный травяной газон. На нём пасутся овцы! За коттеджами видна старинная ветряная мельница. Ну, точно, деревня! Утром был туман, пасмурно. К обеду пошёл дождь, прямо ливень! А потом выглянуло солнце! Сразу вокруг стало очень красиво! Здесь уже распускаются листочки на деревьях, даже черёмуха начинает цвести! Всё почему-то кажется очень знакомым. Опять верится и не верится, что мы за границей!

С утра начали погрузку. Как оказалось, грузим мы не пшеницу, а крахмал. На причал подъезжают машины с поддонами, на которых уже уложены в штабеля большие пакеты с крахмалом. Кран опускает поддоны нам в трюм. Грузят голландцы. Их на судне работает человек пятнадцать. Старые и молодые. Почти у всех светлые глаза и волосы. Работают слаженно, поэтому кажется, что погрузка идёт очень быстро. Сегодня двое наших курсантов уже пошли с судовым врачом и четвёртым помощником в увольнение в город. Вернуться – расспросим их обо всём. Грузиться мы будем долго. Одни говорят, что дней десять, другие – неделю. Так что ещё успеем прогуляться по голландской земле. А сейчас, мне пора на вахту.

Стою я у трапа. Смотрю, как голландцы загружают наше судно. А тут вижу: подъезжает к трапу какой-то долговязый парень на велосипеде. Моего примерно возраста. Послонялся он по причалу, поболтал с грузчиками, которые были на берегу, а потом стал подниматься по трапу к нам на борт. Ну, я его спрашиваю по-английски: “What do you wont?” (Что вы хотите?). А он мне отвечает на ломаном русском: «Привет! Как поживаешь?» На этом, кажется, его словарный запас русского

языка и заканчивался. Ну, я ему по-английски отвечаю, что хорошо живу, спасибо! В общем, парень пришёл поболтать. Стоим мы с радистом Сашей на борту у трапа, а парень тем временем уже поднялся к нам. И, когда он ступил на палубу, мы с Сашей понимаем, что он очень высокий, метра под два ростом! Я ему до подмышек еле достаю! А он улыбается во весь рот и уже по-английски спрашивает, есть ли у нас почтовые марки и олимпийские рубли. Ничего этого у нас с Сашей не было. А парень достаёт из кармана пачку фотооткрыток и протягивает нам по одной. На открытках виды городка с высоты птичьего полёта. «Это Делфзейл?» – спрашиваем. Он радостно кивает: «Да, да! Делфзейл!» А потом спрашивает нас, у других матросов есть ли марки? Мы говорим, что не знаем. Он попросил разрешения пройтись по судну, спросить у других моряков. Поскольку по трапу на борт то и дело поднимались и спускались грузчики, мы не стали препятствовать ему в этой небольшой экскурсии. Саша пошёл с ним по судну. С непривычки этот долговязый парень трахнулся головой о верхнюю переборку. Ну, и жердина! Я до этой переборки и рукой достать не могу, а он головой её задевает! Побродив по судну, парень, довольный, вернулся к трапу. Ребята подарили ему щипчики для ногтей с олимпийской символикой – он был на вершине счастья!

Потом пришли из города наши ребята. Принесли с собой большой деревянный башмак. Его им какой-то старичок голландский подарил, когда узнал, что они из России. Он в войну был антифашистом и к русским относился очень хорошо. В башмаке была насыпана земля и рос цветок. Вот он и подарил его ребятам на память, в знак российско-голландской дружбы! Ребята рассказали, что в городе есть всё, но очень дорого! Завтра моя очередь идти в увольнение. Посмотрю, что это за город такой, Делфзейл!

LXXXVII.

Ну, вот мы и на берегу! Можно сказать, что я впервые ступил на заграничную землю!

Голландия встречала нас солнечной погодой, жизнерадостными улыбками местного населения и радужными перспективами предстоящих покупок! Наша группа из трёх человек: судового доктора (старшего группы), матроса и меня – после обеда направилась в увольнение в город. Город был преимущественно двухэтажным. На первом этаже каждого дома размещался магазин, а вторые этажи были жилыми. Там, вероятнее всего, и проживали хозяева этих магазинов. Витрины в

каждом магазине большие, от этого в помещениях очень светло. Товаров любых – море! Некоторые товары выставлены на специальных лотках и корзинах на улице, перед входом в магазин. Выбирай, что нравится, а потом иди внутрь и оплачивай свою покупку. Чистота везде и порядок! Мостовая выложена камнем. Приятно пройтись по заграница!

На судне нам выдали полагающиеся нам деньги в местной валюте – гульденах. У меня оказалось 31 гульден 25 центов. Распихал я эту «кучу» денег по карманам, ну, думаю, вперёд – за джинсами! Джинсов оказалось полно. Продаются они в фирменных магазинах, всех фирм и размеров. Но цена у них такая, что мне и на одну брючину не хватает. Доктор сказал, что есть ещё магазины «секонд-хенд», где можно купить сравнительно неплохие вещи дешевле. Мы зашли в такой магазин, хотя там и были джинсы по цене 10 гульденов, но не было моего размера. Доктор повёл нас на городскую ярмарку, там всё должно было быть ещё дешевле! Ярмарка располагалась на центральной площади, как раз там, где стояла мельница. Чего тут только не было! Начиная от собачьих консервов и заканчивая газонокосилками. Джинсы тоже были, по пять гульденов! Но все маломерки, на меня ничего не подошло. Доктор с матросом копались в грудах разных шмоток, набрали себе много чего по дешёвке.

Делфзейл. Голландия.

Ярмарка была сегодня последний день, и другой такой возможности отовариться больше не предвиделось. На судно мы вернулись так: впереди доктор и матрос с охапками пакетов с покупками, а я позади налегке, с тридцатью одним гульденом и мелочью в кармане и фотоаппаратом в руке. Ну, что же, буду дальше копить деньги на осуществление заветной мечты. А пока надо собираться на вахту.

Чтобы на вахте мне не было скучно, боцман опять поручил мне красить трап, теперь уже шаровой краской. Взял я кисточку и только начал покраску, как вижу: идёт к нам наш вчерашний знакомый – долговязый парень. Улыбается во весь рот! Ну, думаю, опять чего-нибудь клянчить будет. И, не дожидаясь, решил «бить его первым его же оружием»!

«Привет! – говорю по-английски. – Как поживаешь?» Он мне тоже, только на ломаном русском: «Привет! Как поживаешь?» «Very good!» – говорю. Так, слово за слово, поболтали мы с ним. Я спросил, как его зовут. Он в ответ выдал что-то такое длинное, что я не запомнил. «Ну, – говорю, – ты даёшь! А покороче как-нибудь?» В конце концов сошлись на том, что его можно называть просто Рон. А меня он окрестил Володей. Ну, Володя так Володя! Расспросил я его, как мог, кто он, чем занимается. Оказалось, ему тоже 20 лет, как и мне. Живёт он с матерью, учиться уже закончил. Не работает. С работой трудно. Выменивает всякую всячину у моряков, тем и живёт. Ищет Олимпийские рубли, у всех спрашивает: «Олимпик рубл? Олимпик рубл?» Подошёл наш замполит, дал ему пачку открыток о Ленинграде. Рон вроде бы успокоился, а, поняв, что больше ему ничего «не обломится», сел на свой велосипед и уехал. А я продолжал красить трап. Доступ в порт здесь свободный, и часто вдоль причала медленно проезжают легковые автомобили – рассматривают нас голландцы, как зверей в зоопарке. Ну, а мы на них смотрим. Они от скуки катаются, а нам скучать некогда: к концу вахты надо мою часть трапа докрасить.

Заступаю я, значит, утром на вахту. День солнечный, тепло. Красота, одним словом!

На нашем кормовом флагштоке развивается наш родной Советский красный флаг, а на гафеле – трёхцветный голландский. Это означает, что мы стоим в голландском порту и флаг – это дань уважения к той стране, в которой мы находимся. А трап, который ведёт с берега на наше судно, – это как бы проход на

территорию нашей Страны. Так вот, боцман решил этот официальный проход покрасить для подъёма престижа Страны. Сказано – сделано! Вахтенные матросы с нолей до восьми утра по очереди красили трап (так же, как и я вчера), и к утру всё было готово! И только я в восемь часов заступил на вахту, как прибегает боцман и чуть ли не рвёт на голове волосы: краска-то не нитро, а обычная! И сохнет она, о-о-х, как долго! А тут в девять придут голландцы на погрузку, начнут подниматься по трапу и влипнут в свежую краску, как мухи! И где тогда будет престиж нашей Страны? Во-о-от! Как раз в том месте, куда бы переместился боцман, чтобы на том месте продолжить вырывать волосы, закончив рвать их на своей голове! Но боцман не хотел становиться лысым, а приволок канистру с растворителем, кучу тряпок, и стал я в спешном порядке оттирать свежевыкрашенные поручни трапа от только что нанесённой краски! Пришлось попыхтеть, но к приходу голландцев всё было сделано! И волосы на голове (а может быть, и ещё кое-где на теле боцмана) были спасены!

LXXXVIII.

А работяги-голландцы не сачкуют, грузят нас в хорошем темпе, без задержек. То и дело к нашему борту подъезжают грузовики с фургонами, в которых на поддонах сложены штабеля мешков с крахмалом. Дизельные погрузчики быстро разгружают эти поддоны на причал, а потом их краном загружают нам в трюмы. Тягачи у грузовиков выглядят очень живописно. Каждый водитель – владелец собственного грузовика, и украшает своё транспортное средство по своему вкусу. Машины все разных марок: Ford, Scania, Volvo. Кабины у всех разноцветные, украшены всевозможными надписями и изображениями. На дверях обычно написаны имя и фамилия владельца, город и телефон. На радиаторе присутствует голландский флаг или два перекрещенных голландских флага. На крыше впереди тоже написаны имя и фамилия владельца, да ещё там размещают какие-нибудь смешные фигурки в виде кукол. У одного грузовика на крыше сидят два поварёнка с ложками, у другого – утята, у третьего – пара белых надутых человечков, рекламирующих шины «Мишлен». А один из водителей прикрутил на радиатор пластикового рыцаря. В общем, выездная выставка народного творчества на колёсах! В каждой кабине телевизор и оборудованное спальное место. Этакий дом на колёсах получается! Мы уже наполовину загружены. Если так будет продолжаться и дальше, то мы скоро уйдём домой. Скорее бы

уже. Торчать по четыре часа у трапа уже опротивело! Стоишь чучелом и изнываешь от безделья. Даже у боцмана уже закончилась фантазия придумывать нам работу! Вот, опять припёрся долговязый Рон. Привёз какой-то замусоленный болгарский вымпел и долго у всех расспрашивал, что на нём написано. Так никто ему ничего и не сказал. Надоел он всем уже. Шёл бы уже искать работу, орясина, а не болтался тут по чужим судам! Скорее бы вахта закончилась, мы с Юркой собрались в город сходить. Но день, видимо, не задался. Пошли мы с Юрой после обеда к замполиту, мол, в город хотим прогуляться в свободное от вахты время. А он нам: «Вы сегодня не пойдёте – нет старших группы. И, вообще, вы каждый день в город ходите!» Ну, мы с Юркой, конечно, вскипели благородный негодованием! Это мы-то каждый день ходим? Я лично и был-то в городе всего один только раз! Но против начальства не попрёшь! И завалился я с горя спать. Проспал до ужина, а потом опять заступил на вахту.

Стою я, значит, трап охраняю. Тут подъезжает легковая машина, из неё вышел какой-то тип, поднялся по трапу на борт и на чистом русском языке попросил позвать вахтенного офицера. Нажал я звоночек, а тут вместо вахтенного помощника дружно выбегают капитан и помпей. Видно, они знали друг друга, потому что руки жали как старые знакомые. Оказалось, что этот тип – капитан-наставник. Для меня это звание ничего не значило, поэтому и не впечатлило. А наш капитан меня подзывает, поручает мне забрать из машины и перенести в пассажирскую каюту два огромных ковра. Таскаю я ковры и думаю про себя: «Начальству даже в город ходить не нужно, и так всё доставят прямо на борт! А нас и прогуляться не пускают. Ну, да ладно, чего мы в этой деревне не видели. Без денег и один раз там побывать достаточно». А тем временем потихонечку начался отлив и наше судно намного опустилось относительно причала. Трап нам пришлось убрать совсем, а вместо него поставить деревянные сходни. Да, значительные здесь перепады между приливами и отливами. Недаром Голландию ещё называют Нидерланды (низкие земли). Не будь тут дамб, которые защищают страну от приливов, тут бы всё плавало. А так, пожалуйста, живут же себе на отвоёванных у моря землях и неплохо живут! Ну вот, и моя вахта заканчивается. Наступает 9 Мая! С Днём Победы вас!

LXXXIX.

«Этот День Победы порохом пропах! Это праздник …!» – эти строчки из знаменитой песни, которая так хорошо отражает

отношение всех советских людей к этому великому дню. А для нас этот праздничный день – всего лишь один из рабочих дней. Экипаж «Братска» продолжал исполнять свои служебные обязанности и трудился совершенно так же, как и в обычные дни. Чего не скажешь о голландцах! Они в этот день не работают, видно, тоже отмечают Победу над фашизмом! День выдался тёплый, солнечный. Почти лето! Хорошо в такой день отдыхать! Мы с ребятами вышли на корму, чтобы сфотографироваться на фоне иностранного судна, стоящего рядом с нами. Кормового флага судна не видно, поэтому нам трудно судить о его принадлежности к какой-либо стране. Хорошо-то как! Солнышко пригревает, вода за бортом плещется. Мы решили немного продлить минуты отдыха и задержаться на кормовой палубе, пока нас не нашёл настырный боцман. Я принёс из каюты гитару, и мы спели «День Победы». Получилось здорово!

Ребята обнаружили в ящике на корме две шестнадцатикилограммовые гири, и мы размялись в своё удовольствие, устроив по флотской традиции небольшой спортивный праздник. Погода была шикарная! После обеда, в «Адмиральский час», нам удалось даже позагорать! Вечером ребята собирались сходить в город, а мне надо было заступать на вахту.

День продолжал оставаться для меня приятным вплоть до самого ужина. А после ужина вдруг произошла небольшая стычка между боцманом и мной. Едва я успел расправиться в столовой с огромной половинкой праздничной жареной курицы и взять повязку вахтенного у подменявшего меня Серёги, как, брызжа слюной и багровея от злости, ко мне подлетел боцман с намерением вылить на меня всё содержимое своей возмущённой души! Его, оказывается, только что пропесочил капитан за то, что трап перекосился, поскольку начался отлив. Видно, здорово ему досталось от кэпа, и он решил сорвать злость на мне. «Почему у тебя трап перекошен?!!» – орёт, аж пена изо рта! Я ему так спокойно говорю:

– Чего вы орёте? Я только что пришёл.

– Ты на вахте!

– Да, я на вахте, но когда я уходил, всё же было нормально. А пришёл я только что.

Всё это я ему говорил, уже подтягивая лебёдкой трап. А он мне:

– Ты у меня договоришься! Ишь, детский сад здесь развели! – и т.д. и т.п.

Короче, чувствую, разговор переходит на личности. Ну, я ему со всей учтивостью, говорю, что не стоит поливать грязью друг друга, что я могу послать его ещё похлеще, чем он меня, и что "давайте, товарищ боцман, не будем …!»

Боцмана, видно, моё спокойствие убило. Он страшно обиделся и, как маленький, пошёл жаловаться на меня старпому. И что же вы думаете? Привёл!

Ну, старпом, видимо, был умнее боцмана. Мы с ним очень достойно, без нервотрёпки, поговорили, прекрасно поняли друг друга, и дело закончили мирным путём. Но боцман, мне кажется, ещё долго собирался на меня дуться. Потом я сменился с вахты, и День Победы окончился для меня без приключений.

XC.

Утром я опять заступил на вахту. До обеда воевал с трапом. Здесь очень большие приливы и отливы. Мы два раза в сутки поднимаемся и опускаемся на два метра. Вот и приходится то парадный трап подтягивать, то совсем его убирать и ставить сходни. Веселуха, одним словом! А солнце припекает! Ребята даже загорали после обеда. Они слышали по радио, что в Ленинграде сегодня +25 градусов! Да и здесь почти такая же температура. Всё цветёт, деревья уже зелёные, и тюльпаны распускаются! Вот, действительно, Голландия – страна тюльпанов! И тут к нам на борт поднимаются два парня в спортивных костюмах. Ну, я к ним обращаюсь по-английски, чего вам, мол, ребята, надо? А они мне по-русски: «Здравствуй, товарищ!» Оказались – поляки, с соседнего парохода. Пришли пригласить нас сыграть в футбол! Вахтенный помощник сказал им, что мы можем сыграть с ними только вечером, так как сегодня рабочий день до 15.00. Согласовали мы всё это предстоящее спортивное мероприятие с первым помощником, и потом уже наша делегация, состоящая из второго и третьего штурманов, пошла к полякам договариваться об игре. Заодно обменялись с ними фильмами, чтобы вечером их посмотреть, а утром – вернуть.

Начало игры назначили на 18.30. Замполит выдал нам спортивную форму: футбольные трусы, майки и бутсы. Ну, просто смех, а не форма! Футболки оказались всем коротки, почти весь живот оставался голым. А трусы такие, что у нас их называли «50 лет Советскому футболу!» Повезло нам только с бутсами. Замполит расщедрился и выдал нам несколько новых пар. К назначенному времени мы отправились на поле. Шли пешком. До поля было недалеко, минут десять ходьбы по дорожке вдоль

берега моря. По обеим сторонам дорожки были зелёные газоны, на которых свободно, как на пляже, загорали голландцы. Это, похоже, была зона отдыха, отделённая вместе с парком от остального пространства решётчатым забором с калиткой. А за забором уже мирно паслись местные овцы. Идиллия! Вот только всё поле было усеяно овечьими «плюшками». Не здесь же мы будем играть?! Слава Богу, нет, не здесь! Впереди, за деревьями уже было видно игровое поле. Оно оказалось не футбольным, а для регби. Но нас и такое устраивало! На поле уже разминались поляки. Ох, и дылды же собрались с нами играть! Все высоченные, здоровые, как кони! На их фоне мы выглядели довольно мелковато. Ну, отступать некуда!

Переоделись мы в нашу смехотворную форму и игра началась!

Договорились играть два тайма по 40 минут. Сначала мы поляков здорово прижали к их воротам. Они, хоть и высоченные, но играют не лучше нас. Я бы сказал, мы их поначалу давили своей игрой! Мы даже сумели открыть счёт, забив первый мяч в их ворота. Но потом поляки освоились и пошли в контратаку. Вратарь у нас был просто анекдот! Здоровенный детина, моторист Валера. На воротах он никогда в жизни не стоял, но ради такого случая встал. Два мяча в наши ворота прокатились у него буквально под ногой. После чего мы сказали ему, что, поскольку он вратарь, может брать мяч руками. Обрадовался он или удивился, понять было трудно, так как мы устремились к воротам противника. И тут мне удалось забить полякам два мяча подряд! Дело было так.

Первый гол был забит мною довольно смешно! Я прорвался с мячом к их воротам и ударил. Удар не получился, и мяч попал как раз между двумя поляками, а они уже сами затолкали его в свои ворота! Зато второй гол получился красивым! Я опять вышел к воротам команды соперника, но позиция была неудобной: я находился у края поля. И навстречу мне бежал уже польский защитник, на две головы выше меня. Бодаться с ним у меня не было никакого желания. Ну, думаю, не пропадать же атаке, будь что будет! И ударил по мячу изо всех сил! Мяч взвился в воздух, как пушечное ядро! Сначала я подумал, что он перелетит верхнюю штангу ворот, но он опустился ниже и попал точно в «девятку»! Польский вратарь только и сумел сделать, что выругаться по-польски! Вообще, в пылу нашего спортивного сражения мы не стеснялись в оценках действий своих и чужих и применяли короткие, но весьма эмоциональные общеизвестные выражения русского нелитературного языка! Поляки ничем не отличались от нас в выражении своих эмоций и кричали друг

другу то же самое, но только на своём родном языке! Ни те, ни другие выражения нисколько не смущали наших и чужих болельщиков, среди которых были и женщины (буфетчицы и уборщицы), пришедшие поддержать игру своих команд. На перерыв мы ушли со счётом 3:3.

После перерыва поляки стали «жилить»: толкали наших игроков, ставили подножки; но мы не поддавались на провокации, а продолжали атаковать, так как судья не останавливал матч. Но стоило нашему игроку задеть поляка, как тот падал на траву «в страшных муках», пытаясь довести дело до штрафного удара. Мы опять «дали им прикурить»! Они огрызались, и мячи продолжали влетать в наши и в их ворота. Один наш мяч в их ворота всё же не засчитали, и встреча закончилась со счётом 5:5. Опять победила Дружба! На судно мы возвращались в приподнятом настроении, хотя наши прокуренные и пропитые матросики изрядно выдохлись. Наш ждал вечерний чай и просмотр фильма с польского судна. Фильм был на английском языке, производства США 1977 года и назывался «Saturday Night Fever/Лихорадка субботнего вечера», с молодым тогда ещё Джоном Траволта в главной роли. Фильм был музыкальным и красочным, поэтому знание английского языка не особо и требовалось. Под музыку «Би Джиз» мы славно провели вечер этого трудного дня, а потом пошли с ребятами в душ смывать с себя пот и грязь нашего спортивного сражения. Завтра нас, вероятно, загрузят окончательно, и мы отправимся домой. Скорее бы уже!

XCI.

Сегодня понедельник. Вероятность нашего отхода так и не сработала. Нас медленно, но верно продолжают загружать. Осталось совсем немного. Мы же, стараясь использовать последнюю возможность посетить берег, записались с Юрой Вихровым у старпома на увольнение в город. Договорились с радистом Сашей, что он нас поведёт как старший группы. Но тут нас перехватил начальник радиостанции и слегка «пропесочил» за то, что мы уже неделю не появляемся в радиорубке. Мы покаялись и клятвенно обещали исправиться. После чего помогли Саше принять карту погоды на факсимильном аппарате и с чувством выполненного долга отправились к замполиту за разрешением убыть в город. А замполит, оказывается, уже всех перетасовал и старшим в нашей «тройке» назначил четвёртого помощника. Хорошо, что хоть мы с Юрчиком оказались вместе! А день выдался яркий, солнечный! Побродили по городу.

Неожиданно в большом супермаркете наткнулись на распродажу солнечных очков! Долго выбирали и приценивались. Мне повезло! Нашёл очки-пилоты, зеркальные, со стёклами, а не с пластмасской. Четвёртый помощник аж губу закусил, когда понял, что за 10 гульденов я держу в руках настоящие «пилоты». А когда я их вернул на стенд, чтобы померить другие, то он в них вцепился и уже больше из рук не выпускал. На моё счастье, тут было ещё две пары таких же очков, и из магазина мы все уже вышли в фирменных «пилотах»! Так состоялась моя первая покупка за границей! К слову сказать, эти очки сохранились у меня до сих пор! Сколько раз мне предлагали их продать, но я с ними так и не расстался. Со временем оправа у них несколько расшаталась, и приходится подкручивать винты, но они всё ещё «живы». Мой друг даже снимался меня в них в музыкальном клипе на киностудии «Ленфильм», когда я исполнял свою песню «Ледокольная». Но это уже совершенно другая история!

XCII.

Всё! Сегодня мы покидаем Голландию и уходим из Делфзейла. Голландцы заканчивают погрузку в нашем последнем трюме, и настроение у нас «чемоданное». После обеда мы пошли в радиорубку «замаливать грехи» перед начальником радиостанции. Он принимал карту погоды, а нам поручил разматывать рулон бумаги для телетайпного аппарата. Бумага была намотана в три слоя: три слоя обычной бумаги, а между ними копировальная. Поскольку печатать под копирку обычно на телетайпе нечего, то в целях экономии бумаги нам предстояло сделать из одного рулона бумаги с копиркой три рулона обычной бумаги без копирки. Задача нетрудная, но требует сноровки. К нам на помощь пришёл потом радист Саша, и мы, чтобы совместить приятное с полезным, вышли на крыло мостика, где, загорая под щедрым голландским солнцем, перемотали ещё два рулона бумаги, обеспечив работу телетайпа на два рейса вперёд! Начальник радиостанции был счастлив, и мы были им прощены!

Вечером, в половине шестого, погрузка была закончена. Наш «Братск» ощутимо кренился на правый борт. Даже, когда буксиры оттащили нас от причала, крен остался, и, чтобы перейти на другой борт, приходилось подниматься по палубе, как в горку. Загрузка у нас была полная, под ватерлинию. Когда балластом мы выровняли крен, то ходить по палубе стало легче. А буксир тащил нас прочь из порта. Уже далеко позади остался причал, где мы стояли. Прошли мимо польского судна, с экипажем которого мы играли в футбол. Помахали им на прощание. Буксир протащил

нас вниз по реке до выхода в море, «ухнул», прощаясь, и вернулся в порт. А мы пошли своим ходом. Нас начало болтать с борта на борт. Мы медленно, как тюлень, переваливались с одного борта на другой. В десять вечера мы подошли к границе территориальных вод Голландии. Лоцман перешёл на лоцманское судно, а мы медленно, но верно пошли в Ленинград. Домой, домой! Говорят, что придём в воскресенье. Дай Бог, чтобы было так!

На следующий день мы стали ещё на 300 миль ближе к дому. С утра начали приводить наше судно в порядок. Нам предстояло скатывать палубу из брандспойтов, а потом мыть щётками наружные переборки первой и второй надстроек. Погода была свежая. Волна слегка расходилась, и нас то и дело обдавало фонтаном солёных брызг. Так мы попробовали, какова на вкус вода в здешних морях! Хорошо, что оделись мы подобающим образом. На мне были литые противоипритные резиновые штаны с лямками, непромокаемая дерматиновая куртка и рыбацкая жёлтая кожаная зюйдвестка. На руках толстые резиновые перчатки, которыми я держал пожарный брандспойт. Ни дать ни взять – морской волк! Когда боцман увёл Серёгу в среднюю часть судна, а я остался смывать палубу в одиночестве, то море решило со мной познакомиться лично. Я стоял спиной к борту, и тут на меня обрушился поток воды. Он ощутимо прошёлся по моей спине, причём удар был точным: ни справа, ни слева никаких других волн не было! Да и сами волны были не такими уж и большими, чтобы перекатываться через борт. Было полное ощущение, что кто-то живой по-приятельски хлопнул меня по спине, приветствуя как друга! Чувство было настолько реальным, что я оглянулся, ожидая увидеть Серёгу, который приложил меня в спину струёй из своего брандспойта. Но сзади никого не было! Я всё понял и посмотрел на море. Вспененные морские валы размеренно катились навстречу, лизали борта нашего судна и с шипением уносились за корму, а ветер срывал с них клочья морской пены и бросал их мне в лицо. «Ну, здравствуй, море! – сказал я бескрайней водной стихии. – Я тоже рад тебя приветствовать!»

XCIII.

После вечернего чая весь экипаж собрали в столовой команды. Всем раздали батарейки с лампочками для спасательных жилетов. Батарейки работают от морской воды. Когда через специальные отверстия вода попадает внутрь корпуса такой батарейки, то происходит химическая реакция и лампочка

начинает светиться. Нас всех распределили по тревожному расписанию, показали, где что лежит на случай аварии или пожара. Завтра объявят учебную тревогу. А пока мы идём вдоль датского берега. В Датских проливах будем, скорее всего, ночью. Жаль. Хотелось бы увидеть Замок Гамлета при дневном свете.

С ноля часов переходим на московское время. По радио сообщают, что в Ленинграде прекрасная погода и что на рейде Ленинграда стоят около двадцати судов в ожидании выгрузки. Обидно будет простоять неизвестно сколько на рейде, когда до родного города рукой подать! Ну, да там видно будет.

Предпоследний день нашего плавания выдался солнечным и тёплым. На море полный штиль. Волны расходятся только от нашего судна. Горизонта не видно, он закрыт туманной дымкой. Получается, за весь рейс нас даже и не качало серьёзно! Только покачивало иногда. До обеда мы с Серёгой выкрасили душевую, и боцман никакой другой работы для нас так и не смог придумать! После обеда мы пошли в радиорубку, но начальник радиостанции печатал какие-то отчёты и предложил нам «погулять», чтобы мы ему не мешали. От нечего делать мы достали из ящика на корме гири и «поразмяли свои косточки». Ветерок был несильный, но прохладный. Поэтому мы зашли за надстройку, где ветра не было, и загорали в своё удовольствие часа полтора. Красота!

А после вечернего чая была объявлена общесудовая тревога. Сначала пожарная. По громкой связи объявили, что очаг возгорания находится в плотницкой. Наш пожарный расчёт побежал туда «тушить». Мы размотали пожарные рукава, а я притащил огнетушитель. Условный пожар был успешно потушен!

Потом, сразу же за пожарной, была объявлена водяная тревога. Мы стали заводить «пластырь» на воображаемую пробоину в районе 125-го шпангоута, находящуюся на два метра ниже ватерлинии. Тут все долго суетились, бегали, но в конце концов завели. Уф!

А на «сладкое» нам была объявлена шлюпочная тревога! Все бросились к шлюпкам. Кое-как спустили их на воду. Стали садиться в них. И тут вышла заминка: оборвался штормтрап, который вывалили за борт. Хорошо ещё, что по нему никто не спускался! Притащили новый. А время-то тикает! С грехом пополам отошли от борта. Тут выяснилось, что грести вёслами умеют только двое: я и матрос Юра. Мы сидели загребными, а остальные пыхтели за нашими спинами и бестолково шлёпали вёслами по воде или топили их, зарывая лопасти в воду. Пришлось провести разъяснительную работу, и дело сдвинулось с мёртвой точки! Прошли мы два круга вокруг нашего «Братска».

Оказалось, что в спасательном жилете грести очень неудобно. А наш «Братск» с воды очень даже неплохо выглядит! Заодно уточнили осадку по носу и по корме. Потом подошли к борту и поднялись по штормтрапу. Подняли шлюпки. А потом ещё полчаса собирали разбросанное повсюду во время тревог снаряжение.

В заключение этих учений, капитан собрал весь экипаж в столовой команды и сделал замечания по тревогам. Из его слов получалось, что мы и сгорели, и утонули! Так что делайте выводы! Ну, что же, на то они и учебные тревоги! Будем дальше тренироваться. А пока нас ждал ужин и просмотр очередного фильма.

XCIV.

Вот мы почти и дома! Говорю «почти», потому что мы стоим на рейде Ленинграда в компании ещё четырнадцати судов, которых тоже не пускают в порт. В нескольких милях от нас виден Кронштадт. Душой мы все уже находимся в Ленинграде, а наши бренные тела всё ещё болтаются тут, на дальнем рейде. Сегодня моя очередь отрабатывать восемь часов на вахте. Затейник-боцман придумал для меня работу – резать на кусочки прогнивший штормтрап, тот самый, который вчера оборвался во время учений. Работа скучная и однообразная, но мои руки делали её автоматически, а сам я был уже не здесь, а в мыслях вместе с моей Иринкой. Три недели я ничего не знал о ней. Только вчера удалось отправить ей радиограмму, что мы приходим. И вот торчим здесь, на солнышке, и ждём команды на заход в порт. И если спросить любого из нас: «Какое сейчас твоё самое заветное желание?» Ответ у всех будет один и тот же: «Хочу оказаться дома!» Вот ведь как устроен человек: мы так рвались в море, мечтали о нём, а теперь нам хочется домой и только домой! Время тянется как резина, и даже когда солнышко скрывается за горизонтом и мы засыпаем с единственной надеждой, что завтра всё изменится, время продолжает топтаться на месте.

Утро следующего дня не приносит никаких изменений в нашу жизнь. Единственное утешение, что телевизор теперь показывает со звуком. Но до вечера ещё далеко, а дневные передачи о грандиозных стройках в Сибири и вести с полей уже успели нам осточертеть! Настроение отсутствует! Осталась одна тоска. Мы болтаемся, как привязанные (в прямом смысле этого слова) на якорь-цепи, и ждём новостей из порта. Вот второй штурман сообщает нам, что на сегодня в плане разгрузки порта нас нет и что до 16.00 завтрашнего дня мы «железно» проторчим

здесь. Таким образом, мы являем собой картину художника Репина «Приплыли» и начинаем читать роман писателя Чернышевского «Что делать?» На этот риторический вопрос у нашего боцмана всегда найдётся для нас ответ. Но любая, даже самая тяжёлая и грязная работа, не способна отвлечь мои мысли от моей любимой. Крепись, моряк! Это только начало твоей морской жизни. Даже не начало, а так, репетиция. Это твоё первое плавание. И таких рейсов впереди будет столько, что ты в дальнейшем, не будешь их считать. Их надо просто прожить, так что наберись терпения и жди. Недаром говорят: «Ждать и догонять – это самое трудное!» Догонять тебе ещё придётся всё, что ты не успел сделать на берегу. А сейчас – ждать, ждать, ждать …

Вот и подходит к концу наше плавание! Сегодня в 12.00 мы снялись с якоря и малым ходом идём в порт. Наконец-то сегодня я увижу тебя, Иринка! Скоро, очень скоро мы будем вместе! Вот уже проходим Кронштадт. Идём мимо грозных фортов, мимо подводных лодок, стоящих в базе, мимо Кронштадтских маяков. Впереди – Ленинград! Иринка, остались считанные часы до нашей встречи! И теперь уже не на бумаге, а я сам, лично, расскажу тебе о нашем плавании. До скорой встречи, дорогая моя! Я иду к тебе! Здравствуй!

XCV.

Мы с Саней сидели на раскачивающихся обрезках досок, из которых были сделаны «люльки», подвешенные с правого борта передней надстройки, и, пристегнувшись карабинами страховочных поясов к удерживающим «люльки» канатам, отбивали молотками старую краску с внешней переборки ходовой рубки. Слоёв краски было много. Мы могли наблюдать под нашими ударами всю историю покраски нашего «Братска» с момента его спуска на воду! Слои краски разлетались разноцветными сухими брызгами во все стороны, щедро осыпая нас с ног до головы. Защитные очки предохраняли наши глаза, но всё остальное на нас было густо покрыто разноцветной пылью. Шёл четвёртый день нашей стоянки в Ленинградском порту. Нас продолжали выгружать, а неутомимый боцман вознамерился занять палубную команду подготовкой к покраске судна. Вчера старпом сказал нам, что после разгрузки нас опять отправят в ремонт, так как в судовом двигателе обнаружены достаточно серьёзные неисправности. Наша перспектива снова выйти в море становилась всё более отдалённой. Второй день мы долбили эту

чёртову краску, и утешало лишь то, что в 17.00 мы будем опять свободны до 08.00 следующего утра. А это значило, что я опять увижусь с Иринкой, и мы снова будем вместе! У неё начинались выпускные экзамены, и решался вопрос о её дальнейшем распределении как молодого специалиста. Наше будущее на тот момент было туманным, но мы точно знали, что дальше жить друг без друга не сможем!

Перед обедом мы с ребятами устроили небольшой «военный совет». Перспектива провести на берегу значительную часть нашей плавпрактики, толком так и не увидев «заграницу» и не купив вожделенные джинсы, нас совсем не устраивала. Было решено отправиться в отдел кадров пароходства с требованием перевести нас на суда, которые выходили в море, так как на берегу проходить радистам плавательную практику невозможно! «В виду того, что судовая радиостанция в порту не работает, изучение действующей радиоаппаратуры и приобретение практических навыков работы в соответствии с планом прохождения плавательной практики для нас не представляется возможным» – этот аргумент был нашим главным козырем! Поговорив с начальником радиостанции, а потом и со старпомом, мы укрепились в нашем решении и после обеда отправились навстречу своей судьбе.

В Отделе кадров пароходства удивились нашей настырности, но отнеслись с пониманием и велели прийти всем завтра утром. Окрылённые надеждой, мы известили старпома о распоряжении отдела кадров. Старпому жаль было терять дармовую рабочую силу. Он вяло пытался повлиять на нас, чтобы мы передумали, но, увидев нашу решимость, плюнул и отпустил.

Вечером я рассказал Ирине, что впереди меня ждёт новое назначение. Она ответила, что очень рада за меня, но немного волнуется перед сдачей выпускных экзаменов. Я обнял её и успокоил, сказав, что всё у неё получится! Так, окрылённые радужными надеждами, мы гуляли, обнявшись, по вечернему Ленинграду и верили, что всё у нас будет хорошо.

XCVI.

В 09.00 мы с ребятами уже были в Отделе кадров. Курирующий нас инспектор сказал, что сейчас в порту мало судов, куда нас можно было бы определить. Всех вместе разместить нас на одном судне нереально. Поэтому каждого из нас будут распределять по судам в индивидуальном порядке. Таким образом, наша групповая практика переходила в разряд индивидуальной для каждого из нас. В течение дня нас развели

по инспекторам отдела кадров, каждый из которых занимался определённой группой судов. В моём случае это была группа лесовозов. После ряда всяческих согласований инспектор сообщил мне, что самое ближайшее судно, куда меня можно направить, через три дня прибывает в Калининград. Поэтому «бери ноги в руки, получай деньги на проезд до Калининграда и дуй в железнодорожные кассы за билетом!» Повторять второй раз мне было не нужно. Я сорвался с места и вечером уже прощался с Иринкой, имея на руках билет в купе поезда Ленинград – Калининград. Отправляться в путь надо было уже завтра, поэтому этот вечер был для нас особенно грустным. Мы провели его, обнявшись, бродя по хорошо знакомым нам маршрутам Петроградской стороны. Две наших звёздочки в небе смотрели сверху на наше прощание. Мы пожелали друг другу удачи и нашей скорейшей встречи снова. Мы опять расставались, но впереди нас ждало наше светлое будущее!

Следующую ночь я провёл уже в купе поезда, который вёз меня в город, где я ещё ни разу не был – Калининград! Лёжа на второй полке, я смотрел на пробегающие мимо меня деревья, дороги и населённые пункты и думал о том, что меня ждало впереди. Но, поскольку мне было известно лишь только название судна – «Ижоралес», и то, что оно гораздо меньше «Братска», мысли были совсем короткие, как у Винни Пуха, и всякий раз я ловил себя на том, что опять думаю об Иринке! А потом даже видел её, но это было уже во сне. Две звёздочки за вагонным окном светили всю ночь и дарили мне счастливые сны.

XCVII.

Калининград встретил меня тёплой погодой и ярким солнцем! Мой попутчик рассказал мне, как добраться до порта, и мы расстались на привокзальной площади. На проходной порта моё имя нашли в судовой роли т/х «Ижоралес» и объяснили, где сейчас стоит моё судно. Когда я до него добрался, то слегка удивился, насколько оно меньше «Братска». Это был лесовоз, построенный в Финляндии в 1963 году, с водоизмещением 2901 регистровых тонн. Выходило, что я на два года старше этого судна! У него было два трюма и надстройка на корме. У трапа стоял на вахте рыжеусый парень, примерно моего роста и возраста, и хитро мне улыбался. Я поздоровался и сказал ему, что направлен практикантом на это судно. А когда он узнал, что я из ЛМУ, то его улыбка стала ещё шире! Оказалось, что он тоже из ЛМУ и тоже здесь на практике. Только он с судоводительского отделения, тоже четверокурсник, и зовут его Серёга Сухов.

Вахтенный помощник вызвал начальника радиостанции. Начальник оказался небольшого роста, и на вид ему было лет пятьдесят. Фамилия ему была Ефимов. Он проживал с семьёй в Ленинградской области. После знакомства с капитаном и остальными членами экипажа т/х «Ижоралес» я стал членом команды и занял должность радиопрактиканта. Меня поселили в двухместной каюте с матросом Саней. Я занял верхнюю койку и понял, что мне здесь всё нравится! После того как начальник радиостанции показал мне всё своё хозяйство, он выяснил, что я уже умею делать, и проверил мою работу на ключе (я, пока мог работать на электронном ключе только как на «пиле»). Сказал мне, что для первого раза не плохо, но надо учиться. И завтра мы вместе будем готовиться к предстоящему рейсу. Вечером, когда матрос Саня был на вахте, а я сидел в каюте и записывал всё происшедшее за день в свой новый дневник, дверь в каюту с грохотом распахнулась и на пороге предстал улыбающийся во все 32 зуба мой новый знакомый Серёга Сухов! «Я мысленно вхожу в ваш кабинет!» – пропел он басом строчки из модной в то время песни с диска «По волнам моей памяти» композитора Давида Тухманова. Мы оба «заржали»! Такие шутки были в духе нашей родной Системы. Серёга порассказал мне многое из жизни нашего судна, и, проболтав до ночи, мы расстались лучшими друзьями.

Т/х «Ижаралес», лесовоз, постройки 1963г. Финляндия, 2901 рег.т. Порт приписки Ленинград.

XCVIII.

Мы стояли под погрузкой три дня. Я успел побывать в городе. Это сейчас он называется Калининград, а до войны он был Кёнигсбергом (Королевская гора). Название города происходило от названия замка на горе, вокруг которого и стал развиваться город. Город был переименован в 1946 году. Так Кёнигсберг стал Калининградом, а Восточная Пруссия стала называться Калининградской областью. Исторический центр города очень отличался от современных новостроек. Старинные дома даже сейчас сохранили благородство своих очертаний, и от них веяло вековой стариной. Новые кварталы были типовой современной застройкой и мало отличались от таких же зданий, которые строили по всей России. Пользуясь возможностью пребывания в Калининграде, наш первый помощник организовал выездную экскурсию для членов нашего экипажа на Куршскую косу. Это уникальный природный заповедник, национальный парк, представляющий собой узкую и длинную песчаную полосу суши (косу) саблевидной формы. Мы поехали туда на экскурсионном автобусе, заказанном специально для нашего экипажа. Ехать туда было не очень далеко, примерно час по времени. Вокруг дороги зеленели поля с различными сельскохозяйственными культурами, населённые пункты утопали в зелени деревьев. Всё было чистенькое, ухоженное. Дороги прекрасные! Видно, в Восточной Пруссии к этому делу подходили серьёзно, и до нашего времени кое-что сохранилось в приличном состоянии. На Куршской косе всё уникально: от её расположения и протяжённости до огромного количества разнообразных природных достопримечательностей. Мы посетили «Пьяный (или Танцующий) лес». Для туристов здесь проложены специальные деревянные дорожки с ограждениями, чтобы не травмировать лесную почву. Деревья (в основном сосны) действительно были самых причудливых форм. Стволы их загибались в спирали, были скручены самыми невообразимыми способами. Лес был сказочным и живым! Поразительно!

Потом мы вышли на берег моря. Кругом были дюны и прекрасный песочный пляж! Вода в море была холодная, но загорать было вполне можно. Наш коллектив расположился в живописной ложбинке между дюнами. На брезенте разложили сухой паёк, который мы взяли с собой с судна, и началась наша «зелёная конференция». Пикник удался на славу! Потом мы загорали, играли в волейбол и в футбол, в общем, культурно отдыхали. Вечером мы уже были на судне. Поездкой все остались довольны.

XCIX.

Уходили мы из Калининграда в субботу, шестого июня. Моё второе плавание я начинал, как мне тогда казалось, бывалым моряком, побывавшим уже за границей. Но на поверку оказалось, что я ещё зелёный салага, а не мореман! Дело было так.

С прошлого рейса у меня оставалась валюта – двадцать гульденов, которые я копил для следующих покупок. Эти деньги были мною указаны в таможенной декларации, когда мы вернулись в Союз (Советских Социалистических Республик) после окончания рейса на «Братске». Наши декларации с отметками таможни хранились у первого помощника «Братска». Но, когда я уходил с судна, не озаботился тем, что эту декларацию надо взять с собой, чтобы подтвердить происхождение этих, честно заработанных мною денег. Незаконное владение валютой иностранных государств на территории СССР было в то время уголовно наказуемым преступлением. Поскольку я столкнулся с валютой первый раз в жизни, то и всех правил валютного законодательства я в то время не знал. Но незнание закона не освобождает от ответственности! Когда мы сдавали первому помощнику наши заполненные таможенные декларации на выезд, то он спросил у меня въездную декларацию. Я ответил, что она осталась на «Братске». Первый помощник, кстати, мой однофамилец, с сожалением посмотрел на меня и предупредил, что эту мою валюту таможенники могут изъять, так как у меня нет официального документа, подтверждающего, что я владелец этой валюты. Он, правда, обещал поговорить с таможней, но гарантий не было никаких.

И вот, когда у нас на борту начала работу таможенная комиссия, меня вызвали в кают-компанию, где таможенник объявил мне, что задерживает мою валюту до момента предоставления мною приходной таможенной декларации, когда я опять буду в Калининграде. Всё, приплыли! Цепочка действий, которые мне предстояло совершить, чтобы получить мои деньги обратно, пронеслась в моём мозгу, как молния! Это означало, что я каким-то образом должен буду побывать на «Братске», забрать свою декларацию, вернуться когда-нибудь в Калининград, предъявить эту декларацию в Калининградской таможне и получить свои деньги обратно! Теоретически – возможно! Практически – НИКОГДА! Морально я был раздавлен и убит наповал! Аут!

Вы верите в чудеса? Нет? А вот мне пришлось поверить! Таможенник уже начал заполнять акт об изъятии у меня валюты, когда я вспомнил, что перед началом комиссии, наш камбузник

Серёга сказал мне, что «Братск» тоже пришёл в Калининград и будет вставать под загрузку на наше место. Как это могло случиться, я не могу объяснить до сих пор! Ведь «Братск» должен был находиться в ремонте! А он здесь! Его даже в иллюминатор видно! Для меня блеснул робкий луч надежды! Это был мой единственный шанс, и я его использовал. Я быстро изложил первому помощнику ситуацию с «Братском», и он мгновенно среагировал, проникшись ко мне, как к однофамильцу, некоторой симпатией. Попросив таможенника подождать немного, он побежал на мостик, где по УКВ радиостанции вызвал первого помощника т/х «Братск». Тот подтвердил таможеннику наличие моей декларации на борту. Таможенник спросил у нашего первого помощника, что можно купить за границей на двадцать гульденов. Помощник ответил, что немного: покрывало какое-нибудь или очки. Но, поскольку я практикант, и для меня и эта валюта много значит, может быть, можно будет что-нибудь сделать? Таможенник подумал, а потом по рации предупредил первого помощника «Братска», что завтра зайдёт к ним на судно и заберёт мою декларацию. На том и порешили! Я был спасён! Ну что, дорогой читатель, как теперь на счёт веры в чудо?

С.

Самым малым ходом мы шли по каналу к выходу из порта. Я поднялся на верхний мостик. По левому борту у шестого причала на нашем месте швартовался «Братск». До свидания, мой первый теплоход! Спасибо тебе, выручил!

Сверху было видно, какой большой Калининградский порт. Кругом очень много судов. Вот мы прошли торговый, рыбный порт. До свидания, «рыбкин флот»! Мы уходим!

Самым последним у причала стоит ветеран науки – научно-исследовательское судно «Витязь». Вот ты какой! Много читал о тебе ещё в детстве! А вот теперь встретились! Пускай ты больше не будешь плавать, а станешь музеем. Ты честно выполнил свой долг.

Теперь настала наша очередь. Наш второй механик, закадычный приятель моего начальника радиостанции, оказывается, ходил на «Витязе». Как «загорелся» старик, когда рассказывал мне о нём! Видно, вспомнил свою молодость! А мы идём всё дальше и дальше. Канал очень длинный. Порт уже давно закончился. Мы замёрзли стоять на ветру и спустились вниз. А канал всё тянется и тянется. Думал, что всё интересное уже закончилось, но нет! Когда смотрел в столовой телевизор (он у нас здесь цветной), заметил в иллюминатор авиационные винты!

Думал, что это гидросамолёт. И ошибся! Это были военные корабли на воздушной подушке! Они были огромные, серые, с мощными моторами и огромными воздушными винтами. На корме у каждого два больших вертикальных руля, как у самолёта хвост. Корабли стояли на берегу. Видно было, что туда они забрались сами, без посторонней помощи. Да, силён наш военно-морской флот! Даже не верится, что такая махина может летать над водой и сушей.

Вот наконец и закончился канал. Мы повернули на 90 градусов правого борта и вышли к морским воротам Калининграда. Здесь обычная картина: на рейде толпятся суда, ожидающие разрешения на заход в порт. Прощаясь, подмигивают нам огни маяков. Прощайте, прощайте! Мы уходим к берегам Голландии, наш порт назначения – Велзен.

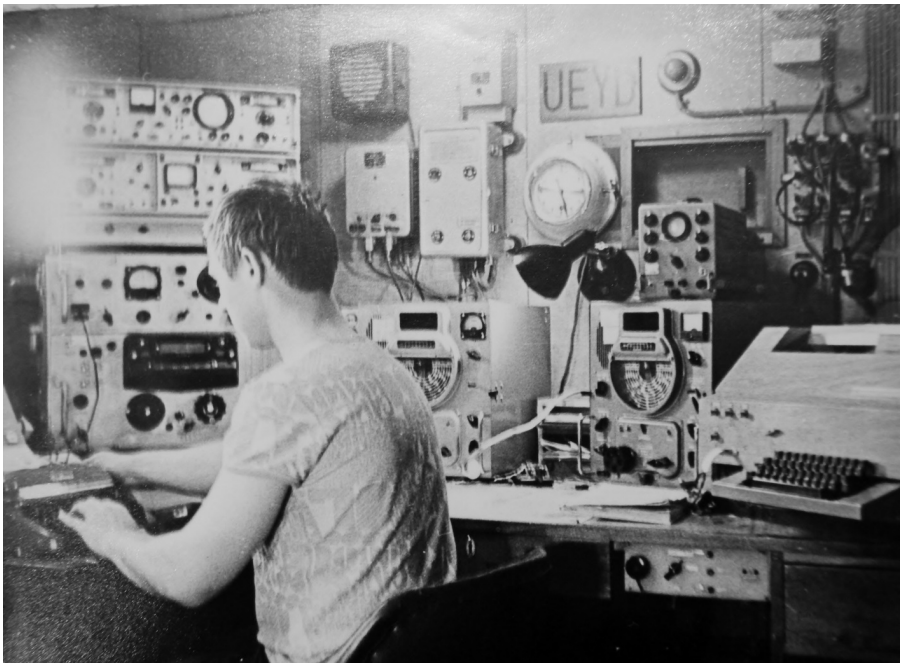
CI.

За следующий день мы проскочили Балтику и вошли в Датские проливы. Из Калининграда до Европы гораздо ближе, чем из Ленинграда. Ведь Петербург был «окном в Европу», а сейчас мы входили в неё практически через «дверь». День пролетел незаметно. Наконец-то я занялся своими прямыми обязанностями радиопрактиканта. Мне удалось принять от зарубежной береговой радиостанции навигационное предупреждение “Navarea”. Это означало, что я уже способен применять на практике знания и навыки, полученные в училище! С передачей на электронном ключе успехи были пока скромные, но постепенно всё будет получаться. Стоял вахту с начальником радиостанции. Узнал много нового в отношении моей будущей профессии. Радиовахты не всегда приходятся на одно и то же судовое время. Они смещаются во времени в зависимости от координат, в которых находится судно. Время берётся по Гринвичу, т.е. относительно Гринвичского меридиана. Существуют специальные зоны несения радиовахт при одном и двух радиооператорах. Как только судно входит в новую зону, время несения радиовахты сдвигается на определённое количество часов относительно Гринвича. А если учесть, что сеансы радиосвязи с Ленинградом, когда судам передаются циркулярные сообщения, привязаны к московскому времени, то радист появляется в радиорубке не только во время несения радиовахты, а и в часы, когда передаются такие циркулярные сообщения. В добавление к этому, в обязательном порядке при нахождении судна в море необходимо дважды в сутки (в дневное и ночное время) передавать на обслуживающий радиоцентр

текущие координаты местонахождения судна («точку»). То есть жизнь радиста на судне подчиняется не только судовому времени, а и ещё, как минимум, двум временным графикам! Поэтому иногда приходится или спать во время завтрака и обеда или работать, когда все спят. Голодным не останешься: на камбузе оставят расход. Но когда ты спишь после ночной вахты, а буфетчица по местному телефону будит тебя на завтрак или на обед, это заставляет просыпаться и засыпать снова. Поэтому в сознании начинается некоторая путаница в отношении текущего времени и географического местоположения. Но и к этому в конце концов привыкаешь.

Позывной нашего судна UEYD. Его надо помнить, как собственное имя, поскольку в радиоэфире это уникальное сочетание латинских букв и является идентификацией нашего судна. Этот позывной записан во всех международных справочниках, и, услышав его в эфире, можно установить название судна, его тип и принадлежность флоту определённой страны мира. Позывные присваиваются специальной комиссией по радиосвязи, и бывали случаи, когда сочетание четырёх букв позывного сигнала читалось как бранное или нецензурное слово. (Я сам видел в справочнике позывные UEBY и UEBU! Такие позывные потом официально заменялись другими, не ассоциативными. У меня лично был случай, когда ледокол «Капитан Драницын», где я работал впоследствии, при постройке получил позывной UROD, который потом был заменён на URNN.)

Основным документом в радиорубке является вахтенный журнал. Он ведётся радиооператором, и в него записывается всё, что произошло во время вахты и вне её в отношении переданной и принятой корреспонденции, так же в «минуты тишины» периодов SP. Каждое событие отражается в журнале с точным указанием московского времени, поэтому по вахтенному журналу всегда можно установить, что и когда произошло. При аварийных ситуациях, если потребуется покинуть судно, вахтенный радиожурнал должен быть сохранён наряду с документами для служебного пользования, и передан соответствующим береговым службам для расследования аварийного происшествия.



В радиорубке т/х «Ижоралес». Радиопозывной UEYD.

Вечером я был на собеседовании у первого помощника капитана. Он прочитал мне лекцию о том, что можно и что нельзя делать на судне и на берегу за границей, и дал мне общественное поручение – подшить газеты в библиотеке. Да, ничего не меняется! Ну, это дело мне знакомо, поэтому я согласно кивнул и отправился выполнять поручение. Потом взял у второго помощника судовую электрогитару. Подключить её было не к чему, поэтому пришлось «бренчать» в каюте почти беззвучно. Но всё же как-никак, тренировка для пальцев. Надо будет где-нибудь потом добыть обычную акустическую гитару, а пока обойдусь и этой!

В иллюминатор увидел близкий берег. Вышел на палубу. Ребята сказали, что подходим к Копенгагену. Нас обогнал огромный паром. На берегу видны заводы с дымящими трубами, нефтехранилища. А вот и аэропорт. Взлетают и садятся самолёты. Проходим между двух островов. На одном видны бетонные колпаки ДОТов, фортификационные укрепления. Весь остров представляет собой огромный форт! Появились чайки с чёрными крыльями, знакомые мне по первому рейсу. Парят над нами, изредка падают вниз за рыбой. Удивительное дело! Наглядный пример теории относительности: чайка парит над нашей палубой, но она так же парит и над морем! Она и судно двигаются с одинаковой скоростью относительно воды. Следовательно, судно

и чайка остаются неподвижными относительно друг друга. Я гляжу на чайку, которая в метре от меня просто висит в воздухе, ничуть не шевеля крыльями. Мы смотрим друг на друга довольно долго. Мне кажется, что я могу сейчас подойти и дотронуться до неё. Но чайка бдительна! Она смотрит не только на меня, но и за нашей кильватерной струёй. И чуть только заметит в ней рыбёшку, как тут же пикирует вниз и взмывает уже с рыбиной в клюве. Ну что же, удачной тебе охоты! Вот мы едва разошлись с маленькой парусной яхтой! Она прошла совсем близко от нашего борта. В яхте трое. Помахали нам, показывают, что идут к берегу. Мы помахали им в ответ. А вот уже и пролив Каттегат. Места мне уже знакомые. Узнаю заводы, доки, автостраду. Скоро берега скроются, и надо посмотреть, что показывают по телевизору, пока сигнал не ослаб.

CII.

Когда ты не стоишь на штате и никто тебя не будит на вахту, то, если у тебя нет будильника (а это, как выяснилось потом, для радиста – предмет первой необходимости), ты рискуешь проспать завтрак. Что со мной и случилось! Выспавшийся, но голодный, я решил скоротать время до обеда в радиорубке. Начальник радиостанции был на вахте и пытался установить радиотелефонную связь с Ленинградом. Для ознакомления с судовой радиодокументацией он дал мне две папки с принятыми и переданными радиограммами. Хватило меня ненадолго. Опять стал клевать носом. Решил проветриться. Взгляд мой скользил по бескрайней глади моря, а мысли лениво плескались в голове. И тут меня осенило: можно использовать для электрогитары усилитель от киноаппарата! Весь обед я лелеял эту мысль, но после обеда в столовой команды устроили производственное совещание, и реализацию идеи пришлось отложить до ужина. Когда я после ужина пришёл с электрогитарой, то застал в столовой изрядное количество народу. Все с воодушевлением стали мне помогать подключиться к усилителю, но всё оказалось не так просто! Требовался провод с другим штекером. Пока я его искал, народ запустил киноустановку для показа вечернего фильма. Пришлось мне в третий раз посмотреть фильм «Пена». Зато после просмотра я с помощью «метода тыка» нашёл нужные клеммы в разъёме, и гитара зазвучала! Но качество звука было не на высоте. Надо будет завтра «раскрутить» первого помощника: если есть электрогитара, то должен быть к ней и усилитель! С такой мыслью я и уснул.

Утром я вскочил без пяти минут восемь и, проклиная себя, что опять проспал завтрак, рванул в столовую. Там было пусто. Навстречу мне вышел Серёга-камбузник. «О! – говорит – Здорово! А я как раз иду тебя будить на завтрак!» Ну, думаю, спасибо, удружил! Чего меня будить после завтрака! А Серёга мне отвечает: «Так завтрака ещё не было! Сейчас только семь часов утра! Мы же время на час назад перевели!»

Ну, что за жизнь пошла! Вчера проспал завтрак, сегодня встал ни свет ни заря! С горя вышел на палубу и сделал зарядку! Погодка была свежая, но солнечная. Нас заметно покачивало. От брызг за кормой стояла радуга! Красота! После завтрака занялся делом – поупражнялся на электронном ключе. А ведь получается уже! Осваиваю технику! Потом нашёл провод для гитары. Можно будет побренчать на ней теперь со звуком. После вечернего чая объявили общесудовую учебную тревогу. Поскольку я не был нигде расписан, то начальник радиостанции оставил меня сидеть в радиорубке. Я листал схемы радиоаппаратуры и ждал окончания тревоги. Ветер усилился, и нас начало качать всерьёз. Мы шли навстречу волне, и качка была килевая. Ощущение качки на «Братске» было гораздо меньше, так как размеры судна позволяли качку несколько сгладить. А тут море взялось за нас основательно! Килевая качка неприятна тем, что судно не просто болтает туда-сюда, а оно ещё и взлетает на несколько метров вверх, взбираясь на волну, а потом падает на столько же вниз, зарываясь носом. Амплитуда получается – с десяток метров! Наименее всего качка чувствуется в середине судна, но надстройка-то расположена на корме! Поэтому передвигаться по судну в качку весьма проблематично. Выход на внешние палубы во время большого волнения моря без страховки, вообще, запрещён! А перемещение внутри помещений с непривычки вызывает некоторую растерянность. Но очень скоро приходит навык. Сразу начинаешь держаться руками за всё, что можно. Для этого в коридорах и на трапах есть специальные поручни. Интересный эффект наблюдается при перемещениях внутри надстройки. Если ты идёшь по направлению к борту судна, то получается, что идёшь не вперёд, а вбок. А если перемещаешься в нос или в корму, то или стоишь на месте, перебирая ногами, или несёшься вперед чуть ли не бегом! При подъёме и спуске по внутренним трапам та же история: то еле ползёшь вверх, то пулей слетаешь вниз, стараясь не удариться головой об подволок!

В отрытом море.

Морской болезни я не испытывал, но общее самочувствие было довольно паршивое. От длительной качки сильно устаёшь. Организм всегда находится в напряжении. Как я лично для себя выяснил, качка легче всего воспринимается на ходовом мостике. Там ты видишь надвигающуюся волну и подсознательно готовишься к её удару. А в закрытом помещении чувствуешь себя, как шарик с номером в барабане лотереи «Спортлото»! На обеде

буфетчица поливала скатерти на столах водой из чайника, чтобы тарелки и супница не скользили по столу. Больше одного черпака щей в тарелку наливать было не надо, так как был риск, что всё содержимое выплеснется из тарелки на скатерть. К концу дня нас швыряло так, что аппетит за ужином у меня пропал. Волны плясали вокруг нас как бешеные! Но всё же в иллюминатор мне было интересно наблюдать, как огромные водяные горы клокочут и пенятся за бортом. И, хотя мой желудок болтался у меня не в животе, а гораздо выше, мне нравилось смотреть на эту ревущую стихию. Она вызывала восторг и уважение! Вот она, романтика моря!

В половине девятого вечера на горизонте показалась земля. В десять вечера к нам на борт поднялся лоцман, и мы пошли в порт. Длинный мол отделял акваторию порта от моря, и волнение здесь было гораздо меньше. Впереди нас ждал шлюз. На правом берегу уже видны дома, улицы с машинами, две высокие башни с часами. Повсюду горят огни реклам. На левом берегу дымят разноцветным дымом трубы заводов. Между труб горит газовый факел. Возвышаются горы каменного угля. Ну что же, здравствуй, Велзен!

В шлюз вместе с нами зашли ещё три низкие самоходные баржи и небольшой танкер. Уже достаточно стемнело. Весь правый берег в огнях! Вероятно, Велзен больше по размерам, чем Делфзейл, или это только кажется? Ну, ничего, завтра увидим! А сейчас мы стоим у причала на левом берегу и наслаждаемся отсутствием качки. Господи, как же хорошо!

CIII.

Утром по сложившейся традиции меня опять не разбудили на завтрак. Пришлось прыжками мчаться в столовую без десяти минут восемь. Народ уже планировал поход в город. Я никак не мог решиться, пойти или нет, так как погода была пасмурная, а мокнуть под дождём не хотелось: в моём «гардеробе» не было ни куртки-ветровки, ни зонта. Положившись на волю случая, я отправился в радиорубку заниматься делом: собирать материалы для отчёта о практике. Как гласит старинная курсантская мудрость: «Без отчёта – нет зачёта!» Два часа я «пытал» начальника радиостанции обо всей регламентирующей и отчётной документации, которая должна присутствовать на судовой радиостанции, старательно записывая получаемую от него информацию. Исписал два листа мелким почерком, после чего начальник попросил пощады, и мы отправились готовиться к обеду. Погода прояснилась, выглянуло солнышко, и я пошёл к

первому помощнику записываться в увольнение на берег. Замполит традиционно сказал, что списки желающих пойти в увольнение уже составлены, но он будет иметь меня в виду. За обедом меня «поймал» второй помощник и сказал, чтобы в три часа я был готов отправиться вместе с ним в город. Предвкушая предстоящий поход, я сидел в радиорубке и печатал первые страницы моего отчёта о практике. После нескольких попыток, испортив кучу бумаги, мне удалось напечатать две первые страницы. Ну, что же, как говорили капитану Жеглову из кинофильма «Место встречи изменить нельзя»: «С почином вас, Глеб Георгиевич!»

В начале четвёртого наша «троица» – второй помощник, матрос Саня и я – отправились в город. Голландия приветствовала нас уже знакомым пейзажем: такие же, как и в Делфзейле, двухэтажные коттеджи с садиками перед окнами. У каждого коттеджа – машина. Везде чистенько, уютненько, много зелени. Прошли мимо своеобразного зоопарка, большая зелёная лужайка с прудом огорожена невысокой деревянной изгородью. А за ней, на зелёной травке млели на солнышке пятнистые олени, козы с козлятами, куры и утки. Чуть дальше, ещё за одним заборчиком, в небольшом стойле размещалась лошадка-пони, а рядом с ней резвились на лужайке молодые козлята и бычки. Среди этой живности весело прыгала местная детвора дошкольного возраста. Наглядная иллюстрация слияния человека и природы! За железной дорогой начинались дома побольше, в три этажа. Начинались торговые улицы. В домах на нижних и средних этажах располагались магазины и кафешки. Мы обошли всё, что можно. Товары были на любой вкус, но с нашими деньгами и их ценами купить нам было почти нечего! Как настоящие русские люди, мы с Саней зашли в магазин радиотехники и набрали кучу рекламных каталогов. Каталоги были красочные и бесплатные! Мы делали вид, что нам некогда выбирать технику в магазине и мы займёмся этим делом дома, по каталогам. Наивные продавцы улыбались нам и согласно кивали. Второй помощник был ценителем музыки и надолго застрял в отделе грампластинок. После продолжительных поисков купил одну пластинку, и мы стали собираться на судно. По дороге Саня купил упаковку пива и картофельные чипсы. Угостил меня и второго помощника. Спасибо тебе, Саня! Добрый ты человек!

CIV.

Почти весь следующий день лил дождь. В дождь голландцы нас не разгружали, поэтому выгрузка затянулась. Вероятно, уйдём

отсюда завтра. Несмотря на дождь, утро для меня началось прекрасно: меня впервые разбудили на завтрак! Настроение сразу повысилось! Воодушевившись, после завтрака я пошёл в радиорубку и дописал в отчёт всё, что касалось судовой радиодокументации. Потом мы с начальником радиостанции залуживали держатели на запасной приёмной антенне. Сначала всё шло хорошо, но потом перегорел тигель, в котором мы плавили оловянный припой, и нам пришлось провозиться до обеда с его починкой. А после обеда первый помощник озадачил меня ещё одним общественным поручением: заполнять квитанции на подписку газет для всех членов экипажа. Пришлось мне из лудильщика переквалифицироваться в писари. Пока занимался этим делом, вспомнил диссидентский анекдот:

Подходит работяга киоску «Союзпечать» и спрашивает у продавца, какие есть газеты.

Киоскер заученно отвечает:

– «Правды» нет! «Известий» никаких! «Россию» продали!

– А что есть?

– «Гудок» и «Труд» за три копейки!

Вот такая невесёлая иллюстрация окружающей нас действительности. Но когда ты молод, находишься за границей и впереди у тебя целая жизнь, то этот анекдот кажется даже смешным! Окончив писанину, я отправился в столовую команды смотреть телевизор. Как обычно, звук отсутствовал, поскольку звуковые частоты наших советских телевизоров не совпадали с зарубежными. Но наши моряки нашли выход из положения: судовой токарь принёс свой транзисторный приёмник, и на нём мы настроились на частоту УКВ, где транслировался звук, сопровождающий программу по телевизору. Впервые нам удалось полноценно посмотреть музыкальную программу. Выступал ансамбль “Pussycat”. Советским морякам было приятно смотреть на буржуазных соблазнительных голландских девиц, которые ещё и пели неплохо! Чтобы стереть из нашего сознания «тлетворное влияние Запада», после ужина экипажу был показан отечественный фильм «Подвиг разведчика». Поэтому ночью все спали спокойно, с уверенностью, что «Наше дело правое, и Победа будет за нами!»

CV.

Сегодня 12 июня, пятница. Этот день не только день нашего отхода из Голландии, а ещё и день рождения нашего судна! Оно

теперь «совершеннолетнее» – ему 18 лет! Праздник был отмечен буднично, по-деловому. Все праздничные мероприятия ограничились лишь улучшенным питанием на завтрак, обед и ужин. После обеда мы отошли от причала, развернулись и пошли по каналу в сторону шлюза. Там уже стояло какое-то судно, и мы составили ему компанию. До свидания, Голландия! Мы идём во Францию, в порт Кале. Навстречу нам два буксира ведут огромное судно под Бразильским флагом. Мы подходим к оконечности мола, и лоцманский катер, следовавший за нами, забирает лоцмана и спешит обратно, в порт. А мы уже вышли в открытое море. Начинает ощутимо покачивать. Лучшее средство от качки – наличие работы. За работой о качке как-то забываешь и не обращаешь на неё внимание. Начальник радиостанции передал радиограмму в радиоцентр пароходства о нашем выходе в море, и, поскольку время вахты ещё не наступило, мы занялись запасной антенной. Требовалось собрать несколько изоляторов в одну цепочку, чтобы они изолировали антенну, когда она будет растянута над палубой. Мы с начальником радиостанции спустились в машинное отделение, где он показал мне, что нужно делать, а сам пошёл заступать на вахту. Мне нужно было кусками стальной проволоки соединить изоляторы между собой, при этом не расколов сами фарфоровые изоляторы. Проволока никак не хотела гнуться, и приходилось бить по ней молотком «осторожно, но сильно», как говорил герой Анатолия Папанова (Лёлик) из кинокомедии «Бриллиантовая рука». Провозился до ужина, но всё получилось хорошо, и я с гордостью понёс свою работу в радиорубку, чтобы показать начальнику. А он, хитрец, нашёл, оказывается, где-то мягкую проволоку и самостоятельно уже скрутил две цепочки изоляторов. А я четыре часа пыхтел, связывая их стальной проволокой, и весь мой труд оказался теперь не нужен! Начальник меня утешил, что пусть будет одна запасная цепочка изоляторов, глядишь, пригодится когда-нибудь. Ну, запасная, так запасная!

После ужина мы смотрели фильм – советский боевик «Право на любовь». Когда добро победило зло и фильм закончился, то я вышел на палубу. Был чудесный вечер! Море – синее-синее! Солнце садилось за горизонт. Видимость отличная, видно далеко-далеко! Такое на море редко бывает, то дымка мешает, то тучи. На горизонте видно много судов, а за кормой на синих волнах остаётся белый пенный след от нашего винта. Ну, прямо картина Айвазовского!

То ли ради праздника, то ли по какой-то иной причине, в столовой команды появился ещё один телевизор, английский! Мы подключили к нему антенну, и я поднялся на палубу, чтобы

развернуть её в сторону устойчивого телесигнала. Ребята из столовой через иллюминатор руководили моими действиями. Наконец, сигнал был пойман, и все мы собрались у голубого экрана. Там показывали фильм на английском языке про Николая II и революцию в России. Интересно было посмотреть, как излагают нашу историю зарубежные кинематографисты. Ленин был показан этаким монстром, смахивающим на Фантомаса. Распутин был цыганом, а революционные матросы и солдаты – бандой пиратов! Мы мало чего поняли, но от души посмеялись над этим «киношедевром». В половине первого фильм закончился, и я перед сном вышел на палубу. Ночь была ясная, звёздная. Вдруг одна звезда упала! Я успел загадать желание! Оно обязательно сбудется! (Так оно впоследствии и вышло.) В три часа ночи мы должны будем прийти в порт Кале. Завтра увидим Францию! Ура!

CVI.

Утром я проснулся, и первым делом, выглянул в иллюминатор. Мы стояли на рейде порта Кале. Виден берег. Слева он пологий, там находится порт, а правее берег переходит в горы, круто обрывающиеся в море. Тихо. Над морем лёгкая дымка. Франция – вот она, уже совсем близко! В голове сумбурно бродили мысли: мушкетёры, Парижская коммуна, французские духи и Эйфелева башня! Всё это из разных эпох, но находилось в той стороне, где вход в порт. Я коротал время ожидания до встречи с Францией, периодически забираясь на турник и размахивая гантелями на кормовой палубе надстройки. Тут меня и нашёл мой начальник радиостанции. Ему самому, видно, захотелось поразмять косточки, и он с удовольствием присоединился к моей зарядке.

Вскоре к нашему борту подошёл лоцманский катер, и под управлением лоцмана наше судно самым малым ходом пошло в порт. Мы с начальником радиостанции забрались на самую верхнюю палубу надстройки, откуда наслаждались открывающимися видами порта Кале. Сверху нам был виден город: дома, ратуши, автомобили на улицах. Через полчаса мы уже швартовались к причалу. Ну, здравствуй, Франция!

На противоположной стороне канала стоит под погрузкой ещё одно судно под Советским флагом – теплоход «Порхов». Нас же до обеда не загружали: что-то выясняла местная таможня. Мы с начальником радиостанции спустили главную антенну, чтобы она не мешала при погрузочных работах. Потом принимали радиобюллетень. После обеда решили заменить приёмную

антенну. Погода была отличная: солнечная и жаркая! Мы работали и загорали одновременно. Когда стали натягивать новую антенну, та – возьми и оборвись! Пришлось переделывать всё заново. Но до вечернего чая мы управились. После чая решили идти с начальником в город. Первый помощник сначала мялся в нерешительности (всё-таки два радиоспециалиста уходят одновременно с судна), но потом, рассудив, что радиоспециалист – это начальник радиостанции, а я всего лишь практикант, а не специалист, выдал нам паспорта, и мы отправились в город. Нашу «тройку» возглавлял начальник радиостанции, я и ещё один матрос составляли ему компанию. Начальник уже не раз бывал в Кале и стал нашим гидом.

Кале – городишко небольшой, но туристов здесь полно! Это главный перевалочный пункт на пути между Францией и Англией. Улицы Кале заполнены автомобилями и народом различных национальностей. Кого здесь только нет! Навстречу нам идут обнявшись два изрядно подвыпивших англичанина с раскрасневшимися физиономиями и горланят какую-то песню! Вот компания парней, очевидно, немцы, оккупировала пивной бар. Сидят на ступеньках, сосут пиво, галдят о чём-то. Кое-где у стеночки уже лежат изрядно «набравшиеся» граждане. Их не трогают, проспятся – сами уйдут. На фоне этих туристов местное население, французы, выглядят весьма достойно. Во-первых, они в большинстве своём трезвые. Во-вторых, ведут себя гораздо скромнее, гуляют, болтают с приятелями, улыбаются, делают покупки. Настоящая французская речь звучит, как музыка!

Городок Кале нам понравился. Очень уютный, зелёный. Первым делом мы отправились к городской ратуше. Это огромное старинное готическое здание с высокой башней с часами. Здесь размещается местный муниципалитет. Перед ратушей – памятник «Узникам Кале» работы скульптора Огюста Родена. Начальник радиостанции рассказал нам, что когда-то давно, англичане осадили Кале и были согласны снять осаду только после того, как им выдадут самых знатных людей города. Их выдали, и осада была снята. Памятник из позеленевшей бронзы изображал кучку измождённых людей в цепях и с верёвками на шеях. Толпы туристов охотно фотографировались на фоне этой достопримечательности. Везде очень много зелени: аккуратно подстриженные кусты и деревья, зелёные газоны. На газонах запросто сидят и лежат все желающие – здесь так принято, даже в центре города. Потом мы пошли в парк, который начинался сразу же за оживлённой автомобильной дорогой. В парке та же картина: все валяются на травке, греются на солнышке или играют в национальную французскую игру «петанк» – бросание шаров. Все

отдыхают, потому что сегодня суббота.

Мы вышли из парка и пошли по улочкам города. Они неширокие, но машин на них много. Дома в большинстве своём двухэтажные, старинные. Сплошной вереницей тянутся магазины и кафе. Столики стоят прямо на улице. Мы заглянули в один из сувенирных магазинов. Чего здесь только нет! Фигурки из дерева и металла, морские раковины и кораллы, модели парусников, всяческие побрякушки и открытки, ну, просто, море сувениров и поделок! Но цены совсем не демократичные! Дорого обойдутся вам воспоминания о Кале, если вы купите себе что-нибудь на память!

Пора было возвращаться на судно. Пришли как раз к ужину. После ужина занимался уборкой каюты. Сегодня санитарный день и моя очередь убираться. Потом крутили кино. После фильма вышел на палубу, посмотреть на наши с Иринкой звёздочки. Вот они – светят! Уже собрался уходить спать, но тут меня окликнул третий штурман. «Пошли, – говорит, – там ребята с «Порхова» в гости к нам пришли, вашу Систему оканчивали!» Мы пошли к нему в каюту, где сидели двое парней. Один из них был радист, окончил ЛМУ в прошлом году. Посидели, поговорили о жизни. Потом проводили их до трапа. Завтра боцман меня ставит на вахту дневальным у трапа, чтобы освободить матросов, задействованных на погрузке. Ну, что же, дело привычное. Надо – так надо! Вот таким был у меня первый день во Франции.

CVII.

Второй день во Франции не обещал быть для меня интересным. Но в результате он стал для меня счастливым и радостным! С утра я заступил на вахту у трапа. День был солнечный, но стоять приходилось в тени надстройки, и прохладный ветерок заставил меня одеться в ватник. До обеда ничего интересного не происходило. Утром из порта ушёл «Порхов», а на его место встало эстонское судно «Кохра». Оно тоже было под советским флагом, но экипаж был эстонский. Об этом мы узнали от их начальника радиостанции, который пришёл к нам за помощью. У них сломался радиопередатчик, и эстонец просил у нашего начальника запасное реле. Я спросил его, есть ли на судне практиканты. Он сказал, что есть, но все они из Таллиннской мореходки. Что ж, надежда увидеть кого-нибудь из однокурсников у меня отпала. А после обеда боцман сказал мне, что на следующие четыре часа вахты я буду заступать с 20.00. Мой начальник радиостанции предложил мне пойти с ним на эстонское судно, так как их начальник радиостанции, попросил

помощи в починке передатчика. Когда мы пришли к эстонцам, то оказалось, что их начальник уже справился с ремонтом, и наша помощь не потребовалась. Судно у них было меньше нашего и показалось нам тесноватым. Взяли у них парочку фильмов, чтобы посмотреть вечером. Но на кинопросмотр я не попал, так как заступил на вахту у трапа. Стою, смотрю по сторонам, думаю о своей возлюбленной. Скучно и грустно. И тут приходит мой начальник радиостанции и протягивает мне радиограмму от Иринки! И сразу мир засиял всеми цветами радуги! Я был счастлив и в сотый раз перечитывал текст радиограммы. Ура! Моя любимая не забыла меня, помнит и ждёт! Перед рейсом я звонил ей из Калининграда и рассказывал, как нужно отправлять телеграммы на суда. Что часто случаются задержки в доставке сообщений из-за отсутствия связи с судном. И, если долго нет известий обо мне, то я всё равно помню и люблю мою дорогую Иринку. В радиограмме Ира поздравляла меня с Днём рождения. Чтобы точно успеть к моему празднику, она написала мне пораньше. Так что мнение, что поздравлять с днём рождения заранее – плохая примета, в случае с моряками не работает! Узнать на два дня раньше, что тебя любят и ждут – это очень хорошая, прекрасная и великолепная примета! Когда стемнело и взошла луна, на небе прямо передо мной появились две наших с Иринкой звёздочки. Я смотрел на них и мысленно передавал привет моей любимой. Завтра, похоже, будет наш последний день пребывания в Кале. Нас следующий порт назначения – Рочестер, Англия.

CVIII.

Последний день моего девятнадцатилетия я провёл во Франции. Всё было как обычно. После завтрака мы с начальником собрали ещё одну связку изоляторов для антенны. А потом меня разыскал Серёга Сухов, практикант-судовод, и предложил мне идти вместе с третьим помощником в город. Им как раз не хватало одного члена группы. Я сразу согласился. Мы отправились знакомым маршрутом. Нового мы увидели мало, так как почти везде уже побывали. На улицах было малолюдно: в понедельник все работают. Хотя и светило солнце, ветерок был прохладным. Магазины только-только начали открываться. Во Франции не любят рано вставать. Полтора часа нам хватило, чтобы прогуляться и вернуться к обеду на судно. Пока мы шли, погода испортилась, с моря пришёл туман и похолодало. Было приятно вернуться в тепло родного судна.

После обеда начальник сподвиг меня сделать ещё одну связку

изоляторов, и на этом мы решили остановиться. Теперь мне можно было заняться своими непосредственными обязанностями – подготовкой отчёта о практике. Достал своё задание на практику и составил небольшой план. Получилось двадцать пунктов. Посмотрел, что можно сделать сейчас, и сразу же приступил к исполнению. В результате к моему отчёту добавились ещё три страницы. Ну что же, понемногу, но дело двигается!

Сегодня на верхней палубе мы видели голубя. Голубь был необычный! Он нас совсем не боялся, и на каждой его лапе было по металлическому кольцу. На одном из них можно было прочитать цифры 1955, а на другом – 1957. Если это года, когда на эту птичку одевали кольцо, то этот «дедушка» вылупился из яйца ещё до моего рождения! Голубок чинно прохаживался по палубе и отказавался клевать хлеб, которым мы его угощали. Видно, был не голодный.

Всё, что можно было сделать в этот день, я сделал. И, перед своим днём рождения решил устроить себе банный день. Захотелось вступить в свой третий десяток лет чистым. Надо сказать, что душевые есть на каждом судне. Если повезёт, то душ может быть расположен в каюте, в совмещённом с туалетом помещении. На больших судах бывают ещё и сауны. Но самые шикарные банные помещения я видел (впоследствии) только на ледоколах. Там имеются не только душевые, сауна, но ещё и бассейн с забортной водой! Это настолько здорово, что посещение бани превращается в праздник! На ледоколе «Капитан Драницын», где мне пришлось работать в Мурманском морском пароходстве, в бассейн наливали чистейшую забортную воду арктических морей. Нагревали её до приемлемой температуры, и окунуться в неё распаренным после сауны было величайшим наслаждением! В бассейне также можно было заниматься плаванием, хотя размеры бассейна были весьма скромными (5х3 метра). Плавать можно было в специальном приспособлении, которое представляло собой страховочный пояс с верёвкой. Пояс одевался на талию, верёвка была закреплена к краю бассейна, и, когда включалась система принудительной фильтрационной системы, струя воды, бившая из стенки бассейна под водой, обтекала тело пловца с достаточной скоростью, снося его всё время назад. Получалось, что можно было плыть против течения струи, гребя руками и ногами. А страховочный пояс с верёвкой не давали струе унести пловца к противоположной стенке бассейна. Самое главное – не прыгать в бассейн, когда воды в нём нет! А то бывали случаи … Но, как говорится, это уже совсем другая история!

А пока – я был девятнадцатилетним радиопрактикантом, который готовился к своему двадцатилетию.

CIX.

И вот этот день настал! Ощущение праздника мы помним с детства! Дня своего рождения ты ждёшь, как самого большого события! Больше, чем Новый год! Кажется, что в этот день обязательно будет хорошая погода, все будут радоваться вместе с тобой, и, конечно же, тебя подарят великолепный, самый желанный и самый радостный для тебе подарок! А потом будет много гостей (тоже с подарками), много разных вкусных угощений, игр и сюрпризов! Всем будет весело, и все будут счастливы! Любой ребёнок, без запинки может рассказать вам, каким должен быть День рождения!

В двадцать лет мы уже не дети. Но где-то в глубине души у каждого ещё живёт затаённая надежда, что всё будет именно так, как хотелось в детстве. И с этим чувством, лёгким и радостным, ты просыпаешься в своей койке, в каюте на двоих, на борту сухогруза «Ижоралес» Балтийского морского пароходства, который стоит под разгрузкой у причала порта Кале во Франции. Если ещё эту мою тираду закончить фразой: «В доме, который построил Джек!», то всё будет точно по Самуилу Яковлевичу Маршаку!

Погода за иллюминатором была великолепная – тёплая и солнечная! Можно сказать, что первый пункт празднования Дня рождения был выполнен! Настроение у меня было прекрасное! Пора было переходить ко второму пункту, где все «будут радоваться вместе с тобой». Кроме меня, на судне о моём дне рождения знали только начальник радиостанции и первый помощник капитана. Но первый помощник молчал как рыба и вместо поздравлений послал меня на эстонское судно «Кохру» отнести назад взятые на прокат фильмы. Видно, забыл о моём дне рождения. Когда я вернулся обратно, то пошёл в радиорубку. Начальник радиостанции тоже сначала забыл о моём празднике, но я ему напомнил, и он от души меня поздравил! А потом вышел из радиорубки, и через десять минут меня уже поздравлял и первый помощник! Он вручил мне поздравительную открытку от экипажа т/х «Ижоралес» с традиционными пожеланиями здоровья, счастья и успехов в трудовой деятельности за подписями капитана, первого помощника и председателя судового комитета. Так что третий пункт празднования дня рождения формально был выполнен – подарок был вручён! Жизнь наглядно мне показывала, что дорог не подарок, а внимание! И

это было правильно! На душе было тепло и радостно, поскольку я знал, что самый главный подарок я уже получил от моей Иринки. Что она помнит обо мне, и это было для меня самым великолепным, желанным и радостным подарком! Четвёртый пункт празднования я лично для себя переместил в будущее, когда снова увижусь с моей любимой на берегу, и мы вместе отметим мой День рождения. И тогда уже будет всё, что положено по распорядку Праздника. Нам будет весело, и мы будем счастливы! Таким образом, все пункты празднования были соблюдены, и моя душа пела от счастья! Что касается игр и сюрпризов: мы с начальником потом вдоволь наигрались на верхней палубе, натягивая антенну, а ожидаемым сюрпризом была поздравительная радиограмма от родителей. Праздник удался!

Всё же необычный у меня получился День рождения! Никогда я ещё не встречал его за границей, в иностранном порту. Не каждый встречает свои двадцать лет во Франции! Я – один из таких людей! Страшно подумать: теперь мне пошёл третий десяток! Старею, старею … Помню, десять лет назад, в мой День рождения, когда мне исполнилось 10 лет, мы с моим отцом стояли на набережной реки Волги, у Городского сада, где мы катались на разных аттракционах и ели мороженое, мне подумалось: «Вот, мне уже и десять лет! Я школьник и учусь в четвёртом классе. А, ещё через десять лет, мне будет двадцать! Интересно, каким я буду?» И вот, пожалуйста, мне – двадцать! Я курсант радиотехнического отделения Ленинградского мореходного училища, нахожусь во Франции, в городе Кале. Как мой знаменитый земляк, тверской купец Афанасий Никитин, совершаю своё «хождение за три моря». Скажи мне это кто-нибудь десять лет назад – я вряд ли бы поверил!

Интересная она штука – жизнь! В детстве я ещё задумывался, что будет через десять лет. А теперь и задумываться страшно – «каким я буду в тридцать?» Казалось мне, что тридцать – это уже начало старости. Нет, не буду думать! Хочу насладиться молодостью и силой. Будем жить настоящим!

В общем, весь День рождения у меня было хорошее настроение! Это здорово! Не знаю почему, но я был доволен! Сегодня вечером мы покидаем Францию. Нам предстоит небольшой переход – шесть часов хода через пролив Па-де-Кале и Северное море, и уже утром мы будем в Англии, в Рочестере.

СХ.

Проснулся – мы уже у берегов Англии. Идём по заливу Ривер-

Медуэй. Справа и слева на берегах видны городки и деревни. Мы проходим совсем близко от торчащих из воды сильно поржавевших мачт и рубки затонувшего корабля. Он огорожен специальными красными буями. Возможно, эти корабельные останки тут ещё со времён Второй мировой войны находятся. Подошли к приёмному бую, ждём лоцмана. В полумиле от нас берег. Видна береговая радиолокационная станция. Рядом с ней, у небольшого причала, разгружаются два судна. К нам идёт небольшой катерок с надписью на борту «Pilots». Принимаем с него к нам на борт лоцмана. Но, оказывается, сейчас заходить в порт нельзя – надо ждать прилива. Я пошёл в радиорубку, где мы с начальником приняли повестку и частные радиограммы. Что-то молчит пароходство о следующем нашем порте загрузки.

После обеда по большой воде мы вошли в русло реки Медуэй и пошли по ней вверх к Рочестеру. Погода была классическая для Англии – облачная, ветреная. Оделся потеплее, чтобы осмотреть окрестности. Тут меня и нашёл начальник радиостанции. Вместе с ним мы сняли главную антенну, чтобы не мешала выгрузке. Минут сорок добирались до порта. Берега зелёные – кругом трава и леса. Очень много населённых пунктов на берегах. Справа и слева от фарватера стоит на якорях множество прогулочных яхт. Вот уже видны коттеджи и многоэтажные дома Рочестера. На берегу стоит старинный каменный замок с прямоугольными зубчатыми башнями. Это Рочестерский замок, а рядом какой-то храм в романском стиле. Замок был построен около 1089 года здесь, в Юго-Восточной Англии, в графстве Кент. Неплохо, надо сказать, он сохранился для своих девятисот лет!

Наш курс пересекают несколько небольших учебных яхт под синими парусами. Их сопровождает моторная лодка. Вероятно, яхтсмены тренируются в сопровождении тренера. А вот и порт! В гавани стоят несколько серых военных кораблей. Видны их артиллерийские башни и большие антенны локаторов. Через акваторию порта к этим кораблям несётся большая надувная моторная лодка, заполненная людьми в камуфляже. Вероятно, местные вояки возвращаются к себе на корабль. Вот оно – НАТО, перед нашими глазами! Подходим к причалу. Буксиры разворачивают наше судно, и мы швартуемся. Ура! Мы в Англии! Сегодня будет смотреть передачи по телевизору со звуком, так как телек у нас английский! Программ несколько, но все не очень интересные. Часто идёт реклама.

Вечером вышел на палубу. Был отлив. Вода опустилась на 3 метра. Гавань сильно обмелела. Днём мы спускали на причал парадный трап, и тот едва доставал до земли. А сейчас наш борт ниже уровня причала. В акватории порта некоторые небольшие

суда оказались прямо на песке. Осохли полностью! Да, приливы и отливы здесь – будь здоров!

Разница во времени составляет два часа. Поэтому по судовому времени у нас уже полночь, а по местному – десять часов вечера. Через полчаса по телевизору будут показывать какой-то боевик с ковбоями, индейцами и самураями. Похоже, там также снимался Ален Делон! Интересное должно быть кино. Называется «Красное солнце». Это мы в анонсе телепередачи увидели. Ну что же, посмотрим фильм на языке оригинала!

CXI.

Ох, как же тяжело было сегодня подниматься! Вчера смотрели кино до половины третьего ночи. Это был боевик, здесь его называют «вестерн», с участием Чарлза Бронсона, Алена Делона и Тосиро Мифуне. Фильм 1971 года выпуска. Здесь его по телевизору показывают, а у нас в Союзе он ещё не шёл. Это, как «Золото Маккены»: снимали в 1969, а когда весь мир его тысячу раз посмотрел, включая телепоказы, этот фильм и мы закупили по дешёвке. Ну что же, хотя бы так, с опозданием, посмотрели. А «Красное солнце» мы вчера видели. В кино его уже смотреть не будем. Там, конечно, артисты хорошие, играют прекрасно! Но смысл фильма не соответствовал нашим морально-политическим принципам строителей коммунизма и служил нам иллюстрацией тлетворного влияния Запада и загнивания чуждого нам, капиталистического мира наживы и угнетения трудящихся масс! Мы досмотрели его до конца, под синхронный перевод с английского нашим старшим помощником. Поскольку слов было гораздо меньше, чем звуков выстрелов и погонь, то в целом весь сюжет был нам понятен. Когда единственный выживший главный герой фильма уезжал на своём коне в закатное солнце с надписью «The End», мы выключили телевизор и пошли спать.

После завтрака, зевая и периодически впадая в дремотное состояние, мы с начальником радиостанции какое-то время занимались судовой антенной. А потом пришёл второй помощник и предложил мне сходить в город в составе его группы. Я моментально взбодрился, и с разрешения зевающего начальника был отпущен в увольнение. Третьим в нашей троице был судовой кок. И вот мы идём по земле «старой доброй Англии». Это уже третье иностранное государство, которое я посетил за две недели нашего плавания! Интересно будет найти различия между Голландией, Францией и Англией! Если идти по дороге, то расстояние от порта до города километра три. И, хотя «для бешеной собаки семь вёрст не крюк, а для советского моряка

двадцать километров не расстояние», мы решили пойти коротким путём. Второй помощник нашёл какую-то заросшую тропку, вьющуюся между кустов, и уже через пятнадцать минут мы были у моста «Рочестер бридж». Интересная деталь: город Рочестер находится на левом берегу реки Медуэй, и начинается он сразу за мостом; а на правом берегу, с другой стороны моста, тоже есть городок, и называется он Рич. Мы побывали в обоих городках. Заходили в магазины. Цены здесь были в фунтах и такие же недосягаемые для меня, как и в предыдущих странах. Поэтому я был на экскурсии. А второй помощник и кок могли позволить себе небольшой «шоппинг». Они купили в музыкальном магазине несколько пластинок и плакаты рок-групп. Я же наслаждался видами и щёлкал фотоаппаратом. Погода была хорошая, и мы гуляли до двух часов дня. Второй помощник не раз бывал в этих краях и рассказал, что в этом городе жил и создавал свои произведения великий английский писатель Чарлз Диккенс. Рочестер отличается от Кале. На берегу реки стоит старинный Рочестерский замок, уходящий своей историей в средние века. Дома здесь выглядят по-иному, чем во Франции. Всё как-то теснее, тяжеловеснее что ли. Но тоже красиво! Здесь я впервые увидел двухэтажные красные автобусы «Routmaster». Улицы здесь совсем неширокие, но машин на них много. Движение левостороннее, поэтому все машины с правым рулём. Непривычно для нас.

Когда мы вернулись на судно, разгрузка уже почти закончилась. Мы с начальником натянули главную антенну. Потом настроили телевизионную антенну, чтобы вечером смотреть телевизор без проблем. После ужина по телевизору показывали кинокомедию, а потом был рок-концерт. Смотрели телек до одиннадцати часов местного времени. Стали совсем как англичане: днём – работа, вечером – телевизор. В час ночи будет лоцман. Нам предстоит отправиться в Бельгию, в славный город Антверпен! Это столица маклаков, или, как их ещё называют, шипчандлеров (судовых поставщиков). Там цены на интересующие нас товары гораздо ниже, чем в остальных иностранных портах. Наконец-то будет возможность «отовариться»! Идти нам туда сутки. В Антверпене нас загрузят железом, и мы отправимся в Выборг. И это здорово, так как от Выборга до Ленинграда ехать всего два часа на электричке! И мы с Иринкой наконец-то увидимся! С такими приятными мыслями я засыпал, расставаясь со «старой доброй Англией».

CXII.

Сегодня в Антверпен мы так и не попали. Стоим на рейде небольшого голландского городка Флиссинген, в устье реки Шельды. Мы пришли сюда утром. Море было в дымке, но погода – тёплая. После завтрака я пошёл на радиостанцию и написал радиограмму Иринке. Эх, взглянуть бы мне на неё, хоть одним глазком! Ведь очень трудно все чувства вместить в несколько

скупых слов радиограммы. Нас разделяют 1900 километров. Радиосигнал преодолеет это расстояние почти мгновенно, но мои мысли о любимой опережают даже его. Поэтому я «всегда на связи» с моим любимым человеком!

Начальник радиостанции решил приучать меня к самостоятельной работе. Сегодня я набивал на телетайпе радиограммы (включая и мою). Всё, что я печатаю, набивается на телетайпную ленту, которая выползает из кожуха буквопечатающего аппарата и свивается змейкой на полу. При сеансе радиосвязи эта лента будет заправлена в передающее устройство аппарата, и радиограммы уйдут в эфир, чтобы быть принятыми на таком же аппарате в приёмном радиоцентре пароходства. Это очень экономит время, когда нужно передать большой объём корреспонденции. Перед отправкой радиограмм нужно дать настройку, чтобы аппарат принимающей стороны правильно воспроизводил передаваемую информацию. Для этого отправителем сначала передаётся комбинация «РЫ», которая должна без ошибок воспроизвестись на аппарате принимающей стороны. Поэтому сначала радиооператоры начинают сеанс связи с помощью общения азбукой Морзе, потом переходят на частоты передачи с использованием буквопечатающей аппаратуры. Комбинация «РЫ» набивается на телетайпную ленту, которая склеивается в кольцо, и гоняется «по кругу» до момента, пока принимающая сторона не даст сигнал «ГА», что означает «начинайте передачу корреспонденции». И вот тогда судовой радиооператор заряжает в аппарат БПЧ (буквопечатающий аппарат) вместо ленты «РЫ» ленту с набитыми радиограммами. И телетайп стремительно пропускает её через себя, отправляя в эфир передаваемую корреспонденцию. Вот такая автоматизация труда радиооператора. Красота! Примечательно, что для проверки буквопечатающих аппаратов, с использованием шрифта на русском языке существует «волшебная» фраза, которая позволяет проверить работоспособность аппарата. Оператор набирает на клавиатуре:

– В чащах юга жил был цитрус? Да, но фальшивый экземпляр. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0.

В этой фразе задействованы почти все буквы русского алфавита, кроме «ё» и «ъ». Если аппарат БПЧ печатает эту фразу без ошибок, то он исправен.

До начала вахты начальника радиостанции я справился с подготовкой телетайпной ленты для передачи, и начальник решил продолжить моё практическое обучение. Он дал мне вахтенный радиожурнал, и под его руководством я открыл вахту и вносил в журнал необходимые записи. Это было описание всех

событий, которые происходили в эфире за время несения вахты радиооператором, с указанием точного времени по Москве. Вахта открывалась с начала часа, об этом делалась запись в журнале. Если оператор ничего не передавал в эфир, то он записывал в журнал то, что происходило на радиочастоте 500 кГц (частота вызова и бедствия в среднем диапазоне радиочастот). В периоды радиомолчания (с 15-ой по 18-ю, и с 45-ой по 48-ю минуты каждого часа, когда радиооператор слушал эфир на предмет обнаружения сигналов бедствия) в журнале делалась запись «SP nil». Это означало отсутствие каких-либо сигналов в указанный период времени. Если же поступали сигналы бедствия или вёлся аварийный радиообмен, то вся информация записывалась оператором непосредственно в журнал. Между записями о периодах SP, нужно было сделать не менее двух записей о работе в эфире других радиостанций, чтобы показать, что радист не «даром ест свой хлеб», находясь на вахте, а следит за эфиром, обеспечивая «безопасность жизнедеятельности человека на море». Потом я принимал погоду от голландской береговой радиостанции. А когда всё было сделано, то напечатал в свой отчёт о практике ещё одну страницу. Больше делать было решительно нечего. Приходилось заниматься самым нудным и противным для моряка делом – ждать.

После ужина крутили кино. Пришлось посмотреть «Отца Сергия» во второй раз. Телевизор показывал местные телеканалы, но без звука. Интересных передач не было.

На рейде вместе с нами стояло много судов. Ближайшее к нам – «китаец». Судно – как судно, только на трубе китайский флаг и название на носу судна написано иероглифами. Вот мимо нас прошёл огромный автомобилевоз – настоящий плавучий город! Буксир у его борта выглядит, как блоха по сравнению с «барбоской». На берегу дымит какой-то завод. Из одной из труб бьёт горящий газовый факел, подсвечивая дым оранжевым цветом. На этом все развлечения заканчивались. Пора было отправляться спать.

CXIII.

Утро следующего дня мы встретили на том же месте, в той же компании наших вчерашних соседей. Я поймал себя на мысли, что сегодня ровно две недели, как я ушёл в плавание. Идёт времечко, но вот как-то уж очень медленно! После завтрака пошёл на радиостанцию, принял “Navarea” – это сводка событий, относящихся к вопросам мореплавания в определённых районах морской акватории. Потом заглянул в своё задание на практику.

Мне предстоит внести в отчёт некоторые материалы на английском языке. Пришлось идти к третьему помощнику и просить у него печатающую машинку с клавиатурой на английском языке. Расположение букв на английской клавиатуре отличается от русской. Напечатал одним пальцем (поскольку печатать всеми пальцами нас учили только на русскоязычной клавиатуре) три листа текстов на английском языке. Добавил их к своему отчёту. Вот, и ещё с одним заданием покончено! С чувством выполненного долга вернул печатающую машинку третьему помощнику. А день всё тянулся и тянулся.

Наконец, после ужина нам дали «Добро» на заход в порт! Всё сразу же пришло в движение. Первый помощник раздал всем бланки таможенных деклараций для заполнения. В восемь часов вечера прибыл лоцман, и мы пошли вверх по реке. По берегам реки Шельды стоит много заводов. Жилых домов почти не видно. Вода в реке серая, мутная, и течение быстрое. Видел в воде небольшую медузу. Вот ведь куда она забралась из моря. Видно, приливом её сюда занесло. А, может быть, это речная медуза решила в море податься? Как говорится: «Дело было вечером – делать было нечего!» Потом к нам в каюту зашёл камбузник Серёга, и мы под бренчание неподключенной электрогитары пели знакомые песни. Чего только не сделаешь от скуки! Потом пошёл на радиостанцию. Начальник принимал навипы. В отличие от Navarea, навипы (навигационные извещения мореплавателям) передаются советскими береговыми радиостанциями на русском языке. Наш радиоцентр даёт их для судов пароходства, находящихся в различных районах плавания. Для полноты информации мы принимаем обе разновидности извещений, распечатываем их и передаём на ходовой мостик штурманам. А они уже решают, что с ними делать, корректируя обстановку на морских картах по маршруту нашего следования. Потом собрались было снять главную антенну, чтобы та не мешала при погрузке, но шлюз на реке закрыли до двух часов ночи, и мы отправились спать. Утро вечера мудренее! Штурмана сказали, что нам дали для швартовки 500-й причал, а это очень далеко от города! Для поездки в город надо будет заказывать автобус. Завтра воскресенье, а в воскресенье портовые грузчики не работают, и, следовательно, загружать нас не будут. Наш народ собирается съездить отдохнуть в спортивный комплекс, построенный специально для моряков. Не знаю, как получится, но мне было бы интересно там побывать.

Забегая вперёд, скажу, что в тот раз нам так и не удалось съездить в этот спортивный комплекс. Слишком поздно мы пришли в порт. Заказывать автобус надо было раньше. А побывал

я в этом комплексе только через пару лет, когда работал на судах Мурманского морского пароходства. Мы тогда тоже заходили в Антверпен, и начальник отпустил меня отдохнуть вместе со свободными в этот день членами экипажа. Мы приехали туда на заказанном автобусе и пробыли там половину дня. Спортивный комплекс был большим. Он включал в себя футбольное поле и теннисные корты, бассейн, тренажёрные залы, площадки для игры в настольный теннис. Бесплатный бар с безалкогольными напитками и телевизором, по которому крутили выступления рок-звёзд.

Можно было позаниматься спортом, отдохнуть, послушать и посмотреть выступления различных музыкальных групп, вволю напиться бесплатного кофе или чая, а также различных соков. Этот комплекс был построен совместными усилиями моряков и Общества Советско-Бельгийской дружбы. Говорят, что экипажи судов даже участвовали в стройке, выезжая сюда на субботники, во время стоянок в порту. И вот, наконец, комплекс был построен, и мы могли здесь отдохнуть между рейсами. Это было здорово! Замкнутые пространства судна давят на психику. Ты почти всё время находишься в закрытых помещениях, как в тюрьме. Деваться некуда! Недаром, как нам рассказывали, в Швеции был специальный вид наказания для осуждённых: или сиди срок в тюрьме на берегу, или половину срока, с дальнейшим его полным зачётом, работай на морских судах без права схода на берег. Так что делайте выводы! Поэтому здесь, на берегу, мы отдыхали душой и телом, ведя здоровый образ жизни! Ходить по территории спорткомплекса можно было в плавках. Даже в баре, стены которого были увешаны различными флагами, вымпелами пароходств и судов, полками со спортивными кубками и фотографиями спортивных команд различных пароходств Союза ССР. Упитанный улыбчивый бородатый бармен-бельгиец по-русски не говорил, но слова «кофе, чай и джус (сок)» понимал прекрасно! И наливал желающим всё это без ограничений. Набегавшись с мячом, напрыгавшись с теннисной ракеткой, наплававшись в бассейне, можно было усесться в баре за столиком с любимым напитком и смотреть на выступление знаменитых артистов западной эстрады. Там я впервые увидел концерт группы «Wings» Пола и Линды Маккартни. По тем временам это было для меня событием!

Но всё это было потом, в будущей трудовой жизни! А пока мы стояли перед закрытым шлюзом, ожидая захода в порт Антверпен, и засыпали, желая поскорее приблизить наступление завтрашнего дня.

CXIV.

Сегодняшний день не пожелал быть интересным. С поездкой в спорткомплекс ничего не получилось. День был воскресный, все береговые службы предпочитали отдыхать. Нам оставалось только маяться от вынужденного безделья. Я проверил аккумуляторы аварийного передатчика, посидел в радиорубке, потренировался работать на электронном ключе без выхода в эфир. Получалось относительно неплохо. Но, как выяснилось потом, мой начальник радиостанции работал на электронном ключе левой рукой, и соответственно переключатель ключа, который определял, в какую сторону при нажатии манипулятора будут выдаваться тире и точки, был установлен под его левую руку. Это означало, что при нажатии указательным пальцем левой руки рычага манипулятора вправо – ключ выдавал точки, а при нажатии большим пальцем влево – тире. Я об этом не знал, так как в Училище электронных ключей у нас не было. Я привык работать на горизонтальном ключе правой рукой, ну, и научился работать на электронном ключе неправильно! Большим пальцем правой руки выдавал точки, а указательным – тире. Это снижало скорость передачи. Потом мне пришлось переучиваться. Когда я стал работать самостоятельно, тоже передавал левой рукой, так как это позволяло держать в правой руке карандаш для записи информации и вести радиообмен, не отвлекаясь на то, чтобы брать карандаш после каждой передачи на ключе.

После обеда к нам на борт поднялся местный маклак – агент по мелкорозничным продажам. Ему можно было заказать привезти на борт всякую мелочь: жевательную резинку, сигареты, вино – чтобы завтра он доставил всё это на судно. Но, поскольку завтра я и так собирался в город, то от заказов воздержался. После ужина нам выдали причитающуюся нам валюту. Я получил на руки 374 бельгийских франка. Как выяснилось, эта сумма была эквивалентна нашим семи инвалютным рублям. Завтра, зажав все мои деньги в потный кулачок, мне предстоит сделать долгожданные покупки! Цены в Антверпене гораздо ниже, чем в предыдущих портах захода. Это радовало! Группы увольняемых завтра на берег членов экипажа были сформированы. Я и Серёга Сухов входили в группу под руководством самого капитана! Как выяснилось, нам предстоит сопровождать «мастера» (так обычно капитан подписывается в радиограммах, отправляемых на английском языке иностранным адресатам) в его поездке на такси в Генеральное Консульство СССР в Бельгии, а потом мы пойдём с ним по магазинам. Завтрашний день будет для нас единственным, когда можно будет «отовариться», так как нас

будут загружать железом и погрузка много времени не займёт. Рядом с нами, у соседнего причала, стояло огромное иностранное судно. Плавучий город! Мы, по сравнению с ним, выглядели букашкой. Чего только в море не увидишь! Вечером мы смотрели кино и телевизор, торопя время и желая, чтобы скорее наступило завтра!

CXV.

Следующий день был для нас самым длинным. Не только потому, что это было 22 июня, когда время светового дня самое большое в году, а по насыщенности событиями! Сорок лет назад в этот день началась Великая Отечественная война. Дата печальная, но для нас, потомков ветеранов той войны, этот день выдался удачным.

После завтрака все свободные от вахты стали собираться в город. В десять часов должен был прибыть автобус, чтобы увезти всех желающих. Я особо не торопился, ведь мне и Серёге предстояло ехать с капитаном на такси! Когда народ, со старпомом во главе, уехал на автобусе, я поднялся в радиорубку и прослушал повестку, так как начальник радиостанции, уезжая вместе со всеми, предварительно попросил меня послушать, будет ли что-нибудь для нас. Для нас ничего не было. С чувством выполненного долга я стал собираться в город. Тут как раз за мной зашёл Серёга Сухов, и мы пошли к капитану. Капитан, увидев, что мы готовы, заказал по телефону такси (на стоянке с берега на судно подключалась телефонная линия). Через полчаса мы втроём спустились по парадному трапу и уселись в подъехавший белый «Мерседес». За рулём была женщина-водитель. Капитан, одетый в белый мундир и фуражку с золотым шитьём, выглядел настоящим адмиралом! Он держал в руках кожаный портфель с документами для Генерального Консульства. Капитан сел на переднее сиденье, рядом с водителем, а мы с Серёгой – на заднее. Капитан назвал адрес по-английски, и мы поехали. Машина ехала плавно. Было здорово сидеть на мягких сиденьях и глядеть, как за окнами автомобиля убегают назад портовые сооружения, причалы и проходная порта. Приятно, чёрт возьми, проехаться с ветерком по бельгийскому автобану! Мы недолго ехали по шоссе, среди потока легковых и грузовых машин. Через пятнадцать минут впереди уже показались многоэтажные дома на улицах Антверпена. Во время всего пути наш капитан разговаривал по-английски с нашим водителем, угощал её конфетами и коротал время за приятной беседой. К своему удивлению, я понял всё, о чём они говорили! Мы въехали

в город. Кругом большие красивые многоэтажные дома. На улицах большое количество машин, магазинов, рекламных щитов. Повсюду много зелени. Через двадцать минут мы уже въезжали в тихий, утопающий в зелени, малоэтажный городской район. Остановились у аккуратного двухэтажного коттеджа на углу улицы. Это наше Генеральное Консульство.

Капитан вышел из машины и попросил подождать его минут пятнадцать. Мы тоже вышли поразмяться. Район этот очень тихий. За 15 минут мимо нас не проехало ни одной машины. Прошла мимо пара пешеходов, и всё. Потом из Консульства вышел капитан, мы сели в машину и поехали по магазинам.

И тут начались приключения! Только мы выехали на оживлённый перекрёсток, как у нашей машины спустило колесо. Пришлось встать у обочины. Наш водитель достала из багажника запасное колесо и домкрат, извиняясь за принесённые нам неудобства. Мы втроём взялись помогать ей в замене колеса. Самым деятельным и знающим в этом вопросе оказался Серёга Сухов. В его семье дома были собственные «Жигули», поэтому он взял инициативу в свои руки. Я и капитан были на подхвате. Капитан, весь в белом, не гнушался браться за грязное колесо, а я помогал откручивать болты. Вскоре запасное колесо было установлено на своё место. Но руки у всех нас были чёрные от грязи. Возник вопрос: где их вымыть? Мы находились в центре города, на оживлённой магистрали, и воды поблизости не было. Наш водитель достала из машины упаковку влажных салфеток. Для нас в то время это было экзотикой. Мы с капитаном довольно успешно оттёрли свои ладони от черноты, а Серёга так и не смог оттереть свои «руки кочегара» до конца: салфетки закончились. Ну, хотя бы так! Мы доехали до нужного нам места в городе. Капитан расплатился с водителем специальными чеками, которые ему выдавались для представительских расходов. Наша женщина-водитель охотно приняла их для оплаты, и мы, пожелав друг другу хорошего дня, расстались с ней и отправились за покупками. Место, куда стремились попасть все моряки, чтобы «отовариться» в Антверпене, находилось на небольшой площади в центре города, окруженной трёх-четырёхэтажными старинными домами. В нижних этажах каждого дома размещались магазинчики маклаков. Они легко узнавались по большим надписям на русском языке – «Всё для моряков!» Все продавцы прекрасно говорили по-русски. Среди них были в основном поляки, евреи, грузины или армяне. Надо думать, что многие были выходцами из СССР. Они стояли за прилавками, которые были завалены грудами нужных морякам вещей: одноразовых зажигалок, индийских складных зонтов «Три слона», ручек-

перевёртышей, жевательной резинкой, ножницами-кусачками, коллекциями олимпийских рублей и ещё тысячами всяческих мелких вещиц! Капитан спросил у нас, что мы хотим купить. Нас интересовали джинсы. «Мастер» понимающе усмехнулся и повёл нас в соседний магазин, где на полках от пола до потолка лежали джинсы. Продавец расплылся от счастья, увидев таких покупателей, как мы. Мы с Серёгой слегка обалдели от широкого выбора марок и видов джинсов. Капитан пошёл в соседний отдел, где продавали элитный алкоголь, а мы занялись примеркой. К своему стыду, я до этого момента джинсов никогда не мерил и как их выбирать, не знал. Поэтому весь мой предыдущий опыт выбора брюк сводился только к определению их длины и обхвата в талии. Ощущения, которые я испытывал, надевая джинсы впервые в жизни, были у меня странные. Они совсем не соответствовали моим представлениям о том, как я должен был себя в них чувствовать. Когда вы надеваете обычные брюки, то вы должны чувствовать себя в них свободно, чтобы ничто не затрудняло движений. Джинсы жали мне со всех сторон одновременно, что сбивало меня с толку. Продавец показывал мне большой палец и говорил, что джинсы сидят отлично! Я же ощущал себя как рука, затянутая в перчатку. Как же в них вообще ходить, если везде жмёт? Доверяя своим ошибочным (как оказалось!) ощущениям, я просил продавца дать мне размер побольше. Тот недоумённо пожал плечами, но принёс другой размер. Эти джинсы были уже посвободнее, но я попросил ещё побольше. Большого зеркала в магазине не было, и посмотреть, как джинсы выглядят на мне со стороны, возможности не было. Добившись того, что я ощутил знакомую свободу, находясь в джинсах, как в обычных брюках, я остановил свой выбор на них. Салага! Как оказалось, я выбрал синие джинсы знаменитой фирмы «Wrangler», но на два размера больше, чем мне было нужно! Это потом мне ребята на судне рассказали, как надо выбирать джинсы: если зажать в руках низ штанин и развести руки в стороны, то средний шов, проходящий между ног, должен быть точно на уровне моего носа – это соответствовало нужной мне длине джинсов. А если застегнуть джинсы на молнию и пуговицу, а затем поместить согнутую в локте руку со сжатым кулаком внутрь их там, где пояс, и джинсы не будут сваливаться с руки, то этот размер джинсов точно тебе подойдёт. Критерии эти были безошибочными! Я сам впоследствии в этом убедился. А сейчас я был счастливым обладателем своих первых в жизни джинсов «Wrangler», 54-го размера (хотя носил я обычно брюки 50-го размера), за которые я отдал двадцать голландских гульденов и 170 бельгийских франков (что соответствовало 400-м

бельгийским франкам)! На оставшиеся деньги я дополнил свой гардероб модной белой футболкой с надписью на английском, которая была мне немного маловата (но я надеялся, что она растянется). Оставшаяся бельгийская мелочь была потрачена на подарки: зажигалку для отца, жевательную резинку, сувенир для Иринки и несколько цветных пакетов с надписью «Montana». Из наличности у меня остался 1 бельгийский франк, купить на который я ничего уже не мог. Оставил его у себя в качестве сувенира. Довольные своими покупками, мы с Серёгой и капитаном вышли из магазина и на площади повстречали наших членов экипажа, которые волокли к ожидающему нас автобусу по одному или два ковра и по куче пакетов с «отоваркой». Все закупились по полной программе, так как таких низких цен нигде в Европе (кроме Роттердама) больше не было!

Через полчаса мы уже поднимались по трапу на наше судно, напоминая пиратов после удачно совершённого абордажа! Нас потихоньку продолжали загружать железом. Было понятно, что сегодня мы не уйдём. Закончить погрузку предполагалось только завтра, после обеда.

В каюте я стал примерять свои покупки. Стало понятно, что джинсы мне великоваты, а футболка, наоборот, мала. Ребята посоветовали замочить джинсы в тёплой воде, чтобы они потом высохли и подсели. Такую же операция провести с футболкой, только высушить её на себе, чтобы растянулась. Вот так, одним способом, предполагалось решить две противоположные задачи! Я так и поступил. Скоро уже мои джинсы сушились на вешалке, а я щеголял во влажной футболке. Результат был не очень большой, но всё-таки был.

После чая начальник радиостанции затащил меня в его каюту похвастаться своими покупками. Бельгийские ковры в то время шли в Союзе «на ура!», и каждый моряк «загранзагрёба» имел указание от жены «без ковра домой не возвращаться». Продажа одного (а лучше – двух) ковров обеспечивала безбедное существование семьи моряка до его следующего возвращения домой. Поэтому наше судно, после посещения Антверпена выглядело роскошно: в каждой каюте по ковру, ну, прямо, как на «Титанике»! А забитые подарками чемоданы приятно заполняли пространство платяных шкафов в каютах.

Теперь, когда были потрачены все деньги, нашими моряками овладела только одна мысль: «Домой! Скорее домой!»

CXVI.

Утро следующего дня началось для меня с примерки. Мои

новые джинсы за ночь почти высохли и были слегка влажными. Это было хорошо, так как мне сказали ребята, что теперь мне нужно было их надеть и ходить в них до полного высыхания, чтобы они сели по фигуре. Полдня я щеголял в них, пока они окончательно не просохли, и я понял, что они мне всё ещё велики. Начальник радиостанции с утра уехал в город менять свою джинсовую куртку, возложив на меня обязанности самостоятельно принять повестку, радиограммы на магнитофон и погоду. Я приступил к обязанностям радиста. Сначала всё было хорошо. Я услышал наш позывной в повестке и вовремя включил магнитофон, чтобы записать на высокой скорости радиограммы, передаваемые в наш адрес быстродействием. Потом на низкой скорости воспроизведения стал их распечатывать на пишущей машинке и так увлёкся, что когда взглянул на часы, то понял, что погоду передают уже как десять минут! Это был провал! Лопух! Я прошляпил сводку погоды. Даже вкусный обед не мог вывести меня из подавленного настроения. Потом на судно вернулся начальник радиостанции. Я рассказал ему всё, как было. Он сказал, что ничего страшного не произошло, и мы примем погоду вечером. А пока мы приняли факсимильную карту погоды, и на душе у меня стало легче.

Вернувшись в каюту и критически осмотрев свои джинсы, я решил повторить процесс их замачивания. На этот раз я сделал температуру воды горячее, чем в прошлый раз. Через полчаса мои джинсы висели над открытым люком машинного отделения, из которого мощной струёй поднимался тёплый воздух. Через три часа джинсы были абсолютно сухие. За это время нас окончательно загрузили, и все таможенные формальности нашего отхода тоже были окончены. Два буксира оттащили нас от причала и повели к шлюзу. Около часа мы ждали, когда шлюз освободится. За нами встал тот самый «китаец», которого мы видели на рейде Флиссингена. Шлюзование заняло минут 45. Корабли наши стояли рядом. Китайцы тоже вышли на палубу, и мы смотрели друг на друга. Их судно больше нашего. Называется оно «Teamen» – «чайный человек». После ужина мы вышли из шлюза и отправились к родным берегам!

Я снял джинсы с люка машинного отделения и отправился их примерять. Джинсы были абсолютно сухие и твёрдые. Мне говорили, что хорошие джинсы даже могут сами стоять, если их поставить. Решил это проверить! Действительно, джинсы стояли на двух расправленных штанинах и не падали! Это означало, что джинсы были настоящими, неподдельными! Это радовало! Поспешил поскорее их надеть. Джинсы сели ещё больше и были мне почти как раз! Решил для себя, что в следующий раз (если он

будет) куплю джинсы своего размера.

Вечером я принимал Navarea от английской береговой радиостанции. Но на соседней частоте работала какая-то другая мощная радиостанция, и помехи от неё были уж очень большие. Как я ни бился потом над магнитофонной записью, шум скрывал целые слова сообщения. Пришлось подождать, когда Navarea стали передавать французы. Передача было отличная, всё записалось хорошо. Потом я переписывал текст с магнитофона на бланк, а начальник радиостанции принимал на БПЧ навипы от Ленинграда. А потом немецкая радиостанции дала срочное сообщение, что в районе порта Кале человек упал за борт. Мы шли в другую сторону и ничем помочь не могли. Район там оживлённый, и судов, которые находились к тому месту ближе нас, было достаточно. Вот так прошёл мой первый день самостоятельной работы в качестве радиооператора. Первый блин, так сказать! Ну, ничего, начало положено! Буду и дальше стараться осваивать профессию!

CXVII.

Мы идём домой! Но как же медленно мы тащимся … Только завтра войдём в Датские проливы. Наш приход в Союз планируется на 28-е июня. Ах, если бы мы пришли раньше! Как хочется поскорее увидеть мою любимую Иринку! Но правда всей моей жизни на флоте подсказывала, что намеченное редко выполняется в срок. Лучшее лекарство от скуки – это работа! Начальник радиостанции оценил мой трудовой порыв и доверил почистить контакты у переключателя магнитофона: что-то последнее время тот стал барахлить. Зачистил, протёр спиртом – всё заработало как надо! Принял два циркуляра. А после обеда впервые работал самостоятельно в эфире! Начальник усадил меня за ключ (правда, я его перевёл в отключенное положение, и на нём можно было передавать, как на обычной «пиле»). Под бдительным оком начальника я вышел на связь с Ленинградом. От волнения руки у меня дрожали, и вспотел я неслабо. Но честь Училища не опозорил: сработал как надо! Начальник поздравил меня с боевым крещением! Потом я принял без ошибок английскую погоду. Дела помаленьку продвигаются!

После чая мы с начальником чинили судовую трансляцию на корме. Теперь она продержится до следующего ремонта судна. Во время ремонта заметил, что умудряюсь обычным сверлом высверливать в металле треугольные отверстия! Мистика! Вечером начальник продемонстрировал мне, как выглядит работа судового радиста без прикрас. Начальник поручил мне

подсчитать сумму денег за поданные членами экипажа радиограммы. Пока я считал слова и умножал их на тариф, начальник связался по радио с Ленинградом и стал сдавать имеющиеся у нас радиограммы посредством телетайпа. Нас слышали плохо, и то и дело приходилось давать настройку и повторять каждую радиограмму по несколько раз. Два часа начальник метался как угорелый от буквопечатающего аппарата к телеграфному ключу и обратно! Так, наверное, только лошади могут носиться по ипподрому! Хотя и существует мнение, что радист – это «судовая интеллигенция», но «пашет» эта «интеллигенция» не меньше других! А иногда и больше! «Мотаю на ус» все тонкости моей будущей профессии, использую каждую возможность чему-нибудь научиться. Сегодня вечером судовое время будут переводить на один час вперёд. Теперь мы будем жить по московскому времени. Завтра придётся вставать на час раньше, но ничего – это означает, что я на один час раньше смогу увидеть мою Иринку! Скорее бы!

CXVIII.

Вот и ещё на 200 миль мы стали ближе друг к другу! Мы уже в Датских проливах. Копенгаген будем проходить скорее всего ночью. Опять мне не удастся увидеть Замок Гамлета при дневном свете! Разница судового времени с местным составляет два часа. По нашему времени скоро будет полночь, а здесь солнце ещё только-только садится. Большой рыжий шар висит над волнами и потихоньку опускается в этот тёмно-синий, искрящийся горизонт. Красивое зрелище! Но такими пейзажами хорошо любоваться в начале рейса, когда ещё свежи в памяти воспоминания о доме. А сейчас я бы всю эту красоту променял на то, чтобы быть рядом с моей Иринкой! Последние дни рейса самые мучительные. Они тянутся и тянутся. Вот и сегодняшний день был долгим и тягучим, как резина. Ничего выдающегося сегодня не произошло, если не считать известия, что после выгрузки в Выборге, мы пойдём грузиться в Ленинград! Только это и радует! В остальном же всё было серо и буднично. Утром я красил ящик трансляции на корме, потом заполнил уже осточертевшие абонементы на подписку, принял карту погоды – скукота! После чая было судовое собрание – разбирали выполнение соцобязательств. Вспоминая то время, думаешь, как же всё изменилось! Где теперь все эти партсобрания, социалистические обязательства, портреты Ленина, вымпелы «Ударник коммунистического труда»? Тогда мы и не задумывались, что можно было жить без всего этого! Наши цели были ясны, задачи определены, оставалось только трудиться

и радоваться, что мы живём в Великой и Непобедимой Стране! Возвращаться в которую из заграницы всегда было радостно и волнительно. После собрания я «отловил» второго помощника и в течение получаса «выуживал» из него сведения по экономике для своего отчёта. Штурман покорно отвечал на мои вопросы, а я усердно записывал его ответы. Потом покопался ещё немного в учебнике по экономике, и ещё одна страница моего главного документа о практике была заполнена! После ужина смотрели кино. Фильм был документальный, про Китай. Мы что, похоже, все художественные уже пересмотрели? Убить время было больше нечем, и лучшим способом для этого было пораньше лечь спать. Так я и поступил.

CXIX.

Утро мне пришлось начать натощак: меня опять не разбудили на завтрак! Боцман поменял вахтенных местами, и новый вахтенный про меня забыл. Да, хочешь питаться вовремя – купи будильник! Глотнув на завтрак свежего морского воздуха, я отправился искать начальника радиостанции. Он уже был на корме и орудовал кистью, начав красить в белый цвет, окрашенный мною накануне грунтовкой ящик трансляции. Начальник передал мне кисть как художник художнику, и я продолжил это занятие живописью на пленэре. А начальник пошёл открывать вахту, прозрачно намекнув, что на баке тоже имеется такой же ящик. Покрыв ящик сверху, снизу, с боков и изнутри добротным слоем белой краски, я придирчиво оценил свою высокохудожественную работу. Потом добавил ещё парочку завершающих мазков кистью, и шедевр был окончен. Мне предстояло сделать его точную копию, но теперь уже в носовой части судна – на «баке». Вальяжной походкой профессионала ремесла художественной покраски я прошёл на бак. И только хотел приступить к созданию очередного шедевра, как был вероломно атакован стаей, притаившейся у ящика трансляции, недружественной нам, иностранной мошкары! Которая вознамерилась нелегально пересечь нашу государственную границу и осуществить незаконную экспансию на территорию нашей страны (так как вся территория судна, идущего под Государственным флагом, является частью территории этого государства). Атака была стремительной и кровавой! Размазав несколько первых атакующих эскадрилий по своим щекам и предплечьям, я временно отступил в радиорубку, где дополнительно экипировался в спецовку с длинными рукавами. И затем, рассеяв атакующего противника словесно и физически,

одержал полную победу над морально деморализованными и повергнутыми в бегство военно-москитными силами НАТО! Некоторые одиночные представители разбитой мною группировки пытались совершить аварийную посадку на белоснежную поверхность свежевыкрашенного ящика трансляции, но нашли свой бесславный конец, увязнув «по уши» в российских высококачественных быстро сохнувших белилах! Где затем они и были похоронены мною под вторым слоем краски. Постояв таким образом «за Русь-матушку», я отмыл Уайт спиритом пальцы и кисти от краски и пошёл в радиорубку докладывать начальнику о достигнутом успехе.

Начальник принимал карту погоды, и моя помощь ему выразилась в том, что я отнёс эту карту в штурманскую рубку. Мы продолжали двигаться к родным берегам. Я вернулся в радиорубку и написал радиограмму моей любимой. Начальник обещал отправить её на следующей вахте. Потом я засел за печатную машинку и пополнил свой отчёт о практике еще парочкой страниц. Сколько их ещё будет? Надо бы ещё дополнить отчёт фотографиями. Будет лучше выглядеть! И я отправился за фотоаппаратом в каюту.

Т/х «Ижоралес» 1981 г.

Глядя на снимки тех лет, понимаешь, как много времени прошло с тех пор. Годы проносятся, как вихрь, увлекая за собой друзей, события и чувства, испытываемые нами ко всему, что нас тогда окружало. Мы продолжаем улыбаться со старых снимков, оставаясь молодыми, весёлыми и полными надежд! И всё, что фиксировал бесстрастный объектив фотоаппарата, позволяет нам потом, вспоминать самые лучшие моменты нашей жизни, вернуться в молодость и снова испытать ощущения радости и счастья! Поэтому фотоаппарат – это та самая «машина времени», которую мы до сих пор почему-то, считаем фантастикой, хотя она хорошо знакома каждому из нас!

Идея со снимками была верной! Учитывая, что на каждом судне обычно имеется фотооборудование для проявки плёнки и фотопечати, реализовать мой замысел было вполне возможно. Мой отчёт начинал приобретать весьма представительный вид, что позволяло надеяться на высокую положительную оценку за плавательную практику. А пятёрка в дипломе никогда не бывает лишней!

Вечером первый помощник раскопал где-то в дебрях судовой фильмотеки фильм «Несколько дней из жизни Обломова». Показ растянулся действительно на «несколько дней», поскольку в тот вечер мы осилили только первую часть фильма. Было не только

интересно наблюдать игру актёров, смотря экранизацию классического произведения Ивана Александровича Гончарова, но и наслаждаться видом великолепной природы средней полосы России, по которой мы тоже успели истосковаться. Моряку, как и космонавту, сниться «трава у дома. Зелёная, зелёная трава!» Так пела нам в то время известная группа «Земляне». Что мне снилось именно тогда, я уже не помню, но засыпал я с хорошим настроением, это точно!

CXX.

«Мы уже почти дома! Подходим к острову Гогланд. Дальше уже начнётся наша Советская Балтика! До Выборга отсюда 120 км. Завтра утром мы туда придём. А потом – в Ленинград! Как мне хочется, чтобы наша стоянка в Ленинграде продлилась подольше!» – так писал я в своём дневнике вечером 27 июня.

А рано утром мы уже были в Выборге! Нас подняли в половине седьмого, чтобы произвести осмотр судна перед приходом в порт. Обычное дело: чтобы не было сюрпризов для нас, когда мы пришвартуемся к причалу. Следует проверить все помещения на предмет обнаружения на судне посторонних лиц или контрабанды. Бесхозная контрабанда могла быть спрятана кем угодно в самых труднодоступных местах судна. А бывали случаи, когда перед заходом в Советский порт вдруг, откуда ни возьмись, появлялся какой-нибудь нелегальный эмигрант, просидевший весь рейс в каком-то невообразимом закутке и желающий попасть в Великий и Могучий СССР! Так обычно происходило с судами, которые посещали порты Африки. Там все грузчики были неграми, которые брались за любую работу, начиная от разгрузки судна и заканчивая выведением бородавок у всех желающих. Эти ребята были суперпрофессионалами во всём, что имело отношение к их личному материальному обогащению! Они толпами поднимались на борт судна под предлогом участия в погрузке или разгрузке, и в их карманах оседало всё, что было не приколочено гвоздями или не приварено электросваркой! Мастера «карманной тяги» умудрялись голой пяткой, глядя куда-то в сторону, чтобы не привлекать внимания, выворачивать ногой из палубы медную заглушку, которая закрывала отверстие какой-нибудь трубы. Причём эта заглушка была завёрнута «насмерть» специальным большим гаечным ключом, и отвернуть которую могли тем же ключом только двое здоровенных механиков. А тут один худой и полуголый чёрненький парнишка, непринуждённо насвистывая, справлялся с этим делом левой пяткой за пару минут! Пока один «работал», остальные его товарищи отвлекали

внимание экипажа предложениями различного обмена всяческих экзотических фруктов и безделушек на сигареты, одеколон или поношенную обувь. Эти вещи очень ценились в «развивающихся» странах Африки! Особым шиком считались наши обычные синие кеды с подошвой из красной резины. Ребята рассказывали, что в Анголе национальные гвардейцы вышагивают исключительно в наших кедах, производства Завода резиновых изделий «Красный треугольник»! Если же менять было нечего, то местные «знахари» предлагали вывести бородавки традиционным африканским способом. Когда один из мотористов ради интереса решил попробовать вывести бородавку на ноге, то чернокожий «целитель» усадил его на палубу и взял его ногу двумя руками. Потом, прицелившись на бородавку, стремительно ринулся откусить её зубами, но в последний момент моторист успел с воплем вырвать свою бедную ногу из его лап, и тем самым избежать неминуемого заражения крови! Шуму было много! Что собственно и было на руку «любителям сбора цветных металлов». Из таких металлов местные умельцы изготавливали различные украшения, надраивали их до блеска и продавали туристам и морякам как золотые. Прибыльное, видно, было дело!

Так вот, вернёмся к осмотру судна. Как мне рассказывали, в Мурманском пароходстве был случай, когда на судне, следовавшем из Африки в Мурманск, обнаружили такого, вот, чернокожего эмигранта-нелегала. Вышел он, правда, на третий день после отхода из африканского порта. Капитан и старший механик, не желая оглашать это чрезвычайное происшествие, за которое они могли лишиться визы и командных должностей, решили избавиться от «пассажира» по-тихому. Африканец был убит, зашит в брезентовый мешок с грузом и где-то в Атлантике, тёмной ночью сброшен за борт. Всё бы так и закончилось, но мешок с трупом каким-то образом всплыл (видно, в тёплой воде тело раздулось и приобрело положительную плавучесть). Плавающий предмет был поднят на борт какого-то проходящего судна. А при осмотре на брезенте был найден штамп с названием судна и пароходства, к которому оно было приписано, так как брезент был судовым имуществом, подлежащим учёту. Но в темноте штамп, вероятно, не заметили, потому что спешили спрятать «концы в воду». Закончилось всё для участников того инцидента плохо. Верить этому или нет, читатель может решать сам. Как знать, сколько ещё морских баек будет рассказано, но на море бывает всякое!

Когда с осмотром судна было покончено, я поднялся с начальником радиостанции на верхнюю палубу надстройки. Мы потихоньку шли среди множества небольших, заросших лесом

островов. Воздух был свеж и пах хвоей. Прошли мимо базы Военно-морского флота. У причалов стояло несколько малых сторожевых кораблей. Утро было тихое, яркое, солнечное и праздничное – ведь мы пришли домой! Когда вдали уже показались дома, портовые краны и заводские трубы Выборга, мы встали на якорь и целый час ожидали разрешения на заход в порт. Затем получили «добро» и проследовали к причалу. Там нас уже ожидали таможня и пограничники. Когда мы пришвартовались и спустили трап, то они поднялись на борт. Нам было приказано разойтись по каютам и ждать окончания работы таможни. Мы с матросом Саней сидели в каюте, когда вошёл таможенник с фонариком и попросил нас предъявить личные вещи и покупки. Немного покопался в них, задал пару дежурных вопросов, посветил фонариком в тёмных углах каюты и ушёл. А потом по трансляции объявили, что таможня завершила работу, и все могут заниматься текущими делами. Так закончилось моё второе плавание. Здравствуй, Родина!

CXXI.

Наконец-то мы встретились с Иринкой! Все члены экипажа, не занятые на вахте или разгрузке, после обеда покинули судно и на ближайшей электричке рванули в Ленинград. Нас обещали выгрузить завтра до обеда. Поэтому к девяти утра всем полагалась вернуться обратно. Наша долгожданная встреча с Иринкой была тёплой и радостной! Выяснилось, что завтра она сдаёт последний экзамен. Несколько часов мы провели вместе, а потом расстались, чтобы дать Ире немного подготовиться к экзамену. Я поехал к тётушке, но она с семьёй уехала в отпуск в деревню, а ключа у меня не было. Возвращаться на судно в Выборг было поздно. Куда деваться курсанту? Ну, конечно, в стены родной Системы! В середине лета в Училище можно найти только курсантов второго и третьего курса. Да и то, не в полном составе. Поэтому я надеялся переночевать в роте, а утречком вернуться в Выборг на электричке. Успокоив дневального на входе в учебный корпус своим курсантским билетом, я прошёл в экипаж №2 и поднялся на второй этаж к второкурсникам РТО. Здесь хотя бы дневальный присутствовал на месте. Я спросил у него, где можно найти старшину роты. Он показал мне кубрик, и я туда вошёл. Вошёл, … и обалдел!

Представьте себе обычный, до боли знакомый, курсантский кубрик, с рундуками и кроватями, расставленными вдоль стен. Но вместо стола, посреди комнаты, стояла: Настоящая! Парусная!! Яхта!!! Швертбот-двойка «Кадет» в натуральную

величину, только без мачты и парусов! «Ничего себе!» – только и смог сказать я, присвистнув от неожиданности.

В кубрике было двое ребят. «Ну, вы даёте, мужики! – обратился я к ним. – Кто из вас старшина роты?» Поговорили. Выяснилось, что они занимаются парусным спортом ещё со школы. А в яхт-клубе им дали на восстановление этот старенький швертбот. Ну, чтобы не тратить время на дорогу туда-обратно, они решили ремонтировать его здесь. Благо, сейчас обстановка в Училище спокойная. Командир роты – нормальный мужик – не стал препятствовать. Я изложил им свою проблему с ночлегом. Они уважительно отнеслись ко мне, как собрату-старшекурснику. Напоили чаем и показали коечку, где можно было «перекантоваться» до утра. Дневальный был проинструктирован, что меня нужно будет разбудить рано утром. Потом я им рассказывал о своих плаваниях, но недолго. Нужно было укладываться, так как мне надо было рано вставать. Заканчивался период «белых ночей», но сумеречный свет за окном нисколько не мешал мне уснуть в стенах родной Системы. В половине шестого утра дневальный растолкал меня, и я, наскоро умывшись, тихонько распрощался с ребятами и отправился на Финляндский вокзал.

CXXII.

Семичасовая электричка на Выборг вместила в себя всех членов нашего экипажа, побывавших дома и захвативших с собой членов своих семей, включая жён и детей различного возраста. Дело в том, что следующий наш рейс в Ленинград, после разгрузки в Выборге был каботажным. То есть без выхода за границу. А в такие рейсы с разрешения капитана членам команды разрешалось брать своих родственников. При этом они проживали в каюте члена экипажа вместе с ним и могли питаться в столовой команды. Деньги на их питание вычитались из зарплаты работающего на судне. Но если рейс был коротким, то администрация судна на это «закрывала глаза». Флотское гостеприимство было превыше копеечных расходов. Да, и кто же упустит возможность показать настоящее морское судно своим родственникам?

Дорога была весёлой, и время в пути прошло незаметно. В порту наша удалая компания появилась вовремя. Когда мы шли к своему судну, я заметил, что недалеко от нас стоит наш «собрат» – однотипное с нами судно «Шексналес». Именно на нём находились двое ребят с нашей роты, с которыми мы были на «Братске». Узнав у второго помощника, когда планируется отход нашего судна, я отпросился у начальника радиостанции, чтобы

повидаться с однокашниками. Он, узнав, что наши суда стоят рядом, отпустил без вопросов. Я помчался к друзьям на «Шексналес». На вахте у трапа как раз стоял Юра Вихров! Он удивился и обрадовался, увидев меня! Мы обнялись и полтора часа рассказывали друг другу о своих приключениях, делясь впечатлениями о наших заграничных плаваниях. «Шексналес» загружалось древесиной, и потом уходило в Швецию. Мы же отправлялись в Ленинград. Время пролетело незаметно, и, прощаясь, мы пожелали друг другу «семь футов под килем» и «Счастливого плавания!»

Через пятнадцать минут после того, как я поднялся на борт, мы дали прощальный гудок и отошли от причала Выборга. Погода понемногу портилась. Небо затягивалось серыми облаками. Но настроение у всех было радостное! Наш теплоход напоминал нечто среднее между плавучим домом отдыха и детским садом на выезде! От этой семейной суеты я укрылся в радиорубке. Начальник усадил меня за телеграфный ключ, и я несколько раз связывался и с Выборгом, и с Ленинградом. Руки мои дрожали всё меньше и меньше! Осваиваю самостоятельную работу. Вечером, часов в семь, мы подошли к приёмному бую Кронштадта. Мама дорогая! На рейде стоят более тридцати судов, ожидая разрешения на заход в порт. В большинстве своём – иностранные. Встали и мы рядышком с ними. Молчит Ленинград. Не хотят нас пускать домой! Ещё раз удалось поработать на ключе с ленинградским радиоцентром. Новостей не было. От скуки смотрели потом телевизор, финский канал здесь принимал довольно неплохо. Показывали какой-то ковбойский фильм, но он оказался довольно нудным. Не то, что мы смотрели в Англии! Высидел до конца, а потом отправился «на боковую». Хорошо бы завтра войти в порт! Ну, всё, сплю!

CXXIII.

Ленинград – город маленький! В этом я убеждаюсь всю свою жизнь. Множество людей, с которыми ты встречался где-нибудь за Полярным кругом или в местах, где и люди-то редко бывают, потом оказываются твоими соседями по улице или району, где ты живёшь, или у вас имеются общие знакомые и друзья. Для моряка порт – это место, где можно обязательно встретить старого знакомого, товарища или коллегу по работе, вне зависимости от того, где этот порт находится – в нашей стране или за границей. Ленинградский порт не был исключением из этого правила. Поэтому первым, кого я встретил у проходной Ленинградского Ордена Ленина Морского торгового порта, был Евсей Фрейдз! Мой закадычный друг Сева, вместе с которым мы отдыхали год

назад в Ялте, а сейчас проходили плавпрактику на судах Балтийского пароходства. Сева был одет в синюю курсантскую робу с гюйсом и нёс в руках какие-то документы. После крепких дружеских объятий и восторженных приветствий Сева заговорщицки приобнял меня и сказал, что у него есть ко мне одно, совершенно не терпящее отлагательства дело. После чего повёл меня на стоящее рядом у причала УПС (учебно-производственное судно) «Профессор Хлюстин», где он проходил групповую плавательную практику вместе с остальными ребятами из нашей роты.

Учебно-производственное судно (УПС) Балтийского Морского Пароходства «Профессор Хлюстин».

Они тоже недавно пришли из-за границы и несколько дней будут стоять в Ленинградском порту. Много поколений курсантов мореходок проходило плавпрактику на т/х «Профессор Хлюстин». Его экипаж состоял из штатных моряков, которые постоянно работали на этом судне, и многочисленных курсантов различных морских училищ, проходящих здесь практику по различным судовым специальностям. Дневальными у трапа стояли сразу два курсанта, одетые по форме №3, с традиционными повязками «рцы» на рукавах. Один из них был из нашей роты. Так я попал в гости к нашим ребятам. Пройдя по многочисленным палубам, которые блестели флотской чистотой (большая приборка тут проводилась каждый день), мы спустились в жилые отсеки, где в больших кубриках с двухярусными койками жили мои однокашники. Удивление, радость встречи и дружеские объятия

слились в одно целое! Ребята были одеты в рабочее платье, которое мы носили в Училище, и обстановка в кубрике весьма напоминала училищный быт. Эдик Спиридонов изменился внешне, отрастив, вероятно для солидности, свои первые усы. За это ребята стали называть его Стасом (намекая, что он усатый, как таракан)! Эта кличка так приклеилась к нему, что потом Эдиком в роте его больше никто и не называл! Эдик не обижался, ведь и Сергея Придатко, нашего одногруппника, все звали Кешей, и тот тоже относился к этому спокойно. Мы рассказали друг другу о своём флотском житье – бытье. Ребята проходили практику под началом нашего преподавателя РОС (радиооборудование судов) Филимонова. Он на время нашей плавпрактики временно устроился на «Хлюстине» начальником радиостанции. Так что ребятам приходилось использовать свои знания по его предмету на «всю катушку». Но они не жаловались: как начальник радиостанции Филимонов был весьма неплох! О капитане «Хлюстина» они рассказывали истории, которые весьма походили на морские байки, но ребята сами были их свидетелями. Капитан был молод и славился своей лихостью и удалью. Когда они ходили в Италию, то в Средиземке (Средиземном море) капитан разрешил устроить купание для курсантов и всех желающих членов экипажа. Предварительно была спущена спасательная шлюпка с членами экипажа, и всё это дело было обставлено как шлюпочные учения. Прыгать в воду нужно было с борта. Когда поступила учебная команда «Покинуть судно!», желающих быть первыми среди курсантов не нашлось. Тогда с крыла верхнего мостика в воду «солдатиком» вошло обнажённое загорелое тело капитана, одетого в плавки. Вынырнув на поверхность, капитан вынул изо рта конец зажжённой ещё на мостике сигары, затянулся и, выпустив кольцо дыма, крикнул опешившим курсантам: «Ну что, салаги, кто за мной?!» После этих слов все попрыгали в воду уже без боязни и сомнений!

Так что групповая практика у ребят проходила весело! Конечно же, им не всегда удавалось вдоволь потренироваться работе на электронном ключе, но наряды на камбуз и приборки делали жизнь привычной и не такой скучной. За границей курсантам разрешалось надевать в увольнение на берег форму №3. Поэтому они могли пройтись во всей красе по набережным зарубежных портов. К ним часто подходили местные жители или туристы и дотрагивались до их гюйсов (матросских воротников) с тремя полосками. Сначала ребятам это было непонятно, но, оказалось, что это такое выражение пожелания счастья и удачи! Ну, и примета есть такая: если дотронуться до горба горбуна или матросского воротника моряка, то тому, кто это сделал, будет

счастье. Горбунов среди курсантов не было, но ребята охотно раздавали счастье всем желающим.

Гражданская одежда у каждого тоже имелась, и в советских портах курсанты предпочитали ходить в увольнение «по гражданке». Севе как раз предстояло в этот день идти в увольнение. Поэтому я подождал его у ребят в кубрике, пока он переодевался, и потом, распрощавшись со всеми, мы отправились к проходной порта. Тут Сева, оглянувшись по сторонам, сказал мне, что хочет отдать мне свой денежный долг, который брал у меня в Ялте, и протянул 25 рублей одной купюрой. Я уже давно забыл об этом, но Сева помнил и вот теперь решил отдать деньги. Я очень удивился, но Сева настаивал, и мне пришлось согласиться. Сумма для курсанта была немалая! А сейчас хочу вас спросить, уважаемый читатель: «Что делают моряки, когда встречаются после дальнего плавания?» Правильно – отмечают встречу! Спонсором этого мероприятия, естественно, стал я. Мы с Севой отправились в одну из наших любимых пельменных на Большой проспект Васильевского острова, предварительно купив в магазине 0,5 литра коньяка. Обстановка в пельменной была вполне демократичная, и мы с удовольствием отметили нашу встречу коньячком и большим количеством пельменей. До вечера, когда мне предстояло встретиться с Иринкой, которая сдавала сегодня последний экзамен, было ещё далеко. И мы с Евсеем пошли прогуляться по родному городу пешком, чтобы насладиться красотой невских берегов и слегка проветриться после обильного застолья. Мы не спеша шли по Университетской набережной к Дворцовому мосту с ощущением, что жизнь прекрасна! Мы были моряками, вернувшимися из дальних плаваний! Одеты в заграничные шмотки, сыты, пьяны (относительно), и вся жизнь у нас была впереди! Яркое летнее солнышко согревало нас своим теплом, а лёгкий невский ветерок обвивал прохладой. Когда мы пересекли Дворцовый мост и пошли вдоль Александровского сада, меня окликнули по имени. Я обернулся и увидел группу военных моряков-курсантов, одетых по форме №3, с четырьмя курсовками на рукавах. Среди них я узнал Игоря Кузякина, с которым мы были хорошо знакомы по нашим встречам на Съезжинской улице, где в одной коммуналке жили наши девушки. Моряк моряка – видит издалека! Мы тепло приветствовали друг друга и остановились поговорить. Оказывается, ребята только что сдали последний экзамен за третий курс в ВВМУ им. Дзержинского и сейчас находились в увольнении, красуясь новыми курсовками. Мы скромно сказали, что только что вернулись из загранплавания. Немного рассказали им о морских буднях и своих впечатлениях. Ребята слегка

позавидовали нашему «заграничному прикиду», решив для себя, что через год тоже смогут побывать в дальних походах. Потом мы с Игорем напомнили друг другу, что сегодня наши барышни тоже сдают последний экзамен, и вечером у каждого из нас будет свидание. На этой приятной ноте мы распрощались и разошлись.

Вечером я, бодр и свеж, встречал мою Иринку, прекрасно сдавшую последний выпускной экзамен! Мы были очень рады встрече и отправились в мороженицу на Невский проспект отмечать окончание её учёбы. Всё было прекрасно!

CXXIV.

Наша стоянка в Ленинградском порту подходила к концу. За это время событий почти не было, за исключением того, что в фармацевтическом техникуме прошло распределение молодых специалистов по местам их будущей работы, и, к нашей великой радости, Иру оставляли работать в Ленинграде! Ей предстояло месяц отдохнуть в отпуске, а потом вернуться сюда и приступить к работе в одной из аптек города. Накануне предстоящей разлуки мы всю ночь гуляли по Ленинграду. Ходили на разводку мостов, даже сумели встретить утро на скамейке в Михайловском саду у Русского музея, избежав встречи с охранником парка. Как только начал ходить транспорт, мы вернулись в квартиру на Съезжинской. Полина Васильевна была на даче, на станции Разлив, и мы с Ирой пару часов вздремнули в её комнате. Потом мне надо было возвращаться на судно, а Ире ехать в агентство за билетом для поездки домой. На следующий день мне предстояло опять уходить в море. Следующий рейс должен был быть каботажным. Нам предстоял большой каботаж из Ленинграда в Калининград. В первый раз я побывал там, приехав поездом. Теперь мне предстояло прийти туда морем. С Иринкой мы прощались, зная, что увидимся теперь только через месяц. Было грустно. Но радовало то, что потом мы увидимся снова, чтобы больше уже не расставаться!

В Калининграде нас загружали целлюлозой. Следующий рейс был в Испанию, в порт Бильбао. Грузили пять дней. Случилось так, что в то время в Калининград пришло сразу несколько судов, где проходили практику ребята с нашего Училища. Повидался со всеми. Было здорово, но стоять в Калининграде уже надоело. Скорее бы в море! И вот пятнадцатого июля, в одиннадцать часов утра, мы вышли в рейс. Пейзаж за иллюминатором менялся в той же последовательности, что и в прошлый раз. Тот же морской канал, десантные корабли на воздушной подушке и суда у

приёмного буя, ожидающие захода в порт. И вот мы в море! Накануне получил от Ирины телеграмму, что она уже дома. Отдыхай, моя хорошая, а я теперь на работе. Сейчас уже ночь. Мы прошли Польшу. Море неспокойное, и нас покачивает, но пока особых неудобств это не доставляет. Судовая жизнь идёт по расписанию. Вахты, приём и передача радиограмм, карты погоды. Ну, и, конечно же, отчёт о практике! С каждым днём он становится толще на пару страниц. Засыпаю. Последней мыслью в уставшем мозгу проплывает: «Какая она, Испания?»

CXXV.

Сегодняшний день начался для меня в Датских проливах. Хотя мы не раз уже бывали здесь, но впервые я прохожу их днём. Поэтому первым делом я узнал у третьего штурмана, когда будем проходить Замок Гамлета. Штурман ответил, что ещё нескоро. С твёрдым намерением увидеть, наконец-то, этот замок при дневном освещении, я отправился в радиорубку.

Для начала принял погоду. Потом набил на телетайпе радиограммы. После этого мы с начальником упаковали в полиэтиленовую плёнку внешний динамик судовой трансляции, чтобы в него не попадала вода. А вот уже и Копенгаген! Наконец-то его можно разглядеть при дневном свете! Город огромный – вот уже полтора часа мы идём проливом вдоль левого берега, а он всё тянется и тянется! Вот проходим мимо аэродрома, он расположен на самом берегу. Каждую минуту садятся и взлетают самолёты. Когда самолёт заходит на посадку, то очень низко пролетает прямо над нами. Можно разглядеть все мелкие детали. Я захватил с собой на палубу фотоаппарат и снимаю все интересные моменты. Вокруг нас множество яхт. Они быстро бегут по барашкам волн под белоснежными парусами. И вдруг среди этой белизны парусов мы замечаем чёрное пятно подводной лодки, идущей в надводном положении! На палубе ни души. Так я впервые увидел «чужую субмарину». На нашем мостике внешне ничего не изменилось. Лоцман продолжает руководить проводкой нашего судна по проливам, но начальник радиостанции побежал в радиорубку передавать шифровку от нашего капитана. Мы обязаны сообщать о каждом встреченном военном объекте в Центр. Начальник выходит на связь с радиоцентром пароходства, независимо от времени несения вахты и сообщает оператору центра, что у него имеется SA (зашифрованное сообщение, представляющее собой пятизначные столбцы цифр). Нам сразу выделяют отдельный канал связи, и шифровка передаётся незамедлительно. Оператор приёмного

центра, приняв наше сообщение, дублирует его, ещё раз повторяя его нам. И в случае, если мы подтверждаем правильность принятых им групп цифр, даёт подтверждение приёма сообщения (в Q-коде это выглядит так: QSL 1 SA). После этого нам можно расслабиться и продолжать заниматься текущими делами.

Мы нагоняем небольшой двухмачтовый парусник с тёмно-красными парусами. Если их условно принять за алые, то дальше направление мысли пойдёт в соответствии с сюжетом романа Александра Грина! Но неожиданно погода портится. Небо заволакиваю низкие тёмные тучи, и начинается дождь. Я уже начинаю думать, что и на этот раз Замок Гамлета ускользнёт от меня за дымкой и пеленой дождя. Но как раз в тот момент, когда мы проходим мимо замка, погода резко улучшается, становится ясно, и Замок Гамлета Эльсинор предстаёт перед нами во всей своей красе!

Вообще-то этот замок называется Кронборг. Но отдадим дань уважения Вильяму Шекспиру: Эльсинор – так Эльсинор! Жаль, что нельзя подойти поближе, чтобы разглядеть его во всём великолепии. Поднимаюсь на левое крыло мостика, где стоит оптический пеленгатор – визир. Через его объектив любуюсь стройным, в несколько этажей, готическим замком под зелёной крышей. Над башней, на высоком шпиле, виден флюгер – золотой петух. Перед стеной замка растёт огромный дуб. На одной из четырёх угловых башен находится маяк. Он подмигивает нам из

окна башни своим жёлтым глазом. Замок стоит у самого моря. За ним виден небольшой городок, портовые краны. Здесь самое узкое место в Датских проливах между Данией и Швецией. Места здесь очень интересные. Вот, что рассказал мне наш электромеханик.

На подходе к Копенгагену есть два небольших острова. Очень давно, когда на месте Копенгагена стояли лишь несколько небольших рыбацких деревушек, у местных жителей был обычай. Молодожёны в первый же день свадьбы ехали на один из островов, где их на неделю оставляли вдвоём. Не давали с собой ни воды, ни пищи. Если за эту неделю молодые сумели прокормиться и не перессориться друг с другом, то брак считался законным и прочным. Давно уже нет такого испытания, но острова остались. На одном из них размещается сейчас гидрометеорологическая станция.

Вот мы входим в пролив Каттегат. Берега скрылись из виду. Можно спускаться в каюту. Сегодня сбылась ещё одна моя мечта: я видел Замок Гамлета!

CXXVI.

Пошёл третий день нашего плавания в Испанию. Выдался он беспокойным и суетливым. С раннего утра мы с начальником радиостанции пришли в радиорубку. Нам предстояло разобраться с неисправностями аппаратуры. К барахлящему факсимильному аппарату добавился ещё и магнитофон – записывает только тогда, когда ему вздумается! Непорядок! И вот я под руководством ежеминутно отвлекающегося на несение вахты начальника целый день воевал то с факсимильным аппаратом, то с магнитофоном. Залезал с отвёрткой в самые немыслимые щели, чтобы отвернуть крепёжные винты и вынуть блоки. Корпел над каждым контактом множества реле, прочищая их и промывая спиртом. Сколько раз проклятые винты падали внутрь аппаратов, и их приходилось долго искать и вынимать оттуда! Но самое обидное то, что мои усилия почти ни к чему не привели. Магнитофон вообще пришлось заменить запасным. Вот так мы с начальником и крутились весь день, как белки в колесе! От факса к магнитофону, от магнитофона к передатчику (несколько раз выходили на связь), от передатчика к телетайпу (надо было набивать радиограммы), от телетайпа опять к факсу! Вот так и бегали по замкнутому кругу! Вдобавок ко всему море слегка разыгралось, и нас довольно ощутимо покачивало. Ощущение было не из приятных, но я держался молодцом!

Мы уже в Северном море! Кругом только небо с

потрёпанными ветром серыми облаками, солнце и брызжущее пеной море! На горизонте видны несколько судов. Как хорошо было перевести дух на этом просторе после осточертевшего бесполезного ремонта старой аппаратуры!

Вечером добрался до каюты. Но возможность рухнуть на коечку и отдохнуть растаяла вместе с приходом токаря и электрика, зашедших в гости «потравить». Полтора часа рассказывали мы друг другу анекдоты и разные смешные истории! Потом они ушли в свои каюты, а я решил «добить» очередную схему для отчёта по практике. Как говорил Шурик из фильма Гайдая «Операция «Ы»: “Надо, Федя, надо!”

Через час я закончил возиться с этим делом и вышел на палубу. Какая великолепная была ночь! Море почти успокоилось, большая круглая луна ярко светила на чёрном звёздном небе. Её окружали редкие косматые облака, которые постепенно разгонял ветер. По воде бежала яркая серебристая дорожка! Настоящая волшебная картина! Ну, прямо, как у художника Куинджи: «Тиха украинская ночь …, но сало лучше перепрятать!» Шутка!

А прямо над моей головой светили две, наших с Иринкой, звёздочки. Видишь ли и ты их, дорогая моя? А, может быть, давно уже спишь сладким сном? Пора и мне ложиться! До завтра!

CXXVII.

Сегодняшнее утро было сырым и туманным. Но к обеду погода исправилась, и тут я увидел Англию и Францию одновременно! Мы проходили самое узкое место в проливе Ла-Манш. Оба берега были высокими, скалистыми, круто обрывающимися в море в одних местах или полого спускающимися в других. На французском берегу видны высокие дома – похоже, это Кале. Знакомые всё места! Вспомнились почему-то строчки из песни про студента, с пластинки Давида Тухманова «По волне моей памяти»: «Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете!» Вот откуда плыл этот студент, из Англии во Францию! В Сорбонну, видно, собирался поступать. Да, тут совсем недалеко! Вокруг нас очень много судов. Их здесь как машин на Невском проспекте! Несколько часов хода были видны оба берега. Потом французский берег скрылся из вида. Через полтора часа и английское побережье пропало в туманной дымке. Мы вышли в открытое море.

После обеда мне нужно было принять сводку погоды от испанской радиостанции. Но магнитофон меня подвёл. Плёнка соскочила с катушки и намоталась на вал электродвигателя.

Пришлось целый час её распутывать. Проклял всё! Потом работал над отчётом, но дело продвигалось медленно. Зато после ужина мы смотрели отличный фильм «Вам и не снилось». Смотрел я его не в первый раз, но в море всё ощущается гораздо острее, чем на земле. Поэтому впечатления от просмотра вызвали у меня такую тоску по Ленинграду и моей любимой, что хоть волком вой! Пошёл на радиостанцию принимать погоду, которую не удалось принять днём. На этот раз всё получилось! Засыпал я под строчки песни из фильма, которые продолжали звучать в моей голове: «Я уплываю, и время несёт меня с края на край …».

CXXVIII.

Вот мы и в Бискайском заливе! Про него идёт дурная слава, что шторм здесь бывает 350 дней в году. Но нам везёт! Погода стоит относительно спокойная. Волны здесь длинные и тягучие, чувствуется близость Атлантического океана. Нас покачивает, но зыбь идёт с кормы, поэтому чувствуем мы себя весьма сносно. Весь день я провёл на радиостанции. После вечернего чая писал отчёт. Печатная машинка, аж! раскалилась от моих стараний. Мне хотелось сделать как можно больше, так как время меня уже поджимало. Одурев от писанины, я вышел на свежий воздух. Кругом чернота. Ни луны, ни звёздочки – ничего! Только, если очень приглядеться, можно увидеть у самого борта пенящуюся воду. Жутко! Но за нашей кормой замечаю единственный далёкий огонёк. Он, как лучик надежды, подбадривает меня. Завтра мы приходим в Бильбао.

Утро выдалось ясное, спокойное и безоблачное! Тёплое солнце ласкало изумрудно-голубую воду. Лёгкие волны с белыми барашками выглядели очень нарядно, как кружева.

Как красив Бискайский залив в такую погоду! Я смотрел в глубокое, голубое небо с облаками вдали. Оно было таким огромным, что меня охватывало пьянящее чувство простора и лёгкости! К действительности меня вернул начальник радиостанции. Наш магнитофон окончательно отказался работать, и мы, как проклятые, пытались возвратить его к жизни. Бились долго и упорно, и в конце концов, после четырёхчасовой борьбы, мы победили! День незаметно проходил. Я случайно взглянул в иллюминатор и увидел … горы! Берег! Это Испания!

Я выбежал на верхнюю палубу. Дух захватывало от развернувшейся картины! Высокие, могучие, покрытые зеленью горы круто обрывались в море каменными уступами. Впереди были видны дома, заводские трубы, краны в порту. Это Бильбао!

Но всё это кажется таким крошечным, по сравнению с горами! Такого я ещё не видел нигде! Страна Басков, приветствую тебя! Вокруг нас деловито снуёт множество маленьких рыбацких судёнышек. Вечерний лов в разгаре! Мы прошли мол, защищающий внутренний рейд от волн Бискайского залива, и встали на якорь, ожидая лоцмана. Берег совсем рядом. К склону горы прилепились производственные здания с заводскими трубами, газо– и нефтехранилища, напоминающие огромные светлые шары. Впереди видны высокие здания, много зданий! Они как бы соревнуются друг с другом, выясняя, кто из них выше. Город не стоит на ровном месте, а поднимается от моря по горному склону. С крыла мостика в объектив визира я разглядываю испанский берег. Вижу дороги, петляющие среди гор, деревья, домики, стадо коров, возвращающихся с пастбища. Дымят заводские трубы, а внизу, под скалистым берегом, виден выброшенный штормом на мель и разломившийся пополам ржавый остов огромного корабля. Он находится на значительном расстоянии от кромки воды. Вот ведь, какая сила у шторма в Бискайском заливе бывает. Огромное судно выброшено на берег и сломано, как спичка! Похоже, что оно находится здесь довольно давно. Из металлических мачт уцелела только одна, крышки грузовых люков сорваны с трюмов. Корпус наклонился на бок и как бы надломлен посредине. Нос и корма опущены. Да, с Бискаем шутки плохи!

Вместе с нами на рейде стоят ещё два судна: большой рыбацкий траулер и арабский контейнеровоз. Солнце село. Город зажегся тысячами огней, осветив воздух над ним. Заводские трубы, как светящиеся колонны, подпирают звёздное небо. Всё кажется немного нереальным, волшебным: и море, и горы, и звёзды! В самом деле, на свете есть на что взглянуть! Как же это всё-таки здорово – повидать мир! Осуществляется моя мальчишеская мечта!

CXXIX.

Ранним утром, неожиданно проснувшись, я понял, что мы уже не стоим, а движемся! Но глаза мои снова закрылись, и я уснул. Разбудил меня мой сосед по каюте – матрос Саня. Без него я бы точно проспал завтрак! Только я направился в столовую команды, как меня перехватил старпом и сказал, чтобы я быстрее заканчивал с завтраком, так как меня ставят на выгрузку тальманить (т.е. считать груз). Выяснилось, что не оказалось испанского тальмана и старпом искал кого-нибудь из свободных членов экипажа, чтобы его заменить. Я, конечно, подходил тут по

всем статьям! Наскоро позавтракав, через пятнадцать минут я уже стоял с кучей бумаг в руках у открытого грузового люка трюма и считал кипы целлюлозы, которые испанцы цепляли к крану, и тот переносил груз на причал. Работа была не сложная, но ответственная. Я уже вполне освоился с этим делом, как вдруг объявился испанский тальман, и меня освободили от занимаемой должности. Я передал все бумаги своему испанскому «коллеге» и поднялся на верхний мостик, чтобы оглядеться вокруг. Погода была туманная. Мы стояли у причала в самом центре порта. Напротив нас, на противоположной стороне канала, загружалось наше судно «Елец» из Клайпеды. Вокруг нас были горы. Зеленела трава и деревья. Вдалеке, между двумя горами, был перекинут высокий ажурный железобетонный мост. Было видно, как проезжают электрички, а по автостраде идёт поток машин. К склону горы прилепились коричневые многоэтажные дома. Всё было так близко, … и недосягаемо! Потому, что ввиду кратковременности разгрузки, выйти в город нам не удастся. Я пошел на радиостанцию разгонять тоску! Пока мы с начальником принимали карту погоды, выглянуло солнышко, и всё вокруг преобразилось! Я не вытерпел и побежал в каюту за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть окружающую нас красоту! А потом ещё полтора часа на верхней палубе приобретал себе «испанский загар»! Вечером хотел заняться отчётом, но начальник радиостанции «оккупировал» печатную машинку, принимая навипы с магнитофона, и мне пришлось идти «погулять». В кают-компании по телевизору показывали рок-концерт. Но без звука! А из столовой команды доносился этот самый звук, который ребята поймали на стационарном радиоприёмнике в диапазоне УКВ (ультракоротких волн). Так что приходилось выбирать – или смотреть, или слушать!

В кают-компании тоже был приёмник с УКВ диапазоном, но он не работал. Я решил исправить положение и, вооружившись отвёрткой, приступил к ремонту. Провозился до глубокой ночи. В результате приёмник заиграл, но смотреть телевизор уже было некому. Все отправились спать. Пришлось и мне идти «на боковую».

CXXX.

Утро следующего дня выдалось ненастным. Моросил дождь. Сегодня нас должны были окончательно разгрузить, и мы стали готовиться к отходу. Приняли карту погоды. Прогноз был так себе, ничего хорошего. Через некоторое время дождь закончился, небо прояснилось. Начальник нашёл для меня работу на свежем

воздухе. Надо было покрасить антенну пеленгатора. Применив все свои акробатические навыки, чтобы не загреметь вниз с пятнадцатиметровой высоты, я успешно справился с заданием. Выгрузка к тому времени была завершена, и мы с начальником заменили изоляторы на главной антенне и подняли её. На этом наша подготовка к рейсу была окончена.

В ожидании отхода я коротал время за оформлением своего отчёта – перерисовывал схемы расположения радиоаппаратуры. В семь часов вечера к нам подошёл буксир и потащил нас от причала. Оказывается, мы стояли довольно далеко от выхода из порта и продвигались по реке обратно около полутора часов. Я и Серёга Сухов забрались на палубу верхнего мостика и, вооружившись фотоаппаратом, могли разглядеть Бильбао с высоты птичьего полёта. Мы проплывали мимо жилых домов, уступами поднимающихся в горы, видели тоннели, пробитые в скалах, высокий железобетонный мост над рекой. На берегу было оборудовано стрельбище для лучников. Несколько человек с луками тренировались в стрельбе по мишеням. Мы шли самым малым ходом, поэтому нас обгоняли даже спортивные многовёсельные лодки – это шла тренировка гребцов. Рядом с берегом проходит автомобильное шоссе. На нём полно автомобилей: грузовиков, автобусов и легковых авто. Подходим к центру города. На центральной площади, которая выходит к самой реке, много народа. Все гуляют. Машут нам руками. Мы машем в ответ. Девушки улыбаются и жестами зовут нас прогуляться вместе с ними. Серёга с сожалением разводит руками – придётся испанским красавицам подождать нас до следующего нашего прихода сюда! Посреди площади стоит памятник кому-то. Он уже позеленел от времени. Впереди мы видим подвесной паром. Очень необычное зрелище! Белая платформа с пассажирскими кабинами по обеим сторонам, а в середине пространство для шести легковых автомобилей.

Эта конструкция бесшумно скользит в нескольких метрах над рекой на подвесной системе, состоящей из длинных тросов, закреплённых вверху к движущемуся тележному механизму. Как потом мы выяснили, это «Бискайский мост» – транспортёр через реку Нервьон, соединяющий города Португалете и Лас-Аренас (часть Гечо) в провинции Бискайя.

Так баски решили проблему переезда с одного берега на другой, аж с 1893 года! Такой переезд и кораблям не мешает, и подъездные пути к нему занимают минимальную площадь!

Только мы миновали этот удивительный мост, как увидели грандиозный памятник, расположенный на правом берегу реки. Он был высоким, как маяк, а у его подножия были видны две, позеленевшие от времени, бронзовые человеческие фигуры. Одна фигура пыталась огромным камнем придавить другую поверженную фигуру, которая из последних сил упиралась в камень ногой. Памятник был очень необычным и вызвал у нас огромный интерес.

Впоследствии я выяснил, что это Монумент инженеру Эваристо де Черрука, который реконструировал порт Бильбао. Памятник изображает борьбу человека с морем. Гигант, который пытается сбросить скалу на поверженного Морского Царя, олицетворяет победу человеческого духа над морской стихией. Скульптурный портрет самого инженера расположен немного выше описанной скульптурной группы, у основания высокой каменной стелы, очень похожей на маяк. Вероятно, ночью на её

верху и загорается огонь. А, может быть, и нет! Посмотреть бы всё это поближе… Жаль, что мы не побывали на берегу!

Выходим на внутренний рейд. Подходит лоцманский катер и забирает лоцмана. Мы даём прощальный гудок и направляемся к приёмному бую. Здесь уже чувствуется дыхание Бискайского залива. Нас ощутимо начинает покачивать. Спускается ночь, но ещё долго позади видны огни ночного Бильбао. До свидания, Испания! До новых встреч!

CXXXI.

На следующий день мы уже были во Франции. С утра небо хмурилось, но когда мы подошли к французскому побережью, то погода наладилась, и Франция предстала перед нами во всей своей красе! Мы потихоньку пробирались вдоль берега, любуясь белыми домиками под красными крышами, утопающими в зелени деревьев. Берег был обрывистым, и его подножье окаймляла белая пена прибоя. Один из домиков прилепился прямо над самой кручей. Брызги от волн, вероятно, долетали ему до самых окон. Было очень красиво! Так, потихоньку, мы дошли до небольшого городка Руайан, где на рейде встали на якорь. До нашего порта назначения Бордо нам надо будет подниматься по реке Жиронда (выше по течению она называется Гаронна), и мы ждали прилива. Чтобы прекрасная погода не пропадала зря, начальник придумал для нас работу: мы занялись покраской антенн. Солнце припекало вовсю, но холодный ветер не давал ему нас спалить! Поэтому мы сняли рубашки и мужественно подставили солнцу и ветру свои натруженные спины. Через час работа была окончена, и я, найдя за трубой тихое местечко, продолжил принимать солнечные ванны. А зря! За полтора часа морского загара, где солнце многократно отражается от волн, я сделался красным как рак! Но, если мой загар потом не слезет вместе со «шкуркой», то я буду похож на настоящего загорелого и просоленного «морского волка»! А пока надо «разжалобить» нашего камбузника на бутылку кефира, чтобы моей бедной спинке полегчало!

В шесть часов вечера к нам на борт поднялся лоцман, и мы вошли в устье реки. Вода в ней была жёлтая, непрозрачная. Берега низкие. По обеим сторонам расстилались поля, перемежающиеся с лесами. Было очень много маленьких деревушек и посёлков. Несколько раз мы видели промышленные предприятия с дымящими заводскими трубами. Наш путь до Бордо занял примерно часа четыре. Погода опять испортилась. Река была широкая, здесь берега уже заросли тростником. Прошли мимо нескольких поросших лесом островов. На середине

реки были видны верх надстройки и мачта какого-то затонувшего судна. Ну, при желании можно и в луже утонуть, но что-то не хочется! Вот вдали показались высокие дома. Это Бордо! К нам подошёл буксир, он будет помогать нам швартоваться. Проходим под огромным, очень высоким и длинным мостом через реку. Мост выглядит очень красиво. Две высоченные опоры держат канаты, натянутые через каждые тридцать метров и поддерживающие полотно моста. Начинаются причалы. Но мы следуем дальше, ближе к центру города. За мостом нас разворачивает буксир, и мы швартуемся к причалу, расположенному на левом берегу реки. Вот мы и во Франции! Бонсуар, Бордо!

На город опускается ночь. Зажглись огни реклам, окна в домах, фонари на улицах.

В Бордо начинается ночная жизнь. Это огромный город, знаменитый не только своими винами, но и славной историей. Надеюсь, что завтра мне удастся познакомиться с ним поближе.

CXXXII.

По иронии судьбы на следующий день пойти в город мне так и не удалось. Но следующий день с лихвой компенсировал мне все мои ожидания! С утра наша «компания» из трёх человек, в составе второго помощника, матроса Сани, с которым мы жили в одной каюте, и меня, договорились вместе идти после обеда в город. Время до обеда было употреблено мною на уборку каюты, составления отчёта и похода к первому помощнику капитана с целью записаться в увольнение на берег после обеда. Первый помощник не может просто так не пустить желающих в увольнение, но для того, чтобы оправдать свою значимость, он может внести в их планы свои коррективы. Поэтому в нашу группу вместо второго помощника он назначил старшим моего начальника радиостанции. Вот это небольшое изменение и сыграло счастливую для нас с Саней роль в плане нашего дальнейшего похода в город. Как говорится: «Нет худа, без добра!» В справедливости этой народной мудрости я убедился через час после решения первого помощника об изменении состава нашей группы. Дело было так!

Мы уже собрались, чтобы сразу после обеда отправиться в город, как случилось несчастье! Второй помощник спустился на берег, чтобы уточнить осадку судна. И тут на него наехал погрузчик! Пока второй помощник разглядывал мерную линейку на носовой части корпуса судна, местный «работяга» за рулём погрузчика, сдавая задом, не заметил наклонившегося второго

помощника. Погрузчик, хоть и небольшой, но весь железный, и весит, как небольшой танк! Поэтому ему хватило даже не переехать, а немного задеть ногу второго помощника, чтобы её сломать! В результате несчастного случая на производстве второй помощник был отправлен в местную больницу для оказания медицинской помощи. А мы с матросом Саней избежали потери «старшего» в нашей группе увольняемых на берег! Ведь, если бы первый помощник не изменил состава нашей группы, то наш поход просто бы не состоялся! Как же дальновиден и прозорлив наш партийный организатор! Вот она – руководящая сила Партии (в лице первого помощника) в осуществлении планов народа (т.е. нас с Саней)! «Слава (Богу!), то есть Слава КПСС (Коммунистической Партии Советского Союза)»!!! «Аминь!» То есть я хотел сказать «Ура!» (далее по тексту стенограмм Съездов КПСС: присутствующие встают, звучат долгие продолжительные аплодисменты, переходящие в овации)!

И вот мы втроём: начальник, Саня и я – отправились в путь! Начальник радиостанции уже бывал здесь, поэтому стал нашим гидом. Минут через пятнадцать ходьбы по пустынным портовым проездам мы вышли на большую и широкую площадь, в середине которой возвышалась стройная светлая колонна и крылатой фигурой наверху.

Это «Колонна Жирондистов». Как можно было узнать из туристического путеводителя: «Жирондистами называли

нескольких жителей департамента Жиронда, которые были делегированы в законодательное собрание Франции в 1791 году. Затем так стала называться партия, которая в годы Великой Французской революции представляла интересы провинциальных буржуа – торговцев и промышленников. Однако уже в 1793 году жирондисты были исключены из Конвента и преданы суду. Несколько из них бежали в провинции и там подняли восстания против Конвента, которые были подавлены, а осужденные и оставшиеся в Париже были казнены. В создании памятника принимали участие выдающиеся архитекторы Альфонс Дюмилиатр, Андре Риш и известный скульптор, автор статуи Свободы в Нью-Йорке Фредерик Огюст Бартольди. Работы по строительству монумента продолжались с 1894 по 1902 годы. Памятник жирондистам представляет собой фонтан, в центре которого высится 50-метровая колонна, увенчанная крылатой Свободой, разрывающей оковы. Фигура Свободы отлита из бронзы. Нижнюю часть колонны окружают скульптуры, названные «Триумф Согласия» и «Триумф Республики», и изображения Истории и Красноречия».

Полюбовавшись творением великих мастеров и сфотографировавшись на память, мы отправились дальше.

У «Колонны Жирондистов». Франция, Бордо. 1981 год.

Пройдя по большой, оживлённой улице с множеством магазинов, рекламных щитов, кафе и ресторанов, мы вышли на площадь, где находится Гранд Театр. Огромное здание театра украшено двенадцатью коринфскими колоннами. Сверху над портиком над каждой колонной установлены скульптуры мифических граций. Внутрь помещения мы не заходили, но узнали, что зал театра вмещает до двух тысяч зрителей! Здание театра выглядело монументальным и величественным!

Прекрасное произведение архитектуры!

Площадь Комедии. Гранд Театр. Бордо. Франция.

За площадью всю длину улицы занимает субботний базар. Мы вливаемся в разноцветную пёструю толпу. Чего здесь только нет?! По обеим сторонам улицы стоят лотки с одеждой, обувью, игрушками, сладостями. Вот под небольшим навесом устроилась небольшая дискотека. На возвышении, под навесом, устроился ди-джей с аппаратурой, ведёт музыкальную программу. Небольшая толпа молодёжи участвует в танцах. Идём дальше. Прямо посреди улицы стоит симпатичный серенький ослик. На его спине две корзины с цветами. Торговля идёт бойко! Ослик – одновременно и транспортное средство, и реклама. Вот у стены дома устроился уличный музыкант, высокий длинноволосый бородатый парень с двенадцатиструнной гитарой. Он играет и поёт, но народ проходит мимо, и очень редко в шапку музыканта падают монетки. Проходим улицу до конца и сворачиваем на соседнюю. Выходим на большую площадь. В середине её находится Собор Сен-Андре. Высокие готические башни со шпилями поднимаются к небу. Как прекрасны узоры каменных кружев!

Кафедральный собор Сен-Андре. Бордо. Франция.

Полюбовавшись собором, идём дальше. Выходим на другую широкую улицу. Здесь тоже полно магазинов. Решаем зайти в один из них. В наших карманах пусто, но мы не покупатели, а экскурсанты. Хотим только посмотреть на товары «загнивающего капитализма» Французской Республики. Едва мы заходим в магазин, как к нам тут же обращается какая-то девушка не то с билетами, не то с какими-то квитанциями в руках. И начинает что-то щебетать по-французски с быстротой пулемёта «Максим»! Так, практически сразу, мы попали в «языковую засаду»! Мы озадаченно переглядываемся между собой, а девица не унимается и продолжает нас атаковать. Не выдержав её натиска, мы ретируемся на улицу, так и не увидев всех прелестей буржуазного товарного производства. Вероятно, нам хотели «впарить» билеты какой-нибудь благотворительной лотереи или анкеты для выяснения покупательского спроса. Но советский моряк, не привыкший к западному образу жизни, не готов финансово поддержать французскую «армию спасения» или выразить свои предпочтения к новинкам французского ширпотреба. Хуже всего то, что рядовые французы принципиально не хотят разговаривать на английском языке. И если к ним обратиться по-английски, то они отрицательно пожимают плечами и избегают диалога. Но если вы знаете хотя бы пару слов по-французски, например: «Бон жур!» (Добрый день!), то француз остановится, ответит на приветствие и долго, терпеливо будет вникать в вашу тарабарщину на всех языках мира, пытаясь помочь вам получить

интересующий вас ответ на вопрос. А потом ещё столько же времени будет вам объяснять что-то на чистом французском языке, подкрепляя ответ жестикуляцией руками и головой. В конце концов, когда красноречие с обеих сторон иссякнет, вы мило улыбнётесь друг другу, используете остатки своего словарного запаса французского языка, состоящего всего из двух слов, «Мерси!» и «Оревуар!», и разойдётесь в разные стороны, так ничего и не поняв, но весьма довольные общением друг с другом. Вот такие национальные особенности!

После неудачной первой попытки приобщения к «шопингу» мы идём дальше. Проходим мимо витрины большого оружейного магазина. На витрине – настоящий склад оружия всех видов! Чего здесь только нет! Ножи всех видов и размеров, шпаги, сабли, старинные мушкеты, рыцарские доспехи, пистолеты всех марок и систем. Мы так и не поняли, настоящие они или нет. Похоже, здесь были и те, и другие. Винтовки, ружья, автоматы, небольшой ручной пулемёт! И даже лук со стрелами, томагавки и бумеранги!

Здесь можно было вооружить «до зубов» небольшую армию! Поскольку цены были не очень большими, мы решили, что это всё-таки, не настоящее вооружение. Впереди мы видим афиши кинотеатра. Фильмы здесь – на любой вкус! С афиш призывно глядят на нас индейцы, рыцари, гангстеры и самураи. Но и на это развлечение у нас нет денег, и мы проходим мимо. В конечном итоге мы попадаем в большой красивый парк. Здесь находится ботанический сад. На всей огромной территории парка вы не найдёте двух одинаковых деревьев или растений! Все породы разные! Везде таблички с названиями по-латыни. Очень много оригинальных больших клумб с цветами. Всё очень красиво, так и тянет отдохнуть здесь! Утомлённые долгой ходьбой (для советского моряка двадцать километров не расстояние!), мы присаживаемся на металлические стульчики, расположенные по всей территории парка. Перед нами пруд, извивающийся между полянок с травой и цветочными клумбами. По водной глади плавают белые гуси, утки, чайки. Вся эта пернатая братия нисколько не боится людей и деловито щиплет травку на газоне или плещется в воде. На суше между стульчиками бродят голуби и ищут себе корм. Как приятно здесь отдохнуть! Но запланированные нами двадцать минут быстро истекают, и мы возвращаемся на судно. С непривычки ноги гудят, и мы с Саней, переполненные впечатлениями, заваливаемся спать до ужина.

Потом всё продолжается как обычно. Я занимаюсь отчётом, принимаю Navarea на радиостанции. И вот, когда я уже собираюсь уходить из радиорубки, обнаруживаю радиограмму для меня, принятую начальником утром! Видно, он забыл мне о

ней сказать. Усталость как рукой сняло! Моя любимая помнит обо мне! На душе у меня опять стало ясно и спокойно! В тот вечер я написал свою первую песню, посвящённую моей возлюбленной Иринке. Слова и музыку помню до сих пор. Надо будет как-нибудь исполнить при случае.

CXXXIII.

Через день мы уже покидали Бордо. Уже с утра было ясно, что к вечеру нас разгрузят, и мы уйдём в свой следующий рейс. Мы с начальником приняли все необходимые сводки и карты погоды. Навели порядок в радиорубке. Вроде бы и всё – мы готовы к рейсу. Теперь нам предстоит отправиться в Бельгию, в порт Гент. Занялся отчётом, но через пару часов прибежал начальник радиостанции и позвал меня чинить приёмную антенну радиопеленгатора. Он и раньше барахлил, а сейчас совсем отказался работать. Мы поднялись на верхний мостик и увидели, что длинная, семиметровая вертикальная антенна еле держится на насквозь проржавевших и сгнивших крепёжных болтах. Конечно, при такой антенне никакая аппаратура работать не будет! Нужно было срочно исправлять положение, и мы взялись за дело.

С немалыми усилиями, с применением специальной антикоррозийной жидкости «Кукарача», нам удалось отвернуть ржавые болты и снять антенну. Через пятнадцать минут судовой токарь уже вытачивал на токарном станке новые болты необходимой длины. Нас уже окончательно разгрузили. Матросы убрали мусор из трюмов и закрыли грузовые люки. Мы с начальником натянули главную антенну. Пришёл токарь, принёс выточенный им крепёж. Втроём мы установили антенну радиопеленгатора, закрепив её новыми болтами. Хорошо, что мы успели всё сделать вовремя. А то бы рухнула наша антенна в море и поминай как звали! Пеленгуйся, как хочешь! Теперь же всё было готово к рейсу!

На борт поднялся лоцман. Подошёл буксир, и через двадцать минут мы уже спускались вниз по реке. До свидания, Бордо! Проходим знакомые места. Сейчас прилив, и поэтому у затонувшего на середине реки судна видна только мачта, торчащая из воды. На ней сидят чайки. Уже вечер, но солнышко всё равно припекает. Спускаемся с начальником в радиорубку. Здесь нас ждёт много работы. Одних служебных радиограмм двенадцать штук! И все такие длинные! Набиваю их на телетайпе. Потом начальник сажает меня за телеграфный ключ, и я связываюсь с Ленинградом. Связь пока ещё даётся мне

тяжеловато, мало у меня ещё практических навыков работы. Но наши радиограммы мы всё-таки сдали успешно! Потом стали принимать радиограммы в наш адрес. Радиооператор на Ленинградском радиоцентре был асом, поэтому скорость передачи была очень высокой. Я из всего сеанса радиообмена разобрал только пару слов. Начальнику, сидевшему на приёме за печатной машинкой, тоже приходилось нелегко. Он успевал печатать только первые половинки слов, чтобы успеть за передающим оператором. Потом, правда, всё можно было восстановить и дописать, но я увидел, как работают настоящие профессионалы! Закончив работать с Ленинградом, начальник поручил мне связаться с Гентом. Я сел за ключ. В течение двадцати минут я вызывал береговую радиостанцию Гента. Наконец, мне ответили. Мы перешли на рабочую частоту, и я передал нашу радиограмму в адрес грузоотправителя. Всё прошло гораздо спокойней и быстрее, чем прошлый наш сеанс работы с Ленинградом. Иностранцы не привыкли торопиться. Пока мы занимались этими делами, лоцман вывел нас в устье Жиронды и перешёл на лоцманский катер. Мы вышли в Бискайский залив. Погода стоит отличная, ясная, совсем не качает! Это радует! Итак, полный вперёд! Нас ждёт Гент!

CXXXIV.

Сегодня у меня радостный день – я получил радиограмму от моей Иринки! Перечитывал её потом раз пятьдесят. Вот и сейчас достал её и перечитываю эти дорогие и милые для меня строчки. Иринка, ты не забываешь обо мне, как и я помню о тебе! Ведь, сам того не зная, я отправил тебе сегодня свою радиограмму, а через пять минут уже получил твою! Мы с тобой думаем и действуем одинаково! Это прекрасно! Мне так важно знать, что ты любишь меня и ждёшь! Для моряка это главное! Мы с каждым часом становимся всё ближе и ближе друг к другу. Капитан подал радиограмму в Гент, что мы прибудем туда завтра вечером. А потом будет Мурманск, и там моя плавательная практика закончится! И мы снова сможем увидеться с тобой, моя милая, любимая Иринка! Скорее бы настал этот желанный миг!

Сегодняшний день был бы как две капли воды похож на предыдущие: утром – радиорубка, днём – отчёт, вечером – дневник. День бы так и окончился, как все остальные, но уже совсем поздно вечером я увидел настоящее чудо! Да, да! Самое настоящее Чудо!!! Я уже дописал в дневник последние строчки, описывающие сегодняшний день, и, собираясь лечь спать, стал закрывать иллюминатор, как вдруг увидел, что волны за бортом

полыхают ярким изумрудным огнём! А вода у борта светится изнутри мягким зеленоватым светом! Такого я ещё никогда не видел! Это необычное явление по-научному называлось фосфоресцирующим свечением моря, а по-простому – самое обыкновенное Чудо! Я выбежал на верхнюю палубу! За кормой позади нас оставалась ровная светящаяся в темноте ярким изумрудным светом дорога! Впечатление фантастическое! Как будто мы не идём по морю, а летим в космосе среди светящихся звёздных миров! Я поднялся на верхний мостик, и мне открылась волшебная картина: над головой звёзды, всё небо пересекает Млечный путь! Горизонта не видно в ночи, и небо, и море сливаются в одно единое светящееся пространство! Чувствуешь себя не моряком, а космонавтом! Кругом тишина, только лёгкий звук работающего судового двигателя да шелест волн, разбегающихся от носа нашего судна двумя светящимися, полыхающими зелёным мерцающим светом дорожками. Кругом сплошная чернота, и этот свет кажется неземным! Очень жуткое и одновременно завораживающее зрелище! Я был потрясён и счастлив, что видел это Чудо!

Впечатление об увиденном мною в ту ночь было так велико, что через несколько лет я написал песню, посвященную этому событию. В качестве стихотворения я привожу текст этой песни здесь.

В Ла-Манше
(воспоминания о плавпрактике во время учёбы в ЛМУ ММФ)

В. Осипов

Над палубой в сумраке
Чайка кружилась,
Всё было спокойно
На вахте ночной.
Мы плыли Ла-Маншем,
И море светилось
Таинственным светом
У нас за кормой.

Мерцала волна,
Исчезая за ютом,
Мы были вдали
От родных берегов.
Таинственный отблеск
Скользил по каютам

И робко заглядывал
В сны моряков.

В них не было места
Ни злобе, ни фальши.
Безусых мальчишек
Тянуло домой.
Свет звёздных миров
Отражался в Ла-Манше,
И море сияло
У нас за кормой.

Что стало для юности
Главной причиной
Сквозь бури и штормы
Идти за мечтой ?
Чтоб сделало Море
Салагу – мужчиной,
Таинственным светом
Струясь за кормой!

1986 г.

CXXXV.

Утром я расспрашивал своих товарищей, видел ли кто-нибудь ещё, кроме меня, свечение моря? Наш боцман уверял, что это свечение опасно, и даже если на него смотреть, то можно ослепнуть! Я намекнул ему, что не первый день в море, и эти байки пусть рассказывает кому-нибудь другому. Боцман не обиделся, но зауважал меня. Потом я ему настолько полюбился, что он подъезжал ко мне с предложением познакомить меня со своей дочкой. Дескать, если хочешь остаться работать в Ленинграде, то можно устроить. На что я никак не мог согласиться, ведь у меня уже была моя Иринка! Бедняга боцман сокрушался по этому поводу весь оставшийся рейс. Третий штурман был более адекватен и объяснял это свечение особой способностью местного планктона реагировать на раздражающие факторы. Видно, мы попали в огромное скопление планктона, и потревоженная нами живность начала светиться. Так что, никакой мистики в этом не было!

Ободренный его здравым научным подходом к увиденному мною необычному явлению, я решил начать утро с зарядки. До начала вахты в радиорубке времени было предостаточно, и я,

раздобыв гантели, занялся физподготовкой на свежем морском воздухе. Прекрасно разогревшись за сорок минут занятий, я поднялся в радиорубку. Начальник радиостанции поручил мне набивать радиограммы на телетайпе. Потом мы их передали в Ленинград. Я сидел за телеграфным ключом, начальник меня подстраховывал. Всё прошло хорошо! Потом мы принимали корреспонденцию в наш адрес. И тут нам пришло радостное известие: Гент нам заменили на Антверпен! А в Антверпене всё значительно дешевле, чем в Генте, поэтому наша покупательная способность резко возрастала! Только мы разделались со всеми радиограммами, как капитан принёс нам для передачи еще три срочных радиограммы. И всё началось сначала! К концу вахты начальник выдохся и, поручив мне принять карту погоды, отправился на палубу загорать. Всё было хорошо, но в самый последний момент перед приёмом карты у факсимильного аппарата соскочила пишущая линейка. С её установкой я провозился всё время приёма первой карты. В результате из трёх карт погоды я принял только две. Но это было нестрашно! Поскольку сегодня вечером мы должны были зайти в порт. Потом старпом принёс срочную радиограмму, которую нужно было передать в Антверпен. Я пошёл к разомлевшему на солнышке начальнику. Тот сказал: «Действуй!», а сам перевернулся на живот. Я уже научился кое-чему и самостоятельно передал радиограмму на Антверпен! Мы очень мило распрощались с радиооператором береговой станции, и я закрыл вахту. Потом уселся за отчёт. Через некоторое время мы подошли к приёмному бую Флиссенгена, и к нам на борт поднялся лоцман. Полным ходом мы пошли по реке в Антверпен. Как мы швартовались к причалу, я уже не видел. Я крепко спал после долгого трудового дня.

CXXXVI.

С раннего утра нас начали загружать металлом: цинком и свинцом. Если работа будет продолжаться такими темпами, то завтра мы уйдём. Сегодняшний день – это день покупок! После Антверпена мы идём в Мурманск, поэтому наше пребывание за границей закончится. Народ стремился «затовариться по полной программе». В двенадцать часов дня к борту судна подъехал маленький автобус, и добрая половина нашего экипажа, с карманами набитыми валютой, отправилась в город за покупками. Я был в группе с моим начальником и мотористом. Мы приехали на уже знакомую площадь к Антверпенским маклакам. Сначала мы обошли все магазины, чтобы узнать, где

какие цены. А приценившись, потратили всю свою имеющуюся валюту, каждый на то, что его душа пожелала! Умудрённый опытом приобретения своих первых джинсов, я выбрал теперь те, что подходили мне по всем параметрам. Когда мною был выбран нужный мне размер, нужная длина и джинсы “Bonanza” сидели на мне как «влитые», я с лёгким сердцем, отчаянно торгуясь с продавцом, отдал за них почти всю свою валюту. На оставшиеся деньги я купил небольшой подарок для Иринки и несколько красочных фирменных пакетов. Теперь я из покупателя превратился в экскурсанта и мог только наблюдать, что покупали другие. Народ брал ковры, джинсы и всё, что можно было выгодно продать в Союзе. Да, все моряки загранплавания в то время были спекулянтами, жизнь заставляла! К четырём часам вечера карманы у всех опустели, а руки были заняты кучами пакетов с покупками. Подошёл всё тот же знакомый нам автобус, и мы отправились на судно. Хотя я наконец-то добился своего, и у меня теперь были настоящие, великолепно сидящие на мне джинсы, самым заветным желанием моим было поскорее оказаться в Ленинграде! После ужина начали смотреть фильм, но он оказался таким нудным, что после первой его части все разошлись и желающих смотреть его дальше, не оказалось. Весь вечер мы проболтали с ребятами, а на душе у каждого было только одно: «Домой! Скорее домой!»

CXXXVII.

Сегодня утром я уже знал, что мы уйдём из Антверпена. Мы с начальником начали понемногу готовиться к предстоящему рейсу. Приняли всё, что нужно, проверили всё, что полагается, и стали ждать отхода. Я опять «убил» четыре часа на отчёт, вдохновляясь лишь тем, что моя работа близится к концу. Объявление по трансляции: «Палубной команде стоять по местам швартовки!» – прозвучало для меня как самая прекрасная музыка! В семь часов вечера мы подошли к шлюзу, и через сорок минут уже шли по реке Шельда к Северному морю. Тут и началась наша с начальником основная работа. Нам принесли кучу радиограмм, и мы стали их передавать на Ленинград. С передачей что-то не заладилось. Связь мы установили быстро (начальник опять доверил мне это дело), но, когда дошло до передачи рдо (радиограмм) по телетайпу, тут и «нашла коса на камень»! Среди радиограмм была одна длиннющая, её набивал на телетайпе сам начальник. В тексте была допущена ошибка. Потом, правда, начальник заметил её, и в конце радиограммы исправил. Но радиооператор на приёмном центре требовал повторить эту рдо

ещё и ещё раз! Он думал, что аппаратура даёт сбой. Мы полчаса повторяли эту злополучную радиограмму, пока, наконец, нам не дали подтверждение о её приёме. Теперь можно было отдышаться! В радиорубке было жарко как в бане! Мы с начальником вышли на палубу глотнуть свежего воздуха. Река здесь широкая, видно лишь правый берег, левый закрыт от нас туманом. Течение очень быстрое. Через два часа нас вынесло в море. Уже стемнело. С лоцманского судна к нам подошла маленькая, почти игрушечная моторная шлюпка. Её беспощадно подбрасывало и швыряло на волнах. Лоцман спустился по штормтрапу за борт и выжидал момент, когда волна поднимет шлюпку, чтобы можно было сойти в неё. Вот шлюпку подбросило вверх, и через мгновенье лоцман был уже в ней! Деловито стуча моторчиком, шлюпка пошла к лоцманскому судну. Мы набрали ход и устремились на север. Нам предстоит обогнуть Норвегию и прийти в порт назначения – Мурманск. Погода впереди нас ждёт неважная. Учитывая, что мы везём металл и центр тяжести судна находится очень низко, то мы представляем собой огромную «неваляшку» (такую детскую куклу, её ещё называют «Ванькой – встанькой»). А это значит, что по такой свежей погоде нас изрядно покачает! Ну, что делать? Ведь на то мы и моряки, чтобы качаться на волнах!

А между тем, наступил август. Впереди у нас трудный путь. Погода портится. Уже сейчас море испытывает нас на прочность. Волна бьёт в форштевень так, что белые фонтаны брызг поднимаются выше полубака! Капитан опасается, как бы наш груз не сорвало в трюмах. Иначе нам придётся очень плохо, когда незакреплённые связки металла начнут смещаться, ударяясь в борт судна с силой парового молота. Это может привести и к пробоине и к оверкилю (переворачиванию судна килем вверх)! Поэтому, учитывая характер погоды и перевозимого груза, капитан принял решение не идти вдоль норвежского побережья морем, а пройти Норвежскими шхерами до выхода в Баренцево море. Шхеры защитят нас от штормовых волн, но весь путь нам придётся пройти под лоцманской проводкой. Это стоит больших денег для пароходства, но это лучше, чем потерять судно с экипажем и грузом. Поэтому впереди нас ждёт новая страна – Норвегия!

CXXXVIII.

На следующий день я проснулся ранним утром, часа в четыре, оттого что мои ноги взлетали выше головы! Качка была –

будь здоров! В иллюминаторе мелькало то небо, то море! Поняв, что мы всё-таки ещё не тонем, я сумел как-то закрепиться в койке и уснул до половины восьмого. Проснувшись и оглядев каюту, я понял, что нас качает с прежним успехом. Шторм навёл в каюте свой «порядок»: книги, лежавшие вечером на столе, оказались под столом. Настольная лампа висела на коротком проводе, вилка которого была воткнута в розетку. Будильник продолжал тикать, устроившись на диване стеклом вниз, что и спасло его от преждевременной кончины. Незакреплённые мелкие вещи, включая мою одежду, были разбросаны по всей каюте. Да, расслабились мы что-то без качки! Утратили бдительность, а море этого не прощает! Одеваться и умываться мне пришлось, держась за разнообразные закреплённые поверхности, чтобы не улететь в совершенно не предсказуемом направлении. Чувствуя себя как шарик в барабане лотереи «Спортлото», я добрался до столовой и сумел позавтракать. Потом пошёл на радиостанцию. Там никого не было. Взялся переписывать журнал. Но наверху качка чувствовалась гораздо сильнее, чем в нижних помещениях. Написав два листа, я понял, что больше здесь не выдержу. Желудок прыгал у меня где-то под горлом. Добрался до каюты и рухнул в коечку. И, несмотря на жуткую болтанку, уснул! Проснулся в одиннадцать часов. Хотя качка не уменьшилась, я почувствовал себя значительно лучше! Опять пришёл на радиостанцию. Здесь начальник, уцепившись за стол, связывался с Ленинградом. Я стал вставлять бумагу в факсимильный аппарат, чтобы принять карту погоды. Тут нас опять накренило так, что я, не успев схватиться за что-нибудь, стал летать по радиорубке, как резиновый мячик! После того как я проехался пару раз на четвереньках от левого борта к правому, мне наконец удалось кое-как закрепиться в пространстве и закрыть крышку факсимильного аппарата! Самое интересное было то, что волнение на море было не очень-то и сильное. Это нас болтало из-за низкого центра тяжести судна. На обед я пришёл слегка «зелёненьким», но мужественно влил в себя несколько ложек супа и съел кусок курицы. Через полчаса всё это у меня уже просилось обратно, но, к моему счастью, мы наконец-то вошли в Норвежские шхеры, и болтанка закончилась!

Сразу всё изменилось в лучшую сторону! Мы шли по ровной воде между маленьких и больших островов, поросших лесом и травой. Кое-где были видны одинокие чистенькие домики местных жителей. Вокруг было очень красиво! Недаром Норвежские шхеры называют одним из семи чудес света! Настоящая суровая северная красота! Таких скал я ещё не видел нигде. Круто поднимаясь из спокойных синих вод, они образуют

множество островков, которые и называются шхерами. Наше судно ведёт норвежский лоцман. Расстояния между островками совсем небольшие. Такое впечатление, что идём по спокойной реке. Но глубины здесь достигают трёхсот метров! Чем дальше мы идём, тем выше вздымаются горы. Всё больше леса растёт на них. Жемчужными нитями сбегают с вершин водопады. Вот виден серпантин автомобильной дороги. Домов вдоль неё становится всё больше. С каждым поворотом всё красивее и красивее становится вокруг. Норвежские фьорды! Поразительно красивыми создала Природа эти места! Мы любовались ими, пока не стемнело. Медленно продолжаем двигаться вперёд. В столовой команды начали показывать последний фильм из наших запасов. Потом на радиостанции я опять переписывал журнал для моего отчёта и одновременно, подменял начальника на вахте. За окном радиорубки в темноте, очень близко от борта, проплывают крутые скалистые берега фьордов. Медленно, но верно мы идём к родным берегам. Скорее бы уже оказаться дома!

CXXXIX.

Мы следуем дальше, периодически меняя лоцманов. Каждый из них обслуживает определённый участок пути. Бывает, что лоцманов двое. Один из них отдыхает в дежурной каюте, а второй ведёт проводку. Потом они меняются. Впереди у нас ещё трое суток пути в этом горном лабиринте. Говорят, что если вы хотите побывать в горах на корабле, то это про Норвегию! Точно сказано! Хотя с утра погода испортилась и нас мочит мелкий нудный дождик, окружающие нас горы всё равно великолепны! Они огромные, величественные и суровые, с шапками снега на склонах. Их вершины прячутся среди серых облаков. Насколько горы огромны, понимаешь, когда видишь крохотные домики, прилепившиеся к их склонам. Временами мы выходим на открытые пространства Норвежского моря, и тогда опять начинается болтанка! Но вскоре мы опять укрываемся за скалами и продолжаем петлять среди тишины и спокойствия каменных исполинов. Радиосвязь здесь плохая. Горы очень сильно мешают прохождению радиоволн. Сегодня мы полтора часа вызывали Ленинград, чтобы сдать всего лишь одну радиограмму. На открытом пространстве нам это, наконец, удалось сделать. Теперь мы опять идём среди гор, и связи не будет. Коротаю время, занимаясь отчётом. Он уже занимает много листов, и скоро я его закончу. Дни тянутся медленно. Так и хочется подтолкнуть наше судно, чтобы двигалось быстрее к родным берегам! Каждый мой день как две капли воды похож на предыдущий: подъём,

радиорубка, отчёт, отбой. Но скоро всё измениться! Надо только немного потерпеть.

А мы уже, оказывается, за Полярным кругом! Ночи становятся всё светлее – полярный день как-никак! Пейзаж вокруг нас становится более суровым и мрачным. Всё больше снега на вершинах гор. Всё меньше домиков на их склонах. Правда, сегодня утром мы проходили какой-то городок. Здесь, между двумя берегами фьорда, был перекинут высокий и очень длинный железобетонный мост. Не знаю почему, но мы минут двадцать постояли перед ним на якоре, а потом отправились дальше. Места кругом дикие, безлюдные. Навстречу нам прошли четыре норвежских торпедных катера. Видно, где-то здесь у них есть база. Вдруг нам навстречу несётся военный сторожевой катер! Над ним развивается флаг NATO. На нашей мачте красный флаг с серпом и молотом. Натовский катер не сбавляет скорости, идёт почти в лоб! За штурвалом виден вояка в форме хаки, с тёмными очками на наглом лице. Решил проверить нас на прочность? Ну, ну! Места для манёвра предостаточно, чего этот камикадзе от нас хочет? Следуем своим курсом. Расходимся левыми бортами. Натовский катер проносится метрах в четырёх от нас. Норвежский лоцман что-то бормочет про себя, наверное, посылает этого лихача крепким тихим норвежским матом! Вот над нами пролетел небольшой норвежский самолёт-наблюдатель. Точно, где-то здесь у них есть военная база! Ишь, заволновались! Да, если нужно будет, вы нашу подводную лодку и не увидите вовсе, а база ваша уже будет условно уничтожена из подводного положения, пока вы тут в «казаков-разбойников» играете! А завтра мы вообще о вас забудем, потому что будем уже в Баренцевом море! А там и до Мурманска рукой подать!

CXL.

С чего начинается Родина? Для нас Родина началась с хорошей солнечной погоды! Мы входим в территориальные воды Советского Союза в Беринговом море. Мы уже почти дома! Вдруг по правому борту замечаем дельфинов! Надо же, здесь на Севере они тоже есть! Раньше я думал, что они живут только в тёплых водах. Но, в принципе, здесь тоже проходит тёплое течение – Гольфстрим. Поэтому Мурманск считается незамерзающим морским портом. Дельфины некоторое время сопровождают нас. Привет вам, братья по разуму! Спасибо, что вышли нас встречать! Мы тоже вам рады!

Скоро мы увидим родные берега! А пока я добью свой многострадальный отчёт! Как он мне надоел! Но дело сделано! Все мои трёхмесячные мучения собраны теперь в одной толстенной папке. Разложил все листы по порядку и пронумеровал страницы. С писаниной покончено! Теперь есть, что показать в Училище!

А в иллюминатор уже видно берег! Наш берег! В четыре часа вечера мы взяли на борт лоцмана и по Кольскому заливу пошли в Мурманск. Кругом сопки. Проходим два небольших городка: Полярный и Североморск. Видели большую дизельную ракетную подводную лодку. На одном из островков залива стоял необычный памятник – на бетонном постаменте настоящий гидросамолёт! Так, потихонечку, мы дошли до рейда Мурманска и присоединились к длинной веренице судов, ожидающих разрешения на заход в порт. Мурманский порт окружён сопками. На противоположном от порта берегу видны полузатопленные ржавые остовы старых военных кораблей. Из воды поднимаются их носовые части, с боевыми рубками и мачтами. Зияют провалы сорванных металлических дверей и разбитые иллюминаторы. Это кладбище военных кораблей. Город расположен выше порта, на сопках. Видно много домов, высоченную мачту телевизионного ретранслятора. А на самом верху сопки огромный памятник советским воинам-защитникам Заполярья. Его здесь тоже называют «Алёшей», как в песне: «Стоит над горою Алёша …»

Очень поздно, в половине двенадцатого ночи, прибыла таможня и пограничники. Как полагается, нас досмотрели, проверили наши декларации и закончили работу комиссии в час ночи. Всё! Мы дома! В ожидании постановки к причалу стоим на рейде. На берег можно добраться на служебном катере, который ходит между портом и рейдом. Но на берегу мне делать пока нечего. Советских денег у меня нет, а деньги на проезд до Ленинграда мне выдадут только завтра. Для интереса выяснил, что достать билеты на поезд весьма проблематично. Сезон отпусков в разгаре. Мурманчане выкупают все билеты за полтора месяца до отъезда. Остаётся только самолёт. Там тоже с билетами туго, но при желании можно улететь из самого аэропорта, если на улетающий рейс будут свободные места. Аэропорт находится в 24-х километрах от Мурманска. Поэтому ехать туда надо с деньгами и вещами. Поскольку денег у меня пока нет, сегодняшний день я посвятил необходимым приготовлениям: собрал все подписи судового начальства и получил отзыв о практике. Всё остальное будет завтра. Пусть же поскорее настанет завтрашний день!

CXLI.

Я покидал судно, бывшее два месяца для меня и домом, и местом работы, и транспортным средством, с раздвоенным чувством. Одна моя половина сожалела о расставании с моими товарищами и коллегами по плаванию, с которыми пройдено немало морских миль и увидено много стран. А вторая моя половина неудержимо рвалась в Ленинград, стремясь как можно быстрее сократить расстояние в 1013 километров и обнять самого любимого и дорогого мне человека! Провожали меня начальник радиостанции, Серёга Сухов и боцман. К начальнику приехала жена, поэтому прощание много времени не заняло. Серёга стоял на штате матросом и хотел остаться ещё поработать на судне, чтобы заработать деньжат. Боцман в глубине души ещё надеялся познакомить меня со своей дочкой и приглашал заходить как-нибудь в гости на «Ижаралес», когда они будут в Ленинграде. Крепко пожав всем руки и пожелав счастливого плавания, я отправился на автовокзал Мурманска, так толком, и, не увидев город. Тогда я даже не предполагал, что ровно через полгода мне представится возможность в полной мере, не торопясь, детально изучить и географию Мурманска, и его административное устройство, и культурную жизнь. А пока, рейсовый автобус мчал меня в Мурмаши, где располагался аэропорт. Всё моё естество стремилось вперёд, мысленно подгоняя петляющий между сопок автобус. Который не торопясь вёз меня в воздушную гавань Мурманска, оставляя позади населённые пункты, стада кормящихся в тундре колхозных коров и зоны заключения с бараками и вышками охраны, отгороженные колючей проволокой.

Ворвавшись в помещение аэропорта, я упёрся в осаждающую окно администратора толпу из желающих улететь отсюда во что бы то ни стало! Рейсов на Ленинград было несколько. Но оставшиеся билеты продавались только после окончания регистрации, при наличии свободных мест. Поэтому, начав продвижение к окошку администратора утром, я добрался до него только вечером. Очереди в том смысле, который знаком каждому из нас, не было. Просто по радиотрансляции аэропорта объявляли об окончании регистрации на рейс такой-то, со временем отправления таким-то. После чего желающие попасть в упомянутый диспетчером географический пункт протискивались сквозь толпу из остальных страждущих попасть в другие географические пункты, зажав в руках деньги и выкрикивая количество нужных им билетов! Администратор сухо сообщал о наличии свободных мест и продавал их счастливчикам, оформляя билеты на вылетающий рейс. Остальные дожидались следующего

рейса, и всё повторялось сначала. Сзади меня подпирал морячок-дембель в форме Северного флота, которому хотелось улететь в Москву. Это было мне на руку, когда надо было продвинуться поближе к окошку. Но когда возникала пауза между рейсами, я просил его ослабить натиск и поберечь силы до следующей попытки. А попыток оставалось всё меньше и меньше. Наконец, и мне улыбнулась удача! Администратор сообщил, что на текущий рейс до Ленинграда есть три свободных места! Протянув ему деньги и паспорт моряка, я понял, что Фортуна повернулась ко мне передом!

Сидя в самолётном кресле у иллюминатора и провожая взглядом удаляющиеся внизу сопки и здание аэропорта, я летел навстречу своей Судьбе, перевернув ещё одну страницу своей жизни, которая была одной из многих страниц, завершающих очередную главу моей Юности под названием «Их знали только в лицо!»

Часть четвёртая: «Кому на Руси жить хорошо?»

CXLII.

Ну вот, друзья, мы и вышли на финишную прямую! Позади три года учёбы. За это время из выпускников школы мы стали курсантами выпускного курса Ленинградского Мореходного Училища ММФ СССР. Из салажат, не имеющих понятия, что такое море, служба и Система, выросли красивые крепкие парни, знающие цену полученным знаниям, дружбе и взаимовыручке! Мы побывали там, где не все бывали, повидали столько, сколько иным людям за всю свою жизнь не удаётся повидать, нашли для себя тот, самый верный путь, который всем нам ещё предстоит пройти с честью и достоинством! Загорелые, возмужавшие, «оморячившиеся», став выше и шире в плечах, мы стоим в едином строю, блестя золотом курсовок с пятью шевронами и ощущая локоть товарища, готового всегда прийти к тебе на выручку.

Позади месяцы, проведённые в дальних плаваниях. Получено море впечатлений и океан воспоминаний о настоящей морской жизни! Приобретены профессиональные навыки, и состоялось приобщение к самостоятельной работе в реальных условиях борьбы со стихией, адаптация в судовом коллективе и взаимодействие с членами экипажа. Сданы отчёты о практике начальнику радиотехнического отделения. Отгулян последний летний отпуск. Кто-то успел жениться! Кто-то, наоборот, ***не успел*** вернуться с практики к началу занятий и ещё находится в море. Но всем ясно одно: мы теперь моряки! А через четыре месяца будем дипломированными специалистами! Но эти четыре месяца нам ещё предстоит прожить до выпуска. Причём не все будут проживать их в стенах Училища. Ленинградцы и «семейные» курсанты могут ночевать дома, но обязаны присутствовать на учебных занятиях. От нарядов по несению дежурств по роте и на КПП экипажей и учебного корпуса их тоже никто не освобождает. Так что вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» остаётся риторическим! Да, мы старшекурсники. Теперь на нас смотрят младшие курсы, поэтому то, как ты выглядишь, как ведёшь себя, накладывает на тебя незримый груз ответственности. Ты уже видел, что ждёт тебя в будущей самостоятельной жизни, и за эти четыре месяца можешь как-то скорректировать ситуацию, устранив допущенные ранее ошибки и промахи.

Во-первых, ты понимаешь, что впереди всех молодых

специалистов ждёт распределение по местам будущей работы. Социалистический принцип «лучшим выпускникам – лучшие места работы» ещё никто не отменял! При этом комиссией по распределению будут учитываться все факторы, влияющие на принятие решения. А факторы эти сейчас зависят только от тебя! Поэтому посмотри в свою зачётку и реши, какие предметы, к которым на младших курсах ты относился безалаберно, и в результате твои знания по ним были оценены преподавателем-экзаменатором на «удовлетворительно» и «хорошо», ты можешь пересдать, чтобы повысить количество пятёрок в дипломе. И если это будет сделано, то, возможно, тебе удастся окончить Училище, получив диплом с отличием! А это верный шанс распределиться не в «тьму-таракань» с каботажными рейсами или работать на береговом радиоцентре за «голый оклад», а в приличное пароходство с рейсами за границу!

Во-вторых, в составе комиссии обязательно будут представители партийного руководства Училища, и их голос тоже будет иметь вес при принятии решения комиссией.

Поэтому надо проявить инициативу и заняться общественно-политической деятельностью: стать общественным пропагандистом, или лаборантом, или каким угодно активистом, но заработать положительную характеристику твоей общественной деятельности у партруководства! Особо рьяные могут даже подать заявление на вступление в ряды КПСС (Коммунистической Партии Советского Союза).

В-третьих, нужно избегать конфликтов на любом уровне. Ты, хотя и старшекурсник, но всё ещё зависим от командира роты, от офицеров военно-морского цикла, от преподавательского и административного состава Училища. «Не борзей!», и всё будет хорошо!

В остальном действуем по обстановке и по принципу: «Будет команда – будут манёвры!» Всё, что ты усвоил за время пребывания в Системе, поможет тебе не только в этот четырёхмесячный период, но во всей твоей дальнейшей самостоятельной жизни!

Всем всё понятно? Вопросы есть? Вопросов нет. А теперь слушай команду: «Рота, вольно! Разойдись!»

CXLIII.

Мы опять в родной Системе! За три года тут действительно всё стало родным. Ты знаешь всех, и все знают тебя. Но прежняя бездумная лёгкость курсантской жизни, когда начальство думало за тебя, а от тебя требовалось только исполнять его приказы,

безвозвратно проходит. Теперь тебя не надо организовывать, водить строем, постоянно контролировать в мелочах. Ты делаешь всё сознательно, отдавая себе во всём отчёт, и планируешь свои дальнейшие действия грамотно и с минимальными затратами энергии и ресурсов. Тебя научили жить в Системе. Ты являешься неотъемлемой её частью, и эти знания и навыки станут тем надёжным фундаментом, на котором будет строиться вся твоя дальнейшая жизнь!

Но, пока твой организм и голова «приходят в меридиан» после вольницы плавательной практики и отпуска, ты рад привычной для всех обстановке и отдыхаешь душой и телом, чувствуя себя в стенах Училища как рыба в воде! Сколько историй о практике рассказано тобою друзьям! Сколько услышано от них! Сколько изменений произошло в жизни твоих товарищей и твоей личной жизни! Рота за это время сплотилась настолько, что объединяет всех, как большая семья! Ты можешь зайти в любой кубрик, и с каждым из присутствующих там ребят тебе будет о чём поговорить! Старшины уже не воспринимаются как твои надзиратели, они исполняют роль согласующего звена между командиром роты и её личным составом. Приказов как таковых уже нет. Есть служебные распоряжения, цель выполнения которых всем понятна, и поэтому всё исполняется добросовестно и сознательно, без лишних разговоров и препирательств. Невыполнение распоряжений означает, что ты подведёшь своих товарищей, которые тебе доверяют. А потерять их уважение – это самое худшее, что может произойти. Но никто не собирается до этого доводить ситуацию, поэтому коллектив бодр, весел и работоспособен!

К нам на этаж зашёл Серёга Сухов, с которым мы проходили практику на «Ижоралес». Я был рад видеть его улыбающуюся усатую физиономию. Мы обнялись и обменялись новостями. После моего отъезда с судна т/х «Ижоралес» участвовал в летней навигации по Северному морскому пути, развозя снабжение по приполярным городам и посёлкам побережья Северного Ледовитого океана. Амдерма, Диксон, Тикси – эти порты замерзают зимой, поэтому за короткую летнюю навигацию надо успеть завести туда всё необходимое для жизнедеятельности тружеников Заполярья. Для этой цели используют все свободные суда, находящиеся в это время в Северном морском бассейне. Так Серёга походил в большом каботаже, а потом тоже списался с судна и вернулся в Питер. То, что повидал Сергей, через полтора года пришлось повидать и мне. Ну, а пока мы вливались в привычный ритм жизни Ленинградского Мореходного Училища и были этому очень рады!

CXLIV.

Самым прекрасным и замечательным для меня было то, что я теперь мог видеться с Иринкой. Она уже работала в аптеке как молодой специалист. В коллективе её приняли хорошо, и ей там нравилось. Мы виделись при каждой возможности. Несколько раз я заходил к ней на работу. Она рассказывала много интересных и смешных случаев, которые происходят с покупателями в аптеке. В основном, всё относилось к тому, как покупатели описывают лекарство, которое им надо купить. Случаев было так много, что наиболее смешные из них сотрудники аптеки стали записывать в отдельную тетрадку. Однажды к ним пришли курсанты военного училища и решили «поприкалываться» над молодыми девушками-фармацевтами, работающими в зале. С очень серьёзным видом они стали спрашивать: есть ли у них в аптеке геноцид? Озадаченная девушка растерялась, думая, что это какое-то новое лекарство, которое она ещё не знает, попросила их подождать минутку и побежала к своим более опытным сотрудникам, выяснить, что это за препарат. Смеялись потом все: и курсанты, и сотрудники аптеки, и девушка! Хотя шутка была довольно дурацкой!

Как молодому специалисту, не имеющему своего жилья в городе Ленинграде, Иринке полагалась служебная жилплощадь в соответствии с нормативами, установленными правительством города. Обычно это была комната в коммунальной квартире, которая считалась служебным жильем и принадлежала городскому Аптечному Управлению. Свободных комнат в настоящее время пока не было, и нужно было ждать, когда подойдёт очередь. Полина Васильева, прежняя хозяйка комнаты, где жила Иринка, когда училась, попросила её съехать. Так как брала к себе новую девушку на время её учёбы в фармацевтическом училище. Пока Иринку приютила её подруга по работе. У неё уже была своя служебная комната в коммуналке. Находиться в таком «подвешенном» состоянии было неприятно, но мы всё равно были счастливы, потому что были вместе! Мы гуляли по вечернему городу, и, хотя наше дальнейшее будущее было совсем неопределённым и туманным, мы знали и верили, что всё у нас будет хорошо!

CXLV.

В учебный процесс мы втянулись быстро. Наши головы были свежими после морских ветров всех морей Европы. Мы знали, как

работает вся аппаратура, схемы которой мы зазубривали наизусть на четвёртом курсе. Мы могли найти отличия в различных модификациях приёмников и передатчиков, которые стояли в учебных аудиториях Училища, от тех, которые использовались на судах. Говорили с преподавателями на одном «радиотехническом» языке, поскольку чётко представляли всю картину использования радиоаппаратуры в реальных условиях её эксплуатации на судах.

Но процесс познания бесконечен. Поэтому на каждом занятии мы узнавали что-то новое, более детальное и глубоко профессиональное.

Наша 251 группа на занятиях по экономике с преподавателем Двукраевой Татьяной Викторовной.

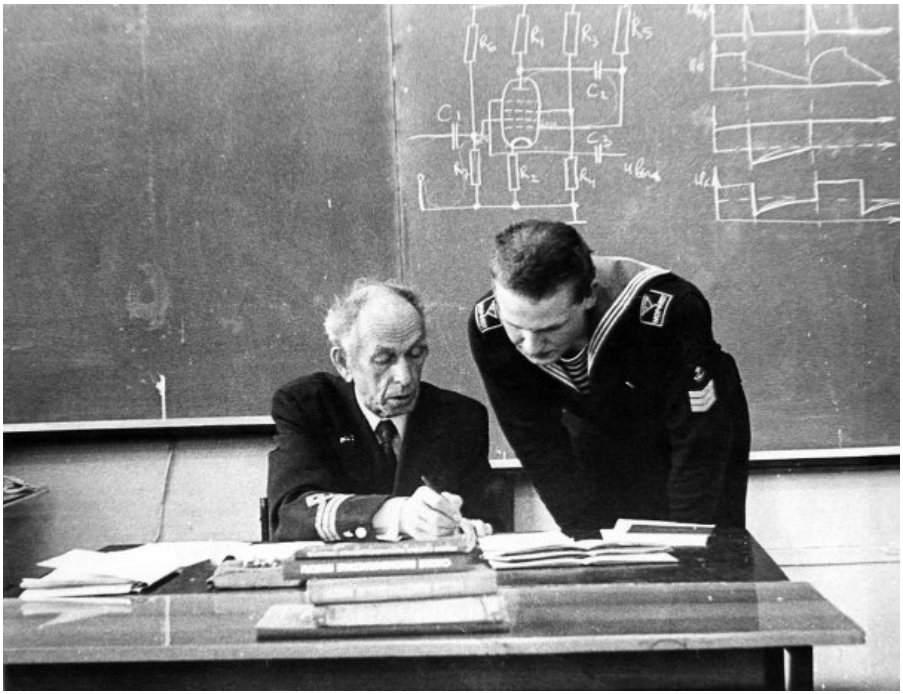
Наши преподаватели не ограничивались простым изложением материалов учебников, а приводили случаи из своей обширной практики работы на море. Всё это было настолько интересно и познавательно, что на лекциях никто теперь не засыпал, а материал усваивался сходу и навсегда. Было стыдно что-то не знать после таких ярких и запоминающихся примеров, которыми преподаватели в изобилии сопровождали учебный материал. Многие из нас потом могли самостоятельно прочитать для своих товарищей целую лекцию о конкретном блоке радио или навигационной аппаратуры, вооружившись указкой и проходя все хитросплетения линий и обозначений электрической схемы оборудования.

Зачёт принимает преподаватель Анатолий Алексеевич Орехов.

Каждый из преподавателей отличался своей особой манерой обучения и изложения учебного материала. Анатолий Алексеевич Орехов мог за первую половину занятия опросить всех курсантов группы, выставить оценки в журнал, а потом ознакомить нас с новым материалом в сжатой и доходчивой форме. Поэтому к его лекциям готовились добросовестно, зная наперёд, что «шара не прокатит» и опрошены будут все!

Игорь Петрович Широких был легендарным преподавателем ЛМУ! На полке каждого уважающего себя судового радиста стоял его справочник «Ремонт судовых радионавигационных приборов». Игорь Петрович был непререкаемым авторитетом среди ведущих специалистов морской радионавигации и, имея колоссальный научный и практический опыт в этой области, откладывал на потом формальности по официальному получению своего высшего технического образования. Не считая это столь значимым и необходимым фактом в своей жизни. Уже в преклонном возрасте под нажимом своих коллег и учеников (которые давно уже имели учёные степени), он получил диплом о высшем техническом образовании в Ленинградском высшем инженерном морском училище имени адмирала С. О. Макарова (ЛВИМУ). Его друзья и коллеги шутили, что вот наконец-то

теперь и он стал ***дипломированным специалистом!*** С курсантами Игорь Петрович обращался в высшей степени бережно и интеллигентно. Излагая учебный материал, он пользовался принципом: если хотите сами что-либо понять, попробуйте объяснить это ребёнку! Поэтому он скрупулёзно, на уровне детского сада, с огромным терпением и выдержкой, доводил до нас те необходимые знания, которые оставались в наших головах навсегда! Ведя указкой по схеме, он приговаривал: «Сначала точок (электрический ток) идёт сюда, потом – вот сюда … Для наглядности давайте нарисуем «эпюрчик»! В результате даже ребёнку было бы понятно, как работает схема! Выслушивая ответ курсанта на заданный по теме лекции вопрос, он никогда не перебивал отвечающего, а дожидался момента, когда красноречие курсанта иссякло, и тот замолкал в замешательстве, уставившись тоскливыми глазами в схему, только беззвучно открывая и закрывая рот. В этом случае Игорь Петрович ободряюще говорил ему: «Да! Всё так! Но, с точностью до наоборот!» После чего так же тщательно, разжёвывая всё до мелочей, ещё раз повторял весь только что изложенный им материал. В результате ни один курсант не уходил с его занятий, не усвоив полученные на лекции знания. В нашем присутствии, как бы ни складывалась ситуация, Игорь Петрович никогда не повышал голос. Он позволял себе только две вещи: высморкаться, извинившись, в большой носовой платок и иногда втихаря закурить в аудитории, когда не мог выйти из неё во время экзамена. Все выпуски курсантов РТО с благодарностью и уважением вспоминают этого замечательного Человека!

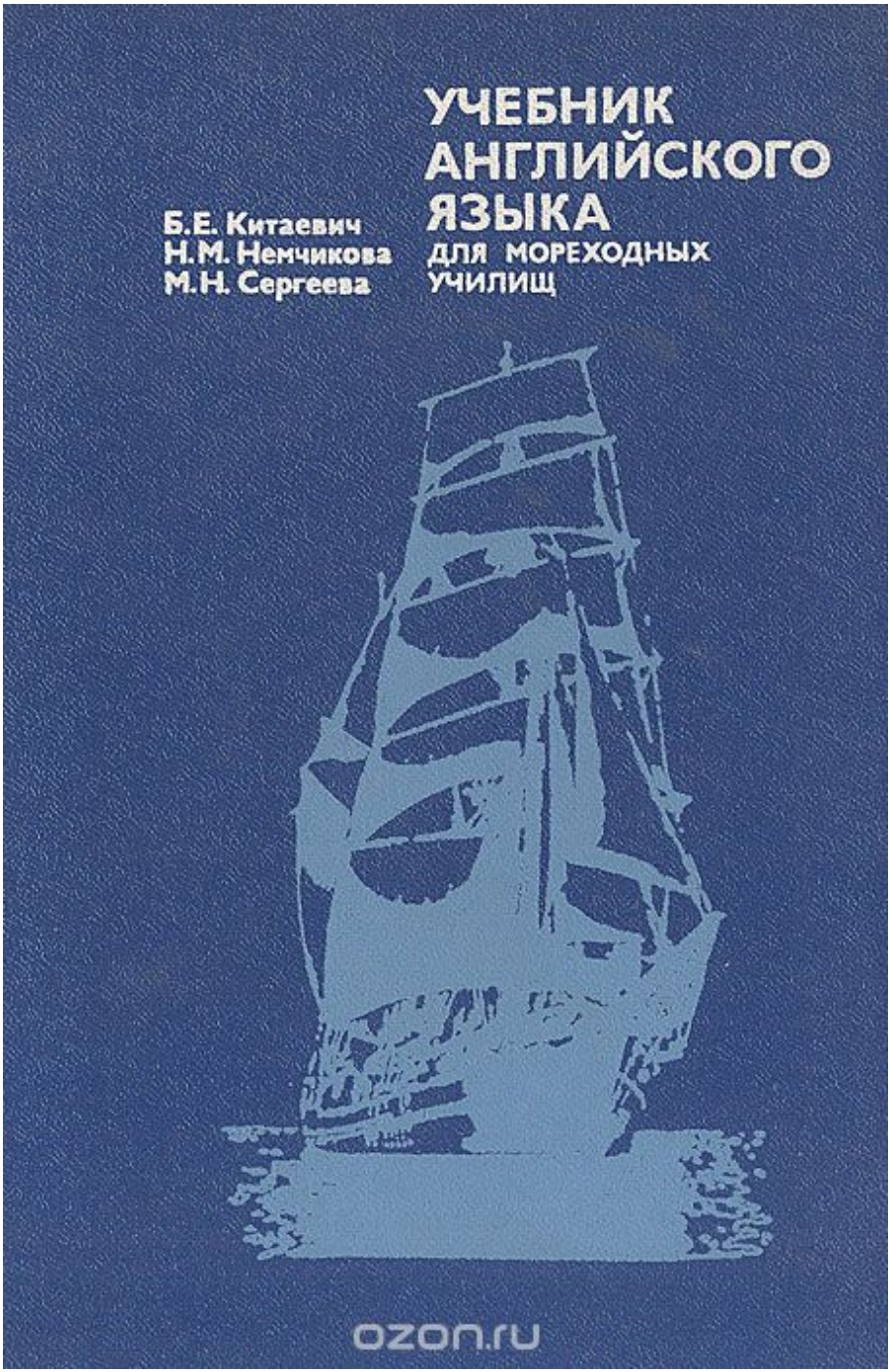


Игорь Петрович Широких – легенда и гордость преподавательского состава ЛМУ ММФ СССР.

Не меньшим уважением среди курсантов пользовался и ещё один преподаватель ЛМУ –

Борис Ефимович Китаевич. Он был автором великолепного учебника английского языка для моряков. До сих пор эта книга является эталоном обучения для желающих знать этот главный язык международного общения. ***КИТ*** – так ласково и уважительно называли Бориса Ефимовича курсанты. Профессионал в своей научной и преподавательской деятельности, очень добрый и душевный в общении, человек нелёгкой судьбы, Борис Ефимович Китаевич был любим и уважаем всеми поколениями выпускников ЛМУ. Про него ходили легенды, что он переводил самой Королеве Англии, когда был в составе советской делегации в Лондоне. Что он мог принимать, передаваемый азбукой Морзе английский текст на печатную машинку с русской клавиатурой, мгновенно переводя английские слова и тут же распечатывая текст сообщения по-русски! Во время нашего обучения в ЛМУ Борис Ефимович преподавал нам эксплуатацию радиосвязи. Поэтому многие из курсантов могут с гордостью сказать, что КИТ сделал из нас настоящих радистов!

Китаевич Б. Е.



Вообще, нам очень повезло со всеми преподавателями! Те знания, которые они сумели донести до нас, надёжно служат нам до сих пор. Хотя ЛМУ ММФ давало своим выпускникам среднее техническое образование, уровень их подготовки был весьма

высоким. Что значительно облегчало дальнейшее обучение в учебных заведениях высшей школы. Низкий вам поклон и огромное спасибо за полученные от вас знания, дорогие наши преподаватели!

CXLVI.

Отдельно хочется вспомнить о нашем классном руководителе (или наставнике нашей группы) – им был Рувим Абрамович Гутман. «Беня» – так называли его курсанты всех выпусков, которые у него учились. Был он человеком весьма пожилым, и о нём ходили слухи, что он вёл свою преподавательскую деятельность со времён основания нашего Училища. Этот высокий, немного сутулый, седой и сухощавый человек одевался в видавший виды костюм и традиционные сандалии. Он был офицером-отставником, закончившим службу в звании полковника. Нам он читал курс «Электрорадиоматериалы» на первом году нашего обучения в ЛМУ. Свою кличку «Беня» он, по разным версиям, получил… Или за то, что в летнюю жару носил открытые сандалии, с не застёгнутыми до конца металлическими пряжками, которые при ходьбе издавали звуки «Бень! Бень!» Или же, по другой версии, кличка пошла от его имени Рувим. Библия трактует это имя как производное от ра'а («увидел», «узрел») и бен («сын»). Но, как бы там ни было, иначе, как «Беня – фторопласт-4», Рувима Абрамовича курсанты меж собой не называли.

Рассказывая нам на лекциях о свойствах различных материалов, используемых в электро– и радиотехнике, Рувим Абрамович всегда особо отмечал изоляционный материал фторопласт-4. О нём он мог рассказывать бесконечно, воспевая его замечательные свойства в прямо-таки молитвенном экстазе! Если во время лекции, одурев от духоты и монотонного бубнения преподавателя, курсанты начинали «впадать в кому», то всегда была возможность задать Бене вопрос по ходу лекции, но с обязательным упоминанием в нём фторопласта-4! Услышав знакомое «кодовое слово», Рувим Абрамович преображался и с юношеским задором делал «лирическое отступление» минут на десять-пятнадцать от изложения основного материала! Поскольку при этом он входил в некое состоянии транса, то, подобно соловью или токующему глухарю, он не мог остановиться, пока не выговаривал нам весь объём заложенной в его память информации об этом замечательном материале! Его тираду мы знали наизусть, поэтому могли слушать её с закрытыми глазами, согласно кивая опущенными головами в такт декламируемой

преподавателем речи. В конце её организм, по привычке выработанной многократными повторениями, автоматически просыпался, и мы, прекрасно отдохнувшие за это время, готовы были рукоплескать докладчику в конце его выступления! Беня возвращался «с небес на землю», оторопело оглядывал непонимающим взглядом аудиторию, вспоминал, где он находиться, и лекция продолжалась.

Свои конспекты лекций мы вели под диктовку Рувима Абрамовича. Беня, в свою очередь, диктовал нам материал из своего конспекта, который был записан им на пожелтевших от времени отдельных листах бумаги формата А4. Листы эти были сложены в потёртую кожаную папку для бумаг и были такими же древними, как и сам преподаватель! Когда ребята, пользуясь отсутствием Гутмана в перерыве между лекциями, заглядывали в них, то видели всю историю технического прогресса, отмеченную рукою Бени на страницах его конспекта. Слово «паровоз», написанное карандашом, было зачёркнуто, и над ним чернильной ручкой было написано слово «тепловоз». Которое в свою очередь тоже было зачёркнуто, но уже шариковой ручкой, и ей же сверху было написано слово «электровоз». Листы конспекта располагались в строгом порядке, последовательно один за другим. Когда на перерыве ребята видели, сколько листов им ещё предстоит записывать за Рувимом Абрамовичем на следующем часе, то они, желая сократить для себя объём надоевшей писанины, перекладывали несколько листов из прочитанной преподавателем стопки в ещё не прочитанную. Вернувшись в аудиторию, Гутман удивлённо смотрел на не прочитанные им листы, копался в прочитанных, и удивлённо спрашивал нас: «А что, я вам разве этого уже не говорил?»

– Нет, нет! Не говорили! Этого ещё не было! – дружно отвечали мы ему, и Рувим Абрамович недоумённо теребил очки, досадуя на свою старческую память, и начинал читать лекцию заново. Беня ни на букву не отступал от изложенного на страницах текста, заставляя нас записывать учебный материал под его медленную диктовку. Он скрупулёзно и тщательно выговаривал слова с присущей только ему манерой произношения. Например, диктуя нам фразу: «Вихревые токи возникают в проводах, по которым проходит переменный ток», слова «вихревые токи» он произносил, как «выхрывые токи»! Курсанты, услышав непонятное слово «выхрывые», переспрашивали: «Какие токи?»

– Выхрывые! Выхрывые токи!

– Какие, какие? – не унимались курсанты.

– Выхрывые токи! Вых-ры-вы-е!

– Так и писать?

– Так и пишите!

– Рувим Абрамович, а вы можете это слово на доске написать? Чтобы нам понятнее было! – давились от смеха курсанты.

Беня брал мел и писал на классной доске – «вихревые токи»!

– Теперь понятно? – оборачивался он к нам.

– Да, да! Теперь понятно! – дружно отвечали мы, пытаясь не расхохотаться.

Если курсант, отвечающий у доски, «плавал», отвечая на заданный преподавателем вопрос по предыдущему учебному материалу, то, чтобы «не утонуть» и не получить «два шара», он мог исхитриться свернуть в своём ответе на упоминание фторопласта-4, пытаясь спастись и хватаясь за эту «единственную тонкую соломинку»! Услышав «кодовое слово», Рувим Абрамович мог «повестись» на это, и его внимание переключалось на знакомый сюжет! Поскольку каждый из нас знал о фторопласте-4 всё, что нам многократно излагал сам Беня, то «утопающий» имел шанс протянуть время своего ответа до спасительного звонка и тем самым избежать позорного конца! Но этот приём нельзя было применять до бесконечности. Гутман был стар, но неглуп! Если он убеждался, что из него хотят сделать идиота, то он записывал фамилию наглеца в свою отдельную тетрадочку, и это было для «прОклятого» равносильно смертному приговору! На каждом последующем занятии несчастный провинившийся курсант вызывался Беней к доске и «размазывался» преподавателем, как слизняк под каблуком! Бедолаге оставалось одно из двух: либо вызубрить, как «Отче наш», весь конспект лекций по «Электрорадиоматериалам», либо выкрасть ненавистную тетрадь и стереть из «расстрельного списка» свою фамилию, записанную карандашом! Что удивительно, это срабатывало! И «гонения» на неудачника прекращались!

А если у курсанта появлялась возможность достать где-нибудь кусочек заветного фторопласта-4 и преподнести его преподавателю в дар (в качестве учебного пособия) перед сдачей зачёта, то этот курсант мог считать, что и зачёт, и хорошая оценка на экзамене были ему уже обеспечены!

Наша 221-я группа вместе с Рувимом Абрамовичем Гутманом. Экскурсия на крейсер «Аврора», 1978 г.

CXLVII.

А время неумолимо приближало нас к выпуску из стен родного Училища. Это время мы тратили не только на учёбу. В соответствии с давними традициями курсантов проводить время отдыха культурно, наши ребята не отказывали себе в удовольствии коллективного посещения мест, где можно было расслабиться и провести вечер в компании своих друзей в тёплой и непринуждённой обстановке. Конечно же, этим местом были пивные бары нашего замечательного города! Каждый курсант знал назубок, где можно прекрасно посидеть за кружкой любимого пенного напитка, когда:

– в кармане есть деньги;
– когда денег мало;
– когда денег нет, но «трубы горят» после вчерашнего!

Первый пункт этой нехитрой схемы применялся преимущественно сразу после получения стипендии. Второй пункт схемы был промежуточным, и нередко после добросовестного выполнения первого пункта, на следующее утро, когда денежки «тю-тю», головка «бо-бо», а во рту «кака», сразу

начиналась работа по выполнения третьего пункта выше приведённой схемы. Принцип «Займи, но выпей!» соблюдался в первую очередь! Если он срабатывал, то в очереди у пивной бочки-разливухи курсанты могли поправить здоровье во время весенне-летне-осеннего сезона. В холодное время года на морозе у стационарных пивных ларьков стоять «с бодуна» было не очень-то комфортно, поэтому в магазин-стекляшку, который располагался на углу улицы Седова и проспекта Елизарова, посылался гонец с пустым чемоданом-дипломатом, куда помещалось шесть бутылок пива. Если взаймы уже никто не давал по причине полной некредитоспособности, изыскивались различные способы получения наличности. На младшие курсы отправлялся парламентёр с заданием продать там что-либо из личных вещей страждущих курсантов (хотя бы тот же чемодан-дипломат)! Мне самому на третьем курсе был предложен старшекурсником этот вариант товарно-денежного обмена, который прошёл к взаимному удовольствию обеих сторон сделки!

В отношении баров, где наши ребята проводили свой курсантский досуг, предпочтение отдавалось «Буксиру», а потом бару «Пиф-Паф».

Групповой портрет курсантов 251 группы РТО ЛМУ ММФ в

баре «Пиф-Паф» (из выпускного альбома Осипова В.В. (рисунок автора)).

О том, как «гуляют» моряки, слышали многие. Сам я в то время пиво не пил, поэтому о том, что происходило с ребятами в барах, узнавал только из их рассказов. Ребята рассказывали, что в одном пивняке был мужичок, который пил пиво бесплатно, за показанный им «фокус». Когда завсегдатаи хотели повеселиться, то проставлялись этому мужичку, покупая ему кружку пива и просили: «Федя, фокус!» Федя брал наполненную доверху кружку и ставил её на тыльную сторону ладони. Потом несколько раз быстро делал рукой с кружкой несколько широких круговых движений над головой, а затем, не пролив ни капли пива, подносил её к губам и залпом выпивал всю кружку, придерживая её только тыльной стороной ладони. Получалось это у него так ловко и быстро, что и остальные тоже пытались повторить этот трюк. Но получалось у всех плохо: то пиво проливалось, то кружка разбивалась. После чего все ржали над неудачником, который должен был не только возместить бой посуды, но и купить Феде ещё одну кружку пива. В благодарность Федя ещё раз показывал «фокус», и всё повторялось сначала! На младших курсах наши ребята ещё пытались повторить этот «фокус», но потом перестали. Пятикурсники были людьми солидными и не опускались до уровня клоунады. Всё было чинно и благородно! Девиз: «Всё пропьём, но флот не опозорим!» выполнялся неукоснительно. Поэтому за «пьянку» никто из нас на пятом курсе отчислен не был.

CXLVIII.

Чем меньше времени оставалось до окончания Училища, тем больше вопросов нам нужно было решить, чтобы подготовиться к этому знаменательному событию.

Во-первых, надо было задуматься о «дембельских» альбомах. В армии и на флоте ими начинают заниматься на последнем году службы. У нас же года не было, поэтому на собрании группы были выбраны ответственные лица, которые должны были организовать сбор денег и решить этот вопрос практически. Было решено обратиться в фотоателье, где уже имелись наработки по созданию подобных альбомов для выпускников ЛМУ. Инициативная группа, в составе меня и Сергея Придатко, выясняла, что нужно сделать и сколько это будет стоить. Нам всем нужно было сфотографироваться, и по нашему желанию, с любых наших

изображений в ателье могли сделать фоторепродукции и тоже поместить их в альбом. Ребята попросили меня нарисовать несколько памятных рисунков из курсантской жизни, чтобы было, что потом вспомнить. Так как времени было немного, я решил нарисовать, какими мы пришли в Училище и какими выпускаемся из него. Оба рисунка были уже помещены ранее в текст этой повести. Первый рисунок, изображающий большую приборку второкурсников в помещении роты, был выполнен мною в карикатурной манере. С ним я справился довольно быстро. Зато второй рисунок, изображающий момент празднования в пивбаре окончания учёбы на пятом курсе, был задуман как групповой портрет некоторых наших любителей пенного напитка. Здесь огромное значение придавалось сходству изображения с оригиналом. Ребята охотно мне позировали, поэтому мне удалось запечатлеть их довольно правдиво. Надо сказать, что перед этим состоялось предварительное распределение нас, будущих выпускников и молодых специалистов, по местам дальнейшей работы. География нашего распределения простиралась от Калининграда до Владивостока. Поэтому мы уже знали, куда нас направят трудиться. Была нарисована карта Советского Союза с отмеченными географическими пунктами мест нашей дальнейшей деятельности. Когда всё было готово, деньги были собраны, а члены коллектива нашей 251-ой группы сфотографировались, то все материалы были переданы в фотоателье, и сделан заказ на оформление выпускного альбома.

Во-вторых, по окончании Училища, каждому из нас полагался нагрудный знак установленного образца. Но Училищем знак не оплачивался (!), поэтому мы должны были дополнительно заплатить за его изготовления. Когда мы увидели, как выглядит этот знак, то поняли, что «гробик», пусть даже с якорем, получаемый выпускниками средних учебных заведений, совсем не смотрится, по сравнению с «ромбом» (или «поплавком»), который получают выпускники высших учебных заведений! Поскольку времени на создание какого-то особого памятного знака об окончании ЛМУ у нас почти не оставалось, то было принято решение заказать каждому фирменный знак Училища с изображением судна под развивающимся красным флагом и надписью ЛМУ ММФ СССР.

За это решение все проголосовали единогласно!

Много лет спустя у ЛМУ ММФ появился другой знак выпускников:

Комбинация «гробика» и «поплавка» выглядела более удачно, чем общепринятый «гробик».

Когда все формальности были улажены, мы полностью сосредоточились над решением остальных текущих задач, стоящих перед нами: сдать последнюю сессию и выйти на Государственные экзамены.

CXLIX.

Был зимний субботний вечер. Мы гуляли с Иринкой по заснеженной набережной Петропавловской крепости. С левой стороны над нами возвышались промерзшие стены Трубецкого бастиона. Эти камни многое повидали на своём веку и теперь равнодушно смотрели на курсанта-пятикурсника в чёрной флотской шинели, подпоясанной ремнём, и девушку в зелёном зимнем пальто с лисьим воротником и в шапке из такого же меха. Было очень тихо. Мы были одни. Высокие заснеженные деревья стояли вдоль тропинки, по которой мы шли, и прислушивались к нашему разговору. Разговор был серьёзный. Мы оба понимали, что скоро наша жизнь обязательно изменится. Перед нами, за ледяным пространством скованной морозом и занесённым снегом Невы, светились огни Дворцовой набережной, здания Эрмитажа и стрелки Васильевского острова. Позади нас мрачно чернела громада бывшей политической тюрьмы России, а впереди весело мерцали далёкие огни прекрасного города. Мы должны были

выбрать для себя что-то одно, что будет определять нашу дальнейшую жизнь: мрак и холод одиночества или свет радости и надежды нашего общего будущего. Мы оба проделали очень большой путь, прежде чем встретиться здесь, в этом городе. И вот Судьба привела нас сюда, чтобы мы могли принять единственное правильное решение, которое определит всю нашу дальнейшую жизнь. Я рассказал Иринке, что у нас прошло распределение по будущим местам работы. В Ленинграде оставляли только тех, у кого была постоянная прописка и жилплощадь, да и то не всех. В Балтийском морском пароходстве своих радистов некуда было девать, а тут ещё молодые специалисты должны быть обязательно трудоустроены. Поэтому шансов остаться в Питере у меня не было никаких. Наш преподаватель РОС (радиооборудования судов) Филимонов к этому времени стал Начальником радиотехнического отделения и проводил собеседование с каждым из курсантов РТО в отношении перспектив будущего трудоустройства. Здесь учитывалось всё: и учёба, и дисциплина, и общественная деятельность. По всем трём направлениям я был на хорошем счету, поэтому Филимонов предложил мне два хороших варианта, где в пароходствах есть заграничные рейсы и куда требовались молодые специалисты в достаточном количестве. Первый вариант был – Мурманск, второй – Владивосток.

Вариант с Мурманском позволял работать не так далеко от Ленинграда, где должна была обязательно три года отработать Ирина. Мурманск находился за Полярным кругом, и каждые полгода к зарплате добавлялся возрастающий коэффициент (так называемые «полярки»). Порт в Мурманске был незамерзающим, поэтому зимой, когда прекращалась навигация по Северному Морскому пути, большинство судов ходило в загранплавание. Это радовало! Из минусов было – наличие ледокольного флота, который за границу не ходил и летняя навигация по СевМорпути, во время которой все суда пароходства обслуживали Заполярные области Советского побережья Северного Ледовитого океана.

Во Владивостоке картина была примерно та же, но видеться с Иринкой мне предстояло бы только один раз в году, во время отпуска. А это было для нас обоих просто невозможно! Поэтому я выбрал Мурманск. Тем более что я там уже однажды побывал!

Когда я рассказал всё это Иринке, она сожалела, что я не могу остаться в Ленинграде, но согласилась, что Мурманск лучше, чем Владивосток! И спросила меня, что я решил. Я взял её за руку и сказал ей, что очень её люблю и очень хочу, чтобы она стала моей женой! «Ты согласна?» – спросил я, глядя в её прекрасные глаза и понимая, что сейчас от её ответа зависит вся

моя жизнь! Иринка сжала мою руку, и её глаза наполнились счастьем: «Да! – ответила она. – Конечно, согласна!» В тот же миг мы поняли, что теперь у нас впереди есть Будущее! Мы стояли, обнявшись, в самом центре Ленинграда. У нас не было ещё ничего, что давало бы нам хоть какое-то официальное право оставаться в этом городе вместе. Но у нас было главное – наша Любовь и Вера друг в друга, а ещё огромное желание быть вместе всю нашу жизнь! Мы сделали свой выбор и теперь могли вместе проложить маршрут, по которому нам предстоит идти! Наша свадьба состоится обязательно, только мне надо окончить учёбу и устроиться на работу. А это займёт примерно пару месяцев. Иринка была согласна ждать меня, и мы были уверены, что всё у нас получится!

CXLX.

Учебный график наших занятий в Училище, наряду с физической подготовкой, предусматривал и проведение занятий по плаванию в бассейне. Пятый курс не являлся исключением из общих правил. Программа подготовки включала в себя не только обучение различным стилям плавания, но и прыжки в воду с вышек. Научиться правильно плавать, держаться долгое время на воде, освобождаться от захватов при спасении утопающего, уметь буксировать пострадавшего, оказывать первую неотложную помощь, а также совершать прыжки в воду с высоты без получения травм – всё это было обязательным условием нашей физической и специальной подготовки. Когда почти вся программа подготовки была нами освоена и усвоена, нам осталось сдать последний зачёт: прыжки с трёхметровой и пятиметровой вышки в бассейн. С трёхметровой вышки нужно было прыгнуть головой и руками вперёд, а с пятиметровой – любым удобным для себя способом. Перед этим мы несколько занятий посвятили изучению техники правильного вхождения в воду при прыжке. Поскольку вода – это физическая материальная среда, которая почти не поддаётся сжатию, то упасть в воду с высоты без соблюдения техники прыжка всё равно, что упасть с высоты на асфальт, травмы будут ещё и хуже. Трёхметровую вышку мы освоили быстро. Ничего сложного! До воды рукой подать! Оттолкнулся, и ты уже в воде. С пятиметровой вышкой дело обстояло не так уж просто. На плавательной практике мы видели, на какой высоте находятся помещения надстройки судна. Поэтому для совершения прыжка в экстремальных условиях во время аварийной ситуации требовалось достаточное мужество. Если не прыгнешь – погибнешь! Здесь же, в учебном бассейне, от

нас требовалось просто пролететь пять метров и «грамотно» войти в воду! Казалось бы, пятиметровая вышка всего на два метра выше, чем трёхметровая. Но когда смотришь вниз с пятиметровой вышки и видишь, как далеко от тебя находится водная поверхность бассейна, то становиться как-то не по себе! А прыгать надо! Зачёт надо получить обязательно!

Мы поднимались на пятиметровую вышку по пять человек. Особо резвые и самые бесстрашные из нас сигали в бассейн с разбегу, долетали почти до самой его середины и входили в воду «бомбочкой»! Прыгнуть головой вперёд желающих не было, а вот «солдатиком» – пожалуйста! Когда дошла очередь до меня, я подошёл к краю вышки и глянул в пропасть, открывшуюся подо мной. Ну, не прыгал я никогда до этого с такой высоты! Но делать нечего! Было не страшно, было жутко! Но в этом то и заключалось самое главное – преодолеть себя! Я зажмурил глаза, увидел перед собой улыбающуюся мне Иринку и сделал шаг вперёд. Как же долго я падал! Когда вода сомкнулась над моей головой, я понял, что победил! Это была моя личная победа над собой! Из бассейна я выходил уже годным к морской службе по всем статьям!

CXLXI.

Как-то раз, когда я позвонил моей возлюбленной Иринке, она радостно сообщила мне, что наконец-то подошла её очередь и Аптечное управление города выделяет ей служебную комнату в коммунальной квартире. Я поздравил её с удачей и порадовался вместе с ней. Иринка попросила меня, пока ещё оформлялись документы на получение ордера, съездить с ней по уже известному ей адресу, чтобы посмотреть на комнату. В моё ближайшее увольнение мы встретились и поехали смотреть будущую Ирину жилплощадь.

Раньше я бывал в коммуналках и думал, что все они находятся в центре города, в старом жилищном фонде. С длиннющими коридорами и множеством комнат, примерно как у моей тётушки, или там, где раньше проживала Иринка. Но оказалось, что нам нужно было ехать в район, сравнительно недавно построенный. Когда мы вышли из метро и спросили, как нам добраться до нужной улицы, то нам сказали, что нужно ехать на трамвае несколько остановок. Был тёмный зимний вечер, и, выйдя из трамвая на нужной остановке, мы увидели, что с одной стороны трамвайной линии находится лес, а с другой – длинные вереницы жилых панельных домов. Ну, ничего себе, подумали мы, вот это глушь! Поплутав по сугробам между однотипных новостроек, мы всё же нашли нужный нам дом. Поднялись на

свой этаж и позвонили в дверной звонок. Нам открыла женщина средних лет и, узнав, что Ира – будущий жилец комнаты в их трёхкомнатной квартире, впустила нас в прихожую. Комната, которую Ире предстояло занять, была закрыта на ключ, который находился в домоуправлении. Мы поговорили с соседкой и выяснили, что ранее здесь проживал какой-то курсант военного училища, а сейчас эта комната закрыта и пустует. Осмотрев маленькую кухню, ванную комнату и туалет, мы распрощались с соседями и решили спуститься на этаж ниже, где размещалась такая же квартира, не являющаяся коммунальной. Узнав о цели нашего визита, соседка снизу разрешила нам посмотреть на комнату её сына. Она была совсем небольшой – 9 квадратных метров. Но нам она и такая понравилась! Когда ничего не имеешь, и синица в руках кажется жар-птицей! Через неделю Ире выдали ордер на комнату, и она получила ключ в домоуправлении. Наконец-то у неё было своё жильё в Ленинграде! Когда мы попали в её комнату, то кроме обшарпанных обоев и полуразвалившегося дивана в комнате ничего не увидели. Техник домоуправления сказала, что силами домоуправления будет сделан ремонт, но нужно подождать, пока освободится маляр, занятый сейчас на другом объекте. Когда она ушла, мы с Иринкой сидели, обнявшись, на продавленном диване. Из щелей неоклеенного окна безжалостно дул холодный воздух с улицы, вылетая в щель между дверью и полом. Но нам было тепло и хорошо вдвоём! Жизнь налаживалась!

CXLXII.

Зимнюю сессию и Государственные экзамены мы сдавали в режиме «Non-stop». Единственное отличие между ними было в том, что, кто не сдавал экзамен на сессии, тот не допускался к «Госам». Но таких среди нас не было! Перспектива – сдать хорошо все экзамены, а потом и Госэкзамены, получить диплом с отличием и увидеть свою фамилию на памятной доске в вестибюле учебного корпуса Училища – была шикарной! И не такой уж невыполнимой. Поэтому мы делали всё, что могли для её реализации. За время нашего пребывания в Училище нам привили вкус к учёбе, к получению профессиональных знаний. Сейчас, по прошествии многих лет, мы можем сказать: «Нас учили всему тому, что нам действительно было нужно!» Все знания, полученные в Училище, пригодились нам в дальнейшей работе. Исключением (лично для меня) стали знания по военно-морской подготовке. Без них мы, конечно, не получили бы звания младших лейтенантов запаса ВМФ. Но работать с военной

аппаратурой мне в жизни так и не довелось. И, Слава Богу! Пару раз мне пришлось побывать на военных сборах: один раз в Гремихе, на побережье Северного Ледовитого океана, а второй раз на Ладожском озере, на военно-морской базе у острова Коневец. Образование по воинской специальности, полученное в Училище на Военно-Морском Цикле, позволило мне стать заместителем начальника штаба радиотехнического батальона и дослужиться до старшего лейтенанта запаса ВМФ. Но все эти сборы носили скорее организационный характер. К аппаратуре нас не допускали. Поэтому мои знания по воинской специальности оказались невостребованными. О чём я не особенно и сожалею.

Государственные экзамены я сдавал хорошо, на пятёрки. Пока не дошла очередь до сдачи Госэкзамена по военно-морской подготовке. Надо сказать, что все предметы мы изучали добросовестно и готовились к экзаменам тоже. Но, как вы уже знаете, «курсант – как электрический ток, всегда идёт по пути наименьшего сопротивления!» Как оказалось, на нашем Военно-Морском Цикле был офицер-преподаватель, который оказался однокашником по военно-морскому училищу отца одного из курсантов нашей группы. Само собой напрашивалась возможность облегчить нашу участь на экзамене по военно-морской подготовке (ВМП). От нас был заслан «парламентёр», в лице вышеуказанного курсанта, и переговоры прошли успешно. Была достигнута договорённость, что нам будет известна схема раскладки билетов на экзамене. Поэтому каждый из нас выбрал себе билет и выучил его наизусть. Остальной материал мы тоже знали, но надеялись, что «шара прокатит».

В день экзамена, с соблюдением всех мер секретности и конспирации наша группа сдавала Госэкзамен по ВМП. Первоначальный план работал успешно! Ребята заходили в аудиторию, докладывали комиссии о прибытии и выбирали один из разложенных на столе экзаменационных билетов. Билет содержал несколько вопросов по разным темам. Потом курсанты садились за столы и готовились к ответу. Я заходил в аудиторию в составе второй половины нашей группы. За два человека до меня в аудиторию вошёл подполковник Краснов, который был не просто членом экзаменационной комиссии, а исполнял роль экзаменующего преподавателя, которому курсант отвечал вопрос по его предмету (радиоприёмные устройства). Поскольку схемы и наглядные пособия, используемые курсантами при ответе, находились в нескольких аудиториях Военно-Морского Цикла, то отвечающий курсант ходил вместе с преподавателем в нужную для ответа аудиторию. Преподаватель принимал ответ курсанта и оценивал его. Оценка проставлялась в экзаменационную

ведомость председателем комиссии. Так вот Краснов, видимо, желая тоже принять личное участие в работе комиссии, подошёл к столу с экзаменационными билетами, и, непринуждённо разговаривая с другими офицерами, стал перекладывать разложенные на столе билеты в произвольном порядке! Вся наша схема накрылась большим медным тазом! Когда очередной курсант зашёл в аудиторию, то ему пришлось брать не свой билет. И понеслось! Каждый из курсантов, кто выходил после сдачи экзамена, говорил нам номер билета, по которому отвечал. Когда я заходил в аудиторию, то уже знал, что мой билет вытащили до меня! Поэтому мне приходилось «идти на мины!» «Погибаю, но не сдаюсь!» – решил я и вытянул билет. Вопросы билета меня не испугали. Все они изучались нами во время подготовки к экзамену. Но надежда «сдать на шару» понизила градус ответственности, и теперь мне пришлось включить все резервные системы памяти, чтобы отвечать на вопросы в «боевой обстановке». В результате мне удалось ответить на все вопросы билета, с общей оценкой экзамена: «хорошо»! Но для «красного диплома» (диплома с отличием) это было **плохо**! Таким образом, на Государственных экзаменах по четырём экзаменационным дисциплинам я получил три оценки «отлично» и одну «хорошо». Диплом с отличием капризная Фортуна пронесла мимо меня.

Но, как гласит старинная курсантская поговорка: «Лучше иметь красную рожу и синий диплом, чем наоборот!» Главная цель была достигнута: **Мы сдали Госы !!!**

Ура! Ура! Ура-а-а-а!

CXLXIII.

Среди экзаменационной суеты нам приходилось заниматься и текущими делами.

Во-первых: надо было определиться, где мы будем праздновать наш выпускной. Выбор ресторана имел большое значение! На наши курсантские деньги нужно было выбрать достойное место с достойным меню. Душе хотелось праздника, а финансы были ограничены. В результате тщательных поисков был выбран ресторан «Невский», который в то время находился рядом со станцией метро «Маяковская», на углу Невского проспекта и улицы Марата. Сейчас в этом помещении находится торговый центр, а тогда этот ресторан подошёл нам по всем статьям! Главное, что там было не так дорого и удобно, так как от ресторана до Московского вокзала было рукой подать! Наш праздник выпадал как раз на день вручения нам дипломов об окончании ЛМУ. Это было двадцать пятого декабря 1981 года. С

этой проблемой мы справились успешно и забронировали на эту дату банкетный зал на всю нашу группу.

Во-вторых: надо было купить билеты на поезд, чтобы после ресторана уехать домой, так как из Училища в этот день нас выписывали и снимали с довольствия. Мы переставали быть курсантами и становились молодыми специалистами. Нам полагался месячный отпуск, после чего мы должны были проследовать к местам нашей будущей работы. Поскольку ехать в направлении Москвы на поезде предстояло мне, Сергею Зайцеву и Ильдару Кутушеву, мы решили взять билеты на один поезд, на соседние места в одном вагоне, чтобы ехать вместе. Нам это удалось сделать, и вопрос был закрыт.

В-третьих: каждому надо было решить свои личные проблемы. Для меня этой проблемой стала фраза моей мамы, сказанная мне по телефону: «А в чём ты будешь одет после окончания училища? У тебя из вещей только школьная форма дома висит. Может быть тебе стоит пошить новый костюм?» Да, действительно! Три с половиной года родная Система нас одевала, обувала, кормила, давала жильё, образование и стипендию! Мы жили на всём готовом! А теперь «халява» заканчивалась, и нам приходилось задумываться о решении всех насущных вопросов самостоятельно. Костюм мне был просто необходим, так как впереди была не только работа, но и грядущая свадьба! Материал для костюма я выбирал долго и тщательно. Когда выбор был сделан и два с половиной метра ткани были мною куплены, я отвёз их на хранение к тётушке, чтобы во время отпуска в Калинине пошить себе в ателье новый костюм.

Те несколько дней, которые оставались после сдачи последнего экзамена до вручения нам дипломов, прошли в суете и эйфории от свалившегося с наших плеч груза учёбы! Теперь мы отдавали долги библиотеке, кастелянше, различным административным службам нашего Училища, где мы что-то брали за всё время нашей учёбы. Каждому из нас в бухгалтерии на руки выдавался обходной лист, так называемый «бегунок». И мы должны были собрать все необходимые подписи перед тем, как нам выдадут дипломы.

Хочу напомнить читателю, что нам, как радиоспециалистам, выдавались два диплома. Один о получении среднего специального образования по специальности радиотехника общеустановленной формы, и второй диплом международного образца радиооператора второго класса с талоном подтверждения квалификации. В этом талоне были специальные графы для отметок о нарушении международных правил эксплуатации

радиосвязи. В случае нарушения в соответствующей графе пробивалась дырка, совсем как в талоне к водительскому удостоверению.

Помещение роты напоминало в те дни растревоженный пчелиный улей. Все носились с «бегунками» в руках по всему Училищу, отлавливая ответственных лиц и собирая необходимые подписи. В душе бурлили одновременно несколько чувств: радость, сожаление, надежда и нетерпение! Всё это напоминало броуновское движение частиц в упорядоченном хаосе бесконечно расширяющейся Вселенной! Наш командир несколько отрешённо бродил по помещениям роты, понимая, что и для него скоро закончиться привычная жизнь. В его задачу входило сохранить помещение роты в целости и сохранности, так как предыдущий выпуск радистов разнёс в кубриках рундуки, столы и тумбочки в щепки! А в заключение пятикурсники вскрыли кабинет заместителя начальника организационно-строевого отдела, на втором этаже экипажа № 2, навели там шмон, а на стене кабинета написали обидное, но очень точно характеризующее этого зама слово! Поэтому каждый начальник ОРСО и его заместитель по старой училищной традиции перед выпуском пятого курса брали отпуска или отгулы «от греха подальше» и в Училище не появлялись.

CXLXIV.

Накануне вручения нам дипломов мы сдавали наши «бегунки» в бухгалтерию. Бухгалтер Марина смотрела, все ли подписи присутствуют, делала отметку в ведомости и забирала у нас курсантские билеты, складывая их в общую кучу на столе. Мне было очень жалко отдавать свой курсантский билет. Поскольку с его помощью можно было ещё полгода ездить бесплатно в ленинградском метро и общественном транспорте, покупать железнодорожные билеты со скидкой для студентов, и, вообще, он был мне дорог, как память! Заболтав Марину и утвердительно кивнув ей в ответ на вопрос: «Курсантский положил?», я вышел из бухгалтерии с курсантским билетом в кармане. О чём не жалею до сих пор!

Дипломы нам вручали в актовом зале Училища, на втором этаже Учебного корпуса. Мы сидели в зале, понимая, что вот сейчас и окончится наше обучение в Ленинградском Мореходном Училище ММФ СССР! Мы перевернём эту страницу нашей жизни и начнём писать новые своим потом и кровью, используя навыки и умения, которые нам дало наше родное ЛМУ! А пока мы сидели в зале все вместе в последний раз и смотрели на сцену, где

стояли столы с разложенными на них новенькими, пахнущими типографской краской дипломами. За столами в парадной форме сидело руководство нашего Училища. Настроение у всех было приподнятое и торжественное. Училищный оркестр, расположившись в зале позади рядов кресел, был готов заиграть марш. Начальник военно-морской подготовки Босов Е.Е. подал команду: «Для вноса знамени Училища стоять смирно! Знамя Училища внести!» Все встали. Оркестр грянул торжественный марш, и в актовый зал строевым шагом вошла знамённая группа из четверокурсников со знаменем Училища, возглавляемая офицером военно-морского цикла в парадной форме с кортиком. Мы смотрели на Красное Знамя с портретом Ленина и надписью Ленинградское Мореходное Училище Морского Флота СССР, которое проплывало мимо нас и занимало своё место на сцене. Прозвучала команда: «Вольно!» Все сели на свои места.

На трибуну вышел Начальник Училища Виктор Семёнович Ковальчук.

Он поздравил нас с успешным завершением учёбы и пожелал успехов в дальнейшей работе, крепкого здоровья и большого человеческого счастья! Потом были речи его замов, начальника отделения и начальника ВМП. Из 178-ми поступивших на РТО курсантов в итоге окончили обучение – 134! Все нас поздравляли с окончанием и желали успехов!

А потом состоялось вручение дипломов. Виктор Семёнович лично жал руку каждому курсанту и вручал два диплома. Сначала вручались дипломы с отличием. В нашей группе отличников было двое! Ребята получали дипломы с красными обложками, и было видно, что они счастливы! Мы от души радовались за них и поздравляли своих товарищей. Потом получили дипломы и все остальные. Когда вручение состоялось, была подана команда: «Для выноса Знамени Училища стоять смирно!» Оркестр грянул «Славянку», и мы, провожая взглядами, красный бархат Знамени, поняли, что вот и всё!

Всё закончилось!

CXLXV.

Забрав из помещения роты свои личные вещи, среди которых были наши «дембельские» альбомы, полученные нами накануне из фотоателье, мы распрощались с нашим отцом-командиром. На наших фланках красовались знаки Училища, заменившие нам официальные значки о среднем специальном образовании. Договорившись встретиться вечером в ресторане, мы уходили с пятого этажа экипажа № 2, спускаясь вниз по лестнице и оставляя позади годы, проведённые в этих стенах. Наши шаги эхом отдавались в опустевшем вестибюле, а взгляд скользил по таким знакомым и так надоевшим нам интерьерам. Мы уходили в другую, самостоятельную жизнь, к которой теперь были подготовлены гораздо больше, чем до того, как поступили в Систему. Ну, что же: «Попутного ветра, мореманы, и семь футов под килем!» В последний раз за нами хлопнула дверь учебного корпуса, и мы вышли в Большую Жизнь!

Я приехал к Иринке на работу и показал ей свои дипломы. Мы оба радовались окончанию моей учёбы и были счастливы! Было немного грустно от того, что нам предстоит встретить Новый год в разлуке. Но мы договорились, что когда Ира заработает отгулы, то приедет после праздника ко мне в гости в Калинин, чтобы я познакомил её со своими родителями. Мы крепко обнялись и распрощались до нашей скорой встречи.

Потом я отправился к тётушке, чтобы забрать материал на костюм и поблагодарить её за гостеприимство и заботу. В её семье все были рады за меня и пожелали мне счастливого пути и удачи! Все свои вещи я сложил в сумку и отвёз их в камеру хранения Московского вокзала. Оплатив хранение и получив жетон, я к назначенному времени прибыл в ресторан, где уже начали собираться наши ребята.

Мы сидели по обе стороны накрытых столов, сдвинутых вместе в один длинный ряд, и отмечали наш Праздник! Всё, что все эти три с половиной года соединяло нас в один коллектив, сегодня должно было завершиться. Сегодня мы могли сказать друг другу всё, что не успели сказать за это время. Мы поднимали тосты за окончание учёбы, за дружбу, вспоминали самые запоминающиеся и смешные случаи из нашей курсантской жизни. Прощали обиды и просили друг у друга прощения, если кто-то кого-то обидел за это время. Накануне мы записали каждому из нас в альбом свои домашние адреса и телефоны для связи и договорились, что если кто-нибудь из нас окажется 25 декабря в Ленинграде, то будем встречаться в 12 часов дня на Дворцовой площади у Александровской колонны. Мы пили, закусывали, пьянели, смеялись, танцевали, обнимали друг друга и не хотели верить, что со многими из нас мы уже никогда не увидимся. Мы оттягивали как могли момент нашего расставания, но он всё-таки наступил. Ребята расходились от дверей ресторана, прощаясь со всеми и растворяясь в темноте Великого Города, сделавшего нас всех родными.

На Московский вокзал мы отправились небольшой группой. Нам троим предстояло ехать на поезде, который уходил через час. Кому-то из ребят надо было добираться до дома на электричках. Кто-то нас провожал, собираясь потом ехать домой на метро. Постепенно нас становилось всё меньше и меньше. Андрей Тихомиров, самый добродушный и спокойный из нас, должен был ехать домой в Кириши на электричке. Но, видимо, немного перебрал лишнего, сам это понимал и лишь виновато хлопал глазами, слабо ориентируясь в окружающей его обстановке. Было ясно, что отправлять его одного в таком виде на электричке нельзя. Так можно было не только здоровье и документы потерять, но и жизни лишиться! Поэтому мы не пустили Тихого (так мы звали Андрея Тихомирова в группе) на электричку, а наш товарищ, проживающий недалеко от Старо-Невского проспекта, взял Андрея Тихомирова под свою опеку и увёл его к себе домой переночевать. Алик Морозов, почти трезвый, уехал на электричке

в Тосно. Да и наша троица на свежем воздухе взбодрилась, и, когда объявили посадку на наш поезд, мы отправились в вагон.

CXLXVI.

Мы сидели на своих местах в плацкартном вагоне скорого поезда Ленинград-Москва и говорили о том, что правильно сделали, что не пустили Андрея Тихомирова одного на электричку. На душе у нас было спокойно за судьбу товарища. Народ заполнял места в вагоне, и мы готовились к отправлению. Шинели висели в углах нашего купе, вещи были расставлены под нижними полками. Поезд всё стоял у перрона. Поглядывая на часы, мы поняли, что уже должны были ехать. Вот прошло пять минут, десять. И тут я с ужасом вспомнил, что не взял из камеры хранения свою сумку с дипломами и материалом для костюма!!! Меня прошиб холодный пот! Лопух! Так облажаться в самый последний момент! Это был крах всех намеченных планов. Что делать?!

Мы всё ещё стояли на месте. Я спросил у проходящего по вагону проводника: «Когда поедем?» Он ответил, что может быть минут через десять-пятнадцать. Это был мой шанс!

Я, сказав ребятам, что забыл забрать вещи из камеры хранения, и, если что, то пусть они действуют по обстановке, рванул из вагона бегом, как был, без шапки и шинели! В карманах у меня был только билет на поезд и жетон из камеры хранения. Так я не бегал никогда в жизни! Хорошо, что наш вагон был не в голове, а в хвосте поезда, это сокращало мой путь! В подвал здания вокзала, где находились камеры хранения, я ворвался, как ураган. Задыхаясь от бега, я не мог сказать приёмщику ни слова, а лишь протянул ему жетон. Приёмщик всё понял без слов и мгновенно вынес мне мою сумку. Как я бежал обратно, я уже не помню. Помню только, что, как только я вбежал в вагон и добрался до нашего купе, поезд тронулся. Мне опять очень и очень повезло! Или это Господь сжалился над бедным, мгновенно протрезвевшим курсантом-пятикурсником? Представить себя, отставшего от поезда, раздетого, без денег, стоящего на пустом заснеженном перроне, я тогда не мог. Мысль об этом пришла ко мне уже значительно позднее, когда давно всё уже было хорошо. Я отогнал это видение, как кошмарный сон, и больше о нём не вспоминал. Видно Судьба тогда сделала мне свой подарок на выпускной Праздник! И я был ей за это очень благодарен!

CXLXVII.

Вот и подходит к концу мой рассказ о нашей «Юности в тельняшке». Каждый из выпускников нашего Училища мог бы рассказать вам свою историю о годах обучения, проведённых в его стенах. Все эти истории будут уникальны и в то же время похожи друг на друга. Такое чувство возникает обычно, когда смотришь на фотографии других выпусков, окончивших наше Училище: знаешь, что на снимке нет никого, с кем бы ты вместе учился, а глаза всё равно подсознательно ищут знакомые лица. Потому что то, что мы прошли за годы обучения, повторялось с каждым из нас, изо дня в день, из года в год. Мы все стали частью этой Системы. Это можно назвать Товариществом, Братством. Как хотите, так и назовите! Просто в каждом из выпускников живёт дух Системы, который был нам привит, закалён и пронесён нами через всю нашу дальнейшую жизнь! Поэтому, общаясь с выпускниками разных лет, окончивших наше Училище, мы чувствуем свою общую принадлежность к тем устоям и традициям, которые делают из нас моряков, вне зависимости от того, что с нами происходило и происходит в настоящее время!

Что касается наших дальнейших судеб, то почти все они начинались одинаково. Мы стали работать молодыми специалистами на судах различных пароходств Советского Союза. Через некоторое время после начала нашей работы в местных военкоматах нам выдали военные билеты офицеров запаса. Не раз мы встречались с однокурсниками в иностранных и советских портах. Повидали много стран и чудес. Обустраивали свою жизнь. Всё, что происходило со мной, уложилось в несколько строк песни, которую я сочинил к годовщине нашей с женой Серебряной свадьбы.

Моя серебряная свадьба

В. Осипов

Мы зимою с тобой повстречались,
Я на танец тебя пригласил,
И, когда наши взгляды встречались,
Оторваться уж не было сил.
Мы по городу долго гуляли,
Назначали свидания дни.
Петропавловки камни вздыхали,
Повторяя признанья в любви!

Не в церковном венчались приходе,

Но весёлою свадьба была!
А потом на большом пароходе
Ты со мною до Риги плыла.
И, пускай, часто мы разлучались,
От меня ты была далека,
Но мечты наши осуществлялись –
Ты женою была моряка!

Мы друг другу во всём доверяли
И старались друг другу помочь.
Пусть мы рано отцов потеряли,
Но растили любимую дочь!
В тесноте коммуналки мы жили,
И терялась надежда вдали.
Но мы пели, смеялись, любили,
И в счастливые верили дни!

Нам давали на водку талоны,
На рубли добавляли нули,
Одевал и снимал я погоны,
И менялось всё, кроме Любви!
Двадцать пять лет как миг пролетели!
И двадцатый закончился век.
Как я счастлив, быть вместе с тобою,
Мой Любимый, Родной Человек!

23.04.2007 г.

CXLXVIII.

Увидеться вместе нам представилась возможность через тридцать лет после нашего поступления в ЛМУ. На встрече собралось около тридцати выпускников нашей роты. Пришёл также наш преподаватель Анатолий Алексеевич Орехов. Было радостно обнять своих однокашников, увидеть, какими мы стали за это время!

Мы вспоминали свою курсантскую жизнь, друзей и преподавателей, случаи, произошедшие с нами во время учёбы. Рассказывали, как у кого сложилась судьба за эти прошедшие тридцать лет, поминали ушедших из жизни ребят. Многие из нас закончили работу на море. Некоторые переквалифицировались, когда работа радиста на судне стала больше не нужна. Ребята окончили заочно (а некоторые и очно!) судоводительское отделение в нашем Училище или Макаровке и стали капитанами и помощниками капитана, лоцманами. Для меня работа на море окончилась через три с половиной года. Я уволился из Мурманского морского пароходства по семейным обстоятельствам и вернулся в Ленинград. С тех пор так и проживаю здесь вместе с семьёй. Приобрёл десять специальностей. Окончил вечерний факультет автоматики Ленинградского Электротехнического Института им. В.И. Ульянова-Ленина. Получил диплом инженера-электрика. Работал на киностудии «Ленфильм». Потом даже стал капитаном! Капитаном таможенной службы и старшим инспектором в Пулковской таможне, где два года подряд становился лучшим по профессии в конкурсах профессионального мастерства. Стал лауреатом песенного Фестиваля «Белое солнце» им. Павла Луспекаева. Выпустил альбом своих песен «Пулковский вальс» на компакт-диске. Да много чего ещё было в моей жизни хорошего и не очень! Но я не жалею ни о чём, что со мной произошло. И

горжусь тем, что являюсь выпускником 1981 года Радиотехнического Отделения Ленинградского Мореходного Училища ММФ СССР!

Специально ко дню нашей встречи я написал песню, посвящённую нашему выпуску.

Эта песня была исполнена мною под гитару, а текст подарен всем, кто присутствовал на нашей встрече. Анатолий Алексеевич Орехов впоследствии даже зачитывал её на встречах выпускников ЛМУ других лет. Я очень благодарен ему! Спасибо, дорогой Анатолий Алексеевич! От всех выпускников ЛМУ ММФ низкий Вам поклон за всё!

Курсантам 21 роты ЛМУ ММФ
В. Осипов

Прошлый век. Конец семидесятых.
Обострилась дружба братских стран.
И для нас, пока что не женатых,
Впереди светил Афганистан.
Всем, кому в то время оказалось
Поступить в «Макаровку» слабо,
Лишь последним шансом оставалось
В ЛМУ идти на РТО.

Абитуры удалое братство,
Испытав экзаменов мандраж,
Прекратив разгул и тунеядство,
Начинало свой курсантский стаж!
Под «канадку» стриженых мальчишек,

Покорять мечтающих моря,
Начитавшихся геройских книжек,
Принимала флотская семья!

Сразу стали общими заботы,
Нас учили Родину любить!
И курсанты 21 роты
Этих дней не смогут позабыть.
Не забудет улица Седова
И Большой Смоленский наш проспект,
Как бегут с зарядки с торсом голым
150, примерно, человек.

Нам обед варили кашевары,
Через час опять хотелось жрать!
Мы усвоили понятье «Шары»
И его старались применять.
«Ну-ка, разойдись! Торпеду брошу!» –
Ларионов, ротный наш, кричал.
Отбирал неуставные «клёши»,
За бутылку нам их возвращал.

Мы чертили схемы на клеёнках,
Заступали в суточный наряд.
Бегали по бабам в самоволках
И ходили драться в Бабкин сад.
Гальюны, разводы по работам,
Ликвидация вокзальных банд!
Писк морзянки, танцы по субботам,
Золотых курсовок новый ряд!

«Просекая» службу понемногу,
Время мы потратили не зря.
Открывали знания дорогу
Нам в чужие страны и моря!
Стажировка на Балтийском флоте
На погон дала нам по звезде,
А плав. практика в загран. работе
Побывать позволила везде!

От «униженных и оскорбленных»,
Испытавших «горе от ума»,
Флотом и колхозом закалённых,
Нас Судьба до выпуска вела.

По стране огромной раскидала
И в ответ на детские мечты
Нам всю жизнь охотно раздавала
Шрамы, седину и животы!

Миновало времени немало
С нашей первой встречи – 30 лет!
Нам за эти годы выпадало
Много поражений и побед.
Мы за тех, кто в море, как бывало,
И за тех, кого уж с нами нет
Выпьем! Чтоб ничто не помешало
Нашей дружбе длится много лет!

Уважаемые читатели! Когда я писал эту повесть о нашей юности, я заново проживал то лучшее время своей жизни, вспоминать о котором после стольких прожитых лет доставляет особое удовольствие. Чтобы «продлить очарование», позволю себе кратко изложить свою дальнейшую морскую судьбу в Приложении к этой повести. Это будет не рассказ, а песня! Причём в прямом смысле этого слова! То, что я хочу представить вашему вниманию, это мои песни, которые я не раз исполнял под аккомпанемент гитары. Но здесь они будут представлены в форме стихов. Мне очень жаль заканчивать наше путешествие «по волнам моей памяти», но, как говорится, Земля круглая, и, куда бы мы ни направлялись, мы обязательно ещё встретимся! Спасибо вам за то, что были вместе со мной! Желаю всем счастливого плавания и семь футов под килем!

Вадим Осипов

Санкт-Петербург, 30.03.2018

73! gb sk .. *

** Элементы радиообмена:*
73!*(наилучшие пожелания!),****gb*** *(до свидания!)* ***sk*** *(окончание радиообмена), .. (Пока!)*

Приложение.

«Адмирал Ушаков»
В. Осипов

В бурном времени далёких тех веков
Жил отважный флотоводец Ушаков.
Славно турок и французов в море бил,
Флот Российский в порт с победой приводил!

Пусть рассеялся давно сражений дым,
Но мы помним адмирала молодым!
В честь побед, что он на море одержал,
Создан «Орден Ушакова» и медаль.

Для работы на арктических морях,
В Варнемюнде на немецких стапелях,
Славным именем был назван теплоход –
Адмирал опять отправился в поход!

Побрататься с «Ушаковым» каждый рад.
Где-то плавает военный наш собрат.
А по Волге, под напев речных гудков,
Тоже ходит флотоводец «Ушаков».

Фёдор Фёдорыч на Юге воевал.
«Ушаков» же наш – где только не бывал!
В караване с ледоколом лёд крошил
И на Кубе, и в Дудинке погостил!

Сколько нам ещё увидеть предстоит?
Сколько нам ещё валюты набежит?
Здесь ребята подобрались – хоть куда!
С ними бури нам и штормы – ерунда!

Хорошо среди друзей живётся мне.
Но так тянет в море к дому и семье!
А радист всё не несёт радиограмм …
Дорогие, вы пишите чаще нам!

Завтра снова покидать нам порт родной.
На прощанье оставляем адрес свой.

Мы уходим далеко от берегов …
Мурманск, 198, «Ушаков».

Борт т/х «Адмирал Ушаков» ММП 03.07.1982 г.

« А Р К Т И Ч Е С К А Я »
(песня молодого специалиста) В. Осипов

Все мальчишки в душе – капитаны.
И решил я, когда подрасту,
Посмотреть на заморские страны,
Где кокосы и пальмы растут.
Время шло. Я морские науки
В мореходке прилежно зубрил
И мечтал о кокосовом Юге,
Но на Север направлен я был.

Виза есть, мне б теперь за границу,
Но инспектор, на выдумки зол,
Говорит, мол, пойдёшь на “Драницын”.
Есть полярный такой ледокол.
И добавил, что плакать не надо.
Ничего, что начну среди льдин.
Там такие комфорт и порядок,
Что три года пройдут как один!

Так злодейка-судьба однобоко
Моей жизни решила вопрос,
И на пальме своей одиноко
Без меня засыхает кокос.
Я попал в полосу невезенья.
“Поздно плакать, мой поезд ушёл!” –
Думал я, руки жгло направленье,
На Восток уходил ледокол.

А когда два портовых буксира
Дали вслед три прощальных гудка,
Как холодная белая льдина,
Навалилась на сердце тоска.
Здесь комфорт и хватает порядка.
Это правда, но холодно тут!
Жаль, с кокосами вышла накладка
И бананы на льду не растут!

Под подушку кладу твоё фото
И опять засыпаю один.
Я хотел, чтобы ты мне приснилась,
А приснился на льдине пингвин!
Зеленеет морковка на грядке,
Петухи на рассвете поют …
Я б к тебе убежал без оглядки,
Да проклятые льды не дают!

Ещё помню по школе, ребята,
Что в забытые эти края
Декабристов ссылали когда-то,
А теперь упекли и меня!
Жизнь со мной пошутила сурово,
Оттого я так мрачен и зол!
И плюю я с кормы ледокола
В этот синий холодный рассол!

Борт л/к «Капитан Драницын» ММП 1983 г.

«Ледокольная»
В. Осипов

Между небом и водою лёд сплошною пеленою.
Заполярье, ты такое десять месяцев в году.
Крепки зимние оковы, но проводят ледоколы
Караваны в край суровый, пробивая путь во льду.

Лёд навис над миром тёмным, миром рыбьим и бездонным.
Заменил он небо рыбам, льдины – словно облака.
Будто белые утёсы в небо вздыбились торосы,
Под полярным солнцем греет айсберг рыхлые бока.

А внизу, во тьме холодной, копошится мир подводный.
Здесь у рыб свои законы, (даже рыбы чтут закон!)
В их безрадостном сознанье лёд – основа мирозданья,
Лёд над ними словно небо, значит, небом будет он!

Не понять тем глупым рыбам, не сравниться с небом льдинам,
Не заменит солнца айсберг, что плывёт по воле волн.
На бескрайнем небе этом оставляет путь просветом
От заката до рассвета работяга ледокол.

Здесь работа не из лёгких, здесь работа не для робких.
Не для тех, кто треплет глотки, их не любит этот край.
С гулом льды о корпус бьются, за окном метели вьются,
Здесь характеры куются, здесь проходит “Arctic Line”.

Мы ломаем лёд над миром, мы покажем небо рыбам!
Мы ломаем лёд над миром, где купается треска.
Ледокольная проводка, каравана обработка,
Не согреет сердце водка, ледокольная тоска!

За романтику расплата: дома детям нужен папа.
Не заменит им зарплата чувства нежные к родным.
В «Ледокол» они играют и разлуку забывают,
Но вначале называют папу – дядею чужим.

Нам в лицо бросают черти снежных хлопьев круговерти!
Льдом сжимают мощный корпус, стелют под ноги пургу.
Тянет нас домой, на Волгу, если писем нет подолгу.
По супружескому долгу перед жёнами в долгу.

И, порой, бывает туго, если вдруг завоет вьюга.
Снова дни разлуки нашей так тоскливы и долги.
И пускай трещат морозы, будут встречи, будут розы!
Мы пробьёмся, мы вернёмся, мы вернём свои долги!

Борт л/к «Капитан Драницын» ММП 1983 г.

«Морская байка»

В. Осипов

Раз в Атлантике на судно
Налетел ужасный шквал.
В щепки все разбил он шлюпки,
С палуб все плоты сорвал!
Залило водой машину,
И заклинило штурвал,
И в солёную пучину
Уходить корабль стал!

Капитан взмолился: “Боже!
Каюсь, грешен! Признаю!
И теперь, в свой час последний,
Об одном тебя молю:

Разреши мне перед смертью
Столько брёвен попросить,
Сколько раз моя супруга
Мне успела изменить!”

В тот же миг могучий вал
Мачту пополам сломал!
Но пригнала та волна
Три огромные бревна!
Капитан из этих брёвен
Плот связал и был таков!
И доплыл благополучно
До Канарских островов.

Все от Чифа* до матроса
Тут же вникли в суть вопроса.
Стали вспоминать молитвы
И у Господа просить
Столько брёвен, сколько жёны
Им успели изменить!

Сразу дело закипело:
Тёс пошёл, горбыль, фанера …
Пароход похожим стал
На большой лесоповал!
Быстро все плоты связали
И на тех плотах спаслись.
Но забыли мотористов,
Что в каюте заперлись.

Накануне мотористы
Где-то спирта две канистры
Медицинского нашли
И ещё не отошли!
С бодуна, заметив вскоре,
Что уже корабль в море
По надстройку погружён,
Они вспомнили про жён!

Мучаясь похмельной жаждой
И прося, по грудь в волне,
Столько брёвен, сколько каждый
Изменил своей жене,
Начали молиться с жаром!

И над морем за версту
Так разило перегаром –
Чайки дохли налету!

Над седой равниной моря
Ветер тучи разгонял …
Бог, сердито хмуря брови,
Над проблемой размышлял …

Вдруг шторм стих! А мотористы,
Разыскав свои канистры,
Стали их вверх дном держать –
Спирт по каплям собирать!
– Легче бурю успокоить, –
Так решили Небеса, -
Чем срубить под самый корень
На планете все леса!

(Чиф(chief officer) – старший помощник капитана)*

Ленинград 1986 г.

«Возвращение»
В. Осипов

Вихрем дни романтики умчались.
Кончился отмеренный мне срок
Долгих месяцев, когда качаясь,
Палуба уходит из-под ног.

За чертой оставив волнолома,
Грохот волн и ветра дикий вой,
Я спешу к крыльцу родного дома
По последней финишной прямой!

Позади разлуки и тревоги,
Будто бы и не было трёх лет.
Издали увижу на пороге
Твой такой знакомый силуэт.

Ты ко мне сбежишь, замрёшь в объятьях,
Расцелуешь, скажешь: «Проходи!»
Дома! Дома!!! Всё здесь так знакомо!
Сердце бьётся радостно в груди!

Истомилось сердце, исстрадалось.
Много дней к тебе пришлось мне плыть.
Много мне людей в пути встречалось,
Но тебя не мог я позабыть!

Ты как фея из волшебной сказки,
Как росой умытая заря!
И твоей мне не заменят ласки
Никакие дальние моря!

Обними меня, моя родная,
Положи мне голову на грудь.
До поры рассветной, дорогая,
Нам с тобою будет не уснуть!

И когда взойдёт рассвет, играя,
Заалеет даль родных сторон,
Замолчит сверчок, оберегая
Наш короткий и счастливый сон.

Затрещит поленьями печурка,
Разливая щедро жар и пыл,
И, проснувшись, скажет мне дочурка:
«Где ты, папа мой, так долго был?»

Мурманск, борт с/с «Капитан Афанасьев» 1984 г.

«Прощальная»

В. Осипов

Среди сопок крутых прячет солнце сиянье лучей.
Из полярного дня улетаю в край белых ночей.
До свиданья, друзья, пароходы, причалы, моря.
Возвращаюсь домой, чтоб на мёртвые встать якоря.

Обнимаю друзей, каждый руку на счастье мне жмёт.
Поднимаюсь по трапу, последним вхожу в самолёт.
До свиданья, друзья, пароходы, причалы, моря.
Возвращаюсь домой, чтоб на мёртвые встать якоря.

Где бы ни были мы, всё равно дом родной есть у всех.
Мы вернёмся туда, где нас ждёт женский взгляд, детский

смех.
Что ж, прощайте, друзья, пароходы, причалы, моря.
Возвращаюсь домой, чтоб на мёртвые встать якоря.

Ленинград 1986 г.

«Н а п у т с т в и е»
В. Осипов

Дорогие жених и невеста!
В этот светлый и радостный час
С регистрацией брака сердечно
От души поздравляем мы вас!

Пусть для вас светит весело солнце,
Пусть для вас звонко птицы поют!
Будет радостно пусть в вашем доме,
А печали и беды – уйдут!

Много счастья, любви вам желаем
И попутного ветра, друзья!
Ведь теперь вы уже капитаны
Корабля под названьем «Семья».

И счастливым пусть плаванье будет
И удачливым будет маршрут!
Пусть все рифы несчастий не меньше,
Чем семь футов под килем пройдут!

Пусть недолгими будут разлуки.
Не беда, что не видно земли.
Ожиданье окончится встречей,
Все вернуться домой корабли.

Пусть в Любви будут Мир и Согласье
Ну, а в доме – тепло и уют.
Пусть у детской кроватки спокойно
Ваши вахты ночные пройдут.

Будьте счастливы, будьте любимы!
Вам, желая всё это, друзья,
Говорим: «В добрый путь, капитаны
Корабля под названьем «Семья»!

Ленинград 1982

«День радио»

(песня старого радиста)

музыка и стихи **В. Осипова**

Я свой передатчик
Мысленно включу
И в эфире общий
Вызов отстучу.

И поёт морзянка
В памяти моей
И приветы шлёт мне
От моих друзей!

В день 7 Мая
Мы, без лишних слов,
Рюмку поднимаем
За тебя, Попов!

За тебя Маркони,
Морзе, за тебя!
Выпьют все радисты,
Все мои друзья.

Кто искал в эфире
Радиоволну,
А в Silent Period
Слушал тишину,

Мы одна большая
Флотская семья!
С праздником, радисты!
С праздником, друзья!

Я свой передатчик
Мысленно включу
И в эфире общий
Вызов отстучу.

И поёт морзянка

В памяти моей
И приветы шлёт мне
От моих друзей!

Санкт-Петербург 2014 г.

«Тост»

За открытие Попова
Мы бокал поднимем свой!
За патент, что взял Маркони,
Мы накатим по второй!

Ощущая радость сердцем
Выпьем мы за Белла с Герцем!
Ставим Морзе пива бочку
За его тире и точку!

Все, кто профессионально
Слушал радиоволну,
Всех с Днём радио, ребята!
Ну, за нас! За ЛМУ !!!

07.05.2009 Вадим Осипов.

«Жизнь – тельняшка»
В. Осипов
Посвящается Евгению Иванову

Жизнь – тельняшка, дорогой!
Мы об этом знаем!
И полоски мы с тобой

Все пересчитаем.
Будет радость, будет грусть,
Хоть мороз и вьюга,

Пусть под тельником всегда
Бьётся сердце друга!
И пускай летят года,

И проходят сроки,
В этой жизни никогда
Мы не одиноки!

А когда придёт тоска,
То под настроение
Ты мои перечитай, друг,

Стихотворения.
01.01.2013 Санкт-Петербург

«Море»

В. Осипов

Говорю я: «Здравствуй, Море!
Даришь людям ты давно
Кому – радость, кому – горе …
А мне – Счастье принесло!

Разбираться научило:
Кто мне враг, а кто мне друг.
Мою душу просолила
Соль твоих морских наук!»

Море учит не сдаваться!
Слово данное держать!
Стиснуть зубы и сражаться!
Выстоять и побеждать!

Знает, как без моря тяжко,
Каждый флотский человек,
И в душе моей тельняшка,
Отпечаталась навек!

«За друзей, за тех, кто в море!» -
Произносят третий тост.
Много радости и горя
Испытать нам довелось!

Участковый кардиолог,
Озадаченный слегка,
Слышит, как шумит прибоем
Море в сердце моряка!

01.07.2012 Санкт-Петербург